

ISSN 2072-2087

# ВЕСТНИК Брянского государственного университета

Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta

The Bryansk State University Herald

2

2009

ИСТОРИЯ / ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ  
ПРАВО / ФИЛОСОФИЯ / ЯЗЫКОЗНАНИЕ

HISTORY / SCIENCE OF LITERATURE /  
LAW / PHILOSOPHY  
LINGUISTICS

Вестник Брянского государственного университета. №2 (2009): История. Литературоведение. Право. Философия. Языкоznание. Брянск: РИО БГУ, 2009. 168 с.

*Редакционная коллегия*

*А.В. Антохов* – ректор БГУ, доктор филологических наук, профессор; председатель редакционной коллегии (отв. редактор);

*С.И. Михальченко* – доктор исторических наук, профессор БГУ (зам. отв. редактора);

*С.Я. Гехтляр* – доктор филологических наук, профессор БГУ;

*В.Д. Мехедов* – кандидат исторических наук, доцент БГУ;

*В.П. Ранчинский* – кандидат исторических наук, профессор БГУ;

*Г.Н. Россихина* – кандидат филологических наук, профессор БГУ;

*А.В. Шарапин* – доктор филологических наук, профессор БГУ.

В этом выпуске Вестника Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского представлены материалы по основным направлениям исследований научного университета в области истории, литературоведения, права, языкоznания.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов вузов.

Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

**Подписной индекс 47075**

## СОДЕРЖАНИЕ

### ИСТОРИЯ

<i>Бобков В.А.</i>	
ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н.Г.ВЫСОЧАНСКОГО НА БРЯНСКОЙ ЗЕМЛЕ .....	7
<i>Водорезов С.И.</i>	
СТАНОВЛЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА .....	13
<i>Журина Е.Н.</i>	
УИЛЬЯМ К. БУЛЛИТ: ВЕХИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ .....	18
<i>Карпов Д.А.</i>	
ОСНОВНЫЕ ПРОТИВНИКИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА XVI- СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА НА ЮГО-ЗАПАДНОМ НАПРАВЛЕНИИ .....	22
<i>Левчук А.П.</i>	
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИСТОКИ УЧАСТИЯ РОССИИ (РУСИ) В МЕЖДУНАРОД- НОЙ СИСТЕМЕ.....	33
<i>Ольховская О.В.</i>	
СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В 70-Е ГГ. XIX В. И ПАРТИЯ ЦЕНТР: ЗАЯВЛЕНИЕ ГРАФА ГАЛЕНА .....	41
<i>Синицына М.В.</i>	
ДАНИИЛ ОСИПОВИЧ СВЯТСКИЙ: ТРАГЕДИЯ УЧЕНОГО .....	44
<i>Слюнкин А.А.</i>	
ИСТОЧНИКИ И ИСТРИОГРАФИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ АНТИОХИЙСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И РОССИИ .....	52
<i>Прилуцкий В.В.</i>	
ОБРАЗОВАНИЕ ПАРТИИ ФРИСОЙЛЕРОВ И ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА .....	59
<i>Устинова Ю.Н.</i>	
НАЦИОНАЛ-ЛИБЕРАЛЫ И «СЕПТЕНАТ» 1874 Г ИСПЫТАНИЕ ДЛЯ ЕДИНСТВА ПАРТИИ.....	64
<i>Чепелина О.М.</i>	
МЕСТО ТУРЕЦКОЙ АРМЕНИИ В СФЕРЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ ВЕЛИКО- БРИТАНИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА.....	69
<i>Черняков Д.И.</i>	
РУССКИЙ ПАТРИОТИЗМ И ОБРАЗ «НОВОЙ РОССИИ» В НАЦИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ .....	73
<i>Чубур А.А.</i>	
FURRY-ART: ОТ ЦИФРОВОЙ ГРАФИКИ ДО СВОДОВ ПЕЩЕР. ПОПЫТКА ОСМЫСЛЕНИЯ .....	78
<i>Щербаков А.С.</i>	
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЧК В 1917 – 1922 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ) .....	85

## ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Бондаренко Е.Н.</i>	
ПРИРОДНОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ «НЕРЕАЛЬНО-РЕАЛЬНОЙ» ЖЕНЩИНЫ В РАССКАЗЕ А.А. КИМА «ШАМАХАНСКАЯ ЦАРИЦА» .....	91
<i>Вороничева О.В.</i>	
ХРОНОТОПИЧЕСКИЙ ФАКТОР КАК ОСНОВА ТИПОЛОГИЗАЦИИ ОБРАЗОВ ПРИЖИВАЛЬЩИКОВ .....	93
<i>Карасева К.М.</i>	
МЕТАФОРИЧЕСКИЕ СРАВНЕНИЯ ФЛОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В ТЕТРАЛОГИИ Ф.А. АБРАМОВА «ПРЯСЛИНЫ» КАК КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ, ОРГАНИЗУЮЩИЙ РОМАННУЮ СТРУКТУРУ .....	100
<i>Комовская Е.В.</i>	
ПОЭТИКА ЗАГЛАВИЯ КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА А.А. ЗИНОВЬЕВА .....	105

**ПРАВО***Мазур Т.В.*НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА  
В ГЕРМАНИИ И В РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ..... 110*Родина Т.Ю.*

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПРИРОДА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ..... 113

*Крамарев С.Л.*

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРИЗНАКОВ БАНДИТИЗМА ПО УК РФ..... 119

**ФИЛОСОФИЯ***Грибова М.М.*О СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЯХ РАЗВИТИЯ НАУКИ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТ  
К.ПОППЕРА, Т.КУНА, И.ЛАКАТОСА)..... 123*Садовая Л.В.*МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ  
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ ..... 126**ЯЗЫКОЗНАНИЕ***Городный Л.И.*ЛЕКСИКОГРАФИЯ И ЕЕ РОЛЬ В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА  
ВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ ПО ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ..... 130*Макаров В.И.*К ИСТОРИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ  
ЭТНОГРАФИИ И ДИАЛЕКТОЛОГИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ..... 139*Петров Б.М.*ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ МЕСТНОЙ ПЕЧАТИ БРЯНСКОГО КРАЯ  
СТАТЬЯ ВТОРАЯ (1922 – 1929) ..... 144*Пряхина А.А.*О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФИТОНИМА  
ДЕРЕВО В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ  
В. БРЮСОВА, М. ВОЛОШИНА, В. ИВАНОВА, М. КУЗМИНА) ..... 156*Рубан А.П.*АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ БРИТАНИИ КОНЦА ХХ ВЕКА  
В КНИГЕ ДЖУЛИАНА БАРНСА «ПИСЬМА ИЗ ЛОНДОНА»..... 170

**CONTENT  
HISTORY**

<i>Бобков В.А.</i>	LIFE AND ACTIVITY N.G. VUSOCHANSKOGO ON THE BRYANSK EART.....	7
<i>Водорезов С.И.</i>	FORMATION OF RELATIONS OF RUSSIA AND THE EUROPEAN UNION .....	13
<i>Zhyrina E.N.</i>	WILLIAM C.BULLITT: PHASES OF DIPLOMATIC SERVICE .....	18
<i>Karpov D.A.</i>	THE MAIN ENEMIES OF RUSSIAN STATE OF XVI TO MIDDLE OF XVII CENTURIES ON THE SOUH-WEST DIRECTION.....	22
<i>Levchuk A.P.</i>	GEOPOLITICAL AND SOCIAL ORIGINS OF RUSSIA (RUS) PARTICIPATION IN THE INTERNATIONAL SYSTEM.....	33
<i>Olhovskaya O.V.</i>	SOCIAL POLITICS IN THE 70-S OF THE 19-TH CENTURY AND THE PARTY «THE CENTE». COUNT GALENS PRONOUNCING.....	41
<i>Синицина М.Б.</i>	DANIEL OSIPOVICH THE SVJATSKY: TRAGEDY OF THE SCIENTIST .....	44
<i>Слюнкин А.А..</i>	SOURCES AND HISTORY MUTUAL RELATIONS OF THE ANTIOCH ORTHODOX CHURCH AND RUSSIA .....	52
<i>Prilutskiy V.V.</i>	THE FREE SOIL PARTY: FORMATION AND POLITICAL PLATFORM.....	59
<i>Ustinova Y. N.</i>	NATIONAL-LIBERALS AND THE “SEPTENNATE” IN 1874: A TRIAL FOR THE UNITY OF THE PARTY .....	64
<i>Chelepina O.M.</i>	PLACE OF TURKISH ARMENIA IN SPHERE OF TRADE AND ECONOMIC INTERESTS OF GREAT BRITAIN IN THE NEAR EAST IN FIRST THIRD OF XIX-TH CENTURY .....	69
<i>Chernyakov D. I.</i>	RUSSIAN PATRIOTISM AND IMAGE OF "NEW RUSSIA" IN NAZI PROPAGATION .....	73
<i>Chubur A. A.</i>	FURRY-ART: FROM THE DIGITAL GRAPHICS TO THE VAULTS OF THE CAVES. ATTEMPT TO COMPREHEND .....	78
<i>Sherbakov A.S.</i>	SOME ASPECTS OF FORMETION AND ACTIVITY OF LOCAL LODIES OF ALL RUSSIAN LOCAL EXRAORDINARY COMMISSIONS IN 1917—1922 (ON THE DATA OF ORYOL PROVINCE).....	85

**SCIENCE OF LITERATURE**

<i>Bondarenko E.N.</i>	THE NATURAL PURPOSE “UNREAL-REAL” WOMAN IN THE STORY OF A.A. KIM “SHAMAHAN QUEEN.....	91
<i>Voronicheva O.V.</i>	CHRONOTOPICAL FACTOR AS THE BASIS OF THE CLASSIFICATION OF CHARACTERS OF DEPENDANTS .....	93
<i>Karasyova K.M.</i>	METAPHORICAL COMPARISONS OF FLORISTIC TREND AS A CONCEPTUAL POETIC IMAGE ORGANIZING NOVEL STRUCTURE IN TETRALOGY «PRYASLINY» BY PH.A. ABRAMOV .....	100
<i>Komovskaya E.V.</i>	TITLE POETICS AS THE STRUCTURAL ELEMENT OF ART WORLD A.A. ZENOVEVA.....	105

**LAW***Mazur T.V.*

- SOME PECULIARITIES OF THE FORMATION OF THE CONSTITUTIONAL  
COURT IN GERMANY AND IN RUSSIA: COMPARATIVE LEGAL ASPECT.....110

*Rodina T.Y.*

- INFORMATIONAL NATURE OF LEGAL REGULATION.....113

*Kramarev S.L.*

- IN ADDITION TO THE ISSUE OF DEFINITION OF A SIGNS OF GANGSTERISM  
BY THE CRIMINAL CODE OF RUSSIAN FEDERATION.....119

**PHILOSOPHY***Gribova M.M.*

- ABOUT THE MODERN CONCEPTS OF SCIENCE DEVELOPMENT  
(BY THE EXAMPLE OF WORKS OF K. POPPER, T. KUN, I. LAKATOS) .....123

*Sadovaya L.V.*

- METHODOLOGICAL ASPECTS OF PROFESSIONAL ETHIC RESEARCH .....126

**LINGUISTICS***Gorodniy L.I.*

- LEXICOGRAPHY AND ITS ROLE IN RAISING THE STANDARDS OF FOREIGN  
LANGUAGE LEARNING AND TEACHING AT UNIVERSITY LEVEL.....130

*Makarov V.I.*

- TO HISTORY OF INTERACTION OF EAST SLAVIC ETHNOGRAPHY  
AND DIALECTOLOGY IN XIX – THE BEGINNING OF THE XX-TH CENTURIES.....139

*Petrov B.M.*

- FROM THE HISTORY OF FORMATION OF THE LOCAL PERIODICAL  
PRESS OF BRYANSK REGION.....144

*Pryahina A.A.*

- ABOUT SOME ASPECTS OF FUNCTIONING OF FITONIM THE TREE  
IN THE POETIC TEXT (ON THE MATERIAL OF POETRY OF V.BRYUSOV, M.VOLOSHIN,  
V.IVANOV, M.KUZMIN).....156

*Ruban A.P.*

- ANALYSIS OF THE BRITISH POLITICAL LIFE AT THE END OF THE 20-TH  
CENTURY IN JULIAN BARNES BOOK «LETTERS FROM LONDON».....170

# ИСТОРИЯ

УДК 623.5

## ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н.Г. ВЫСОЧАНСКОГО НА БРЯНСКОЙ ЗЕМЛЕ

В.А.Бобков

Реконструируется жизнь и деятельность талантливого военного инженера, коллеги Семена Николаевича Ванкова, генерала Николая Григорьевича Высочанского на Брянской земле. Поднимаются вопросы работы Н.Г. Высочанского над проблемой нехватки снарядов для армии России. Показан жизненный путь семьи Н.Г. Высочанского на территории Брянского края.

**Ключевые слова:** артиллерийский арсенал, I Мировая война, военная промышленность, рабочий класс.

В 1899-1903гг. Брянский арсенал переоборудовали для новых нарядов по производству различных предметов артиллерийской принадлежности [1, л. 1-1об.]. Старые механизмы были заменены механизмами новой конструкции, установили турбогенераторы, расширили кузницу с установкой паровых молотов, механические цеха электрифицировали проводили другие необходимые работы [2, с. 167]. В эти непростые для предприятия годы с Брянским арсеналом связал свою судьбу талантливый человек Николай Григорьевич Высочанский.

Н.Г. Высочанский (1874г. - 21 октября 1929г.) родился в с. Смела Черкасского уезда Киевской губернии в бедной дворянской семье. На дворянскую стипендию он поступает в Киевский кадетский корпус, после поступает в Михайловское артиллерийское училище в Петербурге. Затем служит в третьей лейб-гвардии артиллерийской бригаде, дислоцированной в Варшаве. При первой же возможности держит экзамен в Михайловскую артиллерийскую академию, а после ее окончания как военный инженер - технолог поступает на Брянский арсенал. По данным документов Н.Г. Высочанский служил в Брянском арсенале с 20 августа 1900г. [3, л.1].

Работа на Брянском арсенале была непростой. В этой связи показателен пример искреннего служения делу развития отечественной военной промышленности со стороны Николая Григорьевича. Н.Г. Высочанский отказался от предложения дирекции АО Брянских заводов перейти технологом на паровозостроительный Бежецкий завод под Брянском, мотивом поступка послужило знакомство «с бытом рабочих казарм» и откровенный разговор с «Георгием Михайловичем Паустовским, работавшим на заводе статистиком» [4, с. 19].

В 1914г. началась I Мировая война. В это время арсеналом командовал Семен Николаевич Ванков [5, с.60]. Под его руководством в Брянске и находился в те годы гвардии полковник Николай Григорьевич Высочанский [6, л.140]. Именно этим двум личностям при поддержке коллег пришлось решать проблему снабжения русской армии снарядами в период, так называемого, «снарядного голода».

Уровень научной подготовки Н.Г. Высочанского, был высоким, в частности он являлся автором многочисленных статей о свойствах разных металлов. Н.Г. Высочанский переводил статьи на французский язык и печатал в парижском журнале «Ревю де металлуржи».

В России его статьи печатались, но гораздо реже, чем во Франции [7, с.12]. В частности в 1914г. Н.Г. Высочанский публикует заметку по поводу статьи Д.К. Чернова о выгорании каналов в стальных орудиях, помещенную в Артиллерийском журнале. В статье отмечается, что при перенесении явлений, происходящих в каналах орудий (трещины) на штампы при штамповке стали, там протекают аналогичные процессы, в результате упрощается их исследование. В статье указывалось на необходимость введения в дело изучения каналов орудий микроскопического анализа, который будет способствовать более рациональному и глубокому освещению вопроса. Исследование этого вопроса на штампах может привести к пра-

вильному выбору материалов для штампов, что может быть первым шагом к надлежащему решению вопроса о выборе материалов для каналов орудий. Опыты со штампами легко и удобно выполняемые и недорогостоящие, во всяком случае, должны облегчить и ускорить решение вопроса о разгорании каналов в стальных орудиях [8, с.587].

Д.К. Чернов писал, что «в русской литературе этот вопрос не разработан, я обратился к поискам о нем в иностранной литературе. Оказалось, что единственная до того времени серьезная работа над этим вопросом была произведена тогдашним начальником Вулического Арсенала, полковником Мэтландом, совместно с химиком сэром Эбелем. Она была доложена в 1886г. в собрании английского института [9, с.841]. По признанию самих авторов работы, ни химический состав, ни механические качества не дают определенных указаний на стойкость стали против выгорания.

В 1898г. в Англии была произведена новая работа поэту же предмету, принадлежащая Роберту-Остену, доклад о проделанной работе означен в Стокгольме на митинге института железа и стали. В ней внимание сосредоточивалось на термохимических, технических, механических и структурных явлениях, и вовсе не уделялось физико-геометрическим явлениям, играющим главнейшую роль в данном вопросе [9, с.842]. Следовательно, инженер - техник Брянского арсенала Н.Г. Высочанский, исследуя вопросы, поднятые Д.К. Черновым, затрагивал тему, не разработанную не только в России, но и в других странах. Неслучайно, что Н.Г. Высочанский внес ключевой вклад в решение вопроса со снарядным голодом, возникшим в России с началом I Мировой войны.

Командир Брянского арсенала С.Н. Ванков проявил в вопросе производства снарядов инициативу. В 1915г. в Петроград приезжают французы для оказания технической помощи по изготовлению цельнокорпусных гранат. «Вместо гостиницы им отвели помещения в наиболее удаленных от центра Гренадерских казармах, а начальник главного управления великий князь Сергей Михайлович наотрез отказал им в приеме» [10, с.545]. Французов передали генерал - майору С.Н. Ванкову, под руководством которого при ГАУ была создана специальная организация по изготовлению снарядов.

Организация С.Н. Ванкова первоначально объединила до 200 предприятий, к концу 1916г. их стало 300 [11, с.304]. Заводы составляли 7 районов: Московский, Одесский, Киевский, Южный, Тамбовский, Петроградский и Ярославский. Заводы делились на группы: 1-я и 2-я группы изготавливали стаканы для гранат 76 - мм и др. орудий, 3-я изготавливала взрыватели, 4-я - детонаторные трубки, 5-я производила снаряжение стаканов [12, с.34].

На первоначальном этапе попытки наладить производство снарядов по «французскому образу» терпят неудачу. С.Н. Ванкова это не остановило, он поручает Н.Г. Высочанскому «экспериментальный выпуск снарядов в Брянском арсенале» [4, с.15]. В результате внедрения несколько измененной «французской технологии» успех был достигнут. В итоге Н.Г. Высочанского назначили помощником (заместителем) по технической части уполномоченного ГАУ по производству снарядов по французскому образу.

В связи с отъездом из Брянска С.Н. Ванкова и Н.Г. Высочанского исполняющим обязанности начальника Брянского арсенала назначают А.Н. Лукашова.

В мае 1917г. после смерти и.о. начальника арсенала генерала А.Н. Лукашова Н.Г. Высочанского назначают помощником начальника Брянского арсенала. При этом с временным состоянием его в должности начальника арсенала. Н.Г. Высочанский являлся и помощником инспектора по тяжелым снарядам, при этом контролировал Брянский и Людиновский заводы [1, ф. 220. Оп. 1. Д. 323. Л. 26].

Забочась о деле обороны государства, в августе 1917г. Н.Г. Высочанский поднимал вопрос «о продолжении построекта по развитию арсенала» [1, ф. 221. Оп. 2. Д. 381. Л. 42]. В силу объективных причин, реализовать планы не удалось, в сентябре 1917г. всталася проблема эвакуации арсенала [1, л. 54].

Н.Г. Высочанский возглавлял арсенал в самое смутное время 1917 - 1918гг. Во время октябрьских событий Николай Григорьевич находился в Петрограде на съезде рабочих и администрации артиллерийских заводов.

Сергей Николаевич Высочанский писал по этому вопросу: «со слов отца (Н.Г. Высочанского - В.Б.) ... между большевиками и представителями администрации (а все они в самом недавнем прошлом были царскими генералами и полковниками) не было внешних острых противоречий» [4, с. 20]. Сергей Николаевич объясняет это тем, что «большевики уже исходили из твердой уверенности в скорой победе социалистической революции, а, следовательно, должны были смотреть на военную промышленность глазами ответственного хозяина», а «у всех этих генералов и полковников с детства была воспитана крепчайшая патриотическая установка: Россия должна существовать как независимое государство. Этот идеологический базис ничто не могло изменить». С другой стороны и сами рабочие понимали, что без опытных инженеров и лиц администрации им не обойтись. Так, вопрос о создании курсов подготовки лиц для управления заводами, фабриками и т.д. поднимается в Брянске только в 1919г. В частности, поручалось рабочему Механического артиллерийского завода «товарищу Куршанову по приезду в Москву обратится в ВСНХ и центральный союз металлистов, хлопотать об открытии курсов» [13, л.4].

Продолжалась I Мировая война, в октябре 1917г. комиссия по эвакуации Брянского арсенала указывала, что эвакуация круглый год возможна только по Московско-Киево-Воронежской железной дороге по единственному постоянному деревянному мосту: малонаадежному по своей ветхости. С вокзалом Риго-Орловской железной дороги связывала мало-мощная канатная переправа на плавучем мосту. По обозначенным направлениям эвакуация растягивалась на полгода, и комиссия рекомендовала «перебросить временный свайный железнодорожный мост через р. Десну в районе арсенала» [1, оп. 2. Д. 381. Л. 58]. Эвакуацию в этом случае можно было провести в три-четыре недели.

По возвращении из Петрограда Н.Г. Высочанский был принят рабочими организациями арсенала и общегородскими Брянскими организациями спокойно, без эксцессов и недоразумений. Его позиция на съезде: «Не отрываться от рабочих во имя сохранения русской военной промышленности» - позволила склонить к своей точке зрения и других администраторов, особенно генерал-лейтенанта Вадима Сергеевича Михайлова [4, с.20]. Именно В.С. Михайлова Совет ГАУ как председателя бюро Союза Начальников артиллерийских заводов и талантливого инженера-технолога избрал начальником ГАУ (Занимал эту должность до 21 декабря 1918г.).

Существенным достижением съезда рабочих и администраций артиллерийских заводов было принятие под влиянием Н.Г. Высочанского и В.С. Михайлова обращения военных инженеров с призывом работать вместе с рабочими организациями, сохранить русскую промышленность. В условиях войны обращения приобретало особый вес, оно позволило не останавливать ввиду дезорганизации работы администраций предприятий поставки фронту. Брянский арсенал в 1917г. даже увеличил свою производительность по сравнению с другими военными годами по отдельным показателям почти вдвое. Если в 1916г. предметов принадлежности и запасных частей изготовили 571 160 штук, то в 1917г. – 1 087 815 и т.д.; но по другим показателям производительность упала [2, с.91].

Освещение жизнедеятельности любого человека будет не полным, если затронуть только профессиональную деятельность. При всей своей занятости, особенно в период войны, Николай Григорьевич не забывал и о семье, близких и друзьях, к которым очень тепло относился и с которыми проводил каждую свободную минуту. Высоко насыщенной, интересной была жизнь Н.Г. Высочанского и вне профессии.

В Брянск Н.Г. Высочанский приехал не один, а с молодой очаровательной супругой Марией Ивановной. Мария Ивановна была образованным человеком, она окончила Высшие женские курсы и два года преподавала в народной школе. С момента заключения брака нельзя вести речь только о жизни Николая Григорьевича, т.к. она стала неразрывной составляющей с судьбой Марии Ивановны. Более уместно, на наш взгляд, говорить о семье Высочанских их общих близких и друзьях, совместных интересах. Тем более, что вскоре к молодым супругам в Брянск перебрались и родители Марии Ивановны – отец Иван Иванович Теннов и мать Мария Карловна Теннова. С родителями приехала и старшая сестра Марии Ивановны – Анна Ивановна. По окончании медико-хирургической академии в Петербурге в Брянске обоснов-

вался и брат Марии Ивановны – Павел Иванович, он служил в военном госпитале [14, с.10].

Впечатления молодых Высочанских при первом знакомстве с Брянском были до крайности неблагоприятными. Сергей Высочанский в своих воспоминаниях пишет, показательно характеризуя Брянск того времени: «маленький, деревянный, очень пыльный, плохо мещенный, без перспектив. Каменные здания – в основном казармы и Арсенал, несколько двухэтажных домов брянских миллионеров, купеческие лабазы – были лишены каких – либо архитектурных достоинств» [4, с.19].

При этом, как сообщает в своих воспоминаниях Владимир Теннов, говоря о судьбе Н.Г. Высочанского: «Выпускнику академии была предложена служба на выбор – в Киевском или Брянском арсенале. Он выбрал Брянск» [15, с.36]. Вероятнее всего не богатому выпускнику академии Н.Г. Высочанскому трудно было бы обеспечивать семью в крупном и требовавшем значительных расходов Киеве, поэтому выбор и пал на небольшой, скромный Брянск.

Денег молодой семье Высочанских периодически не хватало даже для жизни в Брянске. Зарплата Николая Григорьевича была небольшой. Треть ее поглощала стоимость квартиры. Чтобы хоть немного улучшить бюджет семьи, Николай Григорьевич в период 1908 – 1911 годов дает уроки математики в гимназии, а Мария Ивановна преподает в «детском саду и элементарной школе», организованной ее сестрой Анной [4, с.19].

Духовный круг общения семьи Высочанских был не большим. Семьи Высочанских и Тенновых в Брянске объединились как бы в «Большой семейный дом». Явление это, ныне почти забытое, было характерно для русской жизни тех лет. По существу это было содружество не только членов двух семей, но и сослуживцев Николая Григорьевича, а в свою очередь – их родных и знакомых [14, с.10].

Из воспоминаний Сергея Высочанского становится ясно, что жители Брянска не радовали родителей, среди них преобладали купцы, торговцы, обыватели, неизвестно как существующие. Интеллигентной публики очень мало: с десяток врачей, десятка два учителей гимназий, лесничий, архитектор, два нотариуса, армейские офицеры дислоцированных 143-го Дорогобужского и 144-го Каширского полков, священники, банковские служащие, акцизные чиновники. Большинство из них могло быть отнесено к интеллигенции весьма условно. Одни одержимы элементарным стяжательством, другие пили горькую, посвящали досуг картам [4, с.19].

В силу этого становится понятным, что семья Высочанских держалась изолированно, жила почти затворнической жизнью. Шапочных знакомств было много, но круг близких знакомых был крайне узок: две-три семьи офицеров Арсенала (также окончивших Михайловскую академию), несколько военных врачей из Петербургской медицинской академии, несколько учителей с университетским образованием.

Высочанские редко бывали в офицерском, и в общественном собрании. Вероятно по ряду причин – это перегруженность работой и некоторая каствость – нежелание встречаться с мало- приятными людьми совершенно иного направления и склада. Не было у Высочанских и связей и знакомств с верхами купечества. Как пишет Сергей Высочанский: «Не исключено, что кое-кто, особенно из среды гарнизонного офицерства, объяснял это «гвардейской спесью»» [4, с.19].

Центром общения близких и друзей семьи Высочанских становится их дом в Брянске. Дом Высочанских находился на Покровской горе. Он возвышался над городом. Перед домом был разбит сад. Отсюда были отлично видны Верхний судок, Московская улица с рыночной площадью, уходящие вдаль заречные дома. Дом был построен для арсенального начальства, поэтому обыватели называли его «генеральский дом» [15, с.36].

«Генеральский дом» обязательно наполнялся гостями по большим праздникам как Рождество и Пасха. Дом вполне мог вместить всех гостей, он состоял из больших и светлых комнат: гостиной, столовой, кабинета Николая Григорьевича, спальни.

Воспоминания Владимира Теннова очень ярко передают добродушную, теплую обстановку царившую в доме у Высочанских: «Каждое посещение «Генеральского дома» было для меня праздником. Тетя Маня обязательно уговаривала чем-нибудь вкусным. Потом мы, дети, играли в тенистом саду. В гостиной нередко устраивались танцы» [15, с.37].

Летом жизнь домочадцев и их друзей переносилась на дачу в с. Рёвнах. В эпоху клас-

сицизма здесь появляется памятник садово-паркового искусства. В начале XIXв., вероятно, силами Ивана Страхова - героя Отечественной войны 1812 г.- в с. Рёвны строится поместный дом из двух этажей с мезонином. Перед парковым фасадом усадебного дома был разбит по геометрически правильной схеме цветник, за которым располагался регулярный французский парк с прямыми аллеями, дорожками и скульптурами [16, с.370].

К концу XIXв. с. Рёвны приходит в упадок, аналогичная судьба была и у усадебного парка. Усадьба переходит из рук в руки, в конце XIX - начале XXв. ей владели сначала немцы Фромельды, затем Роммеры. А в 1907г. ее купил помещик Любарский.

Предприимчивая немка Шарлотта Фромельд стала использовать поместный дом, получая прибыль от сдачи его внаем. В тенистом липовом парке было построено еще несколько дач, одну из которых и снимал Николай Григорьевич Высочанский.

Для того чтобы попасть в с. Рёвны, нужно было доехать до станции Синезерки. Затем по грунтовой дороге на деревенской подводе или экипаже добираться до села Рёвны [15, с.38].

Парк был внушительных размеров его площадь около 10 га. В планировке парка сочетаются регулярная и ландшафтная части. Композиционной осью является широкая (около 12 м) прямая аллея, ведущая от улицы села на север, до Соловьиного оврага. Здесь она разделяется на две свободно спланированные дорожки, следующие к реке, где в 1900 – х гг. были купальни. Эта аллея связывала усадебный дом с рекой и пересекалась перпендикулярной по-перечной аллеей, выходившей в западной части парка на нижнюю плотину. Регулярный характер планировки центральной части дополнялся геометрически правильными цветочным партером перед главным фасадом дома и сиреневым садом перед парковым фасадом.

По обе стороны центральной аллеи и к северу от поперечной были расположены пейзажные участки парка. Здесь естественный лес дополнен посадками ландшафтных групп и отдельных деревьев. Зеленый массив парка состоит из местных пород деревьев и кустарника. Главная аллея сформирована липами. В ландшафтной части встречаются сосна (группами и в одиночку), липа, клен остролистый, в подлеске – рябина красная, орешник [16, с.371].

В наши дни планировка усадебного парка была реконструирована В. Городковым. В соответствии с реконструкцией в состав парка входили: Большая аллея, «Аллея любви», «Аллея вздохов», Соловьиный овраг, Остров, Старица Ревны, Озерко, Старая скульптура, «Храм Дианы», Места дачных застроек, Крокетная площадка, Дом усадьба, Сиреневая беседка, Ягодник и сад.

В конце XX в. Усадебный парк в с. Рёвны [17, с.113-120] находился в полном запустении. С 2006г. ситуация начинает постепенно изменяться. Студенты исторического факультета (в настоящее время факультета истории и международных отношений) Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского под руководством профессора, доктора исторических наук А.М. Дубровского практически ежегодно (в 2009 г. и при участии автора настоящей публикации доцента, кандидата исторических наук В.А. Бобкова) в рамках проведения этнографической практики и просто на добровольной основе успешно занимаются восстановлением уникального памятника садово-паркового искусства в с. Рёвны.

Н.Г. Высочанский был дядей знаменитого русского писателя Константина Георгиевича Паустовского. К.Паустовский упоминал о парке в с.Ревны в своих воспоминаниях [18, с.73-79]. Более того, именно Николай Григорьевич имел особое значение в жизни Константина Паустовского. Как пишет Вадим Паустовский: «Со временем он заменил ему отца». И конечно, на загородной дачи своего дяди в с. Рёвнах гостил и гимназист Костя Паустовский, полноправный участник не только интеллектуальной жизни «Большого семейного дома», но и благотворительных и иных начинаний [19, с.10].

Рёвны были отдаленным, уединенным местом отдыха, но и сюда к Высочанским наведывались гости. Вот как описывает одно из таких посещений Сергей Высочанский: «Одна из картинок лета 1904 года. Вечером, когда брат и я уже спали, приехали к нам гости из Курска, папина сестра Елена (Гелюня).... . Вместе с тетей Гелюней приехала и старшая сестра папы – тетя Маруся (Паустовская). Она со своими сыновьями – моими двоюродными братьями – Борей, Димой, Котиком живет на даче по другую сторону большой аллеи, в нескольких шагах от нас.

С нами, т.е. с папой, мамой, мною и Димой, постоянно живет бабушка Мария Карлов-

на. Помню, что она сама «разливает» вечерний чай, часто раскладывает пасьянс ... играет в карты с нашими редкими гостями» [4, с.18].

Тихая и умиротворенная дачная жизнь Высочанских была тесно с событиями в стране и по понятным причинам была прервана. В конце августа 1919 г., когда Деникин угрожал и Орлу, и Брянску, Николай Григорьевич срочно перевез всю семью в Москву [4, с.22].

При СССР Н.Г. Высочанский был членом правления оружейно - арсенального треста Главного военно - промышленного управления и его жизнедеятельность уже не была связана с Брянской землей.

В последствии судьба талантливого человека оказалась трагичной, как и многих других замечательных людей по обвинению в связях с иностранными агентами Н.Г. Высочанского 26 марта 1929г. арестовали, а уже 21 октября 1929г. он был расстрелян. 16 января 1989г. Н.Г. Высочанский был реабилитирован.

In clause the life and activity of the visible military ingineer, colleagu Semena Nicolaevicha Vankova, general Nicolaya Grigorevicha Vysochanskogo on the Bryansk ground is reconstructed. Questions of the work of N.G.Vysochanskogo above a problem of release of shells for army of Russia are consecrated. The life and way of life of the Bryansk edge.

**The key words:** artillery arsenal, the First World War, military industry, working class.

### Список литературы

1. Государственный дарственный архив Брянской области (далее ГАБО). Ф. 221. Оп. 1. Д. 2958.
2. Барсуков Е.З. Артиллерия русской армии (1900-1917гг.) Т.2 Ч. 3 Артиллерийская снабжение. М. 1949.
3. Архив Военно-исторического музея артиллерии и войск связи. Ф. 6. Оп. 73/8 Д. 132.
4. Высочанский С. Наша семья, ее прошлое // Мир Паустовского. №15-16. 2000.
5. Черняк А. Я. Симеон Ванков. Военное издательство. София. 1989.
6. Государственный архив Орловской области. Ф. 883. Оп. 1. Д. 791.
7. Паустовский К. Дядя Коля и тетя Маруся //Мир Паустовского. №15-16. 2000.
8. Высочанский Н.Г. Заметка по поводу статьи Д.К. Чернова. //Артиллерийский журнал. №5. 1914.
9. Чернов Д.К. О выгорании каналов стальных орудий (Доложено в собрании русского металлургического общества 10 мая 1912г.) // Артиллерийский журнал. №7. 1912.
10. Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. Семфиropоль.1953.
11. Голиков А.Г. А.А. Брусилов и военно-дипломатическое обеспечение наступления русской армии в 1916 и 1917гг. «мира не может быть пока не разгромим немца». В кн.-Россия, международное положение и военный потенциал в середине XIX-начале XX века. Очерки.-М. 2003.
12. История организации уполномоченного Главного артиллерийского управления генерала С.Н. Ванкова по производству снарядов по французскому образу. 1915-1918гг. М. 1918.
13. Центр Новейшей истории Брянской области. ГАБО. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 1.
14. Паустовский В. История семей Высочанских, Гулей и Тенновых // Мир Паустовского. №15-16. 2000.
15. Теннов В. Страницы прошлого // Мир Паустовского. №15-16. 2000.
16. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Брянская область. М.: Наука, 1998.
17. Городков В.Н. По старинным аллеям. Тула. 1983.
18. Паустовский К. Собр. Соч.: В 8 т. М., 1968. Т.4.
19. Паустовский В. История семей Высочанских, Гулей и Тенновых // Мир Паустовского. №15-16. 2000.

### Об авторе

Бобков В.А. – канд., доц. Брянского государственного университета им. акад. И.Г.Петровского, vladimir.bobkoff-2009@yandex.ru.

## СТАНОВЛЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

С.И. Водорезов

В статье изложено развитие отношений между Европейским Союзом и Россией на раннем этапе (до ратификации Соглашения о партнерстве и сотрудничестве). Показана преемственность правового регулирования экономических отношений между Европейскими Сообществами (Европейским Союзом) и СССР (Российской федерацией). Рассмотрено влияние Европейского Союза на российскую экономическую и политическую сферу. Установлено участие Европейского Союза в консультировании российского руководства по проведению политических и экономических реформ, а также оказания технической помощи. Рассмотрен период переговоров комиссий по созданию Соглашения, а также описаны проблемы, которые возникали в процессе переговоров. Дан краткий анализ Соглашению о партнерстве и сотрудничестве. Выделены основные сферы построения сотрудничества между ЕС и Россией.

**Ключевые слова:** Европейский союз, Комиссия Европейского Союза, Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, ТАСИС.

Сотрудничество между Россией и ЕС приобрело многогранный характер и заняло важное место в политике этих сторон. В данной статье предлагается краткое рассмотрение первых шагов к сотрудничеству, а также правовое оформление политической и экономической сторон отношений.

Взаимоотношения между Европейским Союзом и Россией, представляются весьма интересными и одновременно противоречивыми. Они не являлись стабильными, и их изменение было подвержено влиянию различных факторов (таких как общественное мнение, изменение внешнеполитических интересов и т.д.)

Попытки построения сотрудничества между Россией и Европейским сообществом не относятся к началу 90-х гг. Ещё задолго до рассматриваемого периода Европейские сообщества (Европейское экономическое сообщество – ныне Европейское сообщество, ранее Европейское объединение угля и стали (ЕОУС); Европейское сообщество по атомной энергии (Евратор)) пытались установить прямые связи с СССР. Так на протяжении 60-х – 70-х гг. Сообщества предпринимали попытки нормализовать отношения со своим восточным соседом. Также существовали попытки заключения отдельных торговых соглашений с каждым европейским членом СЭВ. Однако эти попытки не имели успеха [1, с. 378]. Такое положение дел осложняло развитие Советским Союзом двусторонних отношений со странами "двенадцати", в число которых входили основные торгово-экономические партнёры СССР в западном мире, передавшие важные сферы национальной политики в компетенцию Брюсселя. Ситуация усугублялась ещё и тем, что новые страны, присоединявшиеся к ЕС, денонсировали торговые соглашения, заключённые с СССР. Советский Союз оказывался перед реальной угрозой изоляции. В 80-х гг. СССР пересмотрел свою политику в отношение к ЕС и взял курс на всестороннее развитие политических и торгово-экономических отношений. Летом 1988 года была подписана совместная политическая декларация ЕС – СЭВ, по которой устанавливались дипломатические отношения СССР – ЕС [1, с. 379].

18 декабря 1989 г. было подписано первое соглашение между ЕС и СССР – "О торговле и экономическом и коммерческом сотрудничестве". Это соглашение было заключено сроком на 10 лет. Одним из его участником стал Евратор, поскольку у ЕС существовала заинтересованность в ядерных исследованиях и ядерной безопасности. В соответствии с соглашением, ЕС отменил с 1 августа 1991 г. специфические количественные ограничения советского экспорта в Сообщество, оставив их лишь на стальные изделия и текстиль. В ответ СССР ввел недискриминационный режим для товаров из ЕС [1, там же].

Подписанные документы положили начало построения отношений в экономической области и сделали робкий шаг в начале развития более тесных политических отношений.

В декабре 1991 г. СССР перестал существовать. Сразу после распада были установлены

ны официальные отношения между ЕС и новой Россией. Россия объявила себя правопреемником СССР, тем самым брала на себя все долги иностранным государствам, международным организациям и частным кредиторам. Россия взяла и обязательства закреплённые Соглашением 1989 г. В свою очередь, министры государств-членов ЕС на чрезвычайной сессии состоявшейся 16 декабря, приняли Совместное заявление. В заявлении была выражена готовность о признание всех новых государств, образовавшихся после распада СССР, и с ними были установлены дипломатические отношения [2, с. 364].

Начались структурные изменения в Российской политике и экономике. Новая политическая элита пыталась построить демократическое государство, и старалось вступать в наиболее престижные "клубы" западного мира. Это было необходимо для обеспечения свободного доступа российским товарам к западным рынкам. Все это сопровождалось социальной напряженностью и, постепенно нараставшей борьбой в высшем руководстве.

Европейскому Союзу необходим был стабильный партнер на его восточных рубежах. Для решения этой задачи отлично подходила программа TACIS<sup>1</sup> учрежденная Советом ЕС в середине 1991 года. TACIS содействует финансированию проектов призванных к укреплению демократии и переходу к рыночной экономике. С 1991 по 2001 гг. Россия по каналам созданного фонда получила 2464 млн. евро [3, с. 65]. Они не могли использоваться в качестве инвестиций и играли роль безвозмездной помощи. Распределение средств говорит нам о приоритетности тех или иных программ. Так с 1991 по 1992 г приоритетной программой TACIS было снабжение продовольствием крупных городов России [3, там же]. На данную программу было выделено 200 млн. экю. Смыслом программы была компенсация уменьшения поставок продовольствия в крупные города, такие как Москва и Санкт-Петербург. Тем самым Европейские сообщество добивались снижения социальной напряженности на местах. Однако продукты не выдавались населению просто так. Они продавались на новых рыночных условиях. Реализация продуктов питания происходила по ценам более или менее приемлемым для граждан (к примеру, на начало 1992 г цена на мясо колебалась от 150 до 300 рублей за кг., в этих условиях европейское мясо предлагалось по цене 60 руб. за кг). Вырученную прибыль планировалось выделять на "финансовое оздоровление общества". Так же планировалось создать сеть бесплатных столовых для нуждающихся [4, с. 3].

Европейцы не стали ожидать, когда Россия сама потянеться к европейским ценностям и в первую очередь политическим. По программе TACIS предполагалось оказывать помощь всем руководящим персонам, от президента страны до глав районных администраций. К тому же представители европейских сообществ были готовы оказать помощь в создание проектов по реформированию министерств, а также структурной перестройке и приватизации промышленности [5].

Затем все усилия были направлены на поддержку институциональной, правовой и административной реформы; поддержку частного сектора и содействие экономическому развитию и смягчению социальных последствий перехода к рыночной экономике (поддержка пенсионной реформы, реформирование муниципальных служб, улучшение здравоохранения и т.д.) [6].

Рассматривая развитие экономических отношений, мы можем видеть их постепенный рост, который отражен в росте товарооборота [Таблица 1].

<sup>1</sup> TACIS (Technical Assistance for the Commonwealth of Independent States) – Техническое Содействие для Сообщества и Независимых Стран.



Таблица 1.  
График товарооборота между Россией и ЕС (Борко Ю.А. От европейской идеи – к единой Европе. М.: Издательский дом Деловая литература, 2003. С. 325.).<sup>1</sup>

Эффекту роста способствовала отмена государственной монополии на внешнюю торговлю и либерализации внешнеэкономических связей, открывшие путь на внешние рынки тысячам российских предприятий. Торговля между Россией и Европейским Союзом характеризовалась асимметрией. Асимметрия заключалась в особенностях российского товарооборота. Самая большая доля экспорта России в Европу приходилась на энергоносители, затем шли стальные изделия и другие виды проката, минеральные удобрения, пиломатериалы, целлюлоза и бумага, небольшое количество машин и продовольствия. В свою очередь большая часть экспорта ЕС в Россию приходилась на промышленные товары, машины, химикаты и продовольствие [7, с. 326].

Для того что бы вывести отношения на новый уровень, необходимо было принять документ, который бы регламентировал основные стороны будущего сотрудничества. Такие предложения делались со стороны Брюсселя, этот факт и возможность получения безвозмездной помощи по программе TACIS создавало, по крайней мере, в определённых кругах, представление о возможности вступить в ЕС в будущем. Было известно, что в середине 1992 г пройдет встреча Жака Делора и Бориса Ельцина. Российская сторона стремилась подписать на ней соглашение об ассоциированном членстве (соглашение дарило перспективу вступления в ЕС) [8, с. 7].

Планируемая встреча Председателя Комиссии Европейского Союза Жака Делора и Президента России Бориса Ельцина состоялась. Представители Брюсселя сразу указали на невозможность вступления России в ЕС в обозримом будущем. Однако Жак Делор предложил свою концепцию "Европы на двух столпах". Она предполагала создание в Европе два крупных центра силы – Европейского Союза и России. Отношения предполагалось строить на следующих принципах: доверия и равенства; тесная связь культурных и исторических корней; тесные политические, экономические и человеческие отношения. Закрепить отношения должно Соглашение о Партнерстве и Сотрудничестве (далее СПС) [9, с. 2]. С ноября 1992 г. начались переговоры по Соглашению.

Страны ЕС предложили заключить Соглашения о партнерстве не только России, но и другим восточноевропейским странам. Их проекты были схожи по своему характеру, в соглашениях делался упор на «прививание» демократических ценностей, создание

<sup>1</sup> До 1998 г. расчёт в млн. ЭКЮ, после в млрд. американских долл.

демократических институтов и переход к рыночной экономике. Россию не устроил предложенный проект, потому что в нем была очень слабо проработана экономическая сторона. Москве нужно было выходить на мировые рынки, но торговля с ними усложнялась тем, что ей еще не удалось присоединиться к ГATT. А на европейские рынки России мешало выйти клеймо «государства с государственной экономикой». Почему России нужно было вступать в ГATT, и нужен другой статус, отличный от «государства с рыночной экономикой»? Это было необходимо для снятия высоких пошлин на товары, которые поступали на мировые рынки. Как раз эти моменты, наиболее чувствительные для российской промышленности, и не были включены в проект потенциального соглашения. Политические вопросы сотрудничества удалось согласовать очень быстро. Камнем преткновения стала именно экономическая сфера.

Особенно упорным было противостояние в сфере торговли алюминием, ураном и коммерциализации космической отрасли. Эти виды товаров были наиболее чувствительны для промышленников Европейского Союза, и он стремился их оградить. Потому что, к примеру, сталь, поставляемая из России, была в разы дешевле европейской. Проблему удалось решить, лишь пойдя на компромиссы. Россия согласилась на квоты. Партнеры пришли к практике по созданию совместных комиссий для антимонопольных расследований. Представители ЕС признали Россию, как страну «с переходной экономикой», но должно пройти еще длительное время, пока СПС не будет ратифицировано всеми государствами-членами ЕС.

Поражает несогласованность в действиях переговорщиков и сторон, которые они представляли. Так к концу 1993 г. снова наметилось противоречие между Россией и ЕС. Несмотря на то что, предполагалось введение для иностранных компаний режима «наибольшего благоприятствования», Ельцин издал указ о введение офшорного режима для иностранных банков. [10] В результате такое противостояние закончилось подписанием соглашения 24 июня 1994 г. на острове Корфу.

Постараемся рассмотреть этот документ. Соглашение о Партнерстве и Сотрудничестве можно разделить на три раздела – политические отношения, доступ к внутренним рынкам, экономические отношения. Второй раздел вызвал наибольшие споры. Суть проблемы состояла в том, как ЕС будет выстраивать торговые отношения. Несмотря на экономические проблемы и низкое качество российских товаров, Брюссель не мог пойти на то, что бы дать Москве полные таможенные преференции и открыть для неё свои рынки, из-за того что Россия могла предложить на рынке военную технику высокого качества и некоторые промышленные товары. Учитывая низкую стоимость рубля, российский промышленник мог устанавливать низкие цены, что угрожало разорением европейским производителям в схожих областях. Так что в этих областях ЕС проводил антимонопольную политику. Однако Москве удалось настоять на включение в Соглашение статей схожих со статьями ГATT<sup>1</sup>, что позволяло России подготовиться к подписанию данного соглашения и торговать, в будущем, на равных. В результате Москве удалось получить и ряд преимуществ, – на некоторые экспортимуемые товары были снижены ввозные пошлины [9, с. 3].

Соглашение о Партнёрстве и Сотрудничестве, как говорилось в преамбуле документа, призвано установить партнёрские отношения и сотрудничество между ЕС и Россией. Партнёрство должно было основываться на уважении к правам человека, и выполнении международных правовых норм [11]. Целями сотрудничества являлось создание соответствующих структур для установления политического диалога между участниками соглашения. Предусматривалась гармонизация экономических отношений, поддержания российского усилия в развитии демократии и становлении рыночной экономики, создание основ для экономического, социального, финансового и культурного сотрудничества, расширение сотрудничества России с ЕС, создание необходимых условий для будущего учреждения зоны свободной торговли, поощрение действий имеющих общий интерес. СПС оговаривало и специальные органы, необходимые для выполнения и контроля сего соглашения. Отвечать за выполнение СПС должен был Совет Сотрудничества. Этот орган состоял из членов Совета Европейского Союза и членов Комиссии европейских Сообществ с одной стороны, и членов Правительства

<sup>1</sup> ГATT – Генеральное соглашение о тарифах и торговле.

Российской Федерации с другой стороны. Совет собирался один раз в год, либо когда этого требовали обстоятельства. В обязанность совета входило решение всех споров, возникавших в рамках данного соглашения. В рамках Совета Сотрудничества предполагалось создание Комитета Сотрудничества, который состоял из представителей членов Совета Европейского Союза, Комиссии европейский Сообществ и представителей Правительства Российской Федерации. Комитет занимался подготовкой встреч Совета Сотрудничества и разработкой различных соглашений. СПС устанавливал также, и Парламентский Комитет Сотрудничества, который состоял из представителя Европейского парламента и представителя Федерального Собрания РФ. Парламентский комитет мог запрашивать информацию относительно выполнения данного соглашения и давал рекомендации Совету Сотрудничества. Соглашение регламентировало и политический диалог, который должен был проходить не реже чем два раза в год между Председателем совета Европейского Союза, президентом Комиссии европейских Сообществ и президентом России. Диалог проходил и на министерском уровне не реже одного раза в год. Стоит заметить, что политической и культурной сферам в СПС отводилось меньше всего статей. Большее внимание было отведено экономической сфере. Такая диспропорция была вызвана, скорее всего, тем, что: во-первых, ЕС строил отношения с Россией именно на основе экономики, и в этой сфере между двумя партнёрами уже были наложены связи, а, во-вторых, между ЕС и Россией просто не было опыта ведения партнёрского политического диалога. Конечно, СПС налагало на Евросоюз и Россию довольно значительные обязательства, однако Соглашение имело и ряд оговорок. Так можно было поступиться статьями Соглашения, если их выполнение будет подрывать интересы безопасности или нарушать международные обязательства. Соглашение о Партнёрстве и Сотрудничестве было заключено сроком на 10 лет, с возможной, ежегодной автоматической пролонгацией после истечения установленного срока. Прекращение Соглашения было возможно, если одна из сторон направляла в адрес другой стороны письменное уведомление за шесть месяцев до окончания срока действия [11, *ibid*]

Предстоял этап ратификаций СПС государствами-членами ЕС. В декабре 1994 г. было принято временное соглашение о торговле, которое включало большинство пунктов из СПС [12, с. 37]. Подписанный договор дал импульс к развитию новых отношений между партнёрами.

20 ноября 1995 г. ЕС принял "Стратегию отношений между Европейским союзом и Россией", по которой Брюссель должен был внести вклад в демократические реформы в России, способствовать сотрудничеству в экономической сфере, области безопасности и согласованности во внешней политике.

Однако развитие отношений проходило не так гладко. Ратификацию соглашения государствами – членами ЕС замедлило очередное расширение Европейского Союза. А особо остро на ход ратификации повлияло начало войны в Чечне. На период войны была приостановлена ратификация СПС государствами-членами ЕС.

13 мая 1996 г. Евросоюз принял "План действий Европейского Союза для России", который явился продолжением принятой 20 ноября 1995 г. стратегии ЕС по отношению к России. В соответствии с этим планом изменялись акценты относительно отдельных действий, которые должны были проводиться в рамках программы TACIS или в рамках СПС. 25 ноября 1996 г. Россия ратифицировала СПС, но в силу соглашение вступило лишь 1 декабря 1997 г [13, с 174].

Нельзя говорить об уникальности Соглашения о Партнерстве и Сотрудничестве (помимо соглашения были заключены с Украиной и Беларусью). Но Россия обладала большим потенциалом (людским, научно-техническим, ресурсным, военным) и поэтому у неё было больше шансов на построение равноправного диалога с Европейским Союзом. В СПС достаточно полно (на момент его создания) оговаривались "точки соприкосновения", таким образом, создавалась основа для всестороннего сотрудничества. Соглашение создало правовую основу для образования специальных органов по координации отношений на политическом уровне. Была заложена основа сотрудничества на мировой арене для поддержания стабильности на европейском континенте, обеспечения соблюдения международных договоров и совместное противостояние международным угрозам. А самое главное - была создана основа для всестороннего сотрудничества, а в будущем и для интеграции в таких важных сферах как

наука, энергетика, транспорт, образование и т.д.

In article is shown development of relations between the European Union and Russia at an early stage (before was ratified of the Agreement of partnership and cooperation). In article is devoted to the continuity of the right regulation of economic relations between the European Communities (the European Union) and the USSR (the Russian federation). In article is considered influence of the European Union on the Russian economic and political sphere. Participation of the European Union is established in consultation of the Russian management on carrying out political and economic reforms, and also rendering of the technical help. The part of article is devoted to the period of negotiations of the commissions on Agreement creation, and also problems which arose in the course of negotiations are described. The Agreement on partnership and cooperation is brief analyzed. The basic spheres of construction of cooperation between EU and Russia were considered in the end of article.

**The key words:** European Union, Commission of European Union, Agreement of partnership and cooperation, TACIS.

### **Список литературы.**

- 1.Лихачёв В.Н. Россия и Европейский союз в международной системе (diplomatiya, politika, pravo) 1998-2004 gg. Казань: Центр инновационных технологий, 2004. 600 c.
- 2.Европейский Союз на пороге XXI века: выбор стратегии развития. Под ред. Ю.А. Борко и О.В. Буториной. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 471 с.
- 3.Борко Б.А. Данилов Ю.А. Россия – Европейский Союз: стратегия стратегического партнерства. ДИЕ РАН №157 М.: ИЕ РАН. Издательство "ОГНИ ТД", 2005. 78 с..
- 4.Эмерсон М. Пища для реформы. М., 1992.
- 5.Серов В.Открылось представительство ЕС//Коммерсантъ.1992. 24 окт.
- 6.ЕС и Россия партнерство на практике. М.: Европейские сообщества 2002.
- 7.Борко Ю. А. От европейской идеи – к единой Европе. М.: Издательский дом Деловая литература, 2003. 464 с.
- 8.Леонтьева Е. Барьеры устраниены. Теперь можно строить// Российская газета., 18 января 1992 №14 (350).
9. Эмерсон М. Европа на двух столпах 2003. 4 с.
10. Калашникова Н. Итоги визита Ельцина в Брюссель//Коммерсантъ.1993.12 дек.
11. Agreement on Partnership and Cooperation establishing a partnership between the European Communities and their Member States, of the one part, and the Russian Federation Электрон. дан. Режим доступа [http://ec.europa.eu/comm/external\\_relations/pca\\_legal/index.htm](http://ec.europa.eu/comm/external_relations/pca_legal/index.htm).
12. Общее европейское экономическое пространство: Перспективы взаимоотношений России и ЕС. М.: Дело, 2004. 238 с.
13. Петер М. Россия и Европейский Союз / Пер. с нем. В.В. Афанасьев. М.: МГПУ, 2006. 200 с.

### **Об авторе**

Водорезов С.И. – аспир. Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, [stasv23@gmail.com](mailto:stasv23@gmail.com)

## УИЛЬЯМ К. БУЛЛИТ: ВЕХИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ

Е.Н. Журина

Статья посвящена основным этапам профессиональной деятельности первого посла США в СССР У.К. Буллита. Он был активным сторонником установления и развития дипломатических отношений между двумя странами, но пребывание в Москве кардинальным образом изменило не только его политические взгляды, но и дальнейшую жизнь.

**Ключевые слова:** государственный департамент, американский президент, признание, советское руководство, посольство, международные отношения.

Советско-американские отношения, несомненно, вызывали и будут вызывать интерес еще у многих поколений исследователей. И, в первую очередь, внимание привлекают личности, непосредственно участвовавшие в истории их развития. Уильяму Кристиану Буллиту, доверенному советнику президента Рузельта и первому послу США в СССР, здесь принадлежит особое место.

Уильям Буллит родился 25 января 1891 года в филадельфийской семье – одной из тех, которые в Америке называют аристократическими. Буллиты регулярно путешествовали по миру. Французский и немецкий языки Уильям освоил в совершенстве, будучи ребенком. Наделенный великолепными способностями и упорством, он был одним из первых среди студентов своего выпуска в Йеле. Профессора прочили ему блестящее будущее в области психологии. Интерес к этому предмету у Буллита сохранился на всю жизнь: позднее в соавторстве с самим З. Фрейдом он напишет исследование характера В. Вильсона [1].

После года в юридической школе Гарварда он путешествовал по Европе. В качестве корреспондента в ходе Первой мировой войны посетил большинство столиц воюющих государств, однако, ему, вероятно, надоело быть сторонним наблюдателем. Наступали великие события, и он стремился стать их участником [2, с. 48].

В декабре 1917 г. при поддержке влиятельного полковника Э. Хауза Буллит был зачислен в штат госдепартамента. Позднее Э. Хауз и госсекретарь Р. Лэнсинг решили направить его в Россию для сбора информации о положении в стране. Ему было поручено узнать, на каких условиях большевики намерены начать переговоры о мире.

Облеченный доверием первого помощника президента, Буллит воспринял идею поездки в Россию с энтузиазмом. Предложения Буллита сводились к следующему: существовавшие на российской территории правительства сохранялись, военная помощь им прекращалась, союзнические войска выводились, Советы признавали долги.

22 февраля 1919 года он тайно выехал в Россию в сопровождении специалиста по России капитана У.У. Петтига, помощника военно-морского министра Р.Л. Линга и известного журналиста Л. Стеффенса. Г.В. Чичерин встретился с Буллитом в Петрограде, выслушал его и сопроводил миссию в Москву, где он был принят В.И. Лениным. Документ, с которым Буллит прибыл в Москву, был внимательно изучен, в него были внесены изменения, главным образом Литвиновым, именно с ним согласовывалась каждая фраза. Окончательное содержание документа было одобрено Чичериным и утверждено Лениным [3, с. 28].

Текст мирного предложения от 12 марта предусматривал приостановить военные действия на всех фронтах, сохранить власть всех фактически существующих на территории бывшей Российской империи и Финляндии правительств, войскам союзных и объединившихся правительств необходимо немедленно покинуть ее пределы, обсудить проблему долгов и т.д. Конференция должна была обсудить вопрос о заключении мира, желательно в нейтральной стране [3, с. 28-29]. Буллит был в восторге от Ленина: «Подумать только, если бы я

имел такого отца, как он!» [4, с. 193].

Но в Париже Буллита ждало разочарование. Президент Вильсон отказался рассматривать предложения, привезенные им из Москвы. Д. Ллойд Джордж, первоначально поддержавший идею миссии, публично отмежевался от Буллита. Возможности, которые открывались московскими переговорами, не только не использовались, но даже не изучались. Досада Буллита усугубилась после подписания Версальского договора. Вопреки его надеждам, мир опрокидывал его надежды на единение Европы и развитие либеральных институтов. В открытом послании Вильсону он обвинял президента в том, что он пошел на поводу у французских и английских союзников, стремившихся перекроить Европу в своих интересах, не считаясь с национальной гордостью побежденных народов. Произвольные территориальные переделы и унизительные условия мира для Германии он считал преддверием новой войны. Открытая критика решений конференции в целом и лично главы исполнительной власти США означала разрыв с администрацией и неизбежность отставки. В сентябре 1919 г. Буллит полностью отошел от дел, предварительно заявив корреспондентам, что намерен отправиться на Ривьеру и "греясь на песке наблюдать, как мир проваливается в преисподнюю" [2, с. 51]. За этим последовало почти 13 лет политического забвения.

В отставке Буллит стал редактором голливудской студии «Paramount Pictures», подолгу жил в Европе, дружил со Скоттом Фицджеральдом, встречался в Париже с Хемингуэем. С 1925 года он проходил курс психоанализа у Зигмунда Фрейда, а затем, став его другом, в течение десяти с лишним лет ездил в Вену и обсуждал с Фрейдом разные проблемы.

Первая встреча Рузвельта с Буллитом состоялась в начале октября 1932 г., его рекомендовали как крупного специалиста по европейским проблемам [2, с. 52]. Буллит наконец-то получил возможность вернуться к активной политической жизни; Рузвельт же в его лице приобрел деятельного сторонника, готового к выполнению ответственных и деликатных поручений.

По просьбе Рузвельта Буллит на свои средства трижды ездил в Европу в 1932-1933 гг., чтобы познакомиться с взглядами различных политических лидеров. Будущий президент высоко оценил результаты этих «вояжей» и с приходом в Белый дом назначил его помощником государственного секретаря по особым делам.

Буллит был одним из активных сторонников идеи о необходимости налаживания дипломатических отношений с Советским Союзом, но при этом поддерживал меморандум главы восточноевропейского отдела госдепартамента Р. Келли, в котором говорилось, что признание не должно иметь места до тех пор, пока Советское правительство не возьмет на себя обязательств в отношении национализированной собственности американских граждан: долгов и пропаганды [5, с. 81; 6, р. 16]. Буллит предупреждал, что СССР может быть сравнительно сговорчивым до признания, но после – несгибаемым по всем значимым вопросам [7, р. 103].

Президент избрал более короткий способ решения проблемы, предложив поставить советско-американские отношения «во главу угла», а не увязать в бюрократической политике [8, р. 98]. Он согласился на политическое признание СССР и заключил "дженетльменское соглашение" с Литвиновым, из которого следовало, что все спорные вопросы между двумя державами будут решены в ближайшем будущем при активном участии послов: У. Буллита в Москве и А.А. Трояновского в Вашингтоне.

Ни у кого в американской администрации в 1933 г. не вызывало удивления назначение Буллита первым послом США в Москве. В течение многих месяцев он занимался подготовкой признания СССР, бывал в России, интересовался ее историей.

К своим новым обязанностям он отнесся исключительно серьезно. Тщательно подбирались кандидаты на поездку в Москву в составе его миссии: Д. Уайли, Л. Гендерсон, Д. Кеннан, Ч. Болен, — способные эксперты, специализировавшиеся на восточноевропейских проблемах, впоследствии достигшие высот в дипломатической карьере.

Приезд Буллита в Москву в ранге посла состоялся 11 декабря 1933 г. Советская сторона положительно восприняла его назначение. В прессе широко освещался как сам факт прибытия, так и итоги первых встреч с советскими руководителями [2, с. 55]. В Соединенных Штатах сенсацией стало известие о присутствии на одном из приемов Сталина, тогда не баловавшего своим вниманием иностранных дипломатов. "Очень трудно усомниться в сердечности,

с которой меня принимали все члены правительства, включая Калинина, Молотова, Ворошилова и Сталина" [2, с. 56], — отмечал он в послании президенту от 24 декабря 1933 г.

Выполнение обязанностей посла в Москве в 1934-36 гг. оказалось на редкость непростым делом. Буллиту приходилось решать множество проблем, начиная с выбора помещения для посольства и заканчивая организацией контрабандного провоза в СССР иностранной валюты и ее обмена на рубли на черном рынке. Однако ни в одном важном вопросе ему не удавалось продвинуть вперед американо-советский диалог: проблема долгов так и не была разрешена, тяжело шли торговые переговоры, фактические приостановленные в конце января 1935 г.

Столкнувшись с трудностями, он поспешил объяснить причины своих неудач - злой волей советского руководства [2, с. 58]. Политика Сталина, человека, определявшего тогда судьбу огромной страны, казалась ему непостижимой, лишенной логики и враждебной интересам Запада. Stalin в его представлении был «этилистом цыганом, культура и эмоции которого не понятны, поскольку ни с чем подобным не приходилось иметь дело» [9, с. 42]. Начиная со второй половины 1934 г. в отчетах Буллита преобладали ноты вражды и недоверия к СССР, а депеши содержали суровую критику сталинского режима. Он советовал американскому правительству не рассчитывать на установление стабильных торговых отношений с СССР, предлагал не предоставлять советскому правительству долгосрочных кредитов и займов.

Накануне отъезда из СССР, встречаясь с американскими корреспондентами, он призывал их снабжать редакции газет антисоветскими материалами [2, с. 61], пытался побудить послов иностранных государств к совместным антисоветским демаршам.

К началу 1936 г. его пребывание в СССР считали нежелательным как в Москве, так и в Вашингтоне. Отставка стала неизбежной.

Назначение во Францию в середине 1930-х гг. считалось самым престижным для дипломата. Париж был признанным центром европейской культуры, здесь сохранилась аристократия и процветала салонная жизнь. Здесь он наконец-то оказался в среде, которая была ему близка, понятна и не вызывала враждебных эмоций. Как отмечал Р. Мэрфи, являвшийся вторым лицом в посольстве, «его близость с членами французского кабинета была неслыханной». Сам посол с видимым удовлетворением сообщал в Вашингтон о том, что премьер Э. Даладье по каждому важному вопросу советовался с ним и не скрывал готовности следовать его рекомендациям [2, с. 63].

С приходом гитлеровских войск Париж пришлось покинуть. В конце 1941 — начале 1942 г. Буллит находился на Ближнем Востоке в качестве специального представителя президента в течение трех месяцев. Вернувшись в Вашингтон, он отклонил предложение возглавить американское дипломатическое представительство в Австралии и предпочел остаться на положении политического эксперта при морском министре.

В августе 1943 г. произошел личный и политический разрыв отставного дипломата и главы администрации. Будучи исключенным из узкого круга лиц, причастных к выработке внешнеполитических решений, он считал виновниками своего положения ближайших помощников президента Гопкинса и Уэллеса. Гопкинс был недосыгаем для его нападок, и Буллит обрушился на Уэллеса, наводняя Вашингтон слухами, порочащими заместителя госсекретаря. Дело приняло скандальный оборот, и Уэллесу пришлось уйти в отставку. Президент болезненно воспринял эту потерю. Он не простил Буллиту его нечистоплотных методов. После этого рассчитывать на высокий пост в демократической администрации стало бессмысленно [2, с. 64].

С 1944 года он работал корреспондентом журнала «Life», а конец войны встретил в чине майора французской армии. Бывший дипломат надел офицерский мундир, воевал в Алжире, затем возглавлял военную комендатуру Баден-Бадена и даже был награжден Орденом Почетного Легиона.

Уильям Кристиан Буллит умер 15 февраля 1967 г. в Ньюибли, пригороде Парижа. Он вошел в историю международных отношений как один из ведущих дипломатов своей эпохи. Безусловная одаренность и незаурядный талант аналитика позволяли ему делать блестящие прогнозы. По мнению Дж. Кеннана, одного из известнейших американских дипломатов, он был «блестящим, хорошо образованным, очаровательным, уверенным в себе, утонченным и необычайно подходящим для мира международных отношений... Его успешные дипломатические положения позволили ему глубоко проникнуть в жизнь Европы середины и конца 1930-х гг., а его

взгляды и поступки представляют собой весомый вклад в историю данного периода» [10, p.v].

The article is devoted to the main phases of professional activities of the first American ambassador to the USSR W.C. Bullitt. He was an active supporter of establishment and development of diplomatic relations between two countries, but his work in Moscow changed drastically not only his political views but his entire life.

**The key words:** the State Department, the President, recognition, the Soviet leadership, embassy, international relations.

### Список литературы

1. Freud S., Bullitt W. Thomas Woodrow Wilson - A Psychological Study. Boston: Houghton Mifflin, 1967.
2. Юнгблуд В.Т. Уильям Буллит: дипломат упущеных возможностей. // Актуальные проблемы американистики. Материалы международной научной конференции. Н.Новгород, 1996.
3. Севостьянов Г.Н. Москва-Вашингтон. На пути к признанию. 1918-1933. М.: Наука, 2004.
4. Эткинд А. Посол и сатана: Уильям К. Буллит в булгаковской Москве. // Звезда, 1993, № 1.
5. Исраэлян В.Л., Попов В.И. Установление дипломатических отношений между СССР и США в 1933 г. // Исторические записки. Т. 55. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956.
6. Bishop D. The Roosevelt-Litvinov agreements. The American view. New-York: Syracuse University Press, 1965.
7. Mayers David. The ambassadors and America's Soviet policy. New-York - Oxford: Oxford University Press, 1995.
8. Cassella-Blackburn M. The donkey, the carrot, and the club: William C. Bullitt and Soviet-American relations, 1917-1948. Westport, Conn.; London: Praeger, 2004.
9. Данн Д. Между Рузельтом и Сталиным. Американские послы в Москве. М.: Три квадрата, 2004.
10. For the President. Personal and secret correspondence between Franklin D. Roosevelt and William C. Bullitt / Orville H. Bullitt. Boston: Houghton Mifflin company, 1972.

### Об авторе

Журина Е.Н. – аспир. Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, helga@cheerful.com

### УДК - 94

### ОСНОВНЫЕ ПРОТИВНИКИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА XVI-СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА НА ЮГО-ЗАПАДНОМ НАПРАВЛЕНИИ

Д.А. Карпов

Рассмотрен юго-западный, Северский, сектор обороны порубежья Московского государства XVI-середины XVII в., особенностью которого являлось то, что ему приходилось противостоять трем внешним противникам, польско-литовской армии, татарскому войску и отрядам «воровских черкас», различающимся по своим целям, тактике и вооружению. На основе письменных исторических источников выявлены основные характерные черты каждого из этих трех агрессоров.

**Ключевые слова:** Северщина, XVI-середина XVII в., польско-литовская армия, татарское войско, «воровские черкасы», основные цели и тактика нападений.

Порубежьем Московского государства XVI-середины XVII в. на юго-западном направлении была Северщина, охватывающая территории средней Десны, от Брянска на севере до Чернигова на юге, и нижнего Сейма с Рыльском и Путивлем. Это были земли древнерусского Черниговского княжества, попавшие в литовское подданство в XIV в. и перешедшие под власть Москвы на рубеже XV-XVI вв. Особенностью данного сектора обороны Русского государства являлось то, что в силу своего географического положения ему приходилось вплоть до конца XVI в., когда русские города, защищавшие центральные регионы страны с

юга, выдвинулись далеко в Поле и прикрыли Северщину с востока, постоянно опасаться нападение противника с трех сторон. Тыловым было лишь северное направление. Здесь за огромным массивом знаменитого Брянского леса, раскинувшегося на левобережье Десны, располагались русские заокские города. Даже когда Речь Посполитая, владевшая, согласно статьям Деулинского перемирия, с 1618 по 1634 г. московской крепостью Серпейск, ненадолго нависла с этой стороны над Брянском, труднопроходимые леса оказались надежной защитой.

На протяжении всего интересующего нас периода защитникам русского юго-западного порубежья пришлось сражаться с противниками, противоречия с которыми возникли и развивались на протяжении всего XVI в. Тогда же сформировались навыки противодействия этим агрессорам, вылившиеся к началу XVII в. в создание достаточно боеспособной системы защиты московского порубежья на данном направлении.

Традиционно отечественная историография рассматривает двух основных противников, угрожавших данному направлению.

Первым являлось Великое княжество Литовское (ВКЛ), превратившаяся после Люблинской унии 1569 г. с Польшей в составную часть Речи Посполитой. На протяжении полутора столетий это государство не только пыталось восстановить свое господство над северскими землями, но и, надо признать, отстоять свои смежные территории от новых притязаний Москвы. Только в первой половине XVI в. произошло три крупные русско-литовские войны, затронувших и Северщину: в 1507-1508 гг., в 1512-1522 гг. и, так называемая, «Стародубская» война 1534-1537 гг.

На этом фронте юго-западному сектору московского порубежья пришлось столкнуться с армиями европейского образца, насыщенными ручным огнестрельным оружием и артиллерией. Их многочисленная пехота, в том числе и наемная, была обучена полевым сражениям, штурму и обороне крепостей. Широко использовалось инженерное обеспечение маршней и сражений. Яркий пример действий этого войска находим во время осады литовцами в августе 1535 г. Стародуба-Северского, защищавшегося русским гарнизоном во главе с воеводой Ф.В. Овчиной-Оболенским.

Сорокатысячное вражеское войско «...с великим нарядом, с пушечным и с пищальным...» [25, с.98; 27, с. 254], включало в себя помимо собственно литовских сил под командованием воевод Ю. Радзивилла и А. Немирова, еще семитысячный отряд наемных жолнеров, которыми командовал один из лучших польских полководцев коронный гетман Я. Тарновский [25, с.86-87]. Войско было снабжено мощной артиллерией, сумевшей за три дня обстрела принудить в начале похода к капитуляции Гомель [25, с.87]. Но надежные укрепления Стародуба и сильный гарнизон, заставили польско-литовское войско на несколько недель задержаться под стенами города.

Здесь раскрывается главный тактический прием западных агрессоров. Встретив сопротивление укрепленного города, они пытались его сломить штурмом или осадой. Как правило, польско-литовские, а севернее и шведские войска, не оставляли у себя в тылу не захваченными даже небольшие русские города, опасаясь со стороны их гарнизонов удара в спину и блокирования коммуникаций [9, с.497].

Яркий пример следования подобной тактике польско-литовскими силами проявился под стенами малой псковской крепости Опочки в 1517 г. Оборонялся там небольшой гарнизон под командованием В.М. Салтыкова-Морозова. Укрепления выглядели настолько ненадежными, что литовцы презрительно назвали городок «свиным хлевом» [9, с.61]. Почему, видимо, особо первую атаку и не готовили. В результате, понесли большие потери. Как писал летописец: «...побиша многое множество людей королева войска, яко и Великую-реку от всех стран града запрудиша трупы людскими... и воеводу их большого Лятцкиа рати Сокола убиша и знамя его взяша». Литовцы приступили к осаде, ожидая подхода подкреплений и подвоза «проломных» пушек. Но раньше на выручку гарнизону подошли русские войска. Враг спешно «... и с великим срамом...» отступил, бросив даже артиллерию [25, с.27].

Подобный исход мог ожидать и Стародуб. С рубежа р. Оки, именуемого в те годы «Берегом», ему на помощь двинулись полевые войска. Но в это время на рязанском направлении началось гораздо более опасное для общегосударственной системы обороны крупное татарское втор-

жение, инспирированное той же Литвой. Полки береговой рати были возвращены назад [25, с.97].

Осажденный Стародуб остался в одиночестве, но оружия не сложил. Ю. Радзивиллу пришлось, впервые за всю историю русско-литовских конфликтов, прибегнуть к использованию минного оружия [25, с.87]. Под руководством наемного «разума Ербурда» 300 рабочих вырыли подземную галерею длиной 200 сажень. Заложенными туда зарядами пороха была одновременно в нескольких местах взорвана городская стена и атакующие ринулись на штурм, используя при этом, как отмечают письменные источники, «воронов» [17, с.77] – осадные приспособления для разрушения стен и растаскивания завалов в виде длинных крюков. Несмотря на мужество стародубцев, дважды выбивавших врага из проломов, крепость была взята. Постниковский летописец так описывает это событие: «В лето 7043... пришли литовские воеводы... И стояли под городом пять недель, подкапывали под стену под городовую, да, подкапався, город сожгли и воеводу князя Федора Васильевича Овчину Оболенского и иных воевод с собою свели и детей боярских, а иных детей боярских и чернь побиша безчислено много» [30, с.175]. В Вологодско-Пермской летописи можно прочитать, что было пленено до 15 тысяч русских вместе со своим воеводой [17, с.80]. Но, скорее всего, здесь речь идет об общих потерях населения города и гарнизона, численность которых обычно, опираясь на письменные исторические источники, оценивают в 13 тысяч человек [29, с.39; 32, с.279 и др.]. По летописным данным известно, что в плен попало около тысячи человек, из которых победители сохранили жизнь только князю Оболенскому, нескольким детям боярским и слугам. Согласно реестров «московским вязням» осени 1535 г. и октября 1538 г., в литовском плену оказалось меньше полусотни стародубских пленников [17, с.81].

На примере действий гетмана Ю. Радзивилла под Стародубом в 1535 г. ярко проявились и состав, и основные тактические приемы польско-литовского войска. Кстати, жестокость в обращении с пленными подтверждает, что его основными целями являлись захват территорий, разрушение вражеской инфраструктуры, нанесение максимально возможного военного, экономического и демографического урона.

Другим врагом, угрожавшим Северщине в XVI-середине XVII в., более опасным для России в целом, и, возможно, в силу этого более изученным в отечественной историографии, были крымские татары. Их набеги на Русь, дополнявшиеся требованиями так называемого «выхода», начались с 1507 г. Больше, чем на полтораста столетия они превратились в постоянную угрозу для интересующей нас территории.

Вопрос о причинах тяжелого и затяжного характера борьбы Русского государства с татарами поднимался историками неоднократно. Часть из них придерживалась мнения, высказанного еще А.М.Курбским, осуждавшим Ивана IV за то, что он до начала Ливонской войны не завершил покорение Казани и не нанес решающего удара Крымскому ханству. Так В.П. Загоровский прямо обвиняет Ивана IV в политической недальновидности за то, что царь после разрыва с «Избранной радой» отошел от курса, направленного, прежде всего, на борьбу с татарами, повернув основные силы на запад, не обеспечив надежного тыла на татарском фронте [11, с.142-143].

Другие историки, такие, как А.А. Новосельский становятся на сторону Ивана Грозного: «Курбский писал тогда, когда эффект татарских вторжений и восстания в Казанской земле обнаружились в полной мере, и ему было легко доказывать свою правоту и дальновидность. Очевидно также, что царь Иван IV хорошо понимал серьезную опасность, угрожавшую Московскому государству со стороны татар в течение войны за Ливонию. Это ясно из его настойчивых попыток разъединить Польшу с Крымом, из попыток активной обороны против татар в 1558 и 1559 годах обеспечить свободу действий на западном фронте» [23 с.12].

В конечном итоге и одна, и другая позиции опираются на признание или отрицание существования в то время у Москвы военно-экономического потенциала для завоевания Крыма. Не вдаваясь в суть этого вопроса, отметим непреложный факт: ограничить военную активность Крымского ханства дипломатическим путем или даже регулярным богатым «выходом» было невозможно. Как отмечал А.А. Новосельский, «...татары были противником непримиримым, не поддающимся дипломатическому воздействию и не идущим на мирное сожительство» [23 с.416]. Причина этого кроется, конечно, не в «хищничестве» татар, как порой трактовали агрессивность ко-

чевников историки XIX-начала XX в., а в экономическом и социальном устройстве Крыма.

Основой его хозяйства являлось экстенсивное кочевое скотоводство, сильно зависимое от урожая естественных, т.е. не возделанных человеком, кормов. Их частые неурожаи приводили к массовому падежу скота и голоду среди людей. Слабое развитие земледелия требовало постоянного импорта на полуостров хлеба, за который, естественно, приходилось платить. Но эти экономические проблемы крымские феодалы решали не путем интенсификации производства, а через присвоение чужой собственности, добытой войной или вымогательством «даров». Грабительские походы были постоянным фактором в экономике Крыма, без которого социально-политическая структура общества не могла бы сохраняться [14, с.319]. Не надо забывать и о менталитете татарского общества того времени, согласно которому уважаемый мужчина обязан быть не только воином-защитником, но и налетчиком, грабителем. И хотя простому народу доставались как наибольшие жертвы во время постоянных войн, так и минимальные выгоды, тем не менее, в походе самый последний из воинов был не просто подневольным исполнителем. Идеологически и психологически он был заряжен на войну, что делало его гораздо более опасным противником.

Вымогательство же «даров» и «поминок» было связано с претензиями крымских ханов на роль преемников власти Золотой Орды, с вытекающими отсюда попытками представить Русское государство данниками татар. Интересно, что законным обоснованием своей политики крымские ханы называли все то же присоединение к Москве Северских земель. В 1506-1507 гг. крымский хан Менгли-Гирей I по типу золотоордынских ханов выдал ярлык на управление русскими городами великому литовскому князю Сигизмунду I. Это подчеркивало право верховной власти Крыма, как наследника Золотой Орды, над Русью. Причем, требуя от Сигизмунда «дани и выходы и службу», Менгли-Гирей даровал ему во владения не только те города, которые входили в состав ВКЛ, как «Киевскую тму, со всеми входы и даньми, и з землями и з водами», но и те, которые уже фактически входили в состав Московского государства – Чернигов, Рыльск, Курск, Радогощ (современный г. Погар), Стародуб, Брянск, Мценск, Тулу, Козельск, Пронск. А в придачу – Великий Новгород, и формально пока еще полусамостоятельные Псков и Рязань [2, с.4-5].

Переход этих городов под власть Москвы, формально закрепленный в статьях русско-литовского «вечного мира» от 1508 г., с точки зрения крымской дипломатии того времени повлек перенесение обязанностей по выплате старых литовских поборов на московского князя. Объяснение этой политике А.Л. Хорошевич находит в послании крымского хана Василию III о городах Северщины: «Область наша к нам тянет – Брянск, Стародуб, Почап, Новый Городок (Новгород-Северский – Д.К.), Рылеск, Путивль, Каравчев, Радогощ, те писаные восемь городков из старины наши были, а отцу твоему великому князю Ивану мы их дали по нашему их слову, взял Одоев в головах, тридцать и пять городов из старины деда нашего были; а, и в дефтери посмотрив, уведаешь. А с нами, с братом твоим, отец твой и князь великий Иван как учинили в дружбе и в братстве, на всякой год дараги наши князи, наши взимки взяв, к нам привозят с них. И ныне ту восемь городов, о которых писали есми, отдашь нам» [24 с.154]. Считая, что дефтерии были даны Тохтамышем литовскому князю Витовту на право владения данными городами, А.Л. Хорошевич отмечала важность сведений о том, что из всех восьми городов в Крым поступали платежи, получением и доставкой которых ведали крымские чиновники – «князья дараги». Даже тогда, когда города перешли под власть Москвы, ордынские выплаты продолжали сохраняться. Таким образом, присоединение Северщины и других мелких княжеств, бывших в составе ВКЛ данниками Крыма, вовлекало Москву в даннические отношения к Крыму [31, с.74-76]. Изживать их пришлось потом чрезвычайно долго и непросто. И здесь мы находим подтверждение взглядов А.А.Новосельского. Имевшее достаточные политico-экономические и военные средства государство, естественно, пошло бы на разрыв даннических отношений. А ведь еще в 1670 г., русско-крымский договор, фиксировавший присоединение к России Левобережной Украины, включал обязательство уплаты «поминков» в Крым. И эти выплаты, по сути приближающиеся к дани, производились до 1700 г. И причина была не в традициях, восходящих к концу

XIV в., а в соотношении сил, которое вынуждена была учитывать Россия, считаясь с реальными силами Османской империи, вассалом которой было Крымское ханство. Потребовались победы Москвы в русско-турецкой войне 1686-1700 гг., чтобы страна смогла сбросить эти позорные обязательства [31, с.77]. А ведь в XVI в. Россия обладала гораздо меньшим потенциалом, чем в конце XVII в. Да и крымская армия в то время не имела глобального качественного отставания от русской, а численно могла значительно превосходить силы, противостоящие ей на порубежье.

Количество крымских войск, участвовавших в нападениях на русские земли, могло быть разным. Летом 1521 г. из Крыма сообщали Василию III, что Мухаммед-Гирей готовит в поход на Русское государство 50-60 тысяч воинов [23, с.706]. А в 1550 г. русские заставы на р. Донце обнаружили отряд крымчаков в 20 тысяч всадников [25, с.127]. Такой численный разброс был вызван тем, что количество татарских войск зависело от того, кто их возглавлял. Хан мог вести с собой до 100 тысяч воинов, среди которых были не только крымчаки, но и их союзники. О походе Сахиб-Гирея 1541 г. Никоновская летопись писала так: «...многих орд люди, Турского царя люди, и с пушками и с пищалми, да из Нагай Бакий-князь с многими людьми, да Кафинцы, и Азтороканцы (астраханцы – Д.К.), и Азовцы, и Белгородцы (татары, жившие вблизи турецкой крепости Аккерман, занимавшей место славянского Белгорода IX в., сейчас это Белгород-Днестровский – Д.К.)... тысяч со сто и боле» [25, с.100-101]. Всадники двигались колоннами по 12 в ряд. Если в поход выступал первый наследник хана калга, то с ним шло до 50 тысяч воинов, а лошади шли по восемь в ряд. Войско второго наследника – нурадина – насчитывало до 40 тысяч человек, двигавшихся колоннами по шесть в ряд. Крупные феодалы – султаны – вели до 30 тысяч человек, строившихся в колонны по пять, а мелкие феодалы, мурзы и беи, совершали набеги с отрядами до десяти тысяч человек, не соблюдавших никакого строя [31, с.172].

Основную часть татарского войска составляла легкая конница. «Татары не обременяют себя иной добычей, кроме плеников, и не имеют никакой поклажи, хотя у каждого есть одна или две запасные лошади, отлично выезженные и послушные. Они столь искусные наездники, что на всем скаку прыгают с одной лошади на другую; кроме лука, стрелы и сабли, татары не имеют другого оружия...» - писал капитан иностранных наемников на русской службе Жак Маржерет [19, с.40]. То, что основным оружием татар были лук и стрелы, подтверждает весь комплекс исторических источников. В связи с этим в обыденном сознании сложилось представление об архаичности вооружения этих воинов для XVI-XVII вв., когда огнестрельное оружие, более передовое, по общему мнению, получило уже широкое распространение. Так ли это было на самом деле?

Мощь татарского лука, оцениваемая по силе, требуемой для натягивания тетивы, достигала 80 кг. Луки средних стрелков имели силу 20-40 кг. Отметим, что современные спортивные луки не превышают силы в 20 кг. [21, с.313]. Хороший лучник, выпуская 10-12 прицельных стрел в минуту, на расстоянии 200 м убивал лошадь или пробивал бронебойной стрелой кольчуту воина навылет [12, с.106; 20, с.34]. В Англии в 1428 г. был зафиксирован результат пробивной силы стрел, выпущенных из обычного для Западной Европы длинного простого лука, уступающего по мощности и дальности стрельбы сложному луку восточного типа, которым пользовались и татары, и русские, с дистанции в 300 шагов (213 м). На этом расстоянии стрелы пробивали дубовую доску толщиной в 5 см [20, с.33]. Предельная же дальность стрельбы из сложного лука достигала 500 м, хотя отдельные стрелки могли послать стрелу еще дальше.

Между тем, даже в 1699 г. ружья с кремневыми замками, которыми вооружалась русская пехота, стреляли не далее тех же 300 шагов при незначительной меткости [3, с.106]. Фитильные же ручные пищали XVI-XVII вв. стреляли еще ближе. Так, во время состоявшегося в декабре 1557 г. под Москвой военного смотра, который описал английский купец и дипломат Э. Дженкинс, стрельцы вели огонь по ледяной мишени с расстояния в 60 английских ярдов [9, с.467], что равнялось 25,4 русским саженям и составляло около 54,9 м [18, с.264]. По-видимому, именно эта дистанция и была оптимальной для ведения прицельного огня из

стрелецких пищалей. Для среднего же лучника предельная дальности стрельбы, выведенная еще в средневековых арабских трактатах, составляла 144-156 м [20, с.31]. Если же вспомнить, что фитильные ружья стреляли раз в 3-4 минуты [9, с.442], а прицельно стрелять из них можно было только в пешем строю, что, конечно, неприемлемо при стычках маневренной легкой конницы, то можно понять, почему лук со стрелами еще очень долго оставался мощным оружием. Обращаясь к истории исследуемого нами периода, легко можно найти массу примеров понимания этого русскими. В 1541 г. встречается, казалось бы, обратная ситуация. На переправе через Оку, армия Сахиб-Гирея I была встречена русским Передовым полком, воины которого «...учали стреляти многыми стрелами, и полетеша стрелы, аки дождь. Царь же (Сахиб-Гирей I – Д.К.) повеле ис пушек бити и ис пищалей стреляти...». Но крымским пушкарям и пищальникам не удалось справиться с русскими лучниками, которым на помощь вскоре подошли основные силы, и татары вынуждены были отступить [25, с.108-109].

Впрочем, недостатки были и у такого мощного оружия, каким являлся лук в позднем средневековье. Что бы его максимально эффективно использовать, лучник должен был учиться стрелять годами, а потом поддерживать свои навыки постоянными тренировками. Среди простых татар, основная масса которых в промежутках между военными походами была занята обычными хозяйственными делами, далеко не все по-настоящему мастерски владели луками. Овладеть же стрельбой из ручного огнестрельного оружия гораздо проще. Причем результат выстрела практически не зависит от физических качеств стрелка. Кроме того, на полет стрелы значительно больше влияют природные условия (ветер, влажность, давление и температура воздуха, изменяющие баллистические характеристики стрелы и лука, наличие на линии стрельбы ветвей или высокой травы и т.д.). Ниже поражающие факты лука и при стрельбе по укрытой, например, в крепости или даже за охапкой соломы, цели. Ручное огнестрельное оружие обладает возможностью многократного поражения при стрельбе дробом и вторичного поражения при пулевой стрельбе, особенно при стрельбе по групповой цели на близкой дистанции, за счет способности пули к рикошету и сохранению убойной силы при пробивании тела. Ну, и, в конце концов, не стоит сбрасывать со счетов такой фактор, как сильное психологическое воздействие громкого пищального или пистольного выстрела, особенно с близких дистанций, на человека и тем более на лошадь. Все это и предопределило выбор в пользу огнестрельного оружия.

Как уже отмечалось, грабительские походы составляли постоянный фактор в хозяйственной жизни Крыма того времени, порой являясь единственным средством к существованию. Отсюда происходят и их основные цели, по сути своей, чисто экономические – захват полона и скота. Овладение имуществом уходило на второй план, так как максимально быстрые вторжение и отход исключали использование обозов. Скот и пленные могли двигаться самостоятельно даже по пересеченной местности, где обозы пройти не могли. Именно поэтому большинство разорительных татарских набегов XVI-XVII вв. были часто малокровными. Так, например, в 1637 г. из общего числа русских потерь от набегов крымских татар в 2280 человек убито было лишь 37. В 1645 г. на потери в 5750 человек приходилось 20 убитых [22, с.434]. Татарам было экономически не выгодно кровопролитие, почему они и избегали боевых столкновений. За исключением, конечно, крупных нашествий, имевших, прежде всего, военно-политические цели. Задачи вторжений определяли и тактику действий татар, которая кардинально отличалась от принципов западных противников Руси.

Одним из наиболее ценных письменных источников, сохранивших полное описание приемов действия татарской конницы во время грабительских набегов, является сочинение Гильома Левассер-де-Боплана «Описание Украины» [7]. Несмотря на то, что автор повествовал о событиях на территории украинских земель, входивших в состав Речи Посполитой, бесспорно, что используемую там тактику татары применяли и во время набегов на русские земли, близкие украинским по природно-климатическим условиям, по характеру быта населения и по боевым возможностям вооруженных сил.

Войско вторжения делилось на три части, из которых две трети составляли главные силы, называемые татарами кошем, а оставшаяся треть делилась пополам, образуя на флангах отряда два

крыла по 8-10 тысяч человек. Каждое крыло в свою очередь делилось на 10-12 загонов. В таком составе войско переходило рубеж и стремительно двигалось днем и ночью, не отвлекаясь на грабежи, пока не углублялось на 270-360 км внутрь страны. После чего отряд поворачивал назад, но другой дорогой, так как татары никогда не возвращались прежним путем. При этом кош продолжал двигаться в прежнем темпе, а крылья расходились от него вперед и в стороны на 36-54 км. Загоны как гребенкой, прочесывали местность. Обнаруженные села блокировались, чтобы никто из жителей не ушел, и начинался грабеж. Сопротивляющихся убивали, остальных уводили в полон вместе со скотом: лошадьми, коровами, волами, баранами, козами. При этом татары, как пишет Боплан, безжалостно расправлялись со свиньями, к которым питали отвращение, загоняя их в сараи и поджигая строения с четырех углов.

Обогатившись добычей, загоны, которым не разрешалось далеко отрываться от основных сил, возвращались к кошу. От него сейчас же отходили два свежих крыла загонов, насчитывавших, как и первые, треть войска. Все повторялось. Потом приходил черед последней трети. При этом кош никогда не уменьшался, всегда составляя две трети войска, на случай боя с погоней. С которой, впрочем, татары всеми силами стремились разминуться: «... эти разбойники... приходят... совсем не для того, чтобы сражаться, а для того, чтобы пограбить и захватить добычу» [7, с.61-62].

В послебатыево время татарские конники, избегавшие тяжелых обозов и осадной техники, практически полностью отказались от штурма городов [13, с.18; 15, с.62; 22, с.211 и др.]. Исключение составляли только крупные нашествия, когда вместе с татарскими войсками на Русь шли турецкие пищальники и артиллерия. Однако татары не всегда стремились обойти город стороной. Одним из их тактических приемов являлся «приступ», как его именуют письменные исторические источники. Но в данном случае понимался не штурм, а блокирование укрепленного центра. С одной стороны, достигалась изоляция гарнизона, что упрощало захват и угон в степь скота и пленных из сельской округи, а с другой стороны, блокада мешала уездным жителям укрыться за городскими стенами, что делало их более легкой добычей [22, с.211].

Нельзя не упомянуть и о том, что набирающая мощь Россия была одинаково опасна, как Крыму, так и Польско-Литовскому государству. Уже в 1500 г., когда крымский хан Менгли-Гирей еще находился в прочном союзе с князем Иваном III против своего главного врага – Большой Орды<sup>1</sup> киевский воевода князь Д. Путятич, отправлявшийся послом Литовского княжества в Крым, получил тайный наказ от великого князя Александра о приглашении хана к союзу против Москвы. Причем, Александр Казимирович уже тогда убеждал Менгли-Гирея, что московский правитель является ханским подданным, да к тому же вероломным, чьи захваты Северщины, угрожали и безопасности Крыма: «...коли он господару нашему, зятю своему... присяги не здержал, чы бы так он мел и тебе то долго держати? а он што и брати своей рожной поделал, також через присягу свою, какою их смертью уморил?... и естли он посядет города украинным господаря нашего и к тебе суседом близко ся приближить... сам тому порозумей, как бы твоя милость мог со вспокоем на своем царстве ся высадети? заньже каждый холоп, коли веремя возмет над своим господарем, не может николи добра ему мыслити...» [1, с.210-211]. Отсюда рождались неоднократные союзные соглашения и совместные действия Крыма и Литвы против Московского государства. После разгрома Большой Орды у Крыма уже не было заинтересованности в сохранении союза с московским государем. Многие исследователи отмечали, что в 1504-1506 гг. в политике хана наметились принципиальные изменения в отношении к Русскому государству. А в 1507 г. эти изменения определились – Крым на долгие годы превратился в непримиримого врага России [6, с.471-472; 8, с.60; 11, с.46 и др.]. Все это значительно осложняло оборону нашей страны. В том числе и ее юго-западного сектора.

Но существовала еще и третья сила, угрожавшая безопасности Северской земли в исследуемое нами время – «воровские черкасы». Так письменные исторические источники XVI-XVII вв. называют казаков, подданных Речи Посполитой, проживавших на ее юго-восточных окраинах. В данном случае черкасы выступают не как составная часть войска польско-литовского государства, а как автономная сила, действующая независимо от вер-

ховной власти ради решения проблем своего региона, соседствующего с русским порубежьем. Одним из первых эту силу выделил в 80-е гг. XIX в. украинский историк Д.И.Багалей [5].

Следует сразу же отметить, что проблемы черкасских нападений на порубежье России разработаны слабо. В наиболее полном виде историография этого вопроса представлена в монографии А.И.Папкова «Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой» [24, с.21-49]. Причина, по которой исследователи обходили своим вниманием данного противника Москвы, была связана чаще всего с идеологией. Это характерно и для большинства дореволюционных исторических трудов, следовавших в русле консервативно-охранительных научных взглядов, и особенно для советской науки второй половины XX в., в которой существовала лишь официально одобренная властью концепция «воссоединения братских русского и украинского народов». При этом акцент ставился на этнической, культурной и исторической близости судеб обеих народов, а существовавшие противоречия, выливавшиеся и в вооруженные конфликты, замалчивались. В связи с этим можно назвать лишь одно исследование, основное внимание уделяющее именно противоречиям, возникшим в процессе колонизации Поля на стыке российских территорий с украинскими землями Речи Посполитой. Это уже упоминавшаяся монография А.И.Папкова [24].

Первое столкновение с черкасами на юго-западном пограничье Русского государства, отмеченное в источниках, относится к 1563 г., когда каневские казаки во время перемирия между Москвой и Литвой совершили набег на новгород-северские и черниговские места [16, с.231]. Но активные вторжения черкас в русские пределы начались со второй половины 80-х гг. XVI в. [24, с.91-92]. Причину агрессии жителей украинных земель Речи Посполитой в данном регионе современные ученые связывают со столкновением двух колонизационных потоков, русского и украинского, на Поле [24, с.91, 109]. При этом черкасские вторжения происходили независимо от политики верховной власти, почему, собственно, «воровские черкасы» и рассматриваются нами, как третья самостоятельная сила, угрожавшая юго-западному сектору московского пограничья. Сам термин «воровские черкасы», использовавшийся в русском приказном делопроизводстве конца XVI-XVII в., свидетельствует о том, что их действия рассматривались как незаконные, а, следовательно, не связанные с деятельностью государственной власти Речи Посполитой. К отрядам казаков, выступавших против России в составе польского войска, подобное определение не применялось.

Численность отрядов этого третьего противника России, действовавшего, в основном, в ее юго-западном и южном оборонительных секторах, колебалась от нескольких человек до нескольких сот воинов. Причем, черкасы действовали как в конном строю, так и в пешем, удачно сочетая тактику польской армии и татарских войск. В пешем строю, как правило, небольшими отрядами. Их преимуществом была большая скрытность, так как выявить следы человека в степи гораздо труднее, чем коня. Визуально обнаружить человека без лошади издалека тоже было сложно, так как степная трава нередко превышала человеческий рост. Такие мелкие группы часто занимались разведкой, подготавливая более многочисленный налет. Но при отходе в Поле не упускали возможности заняться и воровством. В апреле 1631 г. валуйский воевода И. Колтовский докладывал в Разрядный приказ, что от воровства таких мелких групп защитить местное население практически невозможно [24, с.138].

В отличие от татар черкасы были хорошо вооружены огнестрельным оружием, умели вести боевые действия в пешем строю и были обучены штурму оборонительных сооружений. В отличие от польско-литовской армии украинские казаки, отправляясь в грабительский набег, не имели тяжелого вооружения и громоздких обозов, умело применяли маскировку, а в случае встречи с превосходящими силами противника использовали татарскую тактику стремительного отступления, дробясь на разбегающиеся мелкие группы, бросающие сковывающую движение и добычу. Если к этому добавить, что «воровские» черкасы умело вели и тактическую разведку, являвшуюся сильной стороной кочевников, и оперативную, в том числе и агентурную, больше доступную польско-литовским силам уже хотя бы из-за этно-культурной, языковой и чисто антропологической близости с русским населением, то становится ясным, что для оборонительной системы Московского государства этот противник из-

за своей универсальности был относительно опаснее двух остальных вражеских сил.

Цели «воровских» черкас, сочетали в себе задачи, которые ставили перед собой и татары, и польско-литовские войска. С одной стороны, это типичные разбойные нападения с целью обогащения, так свойственные кочевникам. Иногда и в союзе с ними. Разница лишь в том, что татары стремились, прежде всего, к захвату пленных и скота для последующей перепродажи, а черкасы обычно обращали свое внимание на имущество и на тот же скот. В столбцах Приказного стола сохранилось яркое подтверждение этому. В апреле 1643 г. в Козловский уезд вторгся отряд, состоявший из 600 татар и 200 черкас. Когда их, отягощенных полоном и добычей, пытались догнать русские служилые люди под командованием воеводы И. Ляпунова, то произошел бой, длившийся с полудня до вечера 1 мая. Благодаря пищалям черкас, от огня которых погибло 12 русских ратников и многие получили ранения, грабителям удалось оторваться от погони. У них отбили только двух пленников, 10 коров, 10 лошадей, а так же часть имущества, в том числе и церковного. Позже из плена бежал еще один человек – О. Емельянов. Он и рассказал, что, добравшись до безопасного места, татары и черкасы поделили добычу и разошлись в разные стороны. Причем, первые получили весь полон, а вторые – всякую «рухлясть» и скот [24, с.190].

Причем, спектр целей для разбойных нападений у «воровских» черкас был даже шире, чем у татар. Помимо практиковавшихся кочевниками нападений на сельские поселения, на посольские и торговые караваны, на людей, работавших в поле или на промыслах, черкасы вели активную охоту за русскими станицами и сторожами, выходившими в Поле, что, помимо всего прочего, нарушало систему функционирования оборонительной системы Московского государства. Татары, отправляясь в набег, тоже нападали на станичников и сторожей, но только если не удавалось избежать встречи с ними. Целью кочевников было не допустить распространение информации о своих перемещениях. «Воровские» же черкасы стремились завладеть имуществом и лошадьми русских служилых людей [24, с.108].

Иногда крупные отряды черкас отваживались даже на захват городов, чего татары во время своих набегов никогда не делали. Не чуждо украинским казакам было и вероломство. В апреле 1590 г. отряды атаманов Семпского, Борана и Гусака открыто подошли к Воронежу, объясняя свое появление желанием «з государскими людьми над татары промышляти. И воеводы государевы послали к ним корм и тех, которые от них приехали, поили и кормили и заночевали в остроге... И черкасы пришли ночью и тот город сожгли, и государева воеводу убили, и людей многих побили, а иных сожгли, а иных живых много поимали, и многие убытки починили» [4, с.81]. Причиной этого рискованного нападения стала оказавшаяся в Воронеже казна, направленная для выплаты жалованья донским казакам [24, с.95].

Ущерб от таких грабительских набегов был весьма значительным. Во время упомянутого захвата Воронежа утрачено было денежной казны и имущества на 40 тысяч рублей [24, с.95]. А годом ранее, в 1589 г., во время набега лубенских черкас на русскую территорию было захвачено имущества на пять тысяч рублей, пленено и убито более 200 человек [4, с.80]. Для сравнения можно вспомнить, что годовое денежное жалованье пущивльских и рыльских детей боярских, например, в 1576 г. колебалось, в зависимости от величины поместья и срока службы, от 5 до 12 рублей [1, с.19]. Да и то выдавалось либо при выступлении в поход, либо через два года на третий [26, с.329]. Средний конь в 1593 г. стоил 4 рубля, а мерин – 3 рубля [1, с.63]. Несколько позднее, в 1640 г., на построение двух городов Белгородской черты – Вольного и Хотмыжска – из государственной казны было отпущено 13 532 рубля [22, с.442]. Что же касается продуктов питания, то даже в 1606 г., когда еще не были полностью преодолены последствия голода 1601-1603 гг., ягненка, как писал француз Ж. Маржерет, состоявший капитаном отряда наемников на русской службе, «...величиною с нашего барана или около того...», можно было купить за 10 копеек, а курицу за полкопейки [19, с.15].

С другой стороны, цели черкасов были близки государственной политике Речи Посполитой – захват новых территорий на Поле и недопущение расширения в этом направлении границ Московского государства. Это было связано с колонизационным движением украинского населения Речи Посполитой на юго-восток.

Черкасская колонизация Поля носила объективный характер. Ее причиной стало стихийное возрастание потока беглых из приднепровских и волынских земель Великого княжества Литовского на юг [24, с.91, 109]. Дело в том, что в 1569 г. эти территории, в том числе и стоящие на Днепре города Киев, Канев, Черкассы, накануне подписания Люблинской унии об объединении Польши и Литвы в единое государство – Речь Посполитую, были переданы Великим княжеством Литовским в состав Польского королевства. Местное тягловое население, наслышанное о своенравии новых господ, устремилось подальше от польских панов и их административной системы. Незаселенные земли, где можно было заниматься сельским хозяйством и промыслами, лежали на Поле. Туда и устремился народ из украинских земель Речи Посполитой [10, с.33; 11, с.194; 24, с.89], занимая территории, на которые претендовала Москва, проводя их государственную колонизацию ради укрепления обороны страны на крымском направлении. Экономические причины, основные в украинской колонизации, для Русского государства в данном случае играли второстепенную роль [24, с.69].

Черкасская колонизация для России была опасна вдвойне. Во-первых, украинцы, оседавшие на юге Северщины, не присягали русскому царю, что формально оставляло их подданными короля и создавало условия для присоединения этих территорий к Польше. Во-вторых, вторгаясь в районы, где вели свою хозяйственную деятельность подданные Москвы, черкасы наносили им экономический ущерб, который выливался в грабеж ухожьев, в истощение природных запасов, в отторжение плодородных земель и т.д. Эта ситуация была ярко охарактеризована патриархом на Земском соборе 12 октября 1621 г.: «...задоры с литовской стороны делаются многие, в Путивльском и во Брянском... уезде, и в иных во многих местах польские и литовские люди учали в их государеву землю вступаться, и слободы ставить, и села, и деревни, и леса, и воды в их государевой земле осваивать, и остроги, и слободы ставити, и селитру в Путивльском уезде в семидесяти местах варят, и будники золу жгут и рыбу ловят, и зверь всякий бьют, и их государевых людей побивают» [28, с.228]. Подобное положение дел, помимо всего прочего, подрывало и обороноспособность Северщины, а вместе с ним и всей страны. Уменьшалось поступление натуральных продуктов, предназначенных для жалованья служилым людям и создания осадных запасов в крепостях. Кроме того, большая часть земель и ухожьев в украинских землях принадлежала служилым людям. Снижение дохода с них вело к тому, что воин, не только кормившийся, но снаряжавшийся и вооружавшийся на эти средства, не мог в полном объеме выполнять свою службу. Добыча же на Северщине украинцами такого стратегического сырья, как селитра, снижала русские запасы пороха, для изготовления которого она применялась, и одновременно увеличивала резервы этого «зелья» у ближайших западных противников Москвы на юго-западном направлении – Речи Посполитой и «воровских» черкас.

Не отличались от нападений «воровских черкас» и действия некоторых польских магнатов, которые, имея собственное «надворное войско», вели на юго-западном порубежье России личную войну. Одним из них был князь А. Вишневецкий, активно создававший удельное владение на спорных землях русско-литовского порубежья. В Москву из пограничных крепостей часто шли сообщения о его враждебной активности. Потери русских от действий Вишневецкого были огромны. Так ущерб, нанесенный его отрядами жителям одного лишь Хотмыжского уезда в 1589 г. исчислялся в 1,7 тысяч рублей [4, с.84]. В 1592 г. сообщалось, что А. Вишневецкий, основав ранее слободу Лубны, высылает оттуда своих урядников в набеги на московские пределы. Его отряды «...наши волости запустошили, людей наших севрюков из наших волостей выбили, одного нынешнего лета больше 200 человек побили... у детей боярских черниговцев поместья их запустошили и многих людей в их поместьях побили до смерти» [24, с.105].

Учитывая, что действия польских магнатов, подобных князю А. Вишневецкому, принципиально не отличались от набегов «воровских черкас», выделять их в отдельную категорию агрессоров нецелесообразно.

Таким образом, можно констатировать, что вышеперечисленные противники Русского государства, угрожавшие ему на юго-западном направлении, представляли собой грозную силу, борьба с которой шла на протяжении всего XVI-первой половиной XVII столетия. В

результате этой борьбы юго-западный сектор внешнего оборонительного периметра Московского государства превратился в систему такого уровня, которая позволяла ему достаточно успешно справляться с задачами по защите рубежей страны.

South-west (Severskiy) defence sector of border of Moscow State in XVI to middle of XVII centuries was considered. Its trait consisted of the necessity to struggle against 3 outside enemies: Polish- Lithuanian army, Tatar forces and detachments of 'thievish cherkas' which different in its aims, tactics and equipment. The main characteristic features of each of these 3 aggressors on the basis of written historic sources are revealed.

**The key words:** Severshchina, XVI to middle of XVII centuries, Polish-Lithuanian army, Tatar forces, 'thievish cherkas, main aims and tactics of the attack.

### Список литературы

1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической Комиссию: Т.1. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1846. V, 375, 24, 15 с.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической Комиссию: Т.2. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1848. VIII, 408, 16, 14 с.
3. Андрианов П.М. Военное искусство Петра Великого // История русской армии от зарождения Руси до войны 1812 г. СПб. : Полигон, 2003. С. 96-239.
4. Анпилогов Г.Н. Новые документы о России конца XVI-начала XVII вв. М.: Изд-во МГУ, 1967. 541 с.
5. Багалей Д.И. К истории заселения степной окраины Московского государства: Ч I-II // Журнал министерства народного просвещения. 1886. №5. С. 87-105.
6. Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства (вторая половина XV века). М.: Территория, 2001. 544 с
7. Боплан Г.Л. де. Опис Украйни, кількох провінцій Королівства Польського, що тягнуться від кордонів Московії до границь Трансильванії, разом з їхніми звичаями, способом життя і ведення воен. Київ: Наук. думка; Кембрідж (Мас.) : Укр. наук. ін-т, 1990. 256 с.
8. Виноградов А.В. Крымские ханы в XVI в. // Отечественная история. 1999. №2. С. 58-69.
9. Волков В.А. Войны и войска Московского государства. М. : Эксмо, Алгоритм, 2004. 576 с.
10. Грушевский М.С. Южнорусские господарские замки в половине XVI века. Историко-статистический очерк. Киев : Тип. ун-та, 1890. 34 с.
11. Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российской государства в XVI в. Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1991. 272 с.
12. Измайлова И. В блеске мисюрок и бехтерцов // Родина. 1997. №3-4. С. 105-108.
13. Ищенко С.А. Война и военное дело у крымских татар XVI-XVIII вв. // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI вв. Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского ун-та, 1989. С. 136-145.
14. Каргалов В.В. Русь и кочевники. М. : Вече, 2004. 528 с.
15. Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII-XV вв. Л. : Наука, 1976. 104 с.
16. Книга посольская метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государствование короля Сигизмунда-Августа (с 1545 по 1572 год) : Т.1. М. : Унив. тип., 1843. XX, 482 с
17. Кром М.М. Стародубская война (1534-1537). Из истории русско-литовских отношений. М., ИД «Рубежи XXI», 2008. 140 с.
18. Леонтьева Г.А. Вспомогательные исторические дисциплины : Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. 368 с.
19. Маржерет Ж. Состояние Российской державы и Великого княжества Московского // Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. Смоленск : Русич, 2003. С. 10-76.
20. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII-XIV вв. // Свод археологических источников СССР (САИ). М. : Наука, 1966. Е 1-36. 184 с.
21. Медведев А.Ф. Вооружение. // Древняя Русь. Город, замок, село. М. : Наука, 1985. С. 298-363.
22. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. / А.А.Новосельский. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 448 с.

23. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и Турциею: Т. 2 // Сборник Российского исторического общества (Сб. РИО). СПб.: Тип. Леснера и Совко, 1895. Т.95.
24. Папков А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI-первая половина XVII века). Белгород: Константа, 2004. 352 с.
25. Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Императорскою Археографическою комиссиою: Т. XIII, ч. 1. СПб.: Тип. И.Н.Скороходова, 1904. IV, 302 с.
26. Разин Е.А. История военного искусства : в 3 т. Т.2. М. : Воениздат, 1957. 654 с.
27. Разрядная книга 1475-1598 гг. М.: Наука, 1966. 614 с.
28. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел: Ч.III. СПб.: Тип. Всеволжского, 1822. III, 540, 12 с.
29. Соловьев С.М. Сочинения: в 18 книгах. Кн. III. История России с древнейших времен. Т. 5-6. М. : Мысль, 1989. 783 с.
30. Тихомиров М.Н. Русское летописание / М.Н.Тихомиров. М. : Наука, 1979. 384 с.
31. Хорошевич А.Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV-начало XVI в. / А.Л. Хорошевич. М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 336 с.
32. Широкорад А.Б. Русь и Литва. Гедеминовичи против юриковичей. М.: Вече, 2004. 400 с.

### Об авторе

Карпов Д.А.- препод. Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, [dakar9@yandex.ru](mailto:dakar9@yandex.ru)

УДК 327

## ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИСТОКИ УЧАСТИЯ РОССИИ (РУСИ) В МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЕ.

А.П. Левчук

Первые geopolитики К.Хаусхофер, Гото Симпэй, Х.Макиндер, базируясь на работах Ф.Ратцеля,, Дж. Готтмана, К.Шмитта , установили, что противостояние Востока и Запада подобно дуализму их ипостасей – Суши и Моря. Восток – это громадный кусок Суши - Россия, Китай, Индия – «Срединная земля». Запад, – полушарие, в котором расположены Атлантический и Тихий океаны. Противостояние морского и континентального миров – база объяснения цивилизационного дуализма.

Суть концепции: «Кто правит Восточной Европой, господствует над Хартлендом; кто правит Хартлендом, господствует над Мировым Островом; кто правит Мировым Островом, господствует над миром». В данном случае: «Хартленд» (Heartland) - «Сердцевинная земля», - суша, включающая часть территории России, её западной части. «Мировой Остров» (World Island) - вся Евразия, где её северную часть занимает, вся Россия. В свою очередь, Запад, или Море – это земли, находящиеся в Атлантическом и Тихом океанах, со своеобразным Сердцем. Для Моря это была Англия, сдавшая позиции США - ось geopolитических взаимоотношений в XXв. сместилась. Потому это не страна-земля, а – англосаксонский мир.

Определение geopolитики Мартиросяна приводит к выводу: Агрессия – geopolитическая сущность Запада, а Безопасность – России (Руси). Поскольку это военная терминология, то: Агрессия – это наступление, а Безопасность – оборона. Ответ - у Клаузевица: «именно слабые, обречённые на оборону, и должны быть всегда во всеоружии, дабы не подвергнуться внезапному нападению; таково требование военного искусства»<sup>12</sup>. Потому составляющие geopolитики Руси (России) Безопасность: 1) стратегически - круговая оборона; 2) тактически - необычайная мобильность; 3) социально-политически (для России (Руси) - духовная (Православие) и политическая (Отечество) концепции; 4) генетическая - «код «осаждённой крепости» в ДНК русского государства» заложен фактам её выживания.

Отсюда – социо-геополитическое участие в международной системе Руси (России) – Суши («Хартленда») подвергаясь постоянной угрозе Запада (Моря), неуклонно расширялась территориально. Агрессия англосаксонского мира сохраняется, как и в предыдущие столетия.

**Ключевые слова:** Геополитика – перманентная борьба - Моря (Англия - США) – Агрессия и Суши (Россия) – Безопасность.

Ещё философы древней Греции отмечали базовые ипостаси, определяющие развитие народов и цивилизаций. Так, «уже античные летописцы войн Спарты и Афин, Рима и Карфагена обращали внимание на то, что в кульминационные моменты мировой истории судьбу человечества определяют столкновения Цивилизаций Моря и Цивилизаций Земли»<sup>1</sup>. К этой теме обращался и Гиппократ в 5в. до н.э. в трактате «О воздухах, водах и местностях». Но только в 19в. в трудах философов немецкой «органицистской школы» во главе с Ф.Ратцелем термин «политическая география» (выделено мной,- А.Л.) получил концептуальное обоснование<sup>2</sup>.

Следующим шагом в формировании научных направлений стала работа Дж. Готтмана «Политика государств и их география»<sup>3</sup>. Он подметил, что самостоятельные культурные пространства формируют не только зримые произведения искусства, но и автономные, самоорганизованные формы политической, экономической и общественной жизни. Он вводит более широкий термин «иконография пространства» (выделено мной,- А.Л.). Сюда включается пространственное отображение мира, последствия воздействия традиций, обычая, религий, социальных и культурных моделей, характерных черт местности.

Её составной частью является «иконография политического пространства» (выделено мной,- А.Л.). Василенко И.А. определяет её как «тиpические формы проявления политического бытия, система политических институтов и многообразных форм политической жизни, а также символический мир политической культуры, включая его характерные импликации, аллюзии, символизм, выражения политических идей и эмоций формирующих смысловое, значимое пространство культуры»<sup>4</sup>. Между этими пространствами происходит непрерывный процесс взаимовлияния – «циркуляция иконографий» (выделено мной,- А.Л.) - своеобразный обмен информацией, то, что принято называть «диалогом культур (цивилизаций)».

В пространственном измерении базовых культур иконография пространства выделяет две основные – Западную и Восточную. Они различаются **отношением к образу, иконе** (выделено мной,- А.Л.). Культуры Востока преимущественно негативно относятся к зрительным изображениям (Ветхий Завет и Коран запрещают изображать Бога на иконах). В то время как на Западе сформировалось почитание иконописи и живописи вообще. Хотя и здесь, в каждом правиле есть свои исключения, они очевидны – наличие иконоборческих традиций, например, у пуритан, гуситов, сектантов баптистов.

Исходя из этой двойственности, К.Шмитт предложил гипотезу, по которой иконография пространства определяет для восточных цивилизаций базовой стихией **Сушу**, а для западных – стихию **Моря**. Различие в существовании этих пространств определяет и их специфику в государственном устройстве, особенностях политических культур и правовых систем. Для обозначения пространств К.Шмитт предложил греческий термин **«Номос»** как своеобразно организованное и упорядоченное пространство<sup>5</sup>.

Сущность каждой ипостаси в следующем: **Номос Земли** состоит в статичности, надёжности, устойчивости, постоянстве рельефа, где легко устанавливать границы и пути торговых сообщений. **Номос Моря** характеризуется переменной константой, где невозможно установить границы и провести зримые линии коммуникаций. Отсюда: «Стабильность иконографии сухопутного пространства выступает питательной средой консерватизма политических культур Востока, олицетворяющих Номос Земли, ... (а , - А.Л.) политические и юридические структуры цивилизаций Запада так динамичны, текучи, подвержены непрерывным инновациям»<sup>6</sup>. И следует вывод об извечном противостоянии Востока и Запада подобно дуализму их ипостасей – Суши и Моря. «То, что мы сегодня называем Востоком, представляет собой единую массу твёрдой суши: Россия, Китай, Индия – громадный кусок Суши, «Срединная земля», как её называл великий английский географ сэр Х.Макиндер. То, что мы именуем сегодня Западом, является одним из мировых океанов, полушарием, в котором расположены Атлантический и Тихий океаны. Противостояние морского и континентального миров – вот та глобальная истина, которая лежит в основе объяснения **цивилизационного дуализма**, постоянно порождающего планетарное напряжение и стимулирующего весь процесс истории»<sup>7</sup>. Он и является квинтэссенцией **геополитики**. Обратимся к её азам.

Случилось так, что другом основоположника «политической географии» Фридриха

Ратцеля был профессор экономической географии Мюнхенского политехнического института Макс Хаусхофер, сын которого Карл, был невольным свидетелем многочасовых дискуссий указанных особ, а, со временем, и сам принимавший активное участие в них. Именно Карл Хаусхофер стал основателем евразийской версии geopolитики, да и просто, одним из её основоположников. За годы службы в Японии он познакомился с Гото Симпэем, германофилем, поклонником Бисмарка, имевшего аналогичные geopolитические взгляды. Сын врача, доктор медицины, барон, виконт, граф - Гото Симпэй учился в Германии, где и сложилось его geopolитическое мировоззрение под воздействием германской школы «политической географии». Этот человек по праву считается основателем geopolитики в Японии, т.е. – по другую сторону Суши. В свою очередь, основоположник ангlosаксонской geopolитики – Маккиндер Джон Хэлфорд – основатель Номоса Моря<sup>8</sup>.

Наиболее лаконично географическая суть концепции представлена последним: «Кто правит Восточной Европой, господствует над Хартлендом; кто правит Хартлендом, господствует над Мировым Островом; кто правит Мировым Островом, господствует над миром»<sup>9</sup>. В данном случае: «Хартленд» (Heartland) - «Сердцевинная (серединная) земля», то есть суши, включающая часть территории западной России. «Мировой Остров» (World Island) - вся Евразия, где её северную часть занимает, опять же, Россия, но теперь вся.

Отечественный исследователь Арсен Мартиросян, отталкиваясь от определения Ильина, даёт конкретную политическую сущность объекта: «Потому, что если «политика,- как говаривал ныне особо почитаемый русский философ И.А.Ильин,- есть искусство узнавать и обезвреживать врага», то праматерь политики – Геополитика – есть искусство заблаговременного распознавания и обезвреживания мотивов и соображений, могущих сформировать врага и привести его в активное состояние! Образно говоря, это искусство превентивной иммобилизации (обездвиживания – как интеллектуального, так и физического) врага»<sup>10</sup>. Далее, в своей эмоциональной, но довольно аргументированной работе «За кулисами Мюнхенского слова. Кто привёл войну в СССР», А.Б. Мартиросян выводит «Высший Закон Высшей Мировой Геополитики и Политики» (далее – ВЗГП - А.Л.), который определяется следующим образом: «этот суровый Закон гласит: вне какой-либо связи с целями и причинами её утверждения, но в прямой зависимости от методов её обретения, монополия пути сообщения безальтернативно принуждает к автоматическому установлению также и своей монополии заселения в ареале действия первой, причём именно теми методами, которыми она и была установлена! Однако в прямой зависимости от целей, причин и методов её утверждения монополия заселения столь же безальтернативно принуждает к автоматическому установлению также и своей монополии пути сообщения в ареале действия первой, и именно теми методами, которыми она была установлена, но при соблюдении гарантии абсолютной незыблемости её существования впредь» (вся акцентация авторская,- А.Л.)<sup>11</sup>.

Мартиросян поясняет, что обе части ВЗГП «являются абсолютно непримиримыми антагонистами». Более того, «какими методами была установлена та или иная монополия и, самое главное, во имя чего она была установлена, напрямую зависят и последствия другой»<sup>12</sup>. И далее «Функционирование **Закона** даже может положить начало новым эпохам в истории мировой цивилизации – от великих географических открытий и порождения новых религий (учений) до новых видов транспорта и коммуникаций». В качестве примера приведены основные доказательства за последнее полутысячелетие. Это «всё та же эпоха Великих географических открытий. Начавшись в самом конце 15в. с открытия Америки и путей в Азию, она продолжается фактически до сих пор. С той лишь разницей, что вследствие бурного научно-технического прогресса она постоянно перетекает в совершенно иное качество». Далее, это - «борьба за глобальную же монополию железнодорожных сообщений» (рубеж 19-20вв.); затем, «начиная с середины Первой мировой войны» - борьба «за контроль над источниками нефти». К концу 20в. она приобретает вселенский масштаб как борьба «за глобальный контроль над источниками всех видов углеводородного сырья, а также трубопроводными и иными коммуникациями стратегического значения». Со второй половины 20в. добавляется «борьба за монополию в освоении космического пространства», а уже на рубеже

тысячелетий «такая же борьба охватила даже виртуальное пространство - Интернет»<sup>13</sup>.

Поскольку «Функционирование Высшего Закона неумолимо», то история знает множество примеров появления и исчезновения «едва ли кто может сосчитать» государств, их союзов и империй.

Это относится и к народам их населявшим: «Не менее известны и факты полного исчезновения многих народов и этносов, а так же цивилизаций как древности, так и недавней современности... Главным образом вследствие геноцида... Прежде всего, это «красный» геноцид – то есть физическое уничтожение ряда народов и племён. Из недавней истории известны факты массового физического уничтожения армян, евреев, цыган, американских индейцев, курдов и множества других европейских, азиатских африканских, австралийских и американских племён. Это и так называемый «белый» геноцид, которым завершились «действия» первого – то есть насильственная ассимиляция, в том числе и через религию. К примеру, кровавая «германизация» с последующим онемечиванием ряда народов Европы, прежде всего славян. Или насильственное окатоличивание части западных славян, исламизация некоторых некогда христианских народов или их определённой части»<sup>14</sup>.

Всё это требовало теоретического обоснования, а потому использовались старые, либо создавались новые учения, доктрины, религии и их ответвления. «Это и протестантизм, и учения о капитализме, социализме и коммунизме, и бурный ренессанс масонства..., и сионизм, и суннизм, и шиизм, и ваххабизм, и пантюркизм с панисламизмом, всевозможные Pax Britanica, Pax Americana, Pax Germana, Pax Ottomana и т.д. Нельзя не упомянуть и о современных «измах» - глобализме и антиглобализме»<sup>15</sup>.

Таким образом, соглашаясь с мнением исследователя, мы получаем инструментарий – ВЗГП (**«Высший Закон Высшей Мировой Геополитики и Политики»**), который позволит бегло рассмотреть влияние на участие России (Руси-СССР) в международной системе. Это актуально, ибо Русь (Европейская Россия), а ещё точнее её часть, находящаяся на правом берегу Волги (исторически – то, что было Киевской Русью), являлась, да и ныне есть не просто Heartland, а – **Heart–Heartland – Сердце Серединной** Восточной Европы, поскольку от середины Среднерусской возвышенности Европа простирается (географически) примерно на равные расстояния, как на восток-запад, так и на север-юг. Это тем более верно, что термин **Heartland** определяется собственно Восточная Европа и, следовательно, её органичная часть – **территория бывшей Киевской Руси. И всё это Суша, или Восток. Наконец, Россия не просто Европа и тем более не только Восточная Европа, а истинно трансконтинентальная евразийская держава – стержень Суши.**

*В свою очередь, Запад, или Море – это земли, находящиеся в Атлантическом и Тихом океанах. От Великобритании до Австралии, от Аляски до Огненной земли, со своеобразным Heart (Сердцем). Для Моря прежде это была Англия, сдавшая, однако, в ходе Первой мировой войны, свои позиции США. Потому своеобразие Heart (Сердца) Моря не страна-земля, попросту – англосаксонский Запад. А осью geopolитических взаимоотношений, было, есть и будет непримиримое противостояния России (Суша) и (Англии) - США (Море).*

В связи с ограничениями, налагаемыми объёмом статьи, уместно рассмотреть лишь ключевые аспекты исторического формирования и развития этих взаимоотношений.

5 век известен как эпоха переселения народов. В её жерновах, в 476г. пала Западная Римская империя. Варвары-захватчики действовали в рамках логики ВЗГП. На Западе германцами-завоевателями была установлена сначала монополия путей сообщения, а затем и монополия заселения, для чего потребовалось некоторое время. Однако и с востока шли потоки варваров, известных по нашей истории: гунны, угры, булгары, печенеги, половцы и уже во втором тысячелетии – монголотатары. Они, либо вытесняли жившие в Восточной Европе народы, даже пришедших ранее варваров, готов вытеснить гунны; порой ассимилируясь, перенимая обычай, культуру и даже язык, проживавших в данной местности народов (булгары – у южных славян); либо вовсе исчезая как самостоятельный этнос (печенеги, половцы). Но в любом случае они начинали с контроля путей сообщения. Тем не менее, к концу первого тысячелетия от Рождества Христова, германцы-завоеватели, начавшие своё переселение раньше, уже освоились в пределах земель бывшей Западной Римской империи и обнаружили, что их ареал обитания с трёх сторон ограничен морем. Поскольку технологически создание океанского флота тогда было ещё делом неведомым (косой парус, позволявший ходить галсом, то есть

против ветра, арабы ещё только придумали и «испытывали») то варварам-захватчикам, ничего не оставалось. Они совершили последний бросок на запад, на ещё не захваченную землю Англии (1066г.). Теперь остался последний сухопутный маршрут, единственный путь для Агрессии. Вот они и обратили свои взоры на Восток, где пределы границ Суши казались безбрежными.

Так зародился пресловутый клич «Вперёд, на Восток» («Дранг-нах-Остен»). Его реализацию Запад осуществлял по трём направлениям. На юго-востоке – это завоевание гроба Господня, следствием чего явились многочисленные Крестовые походы. На северо-востоке – колонизация Прибалтики (земли западных славян – ляхов, чехов и пруссов, балтов, эстов) печально знаменитыми для наших предков Ливонским и Тевтонскими орденами и (современной) Финляндии - Швецией. Наконец, центрально-восточное направление, на Русь. Все три потока преследовали как geopolитические цели, так и политические (тогда – религиозные). На юге – отвоевать Гроб Господень. На севере – окатоличить язычников-славян, близких к ним народов Прибалтики и финно-угров. В центре, на Руси, – ликвидировать оплот православия.

Однако преобладали именно geopolитические аспекты. Во-первых, Киевская Русь была наиболее крупным субъектом международной системы Раннего Средневековья, который таил потенциальную угрозу Западу уже в силу своих размеров не сопоставимых ни с одной европейской страной в X в. Во-вторых, она контролировала как минимум три важнейшие коммуникации. Сначала это был известный путь «из варяг в греки». Затем, с завоеванием Святославом Волжской Булгарии, Русь завершила объединение славянских племён (радимичи и вятичи) и утвердила на верхней и средней Волге. И, наконец, с разгромом Хазарии, киевское государство установило контроль как на пути с севера в Персию (по той же Волге - от верховьев, где были волоки в реки Балтийского бассейна, контролируемые новгородцами, до устья); так и над последним этапом северной ветки «Шёлкового пути», проходившего через север Каспия, в обход Арабского Халифата и ханств, возникших на его обломках. Он завершался в Чёрном море, где, в Крыму, была крупная колония генуэзцев, к которым эти товары и направлялись. Однако и здесь, на Таманском полуострове, появилось русское княжество – Тмутаракань. Таким образом, Запад стал geopolитически зависеть от Руси.

Этот фактор и православие предопределили её судьбу. «Речь шла о продвижении далеко на Восток не просто сущности Европы, а именно geopolитической сущности Европы! А она - geopolитическая сущность Европы (а затем и всего Запада) – ещё с тех далёких времён..., уже окончательно и безальтернативно на века воплотилась именно в Агрессии! Ничего удивительного в том не было, - отмечает Мартиросян А.Б., - генетика – она и в geopolitike генетика. В результате получилось, что в основе создания, а затем и созидания Запада лежит Агрессия – она же и основополагающий фактор его бытия в целом, в чём легко убедиться из ежедневных сообщений СМИ»<sup>16</sup>. (Выделено автором, - А.Л.)

С другой стороны, с востока, а одной из причин было и то, что Святослав избавил восточные ветви славян от гнета хазарской дани, разгромив это государственное образование, хлынул новый поток кочевых народов. В политике, являющейся органичной частью человеческого бытия, как отмечалось, действуют те же законы. Потому – свято место пусто не бывает. Вместо хазар за контроль над северным Причерноморьем и Каспием стали претендовать печенеги, позже – половцы, наконец, – монголо-татары. Русь получила извечных врагов на востоке и на юге. Кочевники, начиная с гуннов, выражаясь языком ВЗГП, так же стали претендовать на свою монополию путей сообщения с Западом.

Таким образом, Русь оказалась в кольце враждебных народов. С востока и юга угрожали кочевники, с севера и запада окатоличенная Европа.

Казалось Руси оставалось, либо исчезнуть, как государственному образованию, что в некотором роде и произошло в результате монгольского нашествия, а возможно исчезнуть и как этнической группе; либо бороться. Сначала просто за право жить, а затем защищать монополию на заселение. Тем более что ареал обитания несколько изменился. В результате феодальной раздробленности в 11-13 вв. Русь сдала кочевникам ряд позиций на юге, а ляхам и Литве на западе, но переместилась на север и северо-восток, заселяя неосвоенные земли малочисленных финно-угров. В результате, отношения с кочевниками стабилизовались, а

борьба с ними не носила геополитический характер (исключая нашествие Батыя). Более того, новгородцы и в лихие времена нашествий неуклонно продолжали осваивать север: дойдя до Белого моря, Ледовитого океана; и северо-восток - продвигаясь к Уралу.

Но более опасной была угроза с другой стороны. С севера постоянно грозили шведы (прежде – викинги, норманны). С северо-запада - такие же германские народы (Ливонский и Тевтонский ордена). С запада – поляки и литовцы, а с юго-запада – венгры.

Отличие Западной Угрозы было принципиальным. Во-первых, вторжения на Русь шли под знаменами крестоносцев и носили идеологический (по современным критериям) характер. Во-вторых, у Запада не было другого направления агрессии – кругом, как отмечалось, было Море. Между собой они, как правило, предпочитали мерить силы на турнирах. В-третьих, Запад рвался на Восток для установления контроля над путями сообщений с последующим заселением завоёванного ареала обитания, поскольку на западе Европы уже ощущалось относительное перенаселение. Его остроту несколько снизили Крестовые походы, но окончательно не сняли. Наконец, в-четвёртых, - экономический фактор. Для кочевых народов принципиально важным было наличие подножного корма для скота. Поэтому ареал их заселения определялся не столько стратегическим фактором контроля над путями сообщений (исключение составляет нашествия Чингисхана и Батыя), сколько тактическим – заселение степной и части лесостепной зон. Лесная зона им не подходила. Для Запада, которому необходимы были рынки восточных пряностей, что и определяло их стойкое устремление на Восток, приходилось быть статистами. Между пряностями и Западом была Русь (торговля по Волге через Персию), а на юге - арабские (исламские) страны. Силу последних крестоносцам пришлось испытать на себе. Этот путь Запад считал непреодолимым, довольствуясь торговым посредничеством арабов.

Оставалась Русь, тем более, что опыт завоевания другой православной державы у Запада был. В 1204г. крестоносцы, по пути в Иерусалим, взяли Константинополь и, в своём традиционно «вандальском» стиле, разграбили его. После чего их продвижение к Гробу Господню остановилось. Правда, через 60 лет они так надоели византийцам, что те их попросту выгнали. Но и сама Русь к этому времени попала в монгольскую зависимость. Казалось бы, этот факт завершает русскую историю, историю народа со всех сторон окружённого непримиримыми врагами. Это оказалось не так. Во-первых, монголы не чинили препятствий православию. Во-вторых, Русь получила своеобразного защитника, «крышу», выражаясь современным сленгом. После ужасных поражений нанесённых чингизидами в начале 40-х годов 13в., венгерским конникам, польским гусарам и немецким рыцарям Запад просто перестал мечтать пробиться к пряностям по завоёванным монголами землям. То есть через Русь. В-третьих, предпринятые крестовые походы на северо-западные земли в 1240 и 1242 годах были отброшены дружиной и новгородским ополчением под предводительством А.Невского, что тоже отбило охоту осуществлять «Дранг-нах-Остен». На время, **Агрессия Запада** была остановлена. Но его сущность – **Агрессия** – не изменилась.

А какова была сущность Руси. Подчиняясь ВЗГП, восточные славяне вооружённым путём отстояли право на существование, затем на расселение и монополию на контроль торговых путей. Но с позиций политической географии Русь оказалась очень уязвимой. Её равнинное расположение не отвечало никаким законам фортификации. Равнинный характер Киевской Руси позволял любому агрессору наносить удар с самого неожиданного направления. Другая держава Суши – Китай попыталась решить эту проблему строительством оборонительной стены против кочевников, которые, правда, совершали набеги на империю с севера (на Русь – с юга и востока). Но даже эта трудоёмкая и сложная в инженерном отношении конструкция не спасала страну. Для Руси этот путь был невозможен хотя бы по степени затратности, но главное, что гор поблизости не было. Потому не было камней для стены. Попытки создавать деревянные засеки лишь частично, скорее в моральном плане, выполняли оборонительную функцию. Более того, опыт Китая показал, что и капитальная, каменная стена, – а стен, древние китайцы за свою историю, построили три - не решает проблему. Но **Безопасность** необходимо было обеспечить.

Именно по этой причине **Безопасность, в геополитическом плане**, стала сущностью Руси. **Стратегией** Руси становится **круговая оборона** или, выражаясь языком французских

генералов 60-х годов XX в. – «**оборона по всем азимутам**». Мартиросян А. приводит выражение Солоневича И.Л.: «Мудро подмечено, что «география – это судьба народа», а «история России есть история преодоления географии России»<sup>17</sup>. Наконец, **тактика** Руси проявилась в её **необычайной мобильности**.

Следующий аспект – **социально-политический**. Можно удерживать долгое время неприступную крепость, но и она падёт, если её будет брать великий полководец и сильная армия, да так, что «Дунай потечёт вспять» (взятие Суворовым неприступного Измаила). Можно удерживать долгое время редуты, позиции, опоясанные множеством рядов окопов, но и они будут взяты, когда все защитники будут перебиты шрапнелью или кончатся продукты и боеприпасы (оборона Севастополя в 1854-1855гг.). А как удержать Русскую равнину, если у неё нет никаких естественных преград - таких как моря (Англия), горы (Альпы для Италии), реки (Рейн – естественное препятствие между Францией и Германией). Остаётся только человек, люди, народ, который должен быть объединён общей **духовной и политической идеей**. Для России это соответственно: **православие и отчество**.

Мартиросян А. отмечает и генетическую составляющую: «Генетический код «осаждённой крепости» появился в ДНК русского государства, во-первых, не случайно, во-вторых, под массированным, многовековым влиянием всевозможных угроз»<sup>18</sup> (выделено мной, - А.Л.).

Таким образом, выкристаллизовались базовые положения.

**Агрессия** – geopolитическая сущность Запада.

**Безопасность** – geopolитическая сущность России (Руси).

Выявлены для России (Руси): 1) стратегические положения - **круговая оборона**, «**оборона по всем азимутам**»; 2) тактические - **необычайная мобильность**; 3) социально-политические - **духовная** (православие) и **политическая** (отчество) концепции и её 4) генетическая - «**генетический код «осаждённой крепости»** в ДНК русского государства» - составляющие.

Но этого не достаточно, что бы ответить на вопрос каким образом Россия разрослась до масштабов евразийского субконтинента, коль скоро она миролюбива и всегда обеспечивала Безопасность обороной, опасаясь Агрессии со стороны соседей. Ответ, однако, был дан классиком теории военного искусства Карлом фон Клаузевицем ещё в 19 веке. При этом мы подразумеваем (базисные положения его теории того требуют), что **Агрессия** – это **наступление**, а **Безопасность** – суть – **оборона** (оба термина из военной терминологии). Здесь находим удивительные ответы. Например, «Война существует больше для обороняющегося, чем для завоевателя... (В.Ленин, по замечанию редактора, отвечавшего за вёрстку, привёл выписку из его пометок, где текст остался на языке оригинала, а ирония вождя – по-русски: «Ха-ха! Остроумно»)...именно слабые, обречённые на оборону, и должны быть всегда во всеоружии, дабы не подвергнуться внезапному нападению; таково требование военного искусства»<sup>19</sup>. Ни больше, ни меньше!

Далее, посмотрим позицию классика войны на стратегические (**круговая оборона**, «**оборона по всем азимутам**»), и тактические (**необычайная мобильность**), посылки. Здесь обнаруживаем полное соответствие теоретику: «оборона состоит из двух разнородных частей – выжидания (у нас - **круговая оборона**) и действия (т.е. - **необычайная мобильность**)». Автор поясняет: «выжидание и действие - причём последнее всегда явится ответным ударом, т.е. реакцией,- составляют две существенные части обороны: без первого она не являлась бы обороной, а без последнего она не была бы войной»<sup>20</sup>.

Теперь, как говорится, многое становится на свои места. Однако Клаузевиц добавляет: «в основе обороны лежала идея возмездия»<sup>20</sup>. Всё верно, но вспомним, что в нашей посылке был пункт, определяющий, суть – не возмездие: «Геополитика – есть искусство заблаговременного распознавания и обезвреживания мотивов и соображений, могущих сформировать врага и привести его в активное состояние! Образно говоря, это искусство превентивной иммобилизации (обездвиживания – как интеллектуального, так и физического) врага» (см.10). Проще говоря «действие» (т.е. - **необычайная мобильность**) это – **упреждение Агрессии**. Но

«действия», по Клаузевицу, означают «войну». Действительно, как было отмечено выше (см. сноска 18), Руси-России пришлось побоевать столько, сколько ни одной стране мира. Значит ли это, что **упреждение Агрессии** это всегда война. За ответом обратимся к Клаузевицу: «Для обороняющегося приходит час действовать... В чём состоит решение вообще... мы представляли его в форме (генерального,- Ред.) сражения. Но последнее, конечно, не необходимо...»<sup>20</sup>.

Вот та истина, которая позволяет ответить на вопрос, невольно возникающий у исследователя. Коль Русь-Россия так много воевала и превратилась в трансконтинентальную державу, то не являлась ли она сама агрессором. Собственно, на этот вопрос Клаузевиц уже ответил: нет, не являлась. Её политика это всегда сначала «выжижение», или оборона и лишь затем «действие», или война. Хотя и здесь Карл фон Клаузевиц уже сделал подсказку своим - «последнее, конечно, не необходимо». Это подтверждается самой историей. Едва перевалив за «Большой Камень» (Уральские горы) в 80-е годы 16 в., русские стремительно двинулись к берегам Тихого океана, где уже через 60 с небольшим лет основали свой первый город – Охотск. Да, Сибирское ханство Кучума было завоёвано (**война**). Но, во-первых, это было **действие** - второй акт **упреждения Агрессии**, которому предшествовало длительное **«выжижение»**, то есть когда терпение промышленников, осваивавших Урал, лопнуло из-за постоянных угроз кучумовских набегов. А, во-вторых, этот акт «играла» не Российская держава, а «деловые круги», выражаясь современной терминологией. Они снарядили и финансировали экспедицию Ермака.

И мы солидарны с А.Б. Мартиросяном: «Потому-то Русь-Россия и расширилась исключительно в силу всё того же соображения Безопасности – когда совершенно мирным путём (вспомним ещё раз - форма генерального сражения не необходима, - А.Л.), когда, правда, военным... Эта особенность России давно подмечена. (Как говорил Петр Великий, елико возможно, «ласкою, а не жесточью»)<sup>23</sup>. Вот уже после покорения Кучума русские двигались на Восток исключительно «ласкою, а не жесточью».

Отсюда – социо-геополитическое участие России (Руси). Подвергаясь постоянной угрозе Запада (Моря), она, в ответ, неуклонно расширялась территориально. Агрессия англо-саксонского мира сохраняется, как и в предыдущие столетия.

First geopoliticians Haushofer K., Goto Sympei, Mackinder H., basing on the works of Ratsel F., Gottman G., Shmitt K. settled that the confrontation between the West and the East looks like dualism of their hypostasis of “the **Land** and the **Sea**”. The East is the huge piece of the Land i.e. Russia, China, India - “Heartland”. The West is hemisphere where Atlantic and Pacific Oceans are situated. The distance between the Sea world and the Land world is the base, which explains civil dualism. The essence of the conception is in the following: who governs the East Europe that one dominates over the Heartland. Who governs the Heartland that one dominates over the World Island. Who governs the World Island that one dominates over the World. In this meaning, the Heartland, its western part includes the territory of Kiev Rus. The World Island is the whole Eurasia, where its north part is Russia. In its turn, the West (the Sea) is the lands situated in Atlantic and Pacific Oceans with an original Heart. For the Sea - England was such a Heart but it yielded to the USA and in the 20-th century the axis of geopolitics was shifted. Therefore, this is not the Country-Land but the Anglo-Saxon West.

Martirosian's definition of geopolitics concludes that the Aggression is the geopolitical essence of the West and the Security is the essence of Russia (Kiev Rus). The Aggression means an Attack and the Security means a Defense. Clauzevits gives the answer: “Just the weak, doomed to defense, must be always fully armed in order not to undergo sudden attack. There is the demand of military art.”

Therefore, Russian geopolitics includes the following constituents: 1) Strategic statement (all-round defense), 2) Tactics (unusual mobility), 3) Sociopolitical conceptions (religious – Orthodoxy, political – Native land), 4) Genetic constituent – “Genetic code” of “Sieged fortress”, DNA of the Russian state. Russia (Kiev Rus) - the Land undergone constant threats from the West (the Sea) - had constantly to enlarge its territory.

The Aggression of the Anglo-Saxon World remains the same as it was the centuries ago.

**The key words:** Geopolitics, is a permanent fight between the East, «Security» - the Land (Russia and other Land states) and the West, «Aggression» - the Sea (England and the USA), or Anglo-Saxon World.

### Список литературы

1. Василенко И.А. Политическая глобалистика. М., «ЛОГОС», 2000, С.288.
2. Gottman J. La Politique des Etats Leur Geographie. P., 1981.
3. Mackinder H. Democratic Ideals & Reality – A Study in the Politics of Reconstruction.

- Wash. DC, 1996. (Впервые работа появилась в 1919г.)
4. *Хаусхофер К.* О geopolитике. Работы разных лет. М., Мысль, 2001.
  5. *Haushofer K.* Geopolitics of the Pacific Ocean. Lewinston, 2002.
  6. *Гото Симпэй.* Нитиро какэй ни цуйтэ секан. (Мнение о российско-японских отношениях). Токио, Нитиро кекай, 1923.
  7. *Mackinder H.* Democratic Ideals & Reality – A Study in the Politics of Reconstruction. Wash. DC, 1996.Р.186. (Первое издание монографии – 1919г.)
  8. *Мартиросян А.Б.* За кулисами Мюнхенского говора. Кто привёл войну в СССР. М., Вече, 2008, С.30.
  9. *Клаузевиц К.* О войне. М.,1936, Т.2,С.24.

### Об авторе

Левчук А.П. - канд., доц. Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, [CHUK32@MAIL.RU](mailto:CHUK32@MAIL.RU).

УДК 943.06

## СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В 70-Е ГГ. XIX В. И ПАРТИЯ ЦЕНТР: ЗАЯВЛЕНИЕ ГРАФА ГАЛЕНА

О. В. Ольховская

В 70-е гг. XIX века в Германии существовали предписания, регулирующие трудовые отношения, тем не менее, положение рабочих оставалось тяжелым. В 1873 г. по инициативе депутатов рейхстага была назначена комиссия по оценке положения рабочих. Собранные ею материалы показали слабость законодательства в области охраны труда. В 1877 г. католическая партия Центр выступила с инициативой по расширению социального законодательства. Предложение встретило сопротивление партий культуркампа. Заявление графа Галена было отклонено. Однако оно привело к усилению парламентского значения партии.

**Ключевые слова:** католическая партия Центр, культуркампф, социальная политика, законодательство в области охраны труда, рейхстаг.

Даже в разгар культуркампа партия Центр стремилась проводить работу в социально-политической области, считая ее своим приоритетом. 26 ноября 1873 г. во время обсуждения заявления Центра по отмене трехцентового избирательного права в палате депутатов лидер партии Людвиг Виндхорст сказал: «Я рассматриваю социальный вопрос в качестве одного из самых серьезных, и полагаю, что было бы гораздо важнее заниматься им более основательно...» [1, с.325].

Социально-политические идеи с самого начала прослеживаются в программах и заявлении депутатов Центра. Возникновение этих идей было следствием социальной неоднородности Центра и его попыток представлять интересы рабочих. Политические программы клерикалов всегда отличались обобщенностью и краткостью, что позволяло вести гибкую политику и своевременно реагировать на вызовы времени. Партия Центр подходила к социальному вопросу с чисто практической точки зрения, без соединения с какой-либо системой, без доктринерского предубеждения или теоретических размышлений. Это был просто христианский образ мыслей и трезвое политическое чувство потребностей времени, которыми руководствовалась партия.

Еще в 1871 г. Центр определил одним из направлений своей деятельности «устранение социальных недостатков и содействие всем интересам рабочего сословия здоровым христианским воспитанием» [2, с. 60]. В основу социальной программы партии легли идеи епископа Майнца фон Кеттайера, политика Франца Хицца. Вильгельм Эммануэль Фрайхерр фон Кеттайер известен как покровитель христианской социальной реформы, оратор, публицист, автор трудов «Социальные вопросы современности» (1849 г.), «Право и правовая защита католической церкви в Германии» (1854 г.), «Рабочий вопрос и христианство» (1864 г.), «Культуркампф против католической церкви» (1874 г.). Еще в июле 1869 г. Кеттайер вы-

ступил с требованиями повышения заработной платы, сокращения рабочего времени, запрета женского и детского труда, введения воскресного отдыха [3, с.276-277]. Франц Хицц требовал создания кооперативов рабочих, обширного трудового права и новой экономической конституции, он хотел заменить партии постоянными сословными представительствами или, по крайней мере, разделить парламент и совет по экономике, в котором бы были представлены все сословия. Представительство интересов рабочих, по его мнению, должно проходить через создание рабочих палат, которые будут заниматься вопросами пенсионного страхования и страхования на случай болезни и инвалидности. Право частной собственности не должно нарушаться. Эта принципиальная позиция капиталистической экономики должна была стать основой католической социальной политики [4, с.97-98].

Обозначенные идеи определили направление социальной политики партии. В Германии конца XIX века в католических кругах распространено было мнение, что для решения социального вопроса достаточно только церкви, государство не должно вмешиваться в эту сферу. Однако, по мнению политиков Центра, «одна из самых возвышенных и прекрасных обязанностей всех христианских правительств – это забота об инвалидах, вдовах и сиротах» [5, с. 503]. Позднее эта идея получила одобрение со стороны папы Льва XII. Он подчеркнул, что «долг правительства - стремиться к усовершенствованию положения рабочих» [1, с. 326]. Несмотря на противостояние Центра проводимой правительством политике культуркамфа, депутаты партии четко понимали, что для эффективной работы в социальной сфере церкви необходимо тесно сотрудничать с государством.

Стечие обстоятельств подтолкнуло католиков к активизации в решении социального вопроса: положение рабочих стремительно ухудшалось, одновременно с этим усиливалась агитация социал-демократической партии, а это грозило Центру потерей значительной части избирателей. Рабочие католического вероисповедания все же оказывали сопротивление марксистскому учению, так как вместе с агитацией за экономический марксизм шла открытая пропаганда материалистически-атеистического мировоззрения. Однако при ухудшении положения рабочих религиозный аспект мог перестать быть препятствием для поддержки католиками социал-демократической партии.

30 апреля 1873 г. депутаты рейхстага обратились с просьбой к канцлеру, чтобы он назначил комиссию, которая бы оценила положение рабочих. Работа комиссии проходила в 1874-1875 гг., а ее результаты были опубликованы и показали слабость законодательства в области охраны труда. В то время в Германии уже существовали законы, запрещающие привлекать к работе на фабриках детей до 12 лет, ограничивающие рабочее время для детей от 12 до 14 лет до 6 часов ежедневно, для подростков от 14 до 16 лет до 10 часов, запрещающие воскресную и ночную работу для детей и подростков. Однако ввиду стремительного промышленного развития с его беспощадной эксплуатацией рабочей силы требовалась защита не только женщин и детей, но и взрослых мужчин-рабочих. Таким образом, проблема модернизации законодательства по защите труда оставалась актуальной. В это время ряд инициатив по устранению социальных недостатков исходил от партии консерваторов. Все они поддерживались Центром и встречали противодействие со стороны либералов. Именно с этого времени на основе общих идей и интересов в социально-политической области постепенно стало происходить внутреннее сближение клерикалов и консерваторов.

Первым большим заявлением Центра в социальной сфере стало заявление графа фон Галена от 19 марта 1877 г. Впервые в рейхстаге прозвучало требование охранного закона для промышленных рабочих. Граф Гален предложил следующие меры:

«I. Во время следующей сессии представить рейхстагу проект закона об изменении Промышленного устава от 21 июля 1869 г., учитывая такие пункты:

а) Эффективная защита религиозно-нравственной жизни всего работающего населения (воскресный отдых).

б) Защита и помощь ремесленному сословию путем ограничения свободы предпринимательства; регулирование отношений учеников и мастеров. Содействие корпоративным союзам.

в) Расширение законных определений для защиты работающих на фабрике людей; введение нормативов для правил внутреннего распорядка; запрет привлечения детей до 14 лет к работе на фабриках; защита семьи через ограничение женской работы на фабриках.

г) Внедрение промышленных арбитражей при участии свободно избранных представителей от рабочих.

д) Ужесточение законоположений, касающихся предприятий, создание которых требует специальной лицензии, особенно питейных заведений.

II. Ревизия законоположений от 7 июля 1871 г., касающихся свободы предпринимательства, а также о принудительном возмещении ущерба применительно к рабочим на шахтах и заводах.» [6, с. 274].

В своем выступление депутат от Центра обозначил направление необходимых изменений, а также подчеркнул отдельные пункты, в которых модификация существующего законодательства является крайне необходимой.

Заявление графа Галена произвело в рейхстаге эффект разорвавшейся бомбы. Наиболее остро отреагировали национал-либералы. Так, Риккерт и его товарищи уже 24 марта ходатайствовали о резолюции, в которой бы говорилось лишь о регулировании отношений мастера с учеником и введении промышленных арбитражей. Социал-демократы также не остались в стороне. 11 апреля Бебель и Фрицше выступили с крайне радикальным заявлением о необходимости социальной революции.

16 – 18 апреля все заявления разбирались в рейхстаге. Граф Гален получил слово вторым. В основной части своей речи он указывал на либеральную политику и базирующуюся на ней законодательство как на корень бедственного положения всего народа: «Мы видим в рабочем фабрики по сравнению с капиталом только лишь рабочую силу. Он полностью стал товаром и подчиняется закону ассортимента и спроса. Рабочий ищет место, где мог бы дороже продать свою рабочую силу. Но, в общем, цена его работы не удовлетворяет его жизненных потребностей» [5, с.503]. Единственный выход депутат Центра видел в возвращении к христианскому социальному мировому порядку, корни которого уходят в семью: «Как в зерне находится зародыш всего органического развития растения, так в семье находится зародыш всего органического развития общества. Однако Бог основал семью как кооператив, следовательно, только кооперативное органическое развитие общества может происходить из этого зародыша» [5, с. 502]. В рамках корпорации должны регулироваться отношения между рабочими и работодателями, должен осуществляться контроль над ведением трудовых книжек и соблюдением условий договора. Кроме того, на фабриках необходимо ввести практику промышленных арбитражей, в состав которых входили бы работодатель и свободно выбранные представители рабочих. В их обязанность должны были бы входить определение длительности рабочего дня и минимума заработной платы. Центр требовал защиты семьи, а именно, ограничения женского и детского труда: «Необходимо не допускать замужних женщин к заводским работам, так как там, где отсутствует мать, нет никакого домашнего быта, нет настоящей семьи, и, наоборот, там, где есть мать, где есть женщина, дети получают уют и воспитание, а у мужчин есть налаженный домашний быт» [5, с.503]. По мнению графа Галена, кооперативная жизнь и народное благо невозможны без нравственности, а нравственность невозможна без религии: «Если бы однажды пришло время, когда работодатель и рабочий проникнутся духом христианства, тогда бы рабочий вопрос решился бы самостоятельно» [7, с. 12]. Важнейшим было требование воскресного отдыха: «освящение воскресенья – это предварительное условие не только религиозно-нравственной жизни, но и материального блага народа» [5, с. 502]. Кроме того, Центр требовал ревизии закона от 7 июня 1871 г. об ответственности работодателя за несчастные случаи на производстве.

Выступление графа Галена вызвало бурю эмоций. Депутат от национал-либералов Риккерт назвал это заявление «отрицанием всего современного образования, отрицанием всего государственного развития», национал-либерал Веренпфенниг сравнил речь графа Галена с «отрывком средневековой хроники, к примеру, истории франков и бургундцев». Даже социал-демократ Бебель насмехался над «этим по-христиански социальным мировым порядком». Только депутат консервативной партии Кляйст-Ретцов выразил, как заметил Э. Ласкер, «некоторое тихое соощущение» [1, с. 334]. Большинство депутатов рейхстага восприняли заявление графа Галена как провокацию правительства, как нападение на принципы проводимой государством экономической политики. Таким образом, попытка клерикалов

вести спокойные и объективные переговоры с партиями культуркамфа потерпела неудачу. Однако это противодействие большинства депутатов рейхстага идеям Центра лишь способствовало сплочению электората партии.

Благодаря заявлению графа Галена усилилось парламентское значение партии; основным направлением деятельности клерикалов с этого времени стало решение рабочего вопроса. В отличие от социал-демократов, которые видели выход в насильственной социальной революции, Центр не питал надежды получить быстрые результаты и стремился проводить политику органического прогресса, так как «общество, как и любой живой организм, должно развиваться только постепенно» [5, с. 504]. Так, шаг за шагом, преодолевая сопротивление национал-либералов и социал-демократов, католики при поддержке консерваторов активизировали социальную политику в Германии. Постепенно немецкие рабочие смогли выйти на гораздо более высокий социальный уровень, чем рабочие других стран.

In the 70-s of the 19-th century in Germany their existed prescriptions regulating labor relations. Nevertheless the position of working-class people was still hard. Nevertheless the position of working-class people was still hard. In 1873 after the initiative of the deputies of Reichstag there was appointed a commission which was to estimate working-class people's position. Materials collected by it showed the weakness of Labor laws. In 1877 the catholic party «The Centre» initiated the widening of the social legislation. This initiative was met negatively by the opposition of the parties of Kulturkampf. Count Galen's pronouncing was not accepted. However it led to the strengthening of the parliamentary role of the party.

**The key words:** the catholic party «The Centre», Kulturkampf, social politics, labor laws, the Reichstag

### Список литературы.

1. *K. Bachem. Vorgeschichte, Geschichte und Politik der Deutschen Zentrumpartei. Bd. 3 Das neue zentrum der Kulturkampf in Preussen, 1870-1880, Berlin, 1927, 451 s.*
2. *W. Treue. Deutschen Parteiprogramme 1861-1956, Gottingen u. a., Musterschmidt, 1956, 371 s.*
3. *G. Manfred. Deutschland im XIX Jahrhundert. Entwicklungslinien. Bonn, 1994, 400 s.*
4. *R. Hoffman. Geschichte der deutschen Parteien: Von der Kaiserzeit bis zur Gegenwart. Munchen, 1993, 381 s.*
5. *Stenographische Berichte über Verhandlungen des Reichstags. 3. Legislaturperiode. I. Session. Bd. 1. B., 1877, 574 s.*
6. *Stenographische Berichte über Verhandlungen des Reichstags. 3. Legislaturperiode. I. Session. Bd. 3. Anlagen, Aktenstück Nr.74. B., 1877, 760 s.*
7. *T. Wattler. Sozialpolitik der Zentrumsfraktion zwischen 1877 und 1889 unter besonder Berücksichtigung interner Auseinandersetzungen und Entwicklungsprozesse, Koln, 1978, 313 s.*

### Об авторе

Ольховская О.В. – аспир. Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, [olch\\_helga@mail.ru](mailto:olch_helga@mail.ru)

## ДАНИИЛ ОСИПОВИЧ СВЯТСКИЙ: ТРАГЕДИЯ УЧЕНОГО

М.В. Синицына

Рассматривается жизнь и деятельность историка астрономии, краеведа Д.О. Святского, в 30-х гг. сосланного в Казахстан. Показана судьба русской интеллигенции в первой половине XX века в СССР. Статья основана на привлечении новых ранее неопубликованных архивных источниках.

**Ключевые слова:** *краеведение, история науки, история астрономии, история русской интеллигенции, репрессии 20-30-х гг. XX века.*

Имя Даниила Осиповича Святского (1881 – 1940 гг.) – организатора краеведческих исследований в СССР в 20-30-х гг. ХХ века, популяризатора науки, астронома, несмотря на весомый вклад, который этот ученый внес в отечественную науку, оказалось малоизвестным в отечественной историографии<sup>1</sup>. Между тем, биография и творческий путь Святского – это пример большой целеустремленной работы, последовательного воплощения в жизнь творческих замыслов, образец бескорыстного служения науке. В его судьбе отразилась история русской интеллигенции первой трети ХХ в., история отечественной науки в целом.

Обращение к архивам и обилие имеющегося материала по указанной теме лишний раз доказывает необходимость дальнейших поисков в этом направлении. Проведение глубокого анализа научного творчества Святского и определение его места в истории – задача, давно назревшая в современной отечественной науке.

Особое внимание обращают на себя 30-е гг. ХХ века в жизни ученого. Это время стало тяжелым испытанием для всей отечественной науки и, особенно, для ученых старой формации, к которой принадлежал и Святский.

Святский родился 14 сентября 1881 г. (ст. ст.) в г. Севске Орловской губернии в семье священника<sup>2</sup>. В 1903 г. окончил Орловскую духовную семинарию<sup>3</sup>, но высшего образования так и не получил из-за участия в 1903-1907 гг. в революционной борьбе против царского правительства<sup>4</sup>. Наряду с бурной общественной деятельностью Святский с ранних лет увлекался астрономией, историей родного края и ботаникой. Интерес к науке привел юношу в 1905 г. в Орловскую ученую архивную комиссию и в Общество для исследования природы Орловской губернии<sup>5</sup>. В 1908 г. Святский опубликовал «Исторический очерк городов Севска, Дмитровска и Комарицкой волости», одно из первых своих значительных исследований<sup>6</sup>.

В 1909 г. Святский покидает Севск, и с этого времени живет и работает в Санкт-Петербурге. В этом городе перед молодым ученым открываются большие научные перспективы. Святский знакомится с уже очень известным к тому моменту ученым-естественником, председателем Русского общества любителей мироведения (РОЛМ) Н.А. Морозовым (1854 - 1946) и в том же году становится членом и одним из активнейших деятелей этой организации<sup>7</sup>. Под мироведением в то время понималась система знаний о мире, как естественных, так и исторических. С 1912 г. и直到 до 1930 г. Святский - редактор научного журнала «Известия Русского общества любителей мироведения» («Мироведение»)<sup>8</sup>.

В 1915 г. Святский опубликовал «Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения»<sup>9</sup>. Эта работа удостоилась положительных отзывов выдающегося этнографа (в дальнейшем – члена корреспондента АН СССР) Д.К. Зеленина и знатока русских летописей академика А.А.Шахматова, который и подал Святскому идею о написании подобного труда<sup>10</sup>. Работа Святского до наших дней является фундаментом для исследований по хронологии и по истории развития астрономических знаний на Руси.

После революции и до 1930 г. Святский работает ассистентом Астрономического отделения Научного института имени П.Ф. Лесгафта, организованного в 1918 г. Морозовым,

занимая в 1921-1922 гг. дополнительно должность помощника директора<sup>11</sup>.

На волне подъема краеведческого движения в 1922 г. Святский был избран в состав Ленинградского Центрального Бюро краеведения (ЦБК) при Российской Академии наук, во главе которого стоял академик С.Ф.Ольденбург, и стал ученым секретарем этого Бюро по Ленинградскому Отделению. Это событие стало важной вехой в жизни Святского. Его деятельность в качестве ученого секретаря Центрального бюро краеведения принесла большую пользу краеведческому движению 20-х годов XX века, которое как раз в это время превратилось в важное явление общественной жизни страны. На этом поприще Святский выступил как талантливый организатор научной и общественно-просветительской деятельности ЦБК, с другой стороны, как ученый-естественник он способствовал внедрению в краеведческую работу данных естественных наук.

Период с 1923 по 1930 гг. оказался наиболее плодотворным в жизни и деятельности Даниила Осиповича Святского не только как исследователя, но главным образом как организатора краеведческих работ в СССР. У него появилась возможность полностью окунуться в научную работу, приступить к осуществлению ранее задуманных идей. Это было время наивысшего подъема творческих сил ученого, время неразрывно связанное для Святского с работой в ЦБК и РОЛМ.

В области чисто научной деятельности в 20-30-е гг. Святский продолжает исследования в области астрономической науки и истории астрономии. Активно также занимается фенологией и метеорологией. Большое количество статей того периода посвящено сообщениям о наблюдениях комет, болидов и метеоритов, фенологическим наблюдениям. В 1930 г. американский журнал «Популярная астрономия» опубликовал статью Святского «Метеоритные потоки в русских летописях»<sup>12</sup>. В этом же году в серии «Занимателная наука», одним из основоположников которой являлся известный ученый Я.И. Перельман, вышла совместная работа Святского и первой в мире женщины ученого-аэролога Т.Н. Кладо – «Занимателная метеорология»<sup>13</sup>.

Однако весной 1930 г. плодотворная научная и организаторская деятельность Святского была прервана. Стремясь полностью взять развитие науки под свой контроль, партийно-государственные власти санкционировали коллективные репрессии по отношению к ученым «старой школы», вызвав к жизни знаменитое «Академическое дело»<sup>14</sup>. В связи с этим в 1929-1930-х гг. были арестованы многие историки Москвы и Ленинграда. Чтобы в глазах общественности придать делу более серьезный характер и подчеркнуть его масштабность, было арестовано и большое количество членов краеведческих обществ по всей стране<sup>15</sup>. Развернувшиеся репрессии вплотную коснулись деятелей РОЛМ и ЦБК.

27 марта 1930 г. Святский вместе со своими коллегами по Обществу Мироведения был арестован. Поводом к аресту послужил личный дневник ученого секретаря РОЛМ В.А. Казицына, неизвестным образом попавший в руки сотрудников ГПУ<sup>16</sup>.

В 1931 году по результатам проведенного следствия охранительными органами было принято решение о существовании в руководстве Общества «контрреволюционной группировки» и виновности ряда его членов в антисоветской деятельности<sup>17</sup>. После этого дело было передано в коллегию ОГПУ для внесудебного разбирательства. В результате ряд членов РОЛМ был направлен в концлагеря, другие сосланы или же подверглись административным преследованиям. Постигла эта участь и Святского. В вину Святскому вменялось слишком большое увлечение историческим краеведением и игнорирование задач современности, связанных с производственной необходимостью краеведческой работы<sup>18</sup>. Похожее обвинение было выдвинуто и против коллеги Святского по ЦБК историка и краеведа Н.П. Анциферова, к тому времени осужденного сразу по нескольким антисоветским делам<sup>19</sup>. Так же как и Святский, под давлением следственных органов он дал признательные показания по данному делу и был приговорен к 5 годам заключения<sup>20</sup>. Впоследствии Анциферов оставил подробные воспоминания об этом периоде своей жизни.

В ожидании суда Святскому пришлось провести в тюрьме более года<sup>21</sup>. Летом 1931 г. коллегия ОГПУ осудила его на три года с зачетом предварительного заключения по обвинению в заговоре против советской власти. Святский был направлен на строительство Беломорско-Балтийского канала<sup>22</sup>. Вскоре, однако, его освободили от общих работ и перевели в

вольнонаемники, назначили заработную плату, паек<sup>23</sup>. Первоначально он работал статистиком, затем получил работу по специальности – климатологом и метеорологом<sup>24</sup>. Осенью 1932 г. Святский вместе с другими осужденными по названному делу был досрочно отпущен по амнистии<sup>25</sup>, и, получив право свободного проживания на территории СССР, вернулся в Ленинград. По возвращении из лагеря Святский пишет письмо своему другу краеведу В.И. Смирнову (1882-1941), находившемуся к тому времени в ссылке в Архангельске: «Итак, как будто кошмар уже позади, даже не верится, что он оставил душить меня. И вместе с тем, какое-то странное чувство реакции – подавленности и апатии ко всему. Как-то кажется, что не начать уже жить снова так полно и целесообразно, как жилось. Чувствуешь себя ошеломленным и выбитым из колеи жизни и никому не нужным пасынком жизни. Может быть, впрочем, это только реакция – временное настроение, но уже 10 дней, как я приехал домой, а перемены мало. (...) И так минувшее проносилось передо мною, а современное стало передо мною во весь рост и говорило о совершенно новом к нам миру, в котором чувствуешь себя потусторонним пришельцем, а хотелось бы быть понятым»<sup>26</sup>.

Несмотря на тяжелое душевное состояние Святский после освобождения из лагеря вновь взялся за работу. Постепенно его дела налаживались. В 1932 г. Святского приняли в Гидрологический институт в Луганске Ленинградской области<sup>27</sup>. Там он трудился 2,5 года до своей высылки из Ленинграда в 1935 г.

В научном плане ученому также удалось сделать немало. К этому времени относится статья «Климат и погода района Беломорско-Балтийского водного пути» (1932 г.), статья о наблюдениях на Руси северных сияний, опубликованная в «Трудах Института истории науки и техники» (1935 г.)<sup>28</sup> и работа «О наводнениях в устье Невы с 1300 по 1932 гг.», проданная Святским в «Комиссию по борьбе с наводнениями» в Институт Коммунального строительства<sup>29</sup>. В 1934 г. выходит второе издание «Занимательной метеорологии», совместно написанное Святским и Т.Н. Кладо<sup>30</sup>. Книга так понравилась читателям, что спустя год «Молодая гвардия» выпустила третье ее издание, хотя Святский к тому времени находился в ссылке, а Кладо отбывала наказание в местах лишения свободы<sup>31</sup>.

В том же году Святский заканчивает работу над новой книгой - «Очерками по истории астрономии в Древней Руси» (позже он изменил название, и произведение стало называться «Народная астрономия и космология в Древней Руси», т.к. по своему содержанию книга скорее представляла собой собрание отдельных очерков, расположенных в определенной системе, чем последовательно изложенную историю астрономии<sup>32</sup>) – самым объемным своим трудом (287 страниц). Рукопись своего нового труда Святский посыпает В.И. Вернадскому (1863-1945), узнав из газет, что он назначен председателем комиссии по истории науки при АН СССР<sup>33</sup>. Вернадский передал ее на дополнительное рецензирование астроному-академику В.Г. Фесенкову (1889-1972). Договорившись между собой, два академика совместно решили представить труд Святского в Редакционно-издательский совет АН СССР для издания. Известия о том, что Фесенков одобрил его работу, Святский так и не дождался – ответ пришел уже после его смерти.

Все время, проведенное в Ленинграде по возвращении из лагеря (а потом и в Казахстане), Святский жил под страхом, вновь лишиться работы и возможности заниматься научной деятельностью. А такая опасность существовала постоянно, о чем Святский неоднократно упоминал в письмах к Смирнову: «У нас идет незатухающая волна сокращений по всем исследовательским институтам. Два раза меня она миновала. Боюсь, что в третий раз меня не обойдет. Подумай, ведь я служу всего 3 месяца. Но, как спец, пока удерживаюсь»<sup>34</sup>. Кроме того, около полутора лет после освобождения местные власти не выдавали Святскому паспорта, так что он проживал в городе Ленинграде практически незаконно: «Дело ведь в том, - писал Святский Смирнову 21 мая 1933 г., - что до сих пор я не имею еще паспорта. Поначалу нас с женой лишили права на получение паспорта (3 и 9 апреля), и с тех настало уныние в нашем доме. Во второй инстанции мне отказали и подал я в третью, пока не предпринимая путешествия в Москву. В третьей инстанции дело мое застяжало даже до сего дня. Жена была восстановлена во второй инстанции (20 апреля), и с тех пор стало несколько спокойнее... Я частным образом слышал, что мне дадут. За меня заступились тут Сергей Федорович (Ольденбург – М.С.)<sup>35</sup>, Александр Евгеньевич (Ферсман – М.С.)<sup>36</sup> и Вениамин Петрович (Семенов-Тян-Шанский – М.С.)<sup>37</sup>, и только их вмешательству я

обязан тем, что не вылетел из Ленинграда, в 10 суток. Если бы ты знал эти переживания. Я их ставлю гораздо более тяжелыми, чем сидение в тюрьме!»<sup>38</sup>.

Очень больно было сознавать Святскому, что результаты его работы и работы его коллег, которой они посвятили часть своей жизни, фактически уничтожены. С горечью сообщает Смирнову Святский, что «архив Общества Мироведения, отправлен в значительной своей части на перемол»<sup>39</sup>, что Географическое Общество, которое в 20-х гг. тесно сотрудничало с РОЛМ и ЦБК превратилось «в живой труп»<sup>40</sup>, что после разгрома ЦБК фенологическая сеть, создававшаяся по всей стране усилиями членов ЦБК и РОЛМ, «вся рассеялась»<sup>41</sup>. Все это время Святский старался жить «одним днем», не задумываясь о будущем<sup>42</sup>. Но мрачные мысли и беспокойство за свою дальнейшую судьбу не покидали Святского ни на минуту. И беда не заставила себя долго ждать.

В феврале 1935 г., после событий, связанных с убийством С.М.Кирова, под угрозой ареста Святскому с женой в административном порядке «было предложено» переехать из Ленинграда в Алма-Ату (Казахстан)<sup>43</sup>. Начались бесчисленные мытарства ученого, закончившиеся только с его смертью. В Ленинград, ставший Святскому родным городом, ему уже так и не суждено было возвратиться.

В ссылке Святский, оторванный от всего близкого и дорогого сердцу – от научной деятельности, от любимой краеведческой работы, от дружеского общения, вел переписку со своими бывшими коллегами-друзьями – Морозовым<sup>44</sup>, академиком Вернадским<sup>45</sup>, костромским краеведом Смирновым<sup>46</sup>, к этому времени также находившемуся в ссылке, и профессором-зоологом, сыном известного композитора М.Н. Римским-Корсаковым (1873-1951)<sup>47</sup>. По письмам названным адресатам, возможно довольно подробно восстановить картину жизни и научной деятельности Святского во время его пребывания в Казахстане.

«Ты угадал, - писал 14 мая 1935 г. Смирнову Святский, - что я новым своим туром не был особенно потрясен, тем более, что здесь не было что-либо личное, направленное против именно меня, а я разделил судьбу многих тысяч ленинградцев. Живи бы мы в Москве, ничего подобного не случилось бы. Но обидно, что все это было сделано бездушно-бюрократически, в 3 дня вытряхнули...»<sup>48</sup>. Если о принятии решения выслать его в союзную республику Казахстан Святский знал с самого начала, то вопрос, в каком именно городе ему придется жить, решился уже после отъезда ученого из Ленинграда. Первоначально в качестве места высылки Святского рассматривался Тургай, провинциальный город республики Казахстан<sup>49</sup>. Однако «хлопоты некоторых новых и старых академиков»<sup>50</sup> способствовали тому, что 16 марта 1935 г. Святского «вызвал начальник и сказал, что пришло известие» о направлении его в Алма-Ату, «т. е. туда, где отделение АН и республиканский центр Единой Гидромет службы». Это известие нескончально обрадовало Святского, о чем он поспешил сообщить в письме своему наставнику и давнему другу Морозову: «Если же суждено сбыться, то тогда, ура, тогда будет спасена моя научная работа и моя научная дальнейшая деятельность. В Тургае же, ...я буду человеком конченным, как для науки, так и вообще для жизни»<sup>51</sup>.

В Алма-Ате Святский устроился старшим научным сотрудником в систему Гидрометслужбы с окладом 500 рублей<sup>52</sup>. Вскоре его избрали ученым секретарем Научно-методического совета и секретарем Фенологической комиссии. Находясь на этом посту Святский подготовил и выпустил фенопрограмму, разработанную им и его коллегами специально для Казахстана. Святский также активно участвовал в издании «Трудов Казахского управления Гидрометслужбы», в числе других давал заключение о защите Алма-Аты от селевых потоков<sup>53</sup>. Внимание ученого привлекли и горы Казахстана – несколько раз он совершал восхождения на ледник Тюк-Су, участвовал и в фенологических экспедициях, предпринимаемых в окрестностях города Алма-Ата. Осенью 1935 г. местный Казахстанский Государственный Университет пригласил его прочесть курс астрономии и геофизики студентам первого курса<sup>54</sup>. А в следующем 1936 г. Святский читал курс лекций по сельскохозяйственной метеорологии в Казахском Сельскохозяйственном Институте.

Несмотря на то, что по прибытии в Алма-Ату ему «volens-nolens» удалось втянуться в исследовательскую работу, Святский постоянно ощущал потребность в более активной деятельно-

сти. Сказывалась удаленность Казахстана от крупнейших архивов и библиотек страны, от большой науки, местный масштаб которой не мог удовлетворить требовательного в духовном плане ученого. В изгнании Святскому становятся особенно дороги письма бывших коллег и друзей. Он ни на минуту не перестает думать о возвращении в Ленинград: «Тоска по Ленинграду не оставляет нас, - писал Святский Римскому-Корсакову в 1935 г., - по-видимому, приходится смириться и оставаться здесь "всерез и надолго". Известие о наводнении 8 октября у Вас, обострило эту тоску еще более, но к нам продолжают прибывать все новые и новые ленинградцы, охлаждающие наши мечты<sup>55</sup>». Воспоминаниями о ленинградских «зеленых зорях» наполнены и письма ссылочного ученого к Смирнову. В октябре 1935 г. Святский писал своему товарищу: «Стареем, друг мой, что греха таить, воистину стареем. Но жить чертовски, все-таки, хочется и хочется умереть все же при кратком свете зеленых зорь, про которые ты так хорошо и проникновенно написал мне прошлый раз, а не на чужбине, хотя бы и у подножия величественного Ала-Тая»<sup>56</sup>.

Зимой 1936 г. Святского поразил тяжелый недуг – обострилась ахиля (предвестник рака желудка), болезнь, приобретенная, видимо, во время пребывания в лагере. Кроме того, как последствия малярии, которой ученый заболел во время поездки в Астрахань в 1934 г., у него развилось малокровие. Первый приступ болезни случился у Святского сразу после приезда в Алма-Ату. Его прооперировали, но к улучшению состояния это не привело. По выражению самого Святского, он «стал похож на мертвеца» и «потерял вкус к жизни»<sup>57</sup>. Но в январе 1936 г. в местной больнице ему сделали два переливания крови, после чего Святский стремительно пошел на поправку. После выздоровления он сразу же принимается за работу.

«В газете как-то промелькнуло известие, - писал Святский Римскому-Корсакову, - что Общество изучения Ленинградской Области приступило к исследованию фенологических сезонов по Ленинграду и области за 100 лет. (...). Я сижу сейчас над более широкой темой о потеплении Севера, навеянной на меня работой А.С. Берга «Недавние климатические колебания и их влияние на миграции птиц», в которой А. С. (Берг – С.М.) использовал и мою работу по фенологии Ленинграда...»<sup>58</sup>. В местную газету «Литературный Казахстан» Святский отправляет свою статью о грязекаменных потоках. В то же время сотрудничает с центральным органом Управления Метеослужбы – «Метеорология и гидрология» и с вечерней газетой «Социалистическая Алма-Ата»<sup>59</sup>. Однако над головой ученого все больше и больше начинают сгущаться тучи.

Началось с того, что в Казахстанском Университете, наметившем экспедицию в Ак-Булак для наблюдения солнечного затмения, отказались включить в ее состав Святского и дали ему понять о нежелательности продолжения дальнейшей работы в этом учебном заведении. «Итак, твоя квази-возрожденная краеведческая карьера кончилась,- писал впоследствии Святский Смирнову в Архангельск, - также безусловно, и, может быть, полезно для меня кончается здесь моя педагогическая карьера. И все в том же духе, как и у тебя. Шушуканье, намеки, неудовольствие. Одним словом, чем-то недовольны, а чем – я сам понять не умею. А проще говоря – трусят. (...). Уходя из Университета, я нисколько об этом не сожалею, т.к. вообще к педагогической деятельности никогда не чувствовал призыва. В Упр[авлении] Гидромет[еорологической] службы спокойно и интересно. Хотя сие учреждение тоже не на должной высоте, но там меня любят, ценят, да и я нахожу пищу для ума и своих исследовательских навыков, а в Университете только голая педагогика и больше ничего. Так поставлено дело»<sup>60</sup>.

Но вскоре ученого ожидал новый, еще более страшный удар. Осенью 1937 г. «беда пришла оттуда, откуда я ее никогда не ждал», - сообщал в письме от 8 ноября 1937 г. Святский Смирнову<sup>61</sup>. В августе 1937 г. в Управление Гидрометслужбы в Казахстане прибыла ревизия из Москвы. В результате Управление сняло с работы без указания причин 12 человек, и в том числе Святского, «за невозможностью использования»<sup>62</sup>. И все это тогда, когда фенологическая работа только начала приносить свои плоды! На территории Казахстана к этому времени было образовано 112 наблюдательных пунктов, интенсивно проводились феноработы, Святский совместно с профессором А.Я. Семеновым обрабатывали материал и готовили его к печати. С группой отмечает Даниил Осипович в том же письме Смирнову, что в отношении него – это была «награда за 40-летнюю преданность метеорологии, вроде как бы ордена "за изнанку"»<sup>63</sup>.

Святский пишет заявление в Главное управление Гидрометслужбы, письма В.М. Молото-

ву, в прокуратуру. Тем временем начальство подает на него в суд, требуя выселения без предоставления жилплощади<sup>64</sup>. В перспективе ученого – безработица, потеря комнаты и нищета. За всем этим следует новое несчастье. «Я, после всех бед, нависших над моей головой, - пишет Святский 7 ноября 1937 г. Римскому-Корсакову, - кажется, потерял единственное оставшееся у меня право, на которое до сего времени никто не посягал – право печатать свои научные труды. Везде отказ и отказ по независящим обстоятельствам. Разве может быть хоть какой-нибудь после этого стимул к научным исследованиям. Понятно, что я сейчас нахожусь в полной пропастрии...»<sup>65</sup>.

Летом 1938 г. предпринятые Святским меры все-таки дали долгожданный результат – «наконец-то, на 8 месяце безработицы клюнуло»<sup>66</sup>! Святского «восстанавливают в должности специалиста по обработке метеорологических наблюдений» и назначают агросельхозметеорологом в Актюбинское отделение Гидрометслужбы (в Алма-Ате «вакансий уже не было»)<sup>67</sup>. 28 августа 1938 г. Святский сообщает в письме Смирнову: «Вечером меня пригласил нарком нового созыва т. Бектасов. "Как Вы поживаете, как Ваше здоровье?" (я видел т. Бектасова впервые). "Вы без работы? Ну, ничего, мы найдем Вам работу. Я позвоню завтра в Г[идро]-М[етеорологическую] сл[ужбу]". Наутро второго я иду туда, и там мне говорят: "Звонил нарком. Знаете, что, мы решили не запрашивать Москву, а приказом с 3 августа зачисляем Вас на работу в Актюбинске. Вы пока будете собираться, ликвидироваться. Проезд оплатим и т.д." В общем, я ликвидировался к 17-му и 20-го приехал уже сюда»<sup>68</sup>.

Актюбинск, по выражению Святского, – «город песчаных бурь и снежных буранов со скучной растительностью», представлял собой и в научном отношении довольно жалкое зрелище. С досадой Святский пишет Вернадскому еще из Алма-Аты о том, что вдали от ленинградских архивов и библиотек историей науки ему «заниматься почти не приходится»<sup>69</sup>. Что же говорить об Актюбинске, где достать даже литературу научного характера было чрезвычайно трудно. Несмотря на это, Святский все же находит возможность работать над большим трудом по истории климата СССР с XII века, который в шутку называет «своей диссертацией», по материалам, собранным еще в Ленинграде<sup>70</sup>.

В Актюбинске, кроме своей основной деятельности в Управлении Гидрометслужбы, Святский принимал участие в зачетной Комиссии по выпуску молодых специалистов-метеорологов<sup>71</sup>, сотрудничал с местной газетой «Правда», куда осенью 1938 г. поместил заметку о предстоящем лунном затмении на территории Казахстана. С сообщением о затмении Святский выступал и по актюбинскому радио<sup>72</sup>.

Святский не оставляет и попыток добиться права печатать свои работы в научных изданиях. С этой целью он неоднократно обращается за помощью к Вернадскому и Римскому-Корсакову. Одну статью о движении снеговой границы в горах Алма-Аты в 1935-1938 гг., написанную по собственным наблюдениям, ученый посыпает в «Известия Географического Общества», вторую – о потеплении Севера в журнал «Природа»<sup>73</sup>. Однако редакция «Природы» возвращает Святскому его работу (позже ее согласился принять журнал «Метеорология и гидрология»). Что же касается статьи о снеговой границе, то благодаря усилиям Римского-Корсакова «Известия» согласились ее напечатать, что несказанно обрадовало Святского<sup>74</sup>.

Из Актюбинска Святский с жадностью следит за новостями науки в далеком Ленинграде. Узнав от Римского-Корсакова о проведении 23 мая 1939 г. заседания Фенологической Комиссии Русского Географического общества, посвященной памяти Д.Н. Кайгородова (создателя фенологической сети в дореволюционной и советской России), он посыпает ее участникам открытое письмо-привет<sup>75</sup> от своего имени. Римскому-Корсакову в письме от 14 мая Святский писал: «Хотелось бы и мне хоть мысленно в этот день быть среди Вас – фенологов. На всякий случай прилагаю при сем свое приветствие, которое, сообразуясь с обстоятельствами, может быть, возможно бы было и зачитать, если будут другие приветствия или просто дать прочитать его кое-кому из близких моих знакомых. Это Вам уже виднее будет...»<sup>76</sup>.

Все время, проведенное в Казахстане вдали от центра России, Святский с надеждой ожидал конца своей ссылки. Ему хотелось возвратиться в Ленинград, чтобы наконец-то приступить к работе, от которой волей рока он был столько времени оторван. Но чем ближе приближался срок окончания ссылки, тем тревожнее становилось ученому: возник вопрос о том, как дальше пристраиваться? Святский мучился от чувства неизвестности, испытывая постоянный страх за свое будущее. «Чувствую с Мар[ией] Фед[оровной], - писал Святский Смирнову за несколько месяцев до смерти, - что за эти 2 последних года мы сильно сдали –

начали стареть. Несомненно – это факт и с тем приходится считаться, как это ни прискорбно. И вот началась, вероятно, творимая легенда: и вот возвратимся "домой", т.е. на Север, и Север нас оживит. Так ли это будет или нет, не знаю. Будущее покажет»<sup>77</sup>.

Но вернуться «домой на Север» Святскому было не суждено, конца своего изгнания он так и не дождался. Зимой 1940 г. он скоропостижно скончался за 2 недели до окончания высылки. Ему не было еще 60-ти лет.

О горе, внезапно постигшем ее, друзьям Святского сообщила его вдова Мария Федоровна. «...Я очень убита горем, среди чужих людей и так неожиданно это все, - писала она Римскому-Корсакову<sup>78</sup>. «Даниил О[сипович] умер 29.I 6 ½ утра скоропостижно, вечером 28.I узнали, что знакомым дали путевки выехать в поселок за 70 верст в мороз 37 градусов, и он пошел узнать правда ли это, так что и нам эта учесть предстояла, и там ему сделалось в 11 ½ вечера худо, споткнулся, его спросили, что с вами, но он сказал, что зацепился за ковер, а потом стал падать, его положили и послали за мной и врачом, у него отнялись левая рука и нога, и я пришла. Он был в памяти, но не мог понять, что левая сторона парализована, и просился домой, и все говорил, что он под руки возьмет и дойдет сам и так был до 2 часов ночи в памяти, и когда приехала скорая помощь, взять его перевезти, то он уже не говорил и все ему хуже делалось, и привезли домой, он не говорил, но смотрел, а с 3 и совсем перестал понимать, а в 6 ½ утра тихо скончался. На него очень повлияло это известие, потому что срок 27.II, а здесь приходиться уезжать, чего он и боялся, так это бы и было, потому что мне без него предложили собираться, но теперь оставили, да очень тяжело было все это пережить....»<sup>79</sup>.

Святский, как и многие другие талантливые деятели науки был насильственно оторван от научных центров и лишен должных условий для работы, несмотря на то, что он брался за разработку таких проблем, которые ранее или совершенно не ставились, или, в лучшем случае, только намечались для исследования в науке. Действия власти привели к его безвременной кончине на кануне еще большего ухудшения условий его деятельности, к потере надежды на возвращение к полноценному творчеству. В этом заключалась трагедия ученого.

The Article is devoted to the life and scientific activity of D.O. Svyatsky, the historian of astronomy and regional scientist, who was exiled to Kazakhstan. The destiny of the Russian intelligence in the USSR is shown in the 1 half of the XX century. The Article is based on the non-published before, new archive historical sources.

**The key-words:** regional studies, history of science, history of astronomy, history of Russian intelligence, repression of 1920-30.

### Список литературы

1. См. о Д.О. Святском: *Бронштэн В.А.* Разгром Общества любителей мироведения // Природа, 1990, №10. С. 122-126; Он же. Даниил Осипович Святский (1881 -1940) // Святский Д.О. Астрономия Древней Руси. М., 2007. С. 16-24; Дубровский А.М. Слово о Святском // Из истории Севска и его округи (сборник материалов областной краеведческой конференции, посвященной 50-летию боев за Севск). Севск, 1993. С. 37-44.
2. ГАБО. Метрическая книга собора Успения Пресвятой Богородицы г. Севска (1874-1883). Ф. 249. Оп. 1. Д. 192. Л. 201.
3. ГАБО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 207. Л.375.
4. ГАОО. Ф.580. Ст. 1. Д. 4282; Ф.883. Д. 143; Ф.883. Д. 215; Ф.883. Д. 349; Ф. 1001. Д. 5.
5. Еремин В.П. Орловские краеведы // Краеведческие записки. Вып. 4. Орел, 2005. С. 344.
6. Святский Д.О. Исторический очерк Севска, Дмитровска и Комарицкой волости. Орел, 1908.
7. ААН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1657. Л.1.
8. В 1924 г. журнал Известия Русского общества любителей мироведения выделился из журнала Мироведение и с 1925 г. выходил самостоятельно. В 1927 г. по выходе № 4 снова влился в журнал Мироведение. С 1925 по 1927 гг. Святский являлся редактором обоих журналов.
9. Святский Д.О. Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. Пг., 1915.
10. Бронштэн В.А. Даниил Осипович Святский. Биографическая статья // Святский Д.О. Астрономия Древней Руси. М., 2007. С. 18-19.
11. ААН. Переписка Святский – Морозов, 1918-1922 гг. Ф. 543. Оп. 4. Д.1658. Л. 47.
12. См.: Бронштэн В.А. Даниил Осипович Святский (1881-1940). // Святский Д.О. Астрономия Древней Руси. М., 2007. С.22.
13. Святский Д.О., Кладо Т.Н. Занимательная метеорология. – Л.: Время, 1930.
14. См.: Перченок Ф.Ф. «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской нау-

- ке // Трагические судьбы репрессированных ученых АН СССР. – М., 1995, С. 201-235; Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930-1950-е гг.) – Брянск, 2005; Шмидт С.О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество: краеведческий альманах. Вып. 1, 1990.
15. См.: Шмидт С.О. «Золотое десятилетие» советского краеведения. С. 11-27.
  16. Бронштэн В.А. Разгром Общества любителей мироведения // Природа, 1990, №10. С. 123.
  17. Там же.
  18. См.: Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания. М., 1992. С. 350-374.
  19. Там же.
  20. Там же. С. 350-374.
  21. См.: Бронштэн В.А. Разгром Общества любителей мироведения // Природа, 1990, №10. С. 122-126.
  22. Там же. С. 125.
  23. Бронштэн В.А. Разгром Общества любителей мироведения // Природа, 1990, №10. С. 125.
  24. ОПИ ГИМ. Ф. 547. Ех. 159. Л.7, 9.
  25. Бронштэн В.А. Разгром Общества любителей мироведения // Природа, 1990, №10. С. 126.
  26. ОПИ ГИМ. Ф. 547. Оп.2. Е.х. 160. Л. 48-49.
  27. Там же.
  28. ААН. Ф. 547. Оп. 2. Д. 158. Л. 2.
  29. ОПИ ГИМ. Ф. 547. Оп.2. Е.х. 160. Л. 55-56.
  30. Святской Д.О., Кладо Т.Н. Занимательная метеорология. – Л.: Время, 1934.
  31. Святской Д.О., Кладо Т.Н. То же. Л.: Молодая гвардия, 1935. (См.: Морозов Ю. Занимательная метеорология Д.О. Святского и Т.Н. Кладо // Наука и жизнь, 2006, №2).
  32. ААН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1471. Л. 8.
  33. Там же.
  34. ОПИ ГИМ. Ф. 547. Оп.2. Е.х. 160. Л. 58-59.
  35. Ольденбург Сергей Федорович (1863-1934) – востоковед, один из основателей русской индологической школы. Секретарь Академии Наук с 1904 по 1929 гг. С 1930 по 1934 г. директор Института востоковедения АН СССР.
  36. Ферсман Александр Евгеньевич (1883-1945) – геохимик и минеролог, академик АН СССР с 1919 г. Ученик В.И. Вернадского. В 1929-1945 гг. – член Президиума АН СССР.
  37. Семенов-Тян-Шанский Вениамин Петрович (1870-1942) – географ, автор работ по районированию, городскому и сельскому расселению.
  38. ОПИ ГИМ. Ф. 547. Оп.2. Е.х. 160. Л. 64.
  43. ААН. Ф. 543. Оп.. 4. Д. 1659. Л. 9-10.
  44. ААН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1657, 1658, 1659; Оп. 5/ 1776. Д. 168, 169, 170, 171.
  45. ААН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1471.
  46. ОПИ ГИМ. Ф. 547. Оп. 2. Ед. хр. 85, 158, 159, 160.
  47. СПФААН. Ф. 902. Оп. 2 (4523). Д. 471.
  48. ОПИ ГИМ. Ф. 547. Оп. 2. Д. 158. Л. 16.
  49. ААН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1659. Л. 9-10.
  50. ААН. Ф. 547. Оп. 2. Д. 158. Л. 16.
  52. ОПИ ГИМ. Ф. 547. Оп. 2. Ед. хр. 158. Л. 16-17.
  53. ААН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1471. Л. 11.
  54. ОПИ ГИМ. Ф. 547. Д.158. Л.21.
  55. СПФААН. Ф. 902. Оп. 2. Д.471. Л.7.
  56. ОПИ ГИМ. Ф. 547. Д.158. Л.25.
  57. СПФААН. Ф. 902. Оп. 2. Д.471. Л.8.
  58. Там же.
  59. ОПИ ГИМ. Ф. 547. Д.158. Л.36-37.
  64. ААН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1471. Л. 11.
  65. СПФААН. Ф. 902. Оп. 2. Д.471. Л.12-13.
  66. Там же. Л. 20.
  67. ААН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1471. Л. 12.
  68. ОПИ ГИМ. Ф. 547. Д.158. Л.65-66.
  69. ААН. Ф. 518. Оп.3. Д. 1471. Л.11.

70. ОПИ ГИМ. Ф. 547. Д.158. Л.68-69.
71. СПФААН. Ф. 902. Оп. 2. Д.471. Л.29.
72. ОПИ ГИМ. Ф. 547. Д.158. Л.68-69.
74. СПФААН. Ф. 902. Оп. 2. Д.471. Л.32.
75. СПФААН. Ф. 902. Оп. 2. Д.471. Л.27-28.
76. ОПИ ГИМ. Ф. 547. Д.158. Л. 74.
77. СПФААН. Ф. 902. Оп. 2. Д.470. Л. 1-2.
79. ОПИ ГИМ. Ф. 547. Е.х. 159. 15-16.

### Об авторе

Синицына М.В. – аспир. Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, bryanskgu@mail.ru.

УДК 281.9

## ИСТОЧНИКИ И ИСТРИОГРАФИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ АНТИОХИЙСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И РОССИИ.

А.А. Слюнкин

В статье говорится об источниках и историографии взаимоотношения Антиохийской Православной Церкви и России. Антиохийская Православная Церковь, имеющая почти 2000-ю историю, всегда оказывала огромное влияние на судьбы всего Православного мира. Совершенно особая страница истории Антиохийской Православной Церкви – взаимоотношения с Россией. Автор анализирует источники и историографию взаимоотношений Антиохийской Православной Церкви с государством Российской в прошлом и настоящем.

**Ключевые слова:** Антиохия, Церковь, Русская историография, Арабская историография, преемственность во взаимоотношениях, архив, исторические источники.

Святая Антиохийская Церковь имеет почти 2000-летнюю историю и всегда имела огромное влияние на судьбы Православного мира. Обозначим некоторые наиболее важные моменты истории Антиохийской Церкви, которые обусловили указанную степень ее значимости.

Даже тогда, когда это влияние и не было, как может показаться, ярко выраженным *внешне*, тем не менее, оно сохранялось во влиянии примера Антиохийской святости, Литургической традиции, творений Антиохийских Отцов.

Следует так же сказать, что в христианском сознании само понимание взаимоотношений гораздо шире, чем обычное понимание этого вопроса, а именно, общение в молитве, не знающей расстояний, также осознается и понимается, как форма взаимоотношений между православными людьми различных народов и стран, причем определяется как весьма важная форма взаимоотношений.

Исходя из сказанного, полагаем необходимым сделать важное замечание, заключающееся в том, что любая Поместная Церковь существует *преемственно* (курсив всюду мой – А. С.) как иерархически, так и духовно. По этой причине в самых кратких словах необходимо обозначить наиболее важные моменты в истории Антиохийской Церкви.

После падения Иерусалима Антиохийская Церковь заняла первое место в Азии и по значению сравнялась с Римской и Константинопольскими Церквами до V века, когда образовались Патриархаты. [10, с. 319-427].

В Антиохии ученики Апостолов впервые стали называться христианами [1, гл. 16. Стих 26].

Недалеко от Дамаска Савл (прежнее имя Апостола Павла) был обращен ко Христу и из яростного и убежденного противника Христианства стал ревностным его проповедником [1, Деяния святых Апостолов. Гл. 9].

Святой Апостол Петр, покидая Антиохию, оставил своим преемником Евода, которому наследовал святой Игнатий Богоносец, ученик святого апостола Ивана Богослова. Имен-

но он учредил в Церкви антифонное пение, т.е. пение на два лика.

Титулом Патриарха первым стал именоваться глава Антиохийской Церкви [23, с. 153].

Вся Великая и Малая Азия и все станы Востока были сначала в юрисдикции Антиохийского Патриархата. На первом Вселенском Соборе в числе 318 Святых Отцов пребывал 25 Антиохийский Патриарх святой Евстафий, приветствовавший, как председательствующий епископ, императора Константина, «...ибо ранг Антиохии ... был, конечно, выше и Царьграда и Никеи», - сообщает в своем фундаментальном труде «Вселенские Соборы» А. В. Карташев. [10, с. 34].

На четвертом Вселенском Соборе было учреждено Патриаршество в Иерусалимской Церкви и Антиохийский Патриарх Максим отдал Иерусалимскому Патриарху Ювеналию Палестину.

На пятом Вселенском Соборе от управления Антиохийским Патриархом отшел Кипр.

Благовестие Антиохийской Церкви распространялось и в отдаленные от нее страны. Действием проповеди святой равноапостольной Нины пожелали креститься жители Грузии. Святой Патриарх Антиохийский Евстафий по поручению императора Константина Великого отправился в Грузию со священнослужителями и наследником Грузинского Престола Вакурием. В Грузии он крестил царя и народ, поставил епископов и иереев, установил Богослужение [5, с. 469-478].

Четвертый из Поместных Соборов проходил в 341 году в Антиохии [10, с. 30-68]. На нем было учреждено 25 правил относительно Пасхалии, церковного общения между христианами и обязанности епископов.

Святой Мелетий, 33-й Патриарх Антиохийский (кон. 360-381 гг.), участвовавший во II Вселенском Соборе, совершил Таинство Крещения, а затем диаконскую и иерейскую хиротонии над святителем Иоанном Златоустом, а также хиротонисал святителя Василия Великого в архиепископы Кесарии Каппадокийской. Таким образом, Первоиерарх Антиохийской Церкви непосредственно участвовал в житии двух Вселенских Учителей Церкви.

На пятом Вселенском Соборе в 553 году в Константинополе участвовал 65 –й Антиохийских Патриарх Домн.

На шестом Вселенском Соборе – 76-й Антиохийский Патриарх Георгий.

По причине притеснений от иноверных на VII Вселенском Соборе 780 года не могли присутствовать ни Антиохийский Патриарх Феодорит, ни Александрийский Апполинарий, ни Иерусалимский Илия. Они единогласно делегировали свои полномочия иеромонахам Фоме и Иоанну [10, с. 493]. Примечательно, что А. В. Карташев именует все три указанных Восточных Патриархата *арабскими* [10, с. 493].

Творение монахов Антиохийской Церкви, среди которых наиболее значимы труды преподобного Семеона Столпника, Дорофея Газского, Иоанна Мосха, стали большим кладом в общечерковную, в том числе Русскую традицию подвижничества.

Антиохийская Литургическая традиция стала неотъемлемой частью Православного Богослужения, в т.ч. русского, о чем свидетельствует, в частности, архидиакон Павел Алеппский [21, с. 482-484].

В Антиохии, как мы сказали, впервые последователи Христа стали называть себя Христианами. Через тысячу лет их примеру последовали жители Древней Руси. Между Антиохийской и Русской Православной Церквами существовали духовные взаимоотношения с самого момента Крещения Руси. Это выражалось в одном учении о духовной жизни, в преемстве Литургической традиции, в изучении, и по возможности, опытном осуществлении в жизни трудов Святых Отцов Антиохийской Церкви, в которых изложен их опыт осуществления Евангелия в жизни христианина.

Апостол и Евангелист Лука был антиохийцем, им же, как повествует Церковное Предание, был написан первый Образ Божией Матери [26, с. 45]. И эта икона позднее была принесена в благословение Русской Православной Церкви.

В конце X века святой Михаил, первый митрополит Киевский, родом из Антиохии, ученик Антиохийского Патриарха Иоанна IV Оксита (сен. 1089-ок. 1100), установил непосредственную связь между Антиохийской и Русской Церковью. «Михаилу мы обязаны всем,

- писал историк XIX века Шеверов, - первым насаждением христианства на нашей земле, первым монастырем златоверхим Михайловским, первыми учащимися. Так, при самом начале у нас христианской веры, мы видим уже связь между Антиохийской и нашей Церковью... В России насадили и возрастили православие при помощи Божией, Православные Восточные пастыри, которые отличались *великим благочестием и святостью жизни*. Главным из них был святой Михаил, первый митрополит киевский, нетленно почивающий в Русской земле [29, с. 12]. В дальнейшем, вплоть до XVI столетия история не оставила нам конкретных свидетельств *официальных* отношений между Антиохией и Москвой, но паломничество Русских людей к христианским святыням знакомило их с жизнью православных христиан на Востоке, посещение Восточными Иерархами Московского Царства, знакомило восточных христиан с жизнью на Руси. Особенно следует сказать о том, что *молитва*, которая, как мы сказали, не знает расстояний, объединяла православных чад Русской и Антиохийской Церквей.

Профессор Московской Духовной Академии Е. Е. Голубинский говорит, что «за милостынею приходили на Русь не только духовные лица, но и простые паломники, Палестинские греки и арабы» [4, с. 576].

Обильная материальная помощь, которую оказывала Россия страждущим под иноверным игом православным христианам, вызывала чувство благодарности своим братьям по вере у жителей востока и об этом мы находим письменное свидетельство: Антиохийский Патриарх Иоаким V Дау писал царю Фёдору Иоанновичу: «Писано: если кто видел небо и небо небеси и все звезды, а солнца не видел, тот еще ни чего не видел, но когда увидит солнце возврадуется и прославит Сотворившего его. Солнце же наше православных христиан в нынешние дни - ваши царские милости и кто видит царское лицо, возврадуется и прославит Жизнодавца Бога, Который дал тебя в утверждение процветания Восточной Церкви Христовой, как солнце стоящее над звездами [17, с. 171].

Одним из основных источников по истории Антиохийской Церкви за это время — список Патриархов, составлены Антиохийским Первосвятителем Макарием III, где он говорит:

وَحْضَى (sic) يِواكِيم بِالبَطْرُكِيَّةِ وَحْدَهُ وَاسْتَقَامَتْ أَحْوَالُ النَّصَارَى فِي أَيَّامِهِ لِكُنْ كَانَتْ عَلَى  
الْكُرْسِيِّ دِيُونٌ كَثِيرَةٌ فَلَاجِلَ ذَلِكَ ذَهَبَ إِلَى الْقَسْطَنْطِنْطِيْنِيَّةِ وَمِنْهَا إِلَى بَلَادِ النَّصَارَى لِعَلَّ  
يَجْعَلُ تَلَكَ الدِّيُونَ فَمَمْضَا إِلَى الْمَسْكُوفَ وَخَرَجَ إِلَى كَيْوُفَ التَّى هِيَ الرُّوسُ الصَّغِيرَةُ وَكَانَ  
ذَلِكَ فِي سَنَةِ سَبْعَةِ الْأَلْفِ وَاثْنَتِينِ وَتَسْعَيْنَ لِلْعَامِ كَمَا رَأَيْتَ أَنَا الْفَقِيرُ مَكْتُوبًا هُنَاكَ  
بِحِيثِ اِيْقُونَتِهِ هُنَاكَ مُوجَودَةٌ إِلَى الْاَنِ فِي كَيْوُفَ بِدَارِ الْمَطْرَانِيَّةِ مَعَ اِيْقُونَةِ اَرَامِيَا  
الْقَسْطَنْطِنْطِيْنِيِّ وَمِيلاتِيُّوسَ الْاسْكَنْدِرَانِيِّ وَثَاوْفَانِيِّ الْاوْرَشْلَمِيِّ.

Перевод: «получил Иоаким патриаршество единолично и устроились дела для христиан в его дни.

Однако, на кафедре было много долгов, ради чего он и отправился в Константинополь, и оттуда в христианские страны, надеясь собрать пожертвования в уплату этих долгов.

Он поехал в Москвию и выезжал в Киев, каковой есть малая Россия. Было это в 7092 году от Сотворения мира, как видел я недостойный. Написано там, где находится его изображение до настоящего времени, в Киеве в митрополичьем доме вместе с изображением Иеремии Константинопольского, Мелетия Александрийского и Феофана Иерусалимского» [22].

Один очень интересный источник об этом путешествии известен нам только по названию. Писатель Ма'луф, [11, с. 22] знаток исторической литературы о Сирии, упоминает в одной из своих работ «...историческую оду, сочиненную митрополитом Йисой, одним из епископов Антиохийского Престола, в которую он включил описание путешествия Патриарха Иоакима Дау, бывшего ранее епископом Триполи Сирийского, в Валахию, Молдавию и Россию для сбора милостыни на свою кафедру около 1586 года. Про нее упоминает архидиакон Павел, который говорит, что он знал ее наизусть и постоянно вспоминал во время своего пребывания в Москве.

Никаких следов ее не известно, быть может, она имеется в собраниях России [18, с. 144].

О произведении митрополита 'Исы архиdiакон Павел Алепский в своем произведении пишет несколько раз [21, сс. 335, 337, 338, 345, 369].

Следует заметить, что история взаимоотношений Русской и Антиохийской Православных Церквей вне Православной церковной исторической литературы почти не рассматривалась. В существующей католической литературе по истории Восточных церквей встречаются лишь отрывочные сведения об Антиохийском патриархате, причем эти сведения связаны с теми моментами жизни Антиохийской церкви, когда она подвергалась усиленной католической экспансии. Католические авторы больше интересовались успехами прозелитической деятельности Рима в Антиохийской церкви. Это относится к проблематике тех немногих трудов западных католических авторов, которые в какой-то степени касаются вопросов об Антиохийском Патриархате[см. об этом 6].

Возвращаемся. Участие и значение Антиохийского Патриарха Иоакима в деле установления патриаршества на Руси - одном из важнейших событий в Русской православной церкви было столь велико, что об этом согласно пишут почти все Русские церковные историки: профессор Знаменский [7, с. 223-224], Митрополит Московский Макарий [15, с. 254, 385, 405], Н. Тальберг [24, с. 31] в одноименных трудах под названием «История Русской церкви». Много об этом пишет Н. Ф. Каптерев [8, с. 38]. По неизвестной причине о патриархе Иоакиме Дау ничего не говорит архиепископ Филарет (Гумилевский) в замечательном труде «История Русской Церкви» [см. об этом 27].

Сведения о деятельности патриарха Иоакима IV в России содержит его грамота Львовскому Братству, причем один из величайших арабистов И. Ю. Крачковский описывает только одну из них: грамоту обращенную к духовенству города Львова и касающуюся в основном церковно-канонических норм [22, с. 180]. В данной работе И. Ю. Крачковский говорит, что местонахождения остальных грамот патриарха Иоакима IV Дау неизвестно и неизвестно также, сохранились ли они. *Сейчас мы имеем возможность положительно ответить на этот вопрос и сказать, что грамоты патриарха Иоакима IV Львовской пастве хранятся в Центральном Государственном Архиве города Львова: Ф. 129 Оп. 1. Д. 72.*

Сведения о пребывания В России патриарха Иоакима IV содержит его письма царю Феодору Иоанновичу и царские указы о приема Антиохийского Патриарха на пути его следования в Москву и в самой Москве находятся в Российском Государственном Архиве Древних Актов. По окончании визита в Россию Иоакима IV Дау официальных взаимоотношений на высшем уровне между Москвой и Антиохийском Престоле возобновились только при патриархе Макарий III аз-За'им. Но это совсем не означает, что между Москвой и Антиохией вообще не было никаких отношений. Такое утверждение противоречивало бы самой природе Церкви. Кроме того, сведения о состоянии Антиохийской церкви и бывших, хотя и немногочисленных отношений с Россией находим как в архивных документах, и иных источниках, [см. об этом на пр. 28] так и в трудах историков русских: С. Муравьева [17], М. Ф. Каптерева [9], так и арабских, среди которых Михаил Барик ад-Димашки [16], Константин аль-Паша [14], официальный историк Антиохийского Патриархата Асад Рустум [23], митрополит (маронитский) Юзеф Адибис, автор труда «Тарих аш-Шам» - «История Сирии» [30], материалы, содержащиеся в арабо-язычной периодической церковной печати: в журналах ан-Нимат - «Благодать», издававшийся с 1906 года. В 1972 году его сменил журнал ан-Нашра Рисалад ар-Рай «Пастырские послания», издается митрополитом Халеба с 1973 года; ар-Риаяд – Пастырь во, ежемесячный журнал Бейрутской митрополии. Выходит с 1973 года; аль-Гадие - «Дар», издававшийся Антиохийским Патриархом Григорием IV Хаддад в начале XX века; ан-Нашра -«Бюллетень», ежемесячное издание митрополита Триполийского. Выходит с 1974 года; ан-Нур - «Свет», ежемесячный журнал Православного движения молодежи. Издается в Бейруте с 1964 года; аль-Калимат - «Слово», ежемесячный журнал североамериканской епархии. Издается с 1905 года, с 1957 года на английском языке; аль-Манаар - «Маяк», издание иезуитов Бейрута. Выходит с 1905 года, научный уровень которого очень высоко оценивал И. Ю. Крачковский [12].

Сведения по истории взаимоотношений Антиохийской Православной Церкви и России в 18 – нач. 20 века содержатся в Архиве Внешней Политике Российской Империи Мини-

стерства Иностранных Дел: Ф. 149. Турецкий стол (старый); Ф. 89/1 сношения России с Турцией: Ф. 180 Посольство в Константинополе; Ф. 208 Российское консульство в Бейруте...

В России существовал еще один интереснейший ряд источников, вызвавший изумление даже у Крачковского, а именно: арабские рукописи в русских монастырях. К сожалению сведения о них мы можем получить только из небольшой работы названного знаменитого ориенталиста [13], который, в свою очередь, получил сведения о них из небольшой книги Юлиуса Артманна «Арфа пустыни», вышедшей в Лейпциге на немецком языке в 1856 году. Артманн представляет широкий список собраний арабских рукописей в России: библиотеки русских Университетов, особенно Москвы, Казани и Киева, Императорская Публичная Библиотека, Академия Наук с Азиатским Музеем, Главный Педагогический Институт в Санкт-Петербурге, Правительствующий Синод, Лазаревский Институт Восточных Языков, лицей Ришелье в Одессе, Демидовский в Ярославле, Безбородко в Нежеле, греческая Александровская школа там же, Агабабовская армянская школа в Астрахани, библиотеки Духовных Академий и Семинарий и отдельных светских гимназий и филологических школ.

Наиболее важным по многочисленности и содержанию Ю. Артманн считает собрание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры (стр. 10-11 указанного сочинения Артманна). Оно содержало более 20 томов под общим названием «Гномологические книги» и было собрано с большими издержками Московскими Митрополитами и Архимандритами Лавры. В состав собрания входили рукописи «турецкие, татарские, бухарские, персидские, монгольские, лезгинские (т.е. на языках народов Дагестана, который часто в то время именовали Лезгинстаном. Важно отметить, что эти многочисленные языки, относящиеся, кроме тюркских кумыкского и ногайского, к нахско-дагестанской языковой группе, очень сложны. Например, табасаранский язык содержит 37 (!) падежей, в силу чего находится в книге рекордов Гиннеса. – А. С.), грузинские, армянские, абессинские, индийские, китайские, японские, малайские и много арабских». Арабские стихотворения содержали XII, XIII и XIV тома. Двенадцатый том назывался «Вода из источника освежения» и содержал арабский текст с параллельным славянским переводом. Автор сборника Каис-ибн-Са'д-ибн-Салим-ибн-аль-Хусейн, живший по словам Артманна в 113-192 годах хиджры (731-807 годы по Рождестве Христовом). Тринадцатый том имел название «Убежище мудрецов» и представлял русский перевод арабского сборника Зийада-ибн-Мухамеда-ибн-Кусейира-ибн-аль-Малика-аль-Маррара, жившего в 214-265 годах хиджры (829-878 годы по Рождестве Христовом). Четырнадцатый том назывался «Аравийские выдумки», представлял собою сборник, составленный в России из различных арабских источников без определенного хронологического порядка и без указания авторов. Об этом в собрании Артманн написал две статьи, которые содержались в журнале за 1855 год. Первая статья представляла собою извлечения из рукописного сборника Лавры под названием «Золотые пословицы, выбранные Фитом Арапом Абиссинцем», вторая статья называлась «Мудрость восточная» и основана на одиннадцатом томе гномологических книг [13, с. 127]. Много арабских рукописей, по словам Артманна, содержалось в Иверском монастыре на Валдае.

Как особенно ценное определяется собрание произведений старой и новой поэзии в рукописи Юрьевского монастыря у озера Ильмень. Рукопись называлась «Арабские стихотворения старого и нового времени, собранные ученым аль-Ахвасом-ибн-'Абдаллахом-ибн-Сама'alem-ибн-Джабиром из Ясиба, переведенная на Русский язык с арабского Архимандритом Серафимом. Рукопись была хорошо написана, содержала арабский текст со схолями и буквальным славянским переводом. В примечании Артманн говорит, что архимандрит Серафим был родом из Киева (в миру Илларион Васильевич Родофиникин). Монахи Юрьевского монастыря рассказывали, что рукопись была куплена графиней Орловой в Киеве. Сборник содержал преимущественно песни героические, боевые, военные, прославляющие гостеприимство. Примечательно, что большинство поэтов неизвестно по другим источникам. Указываются поэты: Хасан-ибн-аль-Мурра, Са'д-ибн-Раби'a-ибн-Курад, Ма'бад-ибн-Ахнас, 'Абд-ибн-Ухбан, Худжр-ибн-Мухриз из Моры, Лейла-бинг-Джу'фа, ибн-Мугаллас из Тенуха, аль-Анбари, Шимл-ибн-Ийас, 'Омар-ибн-Хатим, Ахрам-ибн-Мусавир, Джас-ибн-'Амр-ибн-Мирдас из Лива, Хидаш-ибн-Хулейд из Килаба, аль-Асади, 'Амр-ибн-аз-Зубейр.

В Печерском монастыре на Волге Артманн видел три рукописи: арабские извлечения

из антологий Ас-Са'Алиби и славянские переводы двух сборников, автор одного из них - Малик-ибн-Са'ид-ибн-Худжр-ибн-Зийада.

Одна арабская рукопись авторство Аль-Хараши из Йемена находилась в Николаевском монастыре в Твери.

Одна арабская рукопись находилась также в Спасо-Евфимиевском монастыре у Суздаля. В Васильевском монастыре около того же города находились две рукописи, одна из которых содержала текст ибн-Керрама из Джа'да со славянским переводом.

В Дмитриевском соборе во Владимире находилась рукопись под названием «Слава века», представлявшая собой русский перевод антологии ибн-Рукада, выполненный протоиереем Феодором Никитичем Латухиным.

По словам академика Крачковского - первое его впечатление по прочтении предисловия книги Артманна, содержащей перечисление вышеуказанных рукописей, находившихся в русских монастырях, было «ошеломляющим». Мысль о «мистификации» со стороны Артманна «по зрелом размышлении» была отброшена по следующим причинам «описания слишком подробны и детальны для того, чтобы их можно было выдумать; русские слова и имена передаются слишком точно в противоположность многим иностранным работам о России; арабские имена и са-мыя стихотворения слишком проникнуты колоритом подлинности. Эти имена обнаруживают настолько хорошее знакомство с арабской ономастикой, что мистификация могла бы быть делом только первоклассного арабиста. Среди последних, однако, имя Altmann'a совершенно неизвестно» [13, с. 129], кроме того среди имен поэтов, несмотря на чисто арабскую их форму, почти не встречаются известные по другим источникам, когда исследователь «слышит про антологию второго и третьего века хиджры, до сих пор не известные никому в науке».

Попытки И. Ю. Крачковского познакомиться с указанными арабским сочинениями примерно через полвека после опубликования книги Артманна окончились полной неудачей. Ни одного сочинения обнаружить не удалось. Об их судьбе мы можем высказать только предположительное мнение, к которому приводит, например, указания Артманна на то, что он шесть раз (!) пересекал Валдайскую возвышенность. Зачем?

В марте 1728 года уроженец Киева Григорович-Барский отправился в Каменистую Аравию и монастырь святой Екатерины на Синае, а в 1728-29 годах обошел всю Сирию. Близкие отношения сложились у него с Антиохийским Патриархом Сильвестром, который в 1734 году в Дамаске постриг его в монашество с именем Василий.

Главными трудами Григоровича-Барского стали его путевые заметки, в которых он среди описания истории, природы, быта, нравов, святынь различных народов описывает и жизнь Антиохийской церкви в современный ему период, в частности Антиохийские монастыри [19].

В XVIII-XIX веках среди православных арабов Бейрута была создана «Бейрутская церковная летопись». Основную часть Летописи составляет повествование о возникновении католической унии в Сирии событиях во времена Патриархов Кирилла V аз-За'има, Афанасия Даббаса и Сильвестра. Особенно внимание Летописи уделяет событиям в Халебе, бывшем эпицентром противостояния Православия и католицизма. Летопись носит резкий антилатинский характер. Позднее к ней была добавлена светская хроника о событиях 60-х годов XVIII века по 1791 год, в центре которой фигура Бейрутского шейха Юнуса Никули (†1789 год), влиятельного политического деятеля и многолетнего лидера православной общины города. Арабское издание Бейрутской церковной летописи стала библиографической редкостью. В отечественной историографии этот источник изучен лучше, чем на западе. Помимо издания епископа Порфирия (Успенского), сокращенный перевод летописи был опубликован Крымским в 1907 году.

Завершая обзор русской и арабской историографии взаимоотношений Антиохийской Православной Церкви и России следует отметить один очень показательный факт, почти все указанные нами русские историки, за исключением, разумеется, великого арабиста И. Ю. Крачковского, *не только не знали*, но, как видят читающие их труды, *не имели даже общего представления об арабском языке* – языке Антиохийской Церкви. Дело доходило до курьезов: профессор Каптерев, советский ученый М. Н. Тихомиров называют архиепископа Павла племянником Антиохийского Патриарха Макария [25, с. 333], в то время как он был его родным сыном, о чем пишет с совершенной ясностью – (*'иб кунту внаан таби йан'*).

В настоящее время внимание и интерес к Антиохийской Церкви возрастают. Во время

визита в Россию в 2004 году Антиохийский Патриарх Игнатий IV Хазим был принимаем в том числе и на самом высоком Государственном уровне [см. об этом 2; 20, с. 185].

Возрастает и научный интерес к Антиохийской Церкви и ее взаимоотношениям с Государством Российским. Переиздаются труды историков дореволюционного времени, в различных изданиях, правда, очень редко, публикуются статьи церковно-исторического, историко-лингвистического характера по истории Антиохийской Церкви и ее связям с Россией.

Это, несомненно, говорит о том, что церковно-научный интерес к истории Антиохийской церкви возрастает. Так и должно быть. Антиохия всегда высоко стояла в глазах Православного мира. Святитель Василий Великий писал: «Что для Вселенской Церкви важнее Антиохии? Она глава ('κέφλή), в случае здравия сообщающая тоже и всему Телу».

The Antiochene Orthodox Church, being almost two thousand years of age, has always had a great influence on the fate of the whole Orthodox world. Its relationship with Russia presents a special page in the history of the Antiochene Orthodox Church. The article gives a detailed analysis of the sources and historiography of past and present relationship between the Antiochene Orthodox Church and the State of Russia.

*The key words:* Antiochia, Russian historiography, Arabic historiography, continuity of relationship, archive, historical sources.

### Список литературы

- 1.Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Любое издание.
- 2.Антиохийское Подворье в Москве. П/редакции Епископа Нифона (Сайкали).
- 3.Гергей. История папства. М., 1998.
- 4.Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 3.
- 5.Жития святых святителя Димитрия Ростовского. Январь. Изд. Рождества Богородицы Свято-Пафнутьева Боровского монастыря. 1997.
- 6.Запад на Востоке или историко-критическое обозрение действий западных миссионеров на Востоке. СПб., 1858.
- 7.Проф. Знаменский. История Русской Церкви. М., 1996.
- 8.Каптерев Н. Ф. Характер отношений России с Православным Востоком по делам церковным в 16-17 столетиях. Сергиев Посад. 1914.
- 9.Он же. Сношения Иерусалимских Патриархов с Русским правительством. Т. 1. СПб. 1895.
- 10.Карташев А. Вселенские Соборы. М., 1994.
- 11.Крачковский И. Ю. Грамота Иоакима IV, Патриарха Антиохийского, Львовской пастве в 1586 г. СПб., 1924.
- 12.Он же. Восточный факультет Университета св. Иосифа в Бейруте (из отчета о командировке). СПб., 1910.
- 13.Он же. Арабские рукописи в русских монастырях. Петроград. 1915.
- 14.Свящ. Константин Аль-Паша. Тарих танфа ар-Рум аль-малакий. (История Мелькитской общины Византии) - Сайда, 1915.
- 15.Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Кн. 5. М., 1999.
- 16.Михаил Барик ад-Димашки. Список Антиохийских Патриархов. Б.м.и.г.
- 17.Муравьев С. Сношения России с Востоком по делам церковным. Т. 1. Спб., 1858.
- 18.Ан Нимат. Димашк. Т. 1. 1909.
- 19.Пешеходца Василия Григоровича-Барского-Лаки-Албова, уроженца Киевского, монаха Антиохийского, путешествие к Святым местам в Европе, Азии и Африке находящихся, предпринята в 1723 и оконченная 1747 году. СПб, 1778.
- 20.Поместные Православные Церкви. М., 2004.
- 21.Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в середине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. М., 2005.
- 22.Рукопись Азиатского музея из коллекции Патриарха Григория IV. №30. Л. 21-22.
- 23.Рустум Асад. Канисат аль-Алла аль-Антакий аль-узма (Церковь Божия Града Великой Антиохии). Т. 1-3. Бейрут. 1988.
- 24.Тальберг. История Русской Церкви. М., 1997.
- 25.Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. М., 1962.
- 26.Успенский Л. А. Богословие иконы Православной Церкви. М., 1997.
- 27.Архиепископ Филарет (Гумилевский). История Русской Церкви в пяти периодах. М., 2001.
- 28.Хождение купца Василия Позднякова по Святым местам Востока. 1558-1561 гг.

п/ред. Лопарева. Спб., 1887.

29.Шеверов С. Антиохийская Церковь. СПб., 1850.

30.Юзеф Адебис. Тарих аш-Шам Б. м. и. г.

### Об авторе

Слюнкин А.А. — аспир. Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского, протоиерей, [Trubchevsk-sobor@mail.ru](mailto:Trubchevsk-sobor@mail.ru).

**УДК 973.06**

## ОБРАЗОВАНИЕ ПАРТИИ ФРИСОЙЛЕРОВ И ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА

В.В. Прилуцкий

Рассмотрены процесс образования и политическая программа Партии фрисойлеров. Эта антирабовладельческая организация, претендовавшая на статус третьей партии, возникла в условиях распада второй американской двухпартийной системы. Показано, что ее создание связано с тем, что в 40-е гг. XIX в. вопрос о рабстве в США вышел на первый план во внутриполитической борьбе.

**Ключевые слова:** партия фрисойлеров, вопрос о рабстве, территориальная экспансия США, М. Ван Бюрен, политическая борьба в 1848 г., антирабовладельческое движение.

Аннексия Техаса в 1844-1845 гг. явилась катализатором острых дискуссий. Последовавший за этим захват в 1846-1848 гг. у Мексики, Великобритании и начавшаяся «зачистка» от индейских племен огромных территорий Новой Мексики, Орегона, Верхней Калифорнии, Юты, Канзаса, Небраски вызвали еще большее усложнение вопроса о рабстве, ставшего центральным в политической жизни Америки. Проблема рабовладения привела к расколу в демократической партии и складыванию в конце 40-х гг. из части демократов - сторонников М. Ван Бюrena иabolиционистов партии фрисойлеров.

В середине 40-х гг. XIX в. рабовладельцы установили контроль над демократической партией и значительно усилили свои позиции в партии вигов. Отстранив от власти прежнее умеренное партийное руководство в лице Ван Бюrena и его сторонников, консерваторы во главе с президентом Дж. Н. Полком (1845-1849 гг.) сосредоточили свои усилия на осуществлении территориальной экспансии главным образом в интересах Юга. Экономической основой консерватизма служила традиционная система коммерческих связей между северо-восточными регионами и южными рабовладельческими штатами. Консервативные демократы выступали за сохранение рабства на Юге, признавали право плантаторов на освоение новых западных территорий, настаивали на соблюдении и обеспечении прав собственности южан. Во внутрипартийных делах они стремились нейтрализовать влияние в партии как антирабовладельческих элементов, так и крайних рабовладельцев и экстремистов из лагеря южан. С точки зрения Полка, в вопросе о распространении рабства на новые земли Запада необходимо придерживаться условной «линии Мэйсона-Диксона» 1820 г. ( $36^{\circ}30'$ ), южнее которой могли создаваться рабовладельческие штаты. Теперь необходимо продлить ее вплоть до Тихого океана [15, р.328, 358-359; 20].

К концу 40-х гг. XIX в. группировка «джексоновских» демократов (Ван Бюрен, Бентон, Блэр) окончательно утратила свое влияние в руководстве демократической партии. Возник острый конфликт между Ван Бюреном и новым партийным руководством в лице консерваторов и представителей южных плантаторов. В связи с американо-мексиканской войной все оппозиционные Югу политические силы выдвинули общую программу действий: не допустить распространения института рабства на земли, отобранные у Мексики. 8 августа 1846 г. демократ-конгрессмен из Пенсильвании Д. Уилмот внес поправку в президентский финан-

совый билль, которая предусматривала нераспространение рабства на захваченные у Мексики земли [21, р. 220]. Уилмот впервые открыто и ясно выразил главный конфликт эпохи - столкновение между свободой и рабством, между индустриальным капиталистическим Севером и аграрным рабовладельческим Югом.

«Условие Уилмата» активно обсуждалось в ходе дебатов в конгрессе и в дискуссиях между партиями в 1846-1848 гг. [10] Южные плантаторы и консерваторы Севера увидели в поправке Уилмата не только смертельную угрозу для институтов Юга, но и опасность обострения отношений между двумя регионами страны до степени гражданской войны [21, р. 219, 226]. Поправку Уилмата 1846 г. поддержали северные организации вигской и демократической партий, в том числе и «ванбюреновские» демократы [22]. Впервые в истории США возникли предпосылки для объединения сторонников нераспространения рабства на новые территории с группами аболиционистов, выступавших за полную отмену рабовладения во всей стране. Аболиционисты выдвинули лозунг : «Сопротивление рабовладению - долг каждого человека» [18].

Большинство вигов подчеркивали свое неприятие американо-мексиканской войны 1846-1848 гг. в связи с оппозицией администрации Полка [6] и по различным причинам политического, экономического, морального и религиозного порядка [13]. Но, несмотря на свой пацифизм, виги выдвинули на пост президента героя войны с Мексикой рабовладельца генерала З. Тейлора, имевшего большую популярность в массах [12]. В стане демократов царили большие разногласия. Особенно острый характер борьба между радикалами («барнбернерами») и умеренными консерваторами («ханкерами») приняла в 1847-1848 гг. «Барнбернерами» называли себя демократы Нью-Йорка, Висконсина [16], Вермонта и группы радикалов в других северных штатах. Барнбернеры все больше стремились действовать независимо от консервативных демократов [11, р.410]. Их категорическое неприятие вызывала кандидатура претендента на президентский пост от партии Л. Касса, способствовавшего поражению М. Ван Бюrena в 1844 г. и выступившего против «условия Уилмата» в 1847 г.

Окончательный раскол и организационное размежевание в демократической партии произошли в конце 1847 - начале 1848 гг. в связи с президентскими выборами. Осенью 1847 г. началось тесное сближение между барнбернерами, «сознательными» вигами - аболиционистами и Партией свободы. Как свидетельствует переписка между их лидерами, общей идеологической основой для объединения являлось признание «условия Уилмата» 1846 г. Также оппозиционные рабовладельцам группы сплачивала идея выдвижения единого кандидата в президенты от Севера. При этом формирование новой партии - партии фрисойлеров - ставилось в зависимость от результатов конвента демократической партии в Балтиморе в мае 1848 г. На нем барнбернеры Нью-Йорка и радикальные демократы из других северных штатов планировали выдвинуть в качестве кандидата в президенты М. Ван Бюrena или другого представителя антирабовладельческой внутрипартийной оппозиции [17, р. 176, 182].

На национальном конвенте демократов в Балтиморе 22-26 мая 1848 г., доминировало рабовладельческое крыло партии, выдвинувшее на пост президента сенатора Л. Касса (Мичиган). В знак протеста барнбернеры во главе с Дж. Ван Бюреном и молодыми демократами покинули зал заседаний. Они начали подготовку к собственному конвенту в Ютике в июне 1848 г., выдвинув лозунг «Ван Бюрен и свобода» [11, р.413].

Противники рабовладения из числа вигов, демократов и других партий, собравшиеся на съезды в Колумбусе, Ютике и Уорчестере 21, 22 и 28 июня 1848 г., призвали к объединению всех антирабовладельческих сил и проведению с этой целью конвента в Буффало. Барнбернеры сформировали специальный организационный комитет. Возникло «движение Буффало». Его возглавил Ван Бюрен, пользовавшийся наибольшей популярностью и известностью среди северных противников рабовладельческой экспансии. На конвенте в Ютике (штат Нью-Йорк) 22 июня 1848 г. барнбернеры и северные демократы выдвинули Ван Бюренна в президенты, а Г. Доджа (Висконсин) - в вице-президенты [15, р. 328]. Необходимо учитывать, что многие из лидеров внутрипартийной оппозиции в рядах вигов и демократов не поддержали создание третьей партии. В частности, против этого выступили Бентон, Сьюард, Линкольн, Блэр, разделявшие идеи фрисойлеров. Они считали, что с рабовладельцами еще

можно договориться в рамках существующей двухпартийной системы.

Учредительный конвент Партии свободной земли (Free Soil party) состоялся 9-10 августа 1848 г. в Буффало - главном в то время городе-порте Великих озер (штат Нью-Йорк). Он проходил в форме двадцати тысячи митинга на территории городского парка, на который собирались сторонники свободной земли со всех северных штатов. Конвент утвердил достаточно умеренную политическую платформу фрисойлеров, которая устраивала все разнородные группировки собравшихся. Перед участниками конвента было зачитано письмо-обращение Ван Бюренена, в котором излагались его взгляды по предмету рабства. Борьба развернулась вокруг назначения претендента на пост президента. Северные демократы-барнбернеры полагали, что им может быть только их руководитель. Лидер фрименов из Огайо С. Чейз полагал, что вполне приемлема кандидатура сына Ван Бюренена, настроенного более радикально, чем отец. Большинство же аболиционистов поддерживало лидера Партии свободы Дж.П. Хейла (Нью-Гэмпшир) [8, р. 70-80].

Участники конвента фрисойлеров представляли девятнадцать штатов, включая рабовладельческие Мэриленд, Делавэр, Кентукки и Вирджинию, откуда приехали негритянские делегации. Они были разделены по 118 избирательным округам, которые существовали на выборах в конгресс, и в общей сложности составляли 468 голосов. Для выдвижения в президенты необходимо было набрать не менее 235 голосов делегатов. В результате выборов Ван Бюрен получил 244 голоса, Хейл - 183, а три представителя вигов - в совокупности только 42. Для умиротворения аболиционистов конвент выдвинул одного из лидеров «сознательных» вигов Ч.Ф. Адамса (Массачусетс) на пост вице-президента [17, р. 216-219, 226-229]. По иронии судьбы делегаты создали альянс из сына Дж.Кв. Адамса, который был известным оппонентом Э. Джексона, и бывшего джексоновского вице-президента.

Фрисойлеры объединили в своих рядах всех недовольных старыми партиями и их консервативным руководством политиков: радикальных демократов, «сознательных» вигов, различных земельных реформаторов, северных экспансионистов, сторонников «внутренних улучшений», а также аболиционистов («Liberty men»), негритянские организации Севера и другие леворадикальные группировки. Аболиционисты были представлены радикальной Партией свободы и умеренной Лигой свободы. Значительная часть «сознательных» вигов («the Conscience Whigs»), конфликтовавших с южными «хлопковыми» вигами («the Cotton faction»), поддержала фрисойлеров. Это были в основном виги Огайо, Висконсина и Массачусетса, ориентировавшиеся на идеи Дж.Кв. Адамса, который в последний период жизни перешел на позиции, близкие к аболиционизму [8, р. 91-94]. Небольшие группы «людей Клея», настроенных оппозиционно к Тейлору, также поддержали фрисойлеров, полагая, что их взгляды соответствуют основным принципам северного вигизма.

О составе Партии свободной земли свидетельствует анализ современными американскими учеными структуры электората фрисойлеров. На выборах 1848 г. за фрисойлеров проголосовали 0,3 миллиона человек, из которых 58% составляли бывшие демократы, 22% - виги и 20% - члены Партии свободы и других аболиционистских группировок [17, р. 299-301]. В истории партии фрисойлеров можно выделить два периода: до и после компромисса по рабству 1850 г. На первом этапе лидирующую роль в Партии свободной земли играли северные демократы-ванбюренисты, на втором - северные виги-аболиционисты.

Партия фрисойлеров пользовалась популярностью только в северных и северо-западных штатах. Ее социальный состав был очень пестрым: фермеры и промышленная буржуазия западных и среднеатлантических штатов, средний класс, интеллигенция, часть рабочего класса и протестантской церкви Севера, Северо-Запада и Новой Англии [4]. Вполне приемлемы устоявшиеся в отечественной историографии оценки фрисойлеровской партии как «фермерской», «мелкобуржуазной» и «радикально-демократической» [2; 3; 5]. Авторами предвыборной платформы Партии свободной земли были нью-йоркский демократ-радикал Ф. Батлер и аболиционист С. Чейз. Политическая программа фрисойлеров во многих своих положениях была позаимствована из предвыборной платформы 1844 г. аболиционистской Партии свободы, но в целом она носила более умеренный, чем у фрименов характер и предполагала не отмену, а лишь ограничение рабства существующей территорией Юга в интере-

сах Севера. Фрисойлеры не посягали на институт рабства в тех штатах, где оно уже существовало и находилось под контролем местных властей.

Фрисойлеры заявляли о себе как об организации, стоящей на «национальной платформе свободы, в оппозиции к секционной платформе рабства», как о «союзе свободных людей, забывших прошлые политические разногласия». Они были объединены общей решимостью защищать права свободного труда от агрессивных действий рабовладельческой власти (Slave Power) и обеспечить «свободную землю для свободных людей» [14]. Выдвижения прорабовладельческих кандидатур на пост президента на последних конвентах демократов и вигов продемонстрировали настоятельную потребность союза людей «под знаменем свободной демократии», чтобы заявить об их «независимости от власти рабовладельцев и их твердой решимости освободить федеральное правительство от ее контроля» [7]. Фрисойлеры утверждали, что с самого основания США переселенческая политика нации и позиция правительства не были направлены на то, чтобы «расширить, распространить в общенациональном масштабе или поддержать» рабство, но на то, чтобы «ограничить, локализовать и развенчать рабство». Об этом свидетельствуют поправка Т. Джефферсона 1784 г. и антирабовладельческие Северо-Западные ордонансы 1785-1787 гг.

Партия свободной земли выступила против экспансии рабовладения на земли Запада. «Долг федерального правительства и конгресса» - законодательным путем «запретить дальнейшее распространение рабства на новые территории». На требование рабовладельцев и поддерживающей их федеральной власти - «больше рабовладельческих штатов и рабовладельческой территории» - целью и конечным ответом фрисойлеров будет: «никаких больше новых рабовладельческих штатов и никакой новой рабовладельческой территории» [11]. Не должно быть больше компромиссов с рабовладением - Орегон, Калифорния и Новая Мексика должны войти в состав США как свободные территории с правительствами из сторонников свободы. Главным лозунгом фрисойлеров стало требование «Free Soil, Free Speech, Free Labor and Free Men» («Свободная земля, свободное слово, свободный труд и свободные люди»). На десятилетие, вплоть до Гражданской войны, он стал основным лозунгом всех противников рабства и был заимствован впоследствии республиканской партией. В нем воплотились требования демократизации социально-политической системы США и борьбы с плантаторской олигархией. Во фрисойлеровском лозунге также нашли отражение представления о том, что экономически эффективна только система свободного труда. Она позволяет мелкому фермеру или рабочему по собственной воле распоряжаться самим собой и осуществить «американскую мечту» - завести собственное дело, стать независимым собственником или предпринимателем и разбогатеть. Для этой цели необходимо использовать фонд государственных («общественных») западных земель, которые должны быть свободными от рабского труда (предоставление заинтересованным гражданам бесплатно или за символическую плату участков - гомesteadов).

Фрисойлеры заявили о своем желании не уничтожить, а лишь ограничить рабство, чтобы не отпугнуть излишним радикализмом электорат, но даже это умеренное требование имело большое значение: не имея возможности расширяться на новые плодородные территории, без которых оно становилось экономически крайне нерентабельным, рабство должно было изжить себя без всякого внешнего вмешательства и исчезнуть в ближайшие десятилетия, что признавали и сами южане-рабовладельцы. Кроме того, ограничение рабства имело и политические последствия: оно привело бы к изоляции рабовладельческих штатов, превращению их в маловлиятельное меньшинство в американской республике, что в итоге поставило бы под угрозу всю социальную систему Юга и способствовало ее скорому краху. В предвыборной программе партии фрисойлеров содержались также иные социально-экономические и политические требования, выдвигавшиеся ранее мелкобуржуазными радикалами и различными левыми реформаторами: «дешевая почта для народа», «сокращение расходов и финансовой поддержки со стороны федерального правительства» частным корпорациям, «отмена всех ненужных государственных должностей и жалований», «выборность государственных служащих, насколько это может быть осуществимо, на все должности в правительстве». Фрисойлеры выступали также в качестве сторонников строительства речных и морских портов для нужд внешней и внутренней торговли за счет казны и поддерживали свободное (фактически бесплатное) предоставление участков из фонда обще-

ственных земель только «действительным поселенцам [14]. Эта мера, отстаиваемая ранее лидером «аграрных демократов» Т.Х. Бентоном и западными фермерами, была направлена против земельных спекулянтов. Партия «Свободная земля» защищала такой тариф, который «повысит доходы и сделает их адекватными тому, чтобы оплатить необходимые расходы федерального правительства, и осуществлять ежегодные платежи по нашему (национальному) долгу и выплачивать проценты по нему». В значительной степени экономическая часть платформы фрисойлеров представляла собой соединение взглядов радикальных демократов с вигскими представлениями, что отражало неоднородный характер движения сторонников свободной земли.

Создание партии фрисойлеров свидетельствовало о серьезных кризисных явлениях в ведущих партиях США и в целом во второй двухпартийной системе. Начавшийся в 1848 г. процесс распада главных партий был несколько приостановлен принятием компромисса Клея в 1850 г. Но в начале 50-х гг. XIX в. он значительно ускорился. Развал старых партий вигов и демократов по географическому признаку привел к формированию в середине 50-х гг. новой двухпартийной системы. При этом идеальные наследники фрисойлеров - республиканцы - выражали интересы свободного Севера и Запада. Демократы же, как и во второй половине 40-х гг. XIX в., представляли интересы южан и групп в северных штатах, заинтересованных в компромиссе с Югом.

Рабовладельческая экспансия нарушила сложившийся баланс сил между Севером и Югом, угрожала единству и монолитности Американского Союза. В этой ситуации произошел своеобразный «бунт» ряда «джексонистов» во главе с Ван Бюреном. Фрисойлеры фактически представляли собой движение стихийного протesta сторонников ограничения рабства и его нераспространения на территории Запада из партий вигов и демократов против выдвижения на конвентах ведущих партий в 1848 г. в президенты прорабовладельческих кандидатур [1]. Фрисойлеры были первой массовой партией, выражавшей интересы северных штатов, идеальной и организационной предшественницей республиканцев, возглавлявшихся А. Линкольном в эпоху Гражданской войны в США.

The article is dedicated to the formation of the Free Soil party and its political programme. Antislavery organization, one of the first third parties of the United States, was born of the factionalism and disorder engendered by the break-up of the Second Party System. It is shown that the creation of the party was connected with the question about slavery. This question became a main problem in political life of America.

**The key words:** party of free-soilers, slave question, territorial expansion of the USA, M. Van Buren, political struggle in 1848, antislavery movement.

### Список литературы

- 1.Брайс Дж. Американская республика. М., 1890. Ч. 2. Национальное правительство. С. 294.
- 2.Ефимов А.В. Очерки истории США. От открытия Америки до окончания гражданской войны. М., 1958. С. 309-312.
- 3.Иванян Э.А. История США. М., 2004. С. 208.
- 4.Маныкин А.С. История двухпартийной системы США (1789-1980). М., 1981. С. 57.
- 5.Принципы функционирования двухпартийной системы США : история и современные тенденции. Ч.1. Конец XVIII в. – 1917 г. / Под ред. Е.Ф. Языкова. М., 1988. С. 142-143, 145.
- 6.*A Letter from a Citizen of New-York to his Friend in the Country, touching the Election // The American Whig Review* (далее – AWR). Vol. 8. № 5. November 1848. P. 441-442.
- 7.Binkley W.E. American political parties. Their natural history. N.Y., 1943. P. 206-207.
- 8.Blue F.J. The Free Soilers: Third Party Politics. Urbana, 1973. 350 p.
- 9.Cole. D.B. Martin Van Buren and the American political system.- Princeton (N.J.), 1984. xii, 477 p.
- 10.Congressional Globe. 29<sup>th</sup> congress. 1<sup>st</sup> session. P. 1214, 1217.
11. *Free Soil Platform (1848)* // American Historical Documents. N.Y., 1967. P. 230.
12. Frost J. and others. Life of Major General Zachary Taylor. N.Y., 1847. P. 14-15.
13. *Party Discontents* // AWR. Vol. 8. № 4. October 1848. P. 334.
14. *Party platforms of 1848. Free Soil Platform* // History of American Presidential Elections. 1789-1968: In 4 vols. / Ed. by Schlesinger A.M., Jr. N.Y., 1971. Vol. 2. P. 902-903.
15. Polk J.K. The Diary of a President, 1845-1849: Covering the Mexican War, the acquisition of Oregon, and the conquest of California and the Southwest / Ed. by A. Nevins. N.Y., 1968. xxiv, 413 p.
16. Ranney J.A. The Making of the Wisconsin Constitution // [www.wisbar.org/wislawmag/a](http://www.wisbar.org/wislawmag/a)

rchive/history/pt01.html

17. *Rayback J.G. Free Soil. The Election of 1848.* - Lexington (К.), 1970. 326 p.
18. *Resistance to Slavery every man's duty* // New Englander and Yale Review. Vol. 5. № 20. October 1847. P. 614-615.
19. *The Election* // The United States Democratic Review (далее – USDR). Vol. 23. № 124. October 1848. P. 287.
20. *The Past Administration* // USDR. Vol. 24. № 129. March 1849. P. 195-196.
21. *The Wilmot Proviso* // USDR. Vol. 23. № 123. September 1848. P. 219-226.
22. *Van Buren M. Inquiry into the Origin and Course of Political Parties in the United States* (1<sup>st</sup> publ. 1867). N.Y., 1967. P. 353-355.

**Об авторе**

Прилуцкий В.В. — канд. Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского, e-mail: vitaliypr@ya.ru

**УДК 943.083**

### **НАЦИОНАЛ-ЛИБЕРАЛЫ И «СЕПТЕНАТ» 1874 Г.: ИСПЫТАНИЕ ДЛЯ ЕДИНСТВА ПАРТИИ**

Ю.Н. Устинова

В статье речь идёт о роли милитаризма во внутривоенном развитии Германии в 70-е гг. XIX в. Вопрос финансирования армии тесно увязывался с конституционными правами рейхстага, где большинство мандатов принадлежало национал-либеральной партии. В 1871 г. национал-либералам удалось без особых усилий принять трёхлетний военный бюджет. Но одобрение в 1874 г. «септената» стало роковым для единства партии и отрицательно сказалось на её могуществе в стране.

**Ключевые слова:** милитаризм, национал-либеральная партия, военный бюджет, «септенат», «этернат»

Огромную роль в Германии играл милитаризм – неотъемлемая часть государственно-политической системы. Вооружённые силы являлись и орудием влияния на внешнеполитической арене, и средством борьбы против революционных выступлений внутри страны. С назначением О. фон Бисмарка на пост канцлера империи, который видел в армии оплот консервативного устройства Пруссии и прусской гегемонии в Германии, роль армии в государстве увеличилась, чему также способствовала проводимая им политика создания сильнейших в Европе войск. Но содержание хорошо обученного, боеспособного армейского корпуса требовало значительных финансовых затрат, источником которых были бюджетные средства. Доля военных расходов составляла 90%.

Желание правительства иметь мощную армию требовало огромных ассигнований. За десятилетие до образования единой Германии страна находилась в состоянии хронической готовности к войне. Тогда необходимость создания большой армии связывали с целью объединения всех германских земель под главенством Пруссии. Но либерально настроенный прусский ландтаг противился большим тратам. Назревала революционная ситуация. Однако, Бисмарк нашёл необходимые средства на перевооружение армии и, казалось, конфликт был исчерпан. В 1863-1866 гг. после победоносно завершённых Пруссией войн, ещё более увеличивших роль вооружённых сил в обществе и подтвердивших проводимый политический курс, образовался Северогерманский союз. Вопрос о финансировании армии нашел отражение в ряде статей конституции нового государства.

Количественный состав общесоюзного армейского корпуса в мирное время до 31 декабря 1871 г. составлял один процент населения 1867 г. и столько же в отдельных германских государствах. Сумма военного бюджета должна устанавливаться в соответствии с со-

юзным законодательством. Предусматривалось ежегодное утверждение общественных расходов, но «...в особых случаях они могут устанавливаться и на больший срок» [1, с. 90-91]. Какие случаи считать «особыми» в основном законе не прописывалось и умелое его использование наделяло рейхстаг исключительными правами. В 1867 г. вопрос разрешился в пользу военного министерства: утвержденный «железный бюджет» определил ежегодные расходы на каждого солдата в 225 талеров сроком на 4 года [1, с. 90].

Соответственно до конца 1871 г. в рейхстаг должна поступить правительенная смета военных расходов на 1872 г. Основу имперской конституции составили положения северогерманской конституции и статьи, посвящённые военному делу, которые остались неизменными [2, с. 103]. В конце ноября 1871 г. правительственный законопроект, определивший на три года состав имперской армии в мирное время в количестве 401659 человек с ежегодными расходами в 90373275 талеров, представил в рейхстаге глава имперской канцелярии, правая рука канцлера Бисмарка Р. Дельбрюк [3, с. 302]. В 1871 г. 401659 тыс. солдат приходилось на 41 010 тыс. человек, что составляло 0,98% населения [4, с. 52].

Утверждение военного бюджета в 1871 г. прошло без многочасовых споров. Представление, обсуждение законопроекта и поправок к нему и окончательное голосование заняли только 3 дня. Линию в поддержку предложения правительства развивал от имени национал-либералов известный учёный Трейчке, для которого весь вопрос сводился лишь к увеличению количества армейских корпусов по сравнению с 1867 г. Также ссылаясь на опасную внешнеполитическую ситуацию у границ империи, историк заключил, что «...в настоящее время правительство в состоянии потратить деньги на восстановление армии» [5, с. 599-600]. Для большинства национал-либералов, поддерживающих эту позицию, озвученное Р. Дельбрюком предложение выглядело привлекательным, на которое можно согласиться без долгих споров, повторив опыт 1867 г. «Мы окажем большую услугу Отечеству, если примем трёхлетний военный бюджет» [6, с. 342].

Попытку изменить ход обсуждения предпринял национал-либерал Э. Ласкер, известный щепетильным отношением к праву. Политик упрекнул правительство в расточительности [5, с. 614-618] и предложил сократить количество армейских корпусов. При этом он требовал предоставления гарантий в использовании средств. Национал-либералы Л. Бамбергер, Й. Микель и Г.-В. Унру выступили за уменьшение до 2 лет срока ассигнования средств для армии. Речь шла только о 1872 г. и 1873 г., поскольку временной разрыв между 2 и 3 годами образовывал целую пропасть [5, с. 630-631]. Однако все предложения, имевшие попыткой изменить привилегированное положение военных в стране, главой имперской канцелярии были названы неприемлемыми и отклонены ради сохранения той «...гармонии, с которой работал германский рейхстаг до настоящего времени» [5, с. 635].

Споры о бюджете в рейхстаге более походили на внутрипартийные переговоры национал-либералов, так как убедительно выстроенная Трейчке линия защиты правительства и наиболее радикальные, интригующие предложения были внесены в рейхстаг членами фракции. По мнению последних, принятное решение являлось компромиссом между двумя тенденциями в рамках одной, национал-либеральной, партии. Имела место оживлённая борьба интересов, но никак не раскол [5, с. 635].

Одобрение закона восприняли в рейхстаге с радостью, дабы избежать затруднений, непременно возникающих при ежегодном обсуждении бюджета. Принятием многолетней сметы расходов для армии парламент сам лишил себя права распоряжаться 90% доходов империи, отвергнув за ненадобность главный козырь законодательной политики – право утверждения бюджета. Однако в рейхстаге витала надежда, что когда-нибудь, а именно уже в 1874 г., Германии удастся освободиться от непосильного военного бремени, уменьшив численный состав армии и соответственно смету расходов на её содержание.

В 1874 г. предлагаемый правительством проект военного закона содержал основные принципы построения военного дела в империи. В целом его положения должны были исключать пробелы, существовавшие ранее между различными специальными законами, создаваемыми из практической необходимости, отражая принципы организации имперской армии, а также правила, регулирующие рекрутский набор и правовые отношения военных лиц [7, с. 70-71].

Центр дискуссии составил важнейший первый параграф закона, повторяющий, по су-

ти, требования правительства в 1871 г. На сей раз они были более радикальными, ультимативными: численность армии в мирное время в прежнем количестве 401659 солдат предлагалось установить на неограниченный срок («этернат»). Соответственно и расходы на её содержание должен утвердить рейхstag на вечные времена. В случае одобрения такого содержания параграфа армия переходила в ведение кайзера и под управление канцлера. Одобрение «этерната» предоставило бы в вечное пользование правительства и военного министерства почти весь бюджет империи, исключив вмешательство парламента в военные дела. В этом случае важнейшая функция рейхстага в утверждении бюджета страны останется лишь фарсом. Сами представители военного министерства утверждали, что «каждое правительство, не задумываясь об экономии, должно использовать свои доходы во всех сферах государственной жизни для решения насущных задач... Значение военного закона для страны сводится к защите прав и свобод отдельных категорий населения; его значение вне страны – это только власть...» [7, с. 81]. Главный мотив 1871 г. – угроза извне – и в 1874 г. также оставался ведущим аргументом в пользу сохранения большой армии.

Ассигнование средств на неограниченный срок не было растолковано рейхстагу с позиций практической необходимости и главной причиной появления «этерната» следует считать великодержавные амбиции германского правительства. За 12 лет военный бюджет обсуждали только трижды! Правительство умело использовало депутатов рейхстага в своих целях в обмен на поддержку и влияние «имени» канцлера на парламентские группы, в частности, национал-либеральную фракцию. Предлагая «этернат», члены правительства во главе с Бисмарком для наибольшей сговорчивости депутатов, были готовы использовать все конституционные средства давления, как например, увольнение или роспуск рейхстага, прекращение совместной работы, требование вотума доверия, мобилизацию общественного мнения против парламентариев и др.

Для национал-либералов главной целью стало не допустить одобрение рейхстагом предложения правительства, что требовало гигантских усилий, учитывая опыт прошлых лет. Многолетние огромные расходы на военное дело подтолкнули их к осознанию необходимости экономии. Рассматриваемый вопрос стал для партии не просто проявлением борьбы за увеличение армии или за право участия в законотворчестве. «Этернат» сделал бы деятельность военных совершенно независимой от рейхстага, установив абсолютную власть военного министерства и правительства над финансами империи.

Национал-либеральная партия – партия национального единства и гражданских свобод. Либералы известны своими пацифистскими настроениями, в отличие от консерваторов, поддерживающих укрепление милитаризма как путь к военной диктатуре. Озвучив в партийной программе верховенство закона, национал-либералы провозгласили построение «государства права». Государство же, которое расходует большинство средств на военные нужды, пусть провозглашая мирные цели, становится «государством силы». До 1874 г. рейхстагу не удалось переломить в свою пользу спора о финансировании армии.

Изменённый вариант закона предложила парламентская комиссия под председательством лидера национал-либеральной фракции Р. Беннигсена. Её решение по первому параграфу закона заключалось в установлении среднего минимального состава армии, по сути, повторяющее предложение Э. Ласкера в 1871 г. Весьма хитрый ход: если возникнет необходимость изменить количественный состав армии в сторону её увеличения или уменьшения, правительство вынуждено обратится к рейхстагу. На это военное министерство уточнило: количество войска, указанное в законе, есть желаемый минимум. Надо полагать, таких минимальных цифр численность солдат в Германии не достигнет ни одного дня в году. Решение отклонили, но надежда на компромисс рейхстага с правительством осталась.

Поворотным пунктом в обсуждении стало озвученное 13 апреля Р. Беннигсеном предложение: рейхstag согласится на требуемое количество войск, но не на неопределённый срок, а на семь лет («септенат»): с 1 января 1875 г. до 31 декабря 1881 г. [8, с. 444]. Выступая перед депутатами, лидер национал-либералов выделил две стороны предполагаемого решения: «...гарантировать целостность и безопасность нашей государственности извне и, исходя из этого принципа, одобрить военную конституцию на длительный срок... Народ, который не

в состоянии временно отказаться от своих прав по причине чрезвычайных обстоятельств..., болен, нездоров; его политические деятели и политические партии лишены самоотверженности и патриотизма...» [9, с. 753-754]. В общем и целом, ссылаясь всё на тот же «особый случай», конституция позволяла одобрить бюджет на многолетний срок.

Внутри партии противники «септената», как и в 1871 г., объединились возле того же Э. Ласкера. Семилетний срок военного бюджета он считал незаконным, принимая только четырёхлетний срок ассигнования средств. Согласно мнению политика, долговременное решение вопроса, являлось началом новых проблем. Депутат напомнил парламентариям о своём предложении 1871 г. о сокращении армии. Во главу угла политический деятельставил конституционное решение, опасаясь, что деятельность рейхстага станет формальной и предлагаемое семилетнее перемирие будет использовано конкурентами уже на новых выборах.

Национал-либералы рассматривали «септенат» как решение временное, планируя через семь лет вернуться к исполнению конституционных обязательств в финансовой сфере. Но вплоть до первой мировой войны рейхstag не пришёл к ежегодному утверждению военного бюджета. Сам Р. Беннигсен верно подметил, что военная конституция является скелетом конституции каждого государства и в Германии военные имели долгое время исключительные полномочия, поэтому империя не заслуживает статуса конституционного государства [9, с. 754]. Предпринятые партией шаги на пути создания правового государства вернее назвать полумерами, отступлением от принципов, нежели настойчивым постепенным достижением цели.

Военное министерство однозначно приняло поправку. Многие партии рейхстага восприняли сам закон и, в частности, наиважнейший первый параграф резко отрицательно. Несмотря на то, что против «септената» выступили часть национал-либералов во главе с Э. Ласкером, прогрессисты, партия Центр, представители национальных меньшинств и социал-демократы, победу одержала коалиция национал-либералов и консерваторов. Одобрили и поправку Беннигсена, и военный закон в целом. В иностранной печати принятие семилетнего военного бюджета окрестили «блестящей неудачей» национал-либералов [10, с. 825].

Предложение Беннигсена стало компромиссом национал-либеральной партии и правительства. Национал-либералы стремились подчинить все свои действия интересам государства. «Всё, что мы делаем, мы не хотим на половину делать; и не с радостным сердцем, но с полным уверенности,...стремимся следовать кайзеру, канцлеру, союзному правительству...» [9, с. 766]. Численность войск и военные расходы были зафиксированы на семь лет, хотя не привели к полному произволу военных и ограничили права рейхстага. Ни одно министерство не обладало такими полномочиями, как военное. А парламент сохранил право утверждения бюджета лишь в теории, приостановив его исполнение на следующих два законодательных срока.

Национал-либералы поставили под удар сплочённость своей фракции. Позже они трактовали свой шаг так: «...мы должны были сохранить право народного представительства в утверждении военных расходов и одновременно осознанно поддержать мир с правительством во избежание жертв, которые не так высоко соизмеримы по отношению к достигаемой цели....» [11, с. 167].

Последствия обсуждения военного бюджета в 1874 г. были зрымыми для партии. Это стало первым серьёзным испытанием её сплочённости. В дальнейшем национал-либеральная партия продолжала выступать в рейхстаге как целое, но принимать общие решения становилось всё сложнее. Её единство было отвоёвано ценой предательства: одобрав «септенат», национал-либералы нанесли ущерб и идеалам либерализма, и предали интересы народа. Противники семилетнего срока, объединившиеся вокруг Э. Ласкера, начали всё более отдаляться от партии и по своим принципам приближались к леволибералам. Начался закат могущества партии, более она не достигала таких высот и на роль лидеров в парламенте выдвинулись партия Центр и социал-демократы.

The article deals with the role of militarism in the home-policy development of Germany in the 70s of the 19-th century. The problem of financing the army was closely tied with the constitutional rights of the Reichstag where most of the mandates belonged to the National-liberal party. In 1871 the national-liberals managed to adopt the military budget for three years. But the approval of the "Septennate" became fateful for the unity of the party and influenced her power in the country negatively.  
***The key words:*** militarism, the national-liberal party, military budget, "Septennate", "Eternate".

**Список литературы**

1. *Stenographische Berichte über Verhandlungen des Norddeutschen Reichstags*. Bd. 2. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der „Norddeutschen Allgemeinem Zeitung“, 1867-1870. 92 s.
2. *Deutsche Reichsgeschichte in Dokumenten*. 1849-1934. Urkunden und Aktenstücke zur inneren und äußeren Politik des Deutschen Reiches in 4 Bänden. Bd.1. 1849-1906. Berlin: Vertrieb amtlicher Veröffentlichungen, 1934.
3. *Stenographische Berichte über Verhandlungen des Reichstags*. Bd. 27. Berlin: Verlag von F. Gittenfeld, 1871. 370 s.
4. *Sozialgeschichtliches Arbeitsbuch*. Materialien zur Statistik des Kaiserreichs 1870-1914. München, 1975. 210 s.
5. *Stenographische Berichte über Verhandlungen des Reichstags*. Bd. 26. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der „Norddeutschen Allgemeinem Zeitung“, 1871. 673 s.
6. *H. Treitschke*. Heinrich von Treitschkes Briefe. Bd. 3. 1866-1896. Leipzig: Hirzel, 1920. 669 s.
7. *Stenographische Berichte über Verhandlungen des Reichstags*. Bd. 35. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der „Norddeutschen Allgemeinem Zeitung“, 1874. 664 s.
8. *Stenographische Berichte über Verhandlungen des Reichstags*. Bd. 37. Berlin: Verlag von F. Gittenfeld, 1874. 497 s.
9. *Stenographische Berichte über Verhandlungen des Reichstags*. Bd. 36. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der „Norddeutschen Allgemeinem Zeitung“, 1874. 1166 s.
10. *Корреспонденция из Берлина//Вестник Европы*. 1874. Кн. 4. С. 814-840.
11. *Nationalliberale Parlamentarier 1867-1917 des Reichstages und der Einzellandtage*. Beiträge zur Parteidgeschichte. Berlin: Centralbüro der Nationalliberalen Partei, 1917. 484 s.

**Об авторе**

Устинова Ю.Н. — аспир. Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского, e-mail: [julija0404@rambler.ru](mailto:julija0404@rambler.ru)

УДК 942.074:382

## МЕСТО ТУРЕЦКОЙ АРМЕНИИ В СФЕРЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

О. М. Чепелина

В статье рассматривается значение армянских территорий Турции для торговли Англии на Ближнем Востоке в начале XIX столетия. Автор указывает на обстоятельства, благодаря которым, были установлены новые внешнеэкономические связи в этом регионе.

**Ключевые слова:** внешняя политика, капитуляции, внешнеэкономические связи, торговый путь, военно-стратегические интересы.

Внешняя политика Великобритании в XIX в. определялась целым комплексом социально-экономических, военно-политических и религиозных факторов. Основу этого комплекса составляли, в первую очередь, развитие науки и промышленный переворот, начавшийся в конце XVIII и закончившийся к середине XIX в., в ходе которого получило развитие железнодорожное строительство, укрепились позиции промышленности, стоимость неземельной собственности впервые в истории страны превысила цену земли, что, в свою очередь, обеспечило Англии рост экспорта и первенство на мировом рынке. Ведущую роль в стране стала играть промышленная буржуазия, которая искала выход на новые рынки сбыта.

Одним из основных столпов могущества Великобритании являлся её военно-морской флот. Ещё со времён разгрома «Великой и самой счастливой армады», крупного военного флота, созданного Испанией в 1586-1588 гг. для завоевания Англии во время англо-испанской войны (1587-1604 гг.), Великобритания, осознав свою уязвимость с моря, была вынуж-

ждена выработать военно-морскую доктрину, в соответствии с которой, её военно-морской флот должен был превосходить по силе и численности объединённые флоты двух следующих по мощи держав, для того чтобы обеспечить тем самым национальную безопасность страны.

Великобритании не было равных ни в военном, ни в экономическом, ни в политическом отношении держав. Британская империя вошла в историю человечества как самая огромная. Пятая часть земного шара была населена её подданными, составлявшими четвёртую часть населения планеты. Соединённое королевство Великобритании и Северной Ирландии было ядром этой империи. Лондон являлся, вероятно, самым мощным финансовым центром мира.

Правительство Великобритании стояло на страже интересов своих подданных и всячески пыталось отстаивать их за пределами империи. Так, Великобритания стала вторым европейским государством, на которое распространялось действие капитуляционного режима (1580 г.) Османской империи. Первоначально этот режим носил торгово-экономический характер, постепенно превратившись в один из важнейших способов проникновения европейских государств во всё более ослабевавшую экономику Турции, а затем и вовсе во внутриполитические дела государства. Капитуляции предоставляли иностранцам широкие права и привилегии, в том числе освобождение от турецкого налогообложения и проведение судебных разбирательств в своих судах. Официальными представителями той или иной европейской державы выступали её консулы, пребывавшие в некоторых крупных городах империи. В Стамбуле обязанности консула выполнял посол. Османская империя представляла собой пёстрое этноконфессиональное государство. Предписания Корана не позволяли мусульманам в полной мере заниматься торгово-экономической деятельностью, поскольку препятствовали развитию банковского дела. Следовательно европейские торговцы были связаны деловыми отношениями с христианскими подданными султана. Спустя некоторое время капитуляции были распространены и на протяже иностраниц, чаще всего греков, армян и евреев, получавших от консулов иностранных держав охранные грамоты – бераты. Через систему бератов турецкие подданные могли приобрести иностранное подданство или покровительство, не выезжая при этом за пределы страны. Поначалу система протяже распространялась на отдельных членов религиозных общин Святой Земли, но к XIX в. она вошла в широкую практику. Пытаясь избавиться от налогообложения, немусульманские подданные султана стали обращаться за защитой к консулам иностранных государств и получать от них помочь, пользуясь при этом всей полнотой капитуляционных привилегий [7, р.7]. Капитуляции способствовали регламентации торгово-экономических отношений и обеспечивали выгодные для европейцев условия торговли. До Крымской войны 1854 г. таможенный тариф для них составлял 5% [2, с.27] В экономическом отношении Османская империя представляла собой кладезь необработанных материалов и огромный рынок для импорта английских товаров [8, р.90].

Земли, на которых проживали армяне, в начале XIX в. были разделены между Турцией и Ираном. Понятия Турская Армения как такового на тот момент не существовало. Однако мы будем придерживаться термина Турская Армения, подразумевая под ним территории преимущественного расселения армян. Возникновение интереса Англии к этой части Турции в начале XIX в. неразрывно связано с проводившейся ею Восточной политикой и в частности нарастанием повышенного внимания к Персидскому заливу и Ближнему Востоку в целом.

Ещё с древних времён были известны пути через Ближний восток, по которым осуществлялись торговые связи Европы с Востоком. Он использовались торговцами в течение многих столетий. Драгоценные товары из Индостана, Китая и Аравии, шёлковые и золототканые материи, перец, корица, черепаховая и слоновая кость шли с Востока. Запад же поставлял стекло, железо, свинец и медь. Ниневия, Вавилон, Селевкия, Ксенофон, Антиохия, Пальмира сумели значительно обогатиться посредством этого пути. Позднее там возникли новые города - Басра, Багдад, Диарбекир, Дамаск, Алеппо. Неудивительно, что европейцы стремились овладеть территориями, расположенными на всём его протяжении [4, с.13].

Главным преимуществом данных путей было их удобство. Два рукава Индийского Океана – Оманский и Персидский заливы – врезаются в азиатский материк на 2,5 тыс. км. Первый образован восточным углом Аравии, мысом Рас-эль-Хадд и Ормузским проливом, а

второй – Ормузским проливом и берегом Месопотамии. Такое удачное географическое положение позволяло торговым судам доходить до реки Шатт-эль-Араб, образованной слиянием рек Тигра и Евфрата, и подниматься вверх. Евфрат был судоходен до Северной границы Месопотамии, а резкая излучина к западу сближала его с сирийским побережьем Средиземного моря. Их отделяла лишь короткая долина Оронта, которую необходимо было преодолеть карающим путём, а затем продолжать путь вниз по течению Оронта [4, с.14].

К тому же торговый путь через Персидский залив был самым коротким и прямым способом доставки товара, поскольку по нему не нужно было делать круг вдоль южного берега Аравии и через Красное море.

В XVI в. был открыт морской путь в Индию вокруг Африки, через мыс Доброй Надежды. Ввиду данного обстоятельства часть торговых потоков переместилась в указанном направлении. Однако прежний путь не был забыт и активно использовался торговцами [4, с.15].

В XVII в. представители английской Ост-Индской компании стремились овладеть Персидским заливом, но в тот период времени англичане были слишком слабы для того, чтобы захватить и удержать там свою позицию. Хозяевами в указанном регионе были сначала португальцы. В 1622 г. английская Ост-Индская компания, объединившись с персами, напала на главную оборонительную крепость Персидского залива город Ормуз. Результатом чего стала капитуляция португальцев, за которой последовало разрушение города. Со временем португальцев сменили голландцы. Но и последние оказались слишком слабыми и задержались там недолго. Под давлением мусульман они были вынуждены покинуть Персидский бассейн. Изгнание европейцев привело к тому, что этот торговый путь был заброшен.

Внимание Англии к указанному региону было привлечено в к. XVIII – н. XIX вв. уже не торговыми интересами, а военно-стратегическими событиями. Наполеон Бонапарт намеревался подойти к индийским владениям англичан через Персидский залив и вытеснить их оттуда. Однако его план провалился [4, с.19]. Англичане, опасаясь потерять Индию, создали в 1806 г. резидентуру Ост-Индской компании в Багдаде. Пост резидента компании занял К. Д. Рич. Благодаря его стараниям Багдад, а также Басра превратились в центры ведения разведывательной деятельности. Армянские территории оказались в их поле зрения.

В 1813-1814 гг. ряд армянских районов, таких как Эрзерум, Битlis, Диарбакыр и ряд других, посетил политический агент на службе Ост-Индской компании Макдональд Киннейр.

В то время Англией активно использовался тезис «об угрозе Индии». Однако он служил лишь прикрытием захватнических планов в отношении исследуемых территорий [5, с.25-26].

В 1820-1830-х гг. в значительной степени возрос интерес Англии к армянским территориям в связи с разработкой проектов прокладки ещё более короткого пути в Индию. Важную роль в этом процессе сыграл Фрэнсис Роудон Чесни.

Чесни был русофобом и выступал сторонником широкой экспансии Англии на Востоке. В 1828 г. он прибыл в Османскую империю для участия в русско-турецкой войне, но опоздал, так как война к тому времени уже закончилась.

С лёгкой подачи английского посла в Турции Р. Гордона Чесни решил исследовать Египет и Малую Азию [5, с.31] и в 1829 г. совершил путешествие из Биреджика вдоль по Евфрату на самодельном пароме. В ходе плавания его судно периодически садилось на мель и подвергалось обстрелу со стороны бедуинов. Несмотря на это Чесни достиг поставленной цели и довёл до сведения английское правительство о преимуществах данного пути.

Чесни предлагал доставлять английские товары морским путём до Искандерунского залива, затем переправлять их по сухе (эта местность легко позволяла построить шоссе или железную дорогу) до Евфрата, где бы их погружали на плоскодонные пароходы и довозили до Багдада и Басры. Большие пароходы и суда забирали бы их оттуда в Бомбей и Калькутту [1, с.318].

Благодаря активным стараниям Чесни правительство создало особый комитет для рассмотрения выработанного им проекта «Евфратского пути». В соответствии с ним период доставки английских товаров в Индию сокращался с 45-60 до 18-20 дней. Проект получил одобрение особого комитета, а также Контрольного совета по делам Индии, английского парламента.

Существенно то, что поддержку Чесни оказывали влиятельные дипломатические, по-

литические деятели и периодические издания [5, с.32-33].

В 1835 г. он предпринял очередное путешествие по Евфрату на двух пароходах «Тигр» и «Евфрат» во главе группы инженеров. Чесни опубликовал книгу «Экспедиция по исследованию рек Евфрата и Тигра», в которой содержалась специальная записка «Торговые предприятия в Малой Азии».

Чесни отводил большое значение Мосулу как центру британской торговли в Малой Азии и опорному пункту для экономического проникновения в Восточную Турцию: Битлис, Сивас, Токкат... Он предлагал открыть в Анкаре английское консульство и создать в Мосуле и Диарбакире британские фактории, организовать доставку английских товаров из Искендеруна (Александретты) в Диарбакир, а отсюда по р. Тигру либо караванами по сушке в Мосул. Он также предлагал создать при поддержке правительства частную торговую компанию [5, с.34].

Планам Чесни не суждено было сбыться из-за последовавших войн Англии с Ираном (1827), Афганистаном(1838-1842) и Китаем (1839-1842). Участие Чесни в последней войне привело к тому, что Чесни сумел подготовить результаты Евфратской экспедиции лишь к концу 40-х гг., когда необходимость в прокладке этого пути отпала [5, с.35].

На наш взгляд, планы Чесни носили авантюрный характер, поскольку план «Евфратского пути» имел целый ряд недостатков в силу своих естественно-географических особенностей. На эти недостатки указывал российский консул в Сирии К. М. Базили. Во-первых, непостоянство фарватера Евфрата и изменение его ложа наносным грунтом приводило к тому, что всегда существовала опасность повсюду сесть на мель. Во-вторых, даже в половодье глубина реки по фарватеру не превышала пяти футов и являлась недостаточной для пароходов, перевозивших товары, а в осенние месяцы прекращала быть судоходной. В-третьих, извилистое течение удваивало протяжённость пути. К тому же, по обоим берегам бесчинствовали кочевые племена, затрудня тем самым основание складов для угля. [1, с.318-319] Таким образом, представляется маловероятным, что в данном контексте проект Чесни был привлекателен с экономической точки зрения. Поэтому деятельность Чесни имела скорее военно-стратегическое значение.

Параллельно с этим в 20-30-е гг. XIX в. был открыт новый торговый путь со странами Востока. Он проходил по морю до Трабзона, а затем через Эрзерум и Курдистан. Вследствие этого правительство Великобритании основало в Трабзоне своё консульство [5, с.32]. До 1870-х гг. торговый путь Трабзон – Эрзерум – Табриз являлся основным в торговле Великобритании с Турцией и Ираном и играл важную роль. С 1870-х гг. ситуация изменилась. Так, доля английских товаров в импорте через Трабзон в 1856-1860 гг. составляла 90% от общей доли товаров для Турции и Ирана. К концу 1870-х гг. она составляла 28% для Турции и 50 % для Ирана. Причин тому было несколько. Во-первых, в строй вводился Суэцкий канал. Во-вторых, в 1872 г. Россия завершила строительство железной дороги Поти-Тифлис и часть грузопотоков переместились туда. В-третьих, Великобритания перестала играть основную роль из-за возросшей конкуренции со стороны европейских государств, таких как Франция, Австро-Венгрия, Германия и Россия [2, с.106]. В-четвёртых, Трабзон являлся торговым центром Верхней Армении, связанным экономическими отношениями с территориями простиравшимися от Карса на востоке до Диарбекира на западе. По итогам русско-турецкой войны 1877-1878 гг. границы вилайета изменились, в результате чего ареал торговли значительно сузился [6, р.93].

Стоит отметить, что Турецкая Армения обладала огромным торговым потенциалом. Если торговый путь Трабзон – Эрзерум – Табриз имел огромное значение в рамках транзитной торговли с Персией, то торговый путь Константинополь-Самсун-Амасья-Токкат играл важную роль в торговле со всей Центральной Анатолией [6, р.90-91]. Крупнейшими центрами торговли в пределах Турецкой Армении являлись Самсун, Амасья, Токкат, Адана, Эрзерум, Трабзон, Диарбекир и Алеппо.

С 1830-х гг. борьба между Англией и Россией за влияние на Ближнем и Среднем Востоке стала принимать всё более ожесточённую форму. Этот процесс сопровождался усилением военно-разведывательной и подрывной деятельности Англии. Так, в 1833 г. Ост-Индская компания сменила сущность своей организации с торгово-экономической на военно-административную [3, с.17]. Основной причиной послужила постановка «Восточного вопроса» в качестве международной проблемы на Венском конгрессе Священного союза, в связи с подъёмом национально-освободительного движения греческого народа.

В том же году консул Англии в Эрзеруме Д. Брант исследовал территорию Восточной Турции и Ирана с целью сбора сведений о местной торговле и о возможностях расширения сбыта английских товаров. Пять лет спустя в 1838 г. он вновь отправился в поездку в сопровождении офицера А. Д. Глазкотта, который должен был составить карту пройденной местности. Районами их изучения стали: Муш, Харпут, Битлис, Van, Баязид и другие районы Турецкого Курдистана.

В целом с 1837 по 1840 гг. армянские территории посетил целый ряд англичан, в том числе виконт Поллингтон, Рассам, вице-консул в Трапезунде Г. Сатер, Г. Роулинсон [5, с.30].

Таким образом, благодаря военно-политическим событиям, произошедшим в начале XIX в., Англия обратила внимание на Турецкую Армению. Постепенно военно-стратегическая заинтересованность в этом районе Турции стала тесно переплетаться с торгово-экономическими интересами английской буржуазии. С течением времени вопрос об изучении преимуществ этих территорий приобретал всё большую актуальность ввиду грядущего распада Османской империи.

The meaning of the armenian territories of Turkey for the foreign trade of England in the Near East at the beginning of the XIX century is considered in the article. The author points to circumstances thanks to which the new external economic relations were set up in this region.

**The key words:** foreign politics, capitulations, external economic relations, trade route, military and strategic interests.

### Список литературы

- 1.Базили К. М. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. М., 2007.
- 2.Иванов С. М. Османская империя в мировой экономической системе (вторая половина XIX - начало XX века). СПбГУ, 2005.
- 3.Обухов В. Г. Схватка шести империй. Битва за Синьцзян. М., 2007.
- 4.Руир Д. Англо-русское соперничество в Азии в XIX в. М., 1924.
- 5.Халфин Н. А. Борьба за Курдистан (Курдский вопрос в международных отношениях XIX в.). М., 1963.
- 6.McCoan C. J. Our New Protectorate. Vol. II. London, 1879.
- 7.Sonyel S. R. The Ottoman Armenians. Victims of great power Diplomacy. London, 1987.
- 8.Walker C. J. Armenia: The survival of a nation. London, 1980.

### Об авторе

Чепелина О. М. – аспир. Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, Bagira-T34@yandex.ru.

УДК 947.085 Ч - 49

## РУССКИЙ ПАТРИОТИЗМ И ОБРАЗ «НОВОЙ РОССИИ» В НАЦИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ

Д.И. Черняков

Статья посвящена проблеме использования нацистской пропагандой идей русского патриотизма. Русский патриотизм, в нацистской интерпретации, объявлялся средством для достижения конкретной цели – построения «новой России, без большевиков и коммунистов». Его идеологическими компонентами были: антисемитизм, призыв к борьбе с советской властью, пропаганда сотрудничества местного населения с оккупантами.

**Ключевые слова:** Россия, пропаганда, патриотизм, коллаборационизм

Вопросу советского патриотизма уделялось большое внимание в отечественной исторической науке. Но практически не изучен вопрос использования идей русского патриотизма в нацистской пропаганде. В немногочисленных работах ряда современных ученых прослеживаются

отдельные упоминания по сформулированной проблеме, что подталкивает к ее более детальному рассмотрению. Они показали, что помимо широко распространенных в нацистской среде русофобских представлений, были и достаточно звездные мнения, основанные на анализе реальной ситуации.

Начавшаяся Великая Отечественная война для нашей страны не ограничилась только военным противостоянием. Важнейшим полем борьбы стали газетные полосы, брошюры, листовки и плакаты. Идеологическая обработка захваченных областей РСФСР осуществлялась нацистами с помощью русскоязычной коллаборационистской прессы. Всего на оккупированной территории России выходило примерно 300 подобных изданий. [1, с.62]

Не возникает никаких сомнений по вопросу отношения руководства нацистской Германии к будущему Советского Союза. Антиславянская, в частности антирусская, позиция Гитлера хорошо известны. Но при этом в разных структурах рейха было немало убежденных в том, что Германия должна воевать не с Россией, а с большевистской властью. [2, с51]. Часть германских военных понимала то, что, несмотря на военные успехи, победа над обладающим огромным военно-экономическим потенциалом Советским Союзом невозможна, если не перевести войну в политическое русло и не выбить из рук Сталина козырь «Отечественной войны». [3, с.36].

Поскольку кардинально отношение нацистского руководства не поменялось относительно планов будущего СССР, пропагандистский подход должен был эволюционировать. С самого начала войны поступали неоднократные предложения об использовании коллаборационистов в борьбе против советской власти. Ситуация требовала корректировки не только военной, но и пропагандистской политики. Например, руководитель политического отдела Восточного министерства О. Брайтигам высказывал свое мнение по поводу того, чтобы «авторитетные германские круги дали славянским восточным народам успокаивающие обещания относительно их судьбы» [4, с.102].

Идеологическая работа нацистов во многом зависела от положения на советско-германском фронте. В первые месяцы войны главной темой коллаборационистских публикаций были успехи германской армии. Однако, по мере стабилизации фронта и осознания того, что военные действия будут длиться продолжительное время, направленность прессы поменялась. Провал немецкого наступления под Москвой заставил агрессоров искать новые формы воздействия на гражданское население.

К числу первых работ, затрагивающих вопросы русского патриотизма, можно отнести брошюру, выпущенную редакцией орловской газеты «Речь» в феврале 1942г. Ее автор, М. Октан, озаглавил свою работу следующим образом: «Является ли эта война отечественной для народов России?». В истории страны им выделялись две группы войн. К первой группе относились войны, порожденные захватнической политикой российского самодержавия и не требовавшиеся для русского народа. Другие являлись необходимыми для сохранения целостности и независимости нации, для защиты достигнутого ею уровня благосостояния и культуры. Именно такие войны, отмечалось в брошюре, по праву могли быть названы «отечественными», по той причине, что они «порождали народный героизм и в конечном итоге кончались победой народов России. Автором были обозначены основные критерии, по которым любую войну можно было определить как отечественную:

1. Защита национальной идеи, воплощенной в историческом прошлом народа.
2. Защита национальной свободы, прав и благосостояния граждан.
3. Обеспечение будущности народа.
4. Защита жизненно необходимой территории, определяющей уровень благосостояния нации и необходимой для прогрессивного развития.
5. Защита внешнеполитической самостоятельности.

Разбирая эти положения, Октан сознательно акцентировал внимание читателя на фамилиях лиц, находившихся или стоявших во главе СССР, делая упор на их нерусское происхождение: «Джугашвили, Бронштейн, Каганович, Микоян, Орджоникидзе». Читателю прямо давали понять, что руководители советского государства не имели ничего общего с русским народом. Критике подвергалась и советская символика. Так, изображение Земного шара на гербе трактовалось как конечная цель «мирового еврейства» - «кровью сынов русского народа завоевать весь мир».

У Октана вызывало постоянное недоумение обращение советской пропаганды к сюжетам Отечественной войны 1812г. Он считал, что во время войны с Наполеоном, народы

России справедливо защищали свою культуру, обычай и веру, государственный строй. Ничего подобного, по мнению автора, не наблюдалось в ходе военного противостояния Германии и СССР. Им утверждалось, что создание партизанских отрядов было искусственным явлением, возникшим только по воле советского руководства, в то время как партизанское движение в 1812г было стихийным проявлением желания народа изгнать захватчиков из своей страны. Исходя из сказанного, русский патриотизм определялся автором двумя составляющими: помощью Германии в восстановлении «нормальной жизни» в России, и борьбой «за свержение большевизма в своей стране. [5.Л.ба об.].

Идеи патриотизма должны были служить достижению главной цели – построению «новой России». Это словосочетание, отождествленное с понятием «Родина», имело не столько территориальное, сколько национальное звучание: «Родина – это единый народ, или союз народов слитых в единое, дружное целостное государственное тело». По национальному вопросу коллаборационистская пресса говорила о возможности самоопределения народов. Для сельского населения предусматривалось разрешение частной собственности на землю. Интеллигенция могла бы рассчитывать на полную свободу творчества. При рассмотрении вопросов религиозной сферы авторы публикации обещали читателям отказ от любых форм насилиственного насаждения какого бы то ни было мировоззрения, как атеистического, так и религиозного. [6]. Но все преобразования должны были произойти в неопределенном будущем. Время претворения в жизнь столь радужных перспектив откладывалось на неопределенный срок – «после свержения большевиков». Указанное обстоятельство не могло найти широкой поддержки среди населения захваченных территорий, особенно после разгрома немцев под Сталинградом и на Курской дуге.

В будущей России предусматривался отказ от классового деления общества. «Мы не делим народ на классы, для нас важен народ в целом» - отмечалось в газете «Заря» [7]. Единственным критерием деления граждан страны становился национальный признак. В публикациях постоянно подчеркивалась мысль, что русские с уважением относятся к культуре других национальностей: «Русский народ склоняет голову перед героями украинского, татарского, грузинского и других народов нашей страны, павших в борьбе против большевизма». Совместная борьба народов страны против советской власти выражалась и в стихотворной форме:

Победу великую кровью искупим,  
Но в дружном стремленье под сенью знамен,  
России родной никому не уступим  
Россия – для русских и братских племен

Пропагандистские издания отмечали особенность русского национального сознания, четко отделявшего национализм от шовинизма. В подтверждение сказанного можно привести отрывок из газеты: «Русский героизм характерен тем, что он не узко национален, а национален по всей глубине и широте, которую вмещает русская многонациональная, но единая по духу армия». [8] Единственным исключением представлялись евреи. По отношению к ним предполагалось издание целого ряда законов, необходимых для «защиты» народов России «от иудейской опасности». [9.Л.32об] Всем народам страны, кроме евреев, теоретически предоставлялась возможность национального самоопределения. В послевоенной стране не отводилось места насилиственной ассимиляции: «Заранее исключается всякая насилиственная германизации России ...Русский человек, с его глубокими духовными задатками, с его жизненным восприятием, с его интеллигенцией, является необходимым участником европейского содружества». [10.Л.25] В первую очередь, производительные силы России предполагалось раскрыть для нужд ее населения, а затем для интересов других европейских народов.

В преподнесении нацистской пропаганды, создатели «новой России» стремились к осуществлению «истинного социализма». [11.Л.1] Каждому народу, в том числе и русскому, нацистская пропаганда отводила возможность осуществить у себя «настоящий социализм на национальных основах». Русские должны были постоянно доказывать свою значимость активностью в борьбе с советской властью. Именно им отводилась честь сыграть решающую роль в уничтожении большевизма. Россия должна была стать страной «без большевиков и капиталистов». Рядовой советский человек, воспитанный на коммунистических идеалах с легкостью

мог воспринять идею, что без капиталистов можно хорошо жить. Гораздо более важной представлялась задача убедить население, что после свержения власти большевиков жизнь станет еще лучше. Статус русских, как и остальных народов СССР должен был определяться по следующей формуле: «Место каждого народа в будущей России будет зависеть от того, насколько этот народ проявит активность и жертвенность в борьбе против большевизма. Как русский народ займет свое место в новой Европе, так и нерусские народы займут свое место в новой России». [12]

Вопросы внешней безопасности относились к ведению армии, главной целью которой ставилось освобождение страны от большевизма. Источником ее формирования определялись добровольцы из военнопленных и гражданского населения. В очередной раз подчеркивалась невозможность допуска в армию евреев, которые были обозначены как элемент «разлагающий, невоинственный, и враждебный русской национальной идеи». Создание добровольческих отрядов должно было служить весомым доказательством того, что начало новой русской армии уже положено, что Германия борется не против народов Советского Союза, а за их освобождение. Начавшийся со второй половины 1942г процесс добровольческих формирований нашел отражение на страницах коллаборационистских изданий. У любого читателя мог возникнуть вопрос: почему же отряды не создавались ранее? На подобные заявления заранее давался упреждающий ответ: «Германия с некоторой сдержанностью относилась к этому желанию после того, как в России 25 лет властвовал большевизм». [13]

Построение «новой России» ставилось в зависимость не только от моши вооруженных формирований. Гражданскому населению отводилась возможность борьбы на своих рабочих местах – «работа в своем хозяйстве, строительство дорог, рытье окопов, материальные жертвы и прочее – все для победы». [14] Поэтому, понятие «патриотизм» трактовалось достаточно широко и понималось как универсальное идеологическое средство для всего населения, а не только для тех, кто взял в руки оружие.

Под влиянием Сталинградской катастрофы изменился тон прессы: «Завоеванную русскую землю следует рассматривать не как чужую, а как новую европейскую территорию. На этой новой европейской территории будут жить русские люди, которые за нас для нас работают, борются вместе с нами и к ним следует соответственно относиться». [15.Л.20]

Начиная с 1943г в газетах, появились публикации, которые отражали новые направления пропаганды. Публикации в газетах и брошюрах стремились не только оспорить характер «отечественности» текущей войны, но и представить коллаборационистов как борцов за революционные идеи: «Мы переживаем третью революцию русского народа, чтобы включить Россию в новую Европу. Первая революция не дала ничего русскому народу. Во второй революции Ленин выдвинул гражданскую войну, уничтожил царизм и создал большевизм, который довел народ до обнищания. Народы Европы охвачены одним чувством, одной мыслью. Имя этим чувству, мысли и делу – революция. Эта наша революция – третья. И она будет последней. Наши друзья – народы Европы, объединившиеся вокруг Великогермании А. Гитлера. За победу третьей российской революции». В «послереволюционной» России предполагалось воплощение в жизнь социальных гарантий, которым следовали многие европейские страны: закрепление за трудящимися права свободного выбора работы, высокий уровень обеспеченности антисоветских движений. Социальная программа для новой России подлежала воплощению в следующем принципе: общественное благополучие основывается на благополучии каждого члена общества в отдельности.

Для большей убедительности в отстаивании революционных идей применялись и подложные документы. В этом плане интерес может вызвать листовка, составленная якобы от имени членов ВКП(б), оставшихся верными заветам Ленина. Здесь читателя убеждали, что война между Германией и Советским Союзом не может именоваться Отечественной. Сущность текущей войны определялась империалистической по причине поддержки СССР буржуазными США и Англией.

Новым компонентом пропаганды стала попытка убеждения населения в невозможности возврата к дореволюционным порядкам. Для того чтобы успокоить население, в газетах печаталась следующая информация: «Мы не собираемся возвращать историю вспять и не думаем восстанавливать изжившие государственные режимы. Необходимо осознать, что есть

более новое, более жизненное мировоззрение, чем изживший себя большевизм. Это – национализм. Как мы смотрим на господство царизма в России? Как мы относимся к режиму Керенского? Отрицательно. Для нас дорог народ а не обломки потомственного дворянства. Мы не питаем враждебных чувств к русским носившим дворянский титул, но мы не желаем идти по пути тех, кто желает возврата к старому» [16]

Как ни странно, нахождение большевиков у власти имело свои, с точки зрения немецкой пропаганды, плюсы: «Большевистское господство в России дало народам возможность познать самих себя и своих врагов». Особо подчеркивались «положительные» стороны оккупации. В захваченных областях немецкое командование ликвидировало колхозы и отдало крестьянам землю в собственность. В городах и сельской местности вводилось русское гражданское самоуправление. Указанный перечень должен был свидетельствовать о благих намерениях захватчиков и окружать их ореолом «освободителей».

Страна объявлялась разделенной на две части: по одну сторону находились «строители новой жизни и борцы за новую Родину»; по другую – такие же русские люди, но боровшиеся за «чуждые» народу идеи. Основой, прообразом новой России должна была стать оккупированная территория Советского Союза: «Где настоящая Родина? Там где четверть века заставляли забыть, что он русский и призывали жертвовать всем родным во имя мировой революции, или здесь где... собираются все те, для кого дорого слово «Россия». Стране Советов отводился путь тех европейских стран, которые хотя и оказали сопротивление, но сохранили свои национальные правительства. Оккупация этих стран объяснялась военной необходимостью. По убеждению немецкой пропаганды, в таких странах, как Словакия и Хорватия, оккупация не затронула их национальной самостоятельности. Их примеру и должна была следовать Россия.

Итак, конечной целью борьбы определялось заключение почетного мира русского народа с Германией. Говоря об этой цели, пропаганда умалчивала о последствиях этого мира. Что ждало бы Россию? Возрождение полной самостоятельности, или сохранение германского колониального режима? Формирование будущей России в границах Советского Союза или их сужение за счет права народов страны на национальное самоопределение? Если русский народ несет главную тяжесть по борьбе с советским строем, то почему немцы должны оставаться первенствующейнацией в Европе? Умалчивание ответов на подобные вопросы не могло не сказаться на качестве восприятия населением нацистских лозунгов.

Русский патриотизм, наполненный критикой советского строя, идеями антисемитизма и нацизма должен был стать средством для построения «новой России». Коллаборационистская пресса говорила только о положительных сторонах, на которых могло бы развиваться русское государство после поражения большевиков. Но как показала история, демагогические заявления оккупантов шли в полном противоречии с методами грабежа и террора, реализуемыми на практике.

Таким образом, если для советской стороны обращение к идеям патриотизма было естественным следствием не только военного времени, но и духовным развитием предшествующего десятилетия, то для нацистов само понятие «русский патриотизм» было явлением искусственным, никак не соотносившимся с их ключевыми замыслами в отношении будущего России.

The article is concerned with the issue of misuse by the nazi propaganda of Russian patriotic ideas. The Russian patriotism, in the nazi's interpretation, was declared to be used as an instrument for implementation of one particular aim – to build «a new Russia, without bolsheviks and communists». It was a mixture of such ideological components as: anti-Semitism, appeal to fight against the Soviet ruling, propaganda of collaboration between local people and occupants.

*The key words:* Russia, propaganda, patriotism, collaborationism.

### Список литературы

- 1.И.Г. Грибков. Коллаборационистская пресса на оккупированной территории СССР. // Отечественные архивы. 2007. №6. С. 62
- 2.Константинов С. «Хайль Сталин». Школьная политика Третьего рейха. // Родина, 2002. №10, С.51
- 3.Дробязко С.И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941 – 1945гг. – М.: Изд-во Эксмо, 2005 – С. 36

4. Константинов С. Указ. соч. С. 102
5. Государственный архив Брянской области (ГАБО), Ф. 2608, Оп. 1, Д. 34, Л. 6а об.
6. Голос народа. 1943. 10 июня.
7. Заря. 1943. 21 июня.
8. Голос народа. 1943. 15 июля.
9. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Ф. 69, Оп. 1, Д. 1158, Л. 32об.
10. ГАБО, Ф. 2608, Оп. 1, Д. 12, Л. 25
11. РГАСПИ, Ф. 69, Оп. 1, Д. 1158, Л. 1
12. За Родину. 1943. 5 мая.
13. Новый путь. 1943. 1 февраля.
14. Голос народа. 1943. 10 июля.
15. РГАСПИ, Ф. 17, Оп. 125, Д. 166, Л. 20
16. За Родину. 1943. 1 мая.

#### **Об авторе**

Черняков Д.И. – Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского,  
bryanskgu@mail.ru.

**УДК 903.27**

## **FURRY-ART: ОТ ЦИФРОВОЙ ГРАФИКИ ДО СВОДОВ ПЕЩЕР. ПОПЫТКА ОМЫСЛЕНИЯ**

**А.А. Чубур**

Рассматривается генезис искусства субкультуры furry. Можно утверждать, что в основе субкультуры лежат глубинные подсознательные архетипы архаичного мышления. Всплеск интереса к зоантропоморфам – это откат к мифологическим архетипам и, одновременно, в стабильное и беззаботное в восприятии взрослого детство. Это может быть подсознательной реакцией на кризисные явления в экологии, религии, морали, на рост отчужденности людей в постиндустриальном обществе. Архетипическое мышление в сочетании с Интернетом, обеспечивающим свободу распространения информации, вызвало к жизни субкультуру фурри.

**Ключевые слова:** субкультура, фурри, история, архаичные религии, палеолит, археология, первобытное искусство

*Для того чтобы понять современное состояние мысли,  
вернейший путь — вспомнить, как человечество дошло до него.  
А. И. Герцен. Письма об изучении природы*

«Фурри-арт» (furry-art) нельзя назвать понятием широко известным, но при этом как культурное явление он сопровождает нас с детства и встречается буквально на каждом шагу. Все дело в названии.

Фурри – это сформировавшаяся во всемирной сети и уже выплеснувшаяся из виртуальности в реальность субкультура, носители которой объединены тягой к антропоморфизму животных, воплощением в творчестве и в самих себе образов таких существ, сочетающих в себе качества человека и животного в анатомическом и поведенческом плане. Однако звериантропоморфы были известны всем задолго до всплеска сетевого «фурри-арта». От Кота в Сапогах в сказке Шарля Перро до забавного Лиса в рекламе стирального порошка «Лоск». От эмблемы концерна «Пежо» до льва и единорога, держащих геральдический щит Великобритании. Явление существовало задолго до формирования сетевой субкультуры, но не имело названия. Парадокс, но очевидное часто остается незамеченным. Оформившаяся субкуль-

тура такой роскоши, как безымянность, позволить себе уже не может, ибо она есть совокупность социально-психологических признаков, позволяющих группе людей осознать и утвердить себя в качестве отличном от всех остальных. Звери покрыты мехом, и потому в англоязычных странах в 1990-х, на заре сетевого фурри-фэндома, таких персонажей, а затем и их поклонников стали называть «пушистыми» (от *furry* - мех).

Популярность фурри-субкультуры растет. Если еще недавно число официальных ее поклонников во всей РФ едва достигало сотни, то теперь их уже несколько тысяч. Расширяется география фурри-фэндома. Так, в России это не только мегаполисы Москва и Санкт-Петербург с прилегающим пространством (например, Электросталь, Зеленоград), где традиционно находят пристанище и процветают самые причудливые современные субкультуры. Фурри-сообщество в большой степени представляют как раз жители удаленных от столиц областных центров (Ростов-на-Дону, Курган, Волгоград, Брянск, Ярославль, Владивосток, Омск, Новосибирск и др.) и регионов (Хакасия, Татарстан, Волгоградская, Челябинская и многие другие области). У недавно возникшего портала FurNation.ru число посетителей уже перевалило за пять миллионов – по числу обращений ресурс вполне может тягаться с сайтами крупных правительственные и научных учреждений. О росте популярности фурри говорит и возникновение Ассоциации русскоязычного фурри-искусства (АРФИ), выпускающей с 2003 г. ежегодные альманахи (сетевую и бумажную версии) с литературными произведениями и иллюстрациями соответствующего жанра [1]. Практически все «фурри»-сайты полны изображений. Попытке осмыслиения фурри-арта – рисунка в стиле «*furry*» (изображения животных-антропоморфов) мы и посвятим скромные изыскания в данной статье, продолжающей уже не раз поднятую нами тематику «субкультуры фурри» [2].

Фурри-арт более чем любое иное искусство связан со средой, в которой он существует. Пока есть возможность свободного хранения информации в сети, попытки извлечь из него чистую выгоду не приведут к успеху. Здесь проходит незримый рубеж между фурри-артом и искусством элитарным и коммерческим – «Большим Искусством» в традиционном понимании. Так называемое «Большое Искусство» – это весьма ограниченный круг авторов, имеющих доступ к публичным выставкам, печатным изданиям. Имя и личность творца здесь со временем начинают значить больше, чем содержание его произведений. Великий Омар Хайям писал о поклонниках таких талантов: «...они рабы имен. Создай себе лишь имя, и ползать пред тобой любой из них готов». Сетевая публикация по сути своей общедоступна как для ее автора, так и для пользователя. Первому не нужно обивать пороги издательств и меценатов, картинных галерей и выставочных залов. Он доступен миллионам потенциальных поклонников. Второй же оценивает в первую очередь именно содержание, а отнюдь не личность автора (тем более, что истинное имя часто скрывает nickname и аватар).

Часто для любителя фурри-арта наиболее важным критерием оценки оказывается биологический вид отраженного в творчестве антропоморфного животного. Последнее принципиально важно, ибо ничего подобного в традиционном искусстве нет. Это скорее сродни различным видам коллекционирования, или, уже по Фрейду, сродни различиям в сексуальных предпочтениях. Неожиданно область «чистого» искусства заканчивается, переходя в иную сферу, которую одни недальновидно склонны считать уже патологией психики, а другие готовы рассматривать как глубинные особенности работы подсознания.

Действительно, «видовой состав» изображенных на рисунках галерей и на личных аватарах участников фурри-форумов, весьма своеобразен и показателен. Автором проанализирован массив изображений из галерей трех крупных фурри-ресурсов рунета - порталов «FurNation» ([www.furnation.ru](http://www.furnation.ru)), «Пушистый мир» ([www.furry.ru](http://www.furry.ru)) и «Фуррево ополчение» ([www.furrevolt.ru](http://www.furrevolt.ru)), а также все фурри-галереи персонального сайта художницы Sidian (Серебристый Дракон) ([www.sidian.net](http://www.sidian.net)). Для контроля использованы результаты запроса «*furry-art*» в поисковой системе «Google». Одновременно удалось изучить и самоидентификацию фурри путем опроса в группах на социальном сайте «В контакте» ([www.vkontakte.ru](http://www.vkontakte.ru)).

Оказывается, доминирующей со значительным отрывом от остальных группой животных, вдохновляющих и даже олицетворяющих творцов фурри-арта, являются хищники

(примерно от 75 до 88%). Копытные имеют рейтинг до 6%. До 20% изображений – разнообразные экзотические животные, встречающиеся единично, включая не только млекопитающих (носорог, слон, ёж, заяц, панголин, мышь и пр.), но также птиц и незначительное число пресмыкающихся и земноводных. (Табл.1). Показатели по выделенным группам для различных сетевых ресурсов статистически близки.

При этом не все хищники одинаково значимы для творцов фурри-арта, что наглядно показывает Таблица 2. В большинстве случаев лидируют представители семейства кошачьих (левы, реже тигры, гепарды, леопарды, ягуары, пантеры, коты и рыси). Реже на первое место по значимости выходит семейство псовых. Среди семейства псовых примерно на равных позициях две доминирующие группы – лисы и волки. Собаки, шакалы, гиены и койоты остаются в меньшинстве. Прочие хищники представлены медведями (обычно чуть менее половины, лишь в галереях *Sidian* медведи отсутствуют вовсе – но это уже личное предпочтение), росомахами и мелкими хищниками – куница, горностай, белый хорь, енот, мангуст, скунс и другие. Мы вправе вывести некие усредненные величины. Это примерно 52% кошачьих, 39% псовых и 9% прочих хищников. Сходное видовое соотношение в целом и внутри группы хищников наблюдается и при просмотре других Интернет-ресурсов сообщества фурри – [www.furry.sitecity.ru](http://www.furry.sitecity.ru), [www.yiff.ru](http://www.yiff.ru) и многих других. Практически аналогичную картину дал и дополнительный контрольный поиск по запросу «furry-art» через новую поисковую систему «Picsearch» ([www.picsearch.com](http://www.picsearch.com)), ориентированную на поиск изображений в сети: 80% хищников (среди них 58% кошачьих и 38% псовых), всего 6% копытных, остальные животные составляют 14%. Итак, налицо закономерность, требующая объяснения.

Рассматривая галереи фурри-арта невозможно отделаться от ощущения сходства представленных персонажей с пантеонами древнейших земледельческих цивилизаций. *Sidian* даже обыграла это сходство в своих миниатюрах, изображая женщин-львиц и женщин-зебр в виде египетских богинь и цариц. Случайно ли оно? Путь к ответу лежит через рассмотрение статистики видового состава антропоморфных животных в пантеоне эпохи неолита-бронзы страны Кемет (Древнего Египта) (Табл.3) [3]. Заметим, что идентификация образа Сета с ослом дискуссионна, что признают многие египтологи. На наш взгляд, длинноухим животным с вытянутой мордой, головой которого наделен Сет, может быть, например, африканский трубкузуб, ныне широко распространенный к югу от Сахары, а ранее обитавший и в долине Нила, и бесспорно знакомый египтянам.

Шумеро-аккадский пантеон менее исследован с точки зрения иконографии (жители древнего Шумера и Вавилонии не так часто, как египтяне, изображали своих богов), однако и в нем можно идентифицировать богов-зоантропоморфов (Таблица 4), причем их «видовые» соотношения очень сходны с древнеегипетскими.

Итак, наблюдается значительное сходство также в качественном и количественном составе зоантропоморфов из современных виртуальных галерей «фурри-арта» и из египетских и вавилонских храмов, хотя доля хищников ниже, а роль копытных, напротив, выше, чем в Интернет-галереях. Возможно, сказывается влияние аграрной экономики? Действительно, еще позднее в античном мире, роль хищников в пантеоне (ставшим, в основном, вполне антропоморфным) снижается до предела, а зоантропоморфы остаются лишь в виде гибридов человека и копытного и как экзотические формы. К «копытным» и «рогатым» относятся кентавры, сатиры и фавны, Минотавр, Дионис, Пан, Вакх и Силен. К экзотическим – сирены, гарпии и медузы, а также змееподобная Персефона. Правда, одна из ипостасей рогатого Диониса – все-таки лев (человек-лев).

В таком случае было бы интересно в таком случае заглянуть в еще более древний пантеон, связанный с доаграрным периодом –protoисторией. Рассмотрим видовую принадлежность зоантропоморфных существ в наиболее древних формах искусства – наскальной живописи Франко-Кантабрии и Урала и мелкой пластике и гравировке верхнего палеолита Европы. По мнению специалистов [4], эти произведения отражают сложную религиозно-мифологическую систему. Сведения о таких изображениях сведены в Таблицу.5 [5].

Н.В. Клягин считает, что тенденция к зооморфизаций мужских и женских образов в

палеолитическом искусстве различна: «у мужских она иконографически и статистически несомненна (5,9%), а у женских она нерепрезентативна (0,9%)» [6]. Однако не все его интерпретации могут быть безоговорочно приняты. Так две «женщины-бизона», нарисованные пальцем на своде пещеры Пеш Мерль (Франция), не могут трактоваться как зоантропоморфы. Если здесь и есть смешение образов (что вообще сомнительно), то исключительно полиэйконическое – при прочтении слева – направо (от рогатой головы к хвосту) мы имеем стилизованный силуэт бизона, а при прочтении справа – налево (от головы к бедрам) не менее стилизованный силуэт женщины, напоминающий имеющиеся рядом более реалистичные изображения. Это напоминает известные психологические тесты – «диалог или ваза?», «девушка или старуха?», где в одном изображении поочередно читаются два разных сюжета. В таком случае в одном изображении (но не в одном существе!) чередуются мужское и женское начало – это сочетание «бык (мужское начало) и женщина» отмечено А.Я. Шером [7].

Заметим, что знаменитый «колдун» из пещеры Труа Фрер (Три Брата) хотя и несет в себе основную нагрузку «оленя-человека», но на деле полиморфен: он сочетает в себе еще и черты хищной птицы с проницательными круглыми глазами (совы?) и хищника из семейства псовых (хвост). То же можно сказать о человеко-мамонте из Каповой пещеры, у которого передние лапы с раздвоенными копытами принадлежат бизону, а ноги и хвост лошадиные [8]. Колдун же из пещеры Эспелюг сочетает признаки оленя, человека и лошади. Не вызывает у нас сомнений зоантропоморфизм ряда стилизованных фигурок с головками животных, относящихся к кругу костенковско-авдеевской культуры. По убедительным доводам С.А. Демещенко, косой крестик на костенковско-авдеевских поделках – не что иное, как изображение швов одежды [9]. Одежда – вещь совершенно нехарактерная для животных. Все сказанное было учтено при составлении таблицы. С.А. Демещенко считает, что на треугольных «подвесках» окружными ушками на навершии обозначена голова медведя [10]. С этим нельзя вполне согласиться, поскольку широко представленный в фауне стоянки песец также имеет окружные уши, но с большим основанием может «претендовать» на «вытянутую морду». К тому же форма «подвески» – треугольник, отражает, на наш взгляд, не только форму морды, но и стилизованное женское лоно. Известно отмеченное Ф.К. Вовком, П.П. Ефименко, П.И. Борисковским сочетание женского и птичьего образа в знаменитых мезинских фигурках [11].

При количественном сопоставлении видового состава фурри-арта с искусством палеолита Европы сразу же бросается в глаза, что зоантропоморфы палеолита еще ближе к «сетевым антропоморфам», чем древнеегипетский пантеон. Оба явления объединены выраженным акцентом на хищников-антропоморфов. Видовой состав хищников тоже дает поразительное сходство с современным сетевым искусством фурри: кошачьих (пещерный лев) – 52%; псовых (волк, лисица, песец) – 37%; других (медведь) – 11%. Какова же причина сходства явлений, столь значительно разнесенных во времени?

Удачное объяснение феномену дал известный этолог В.Р. Дольник. Он пишет, что предметом повышенного внимания, а затем и поклонения становились в первую очередь животные наиболее опасные для наших предков-приматов. Такова генетическая программа. «Для животных их хищник – это тот, кто, в конце концов, окончит их дни. ...Он страшен – это понятно. Но отвратителен ли он? Нет! Оказывается, он завораживающе прекрасен. Таким его заставляет видеть программа: увидев хищника издалека, с безопасного расстояния, или сидя в безопасном месте – не будь равнодушен, внимательно наблюдай его, все его движения, все его повадки; готовься к той встрече с ним, которая может стать последней, если ты недостаточно изучил врага. Эта программа есть у очень многих животных. И для нас наши бывшие пожиратели – крупные кошачьи – один из самых ловких, грациозных, привлекательных для наблюдения животных» [12]. При этом существует и инстинктивная программа «заключения союза» с более сильным существом (так мышь, спасаясь от кошки, может спрятаться за собакой). Из необходимого для душевного спокойствия союза с воображаемым покровителем рождаются божества, первопредки-тотемы [13]. Преобладание хищников в фурри-арте – вероятно тот же подсознательный поиск воображаемого покровителя вплоть до самоидентификации с ним – попытка стать могущественнее через создаваемый на бумаге, или в мыслях образ. Механизм

рождения образов зооантропоморфов у современного представителя субкультуры «фурри» мало отличается от механизма рождения образов в мозгу палеолитического художника.

Заметим, что достоверное сходство изобразительного ряда зооантропоморфов палеолита, древних цивилизаций и современного сетевого искусства в стиле «фурри» позволяет серьезно усомниться в ряде основных положений докторской диссертации культуролога П.А. Куценкова. В ее основе лежит тезис о том, что искусство палеолита появилось «на основе функционирования психофизиологического механизма, принципиально отличного от того, что приводит в действие механизм создания изображений у современного человека» [14]. Почему же тогда столь похож результат? Более того, само наличие вымышленных собирательных образов зооантропоморфов в палеолите делает наивным тезис о том, что древний человек создавал изображения «на основе эйдетической памяти, с фотографической точностью фиксирующей объект, но лишённой и намёка на возможность какого-либо обобщения» [15].

Итак, феномен пушистой субкультуры порожден не диснеевской анимацией и не новейшими информационными технологиями, как считают многие adeptы фурри. Он – ровесник человечества. Зооантропоморфизм – неизменный компонент древних мифологий и религий всего мира. В первобытной мифологии различных народов «фурри-персонажей» более чем достаточно. Как правило, это прародители того или иного племени, этноса. Мюйюздюу – в киргизской мифологии рогатые (оленеголовые) брат и сестра, дети бога-покровителя жвачных, ставшие прародителем киргизского племени Бугу с тотемом в виде оленя. Мяндаш-пирре – такой же первопредок олена-человек, но уже в саамской мифологии. Дусэ – человеко-тигр, от которого согласно мифологической традиции берут начало многие роды нанайцев, удэгейцев, маньчжуров. Комсин – человек-медведь, мифический первопредок корейцев. Мифология мордовы также указывает на первопредка медведя-человека. В башкирских мифах как родонаучальник выступает человек-волк: от корней «баш» (главный) и «корт» (волк) происходит этоним «башкорт». Праотец Иаков, благословляя детей своих (Быт.49), не случайно связывает колена Израиля с животными: Иуду – со львом, Дана – со змеёй, Нафтали – с оленем, Иссахара – с ослом и Бениамина – с волком. Речь, вероятно, также идет о культе тотемов-первопредков.

Первопредки постепенно трансформируются в богов первых цивилизаций Евразии. Широко представлены боги-антропозооморфы и в пантеонах древнейших цивилизаций мезоамерики (ацтеков и ольмеков) – человеко-пумы, человеко-ягуары и иные сущности. Переход от зооантропоморфных богов Древнего мира к антропоморфным античным богам Олимпа, окруженным ещё отдельными «гибридными персонажами», предваряет жесткие антропоцентристические представления средневековья и нового времени.

С утверждением на значительных территориях монотеистических религий, антропоморфные животные остались только в сказках, баснях, страшных быличках об оборотнях и чертях (кстати – черт и ангел – чем на зооантропоморфы?), да еще, пожалуй, в геральдике. Зооантропоморфизм – отголосок «языческих» мифологий – всячески выдавливается из изобразительной области, запрещался церковью [16] и объявлялся признаком дьявола. Примечательно, что из домашних животных в качестве воплощений «нечистого» в сформировавшемся уже на почве православной традиции фольклоре часто фигурируют кошка и бык [17] – наиболее распространенные животные «компоненты» богов-зооантропоморфов древнейших пантеонов. Впрочем, и здесь имеются исключения: например, собакоголовый Святой Христофор. Широко известны и зооантропоморфные символы четырех евангелистов. Матфей ассоциируется с ангелом (птицечеловек), Марк – с образом льва, Лука – быка, Иоанн – орла. Эта символика появляется во II в.н.э. и закрепляется в христианском богословии и искусстве в IV в. однако, несмотря на повсеместное распространение, её происхождение и значение до сих пор не получило внятного объяснения. Если, конечно, не принять во внимание тот факт, что набор видов в общем типичный еще со времен искусства палеолита: хищник (лев), бык, птица.

В восточной традиции, где монотеистические учения не убили древних верований, образы антропоморфы безболезненно дожили до наших дней. Так, в тибетском пантеоне имеются сабдаг – локальные божества, в том числе и зооантропоморфного облика (тело человека с головой мыши, крысы, сурка, свиньи, кабана и других животных). Учитывая нынешнюю популяр-

ность астрологии, вспомним и 12 духов Сибиджисин в корейской мифологии – наделенных человеческими телами животных, соответствующих двенадцатеричному циклу летоисчисления.

Образ зоантропомофа столь прочно встроен в подсознание человека, что с ослаблением религиозного влияния на повседневную жизнь в индустриальном обществе он легко возродился и быстро вернулся в нашу жизнь. Триумфальное возвращение «фурри-персонажей» происходит в XX веке в сфере искусства (в первую очередь мультипликация), а затем и в других сферах жизни – например рекламе. Наконец, на рубеже нового тысячелетия, происходит формирование с помощью информационных технологий новой самостоятельной субкультуры (преимущественно сетевой), хорошими темпами набирающей число адептов. Существуя на правах сетевого фольклора, субкультура фурри ярко отображает самые глубинные, древнейшие архетипы подсознания, представляя естественный исход дегуманизации современной культуры. Это своеобразный «уход от цивилизации», уход от реальности, которая становится в последние десятилетия все более непредсказуемой. В постиндустриальном обществе, в основной массе оторванном от аграрного сектора, произошел выплеск в виртуальную реальность сохранившихся на подсознательном уровне архетипов наиболее древнего периода истории – палеолита. Это объясняет не только растущую популярность субкультуры фурри, но и привлекательность рекламных кампаний и кассовость анимационных фильмов с зоантропоморфными персонажами.

Вот так мы начали с анализа популярности образов в современном сетевом сообществе молодежной субкультуры фурри, а закончили одной из древнейших мифологических систем и – не много – ни мало – судьбами человечества. Выходит, не так уж просты и банальны причины, вызывающие к жизни то, что по первости мы готовы высокомерно и наивно считать лишь благоглупыми развлечениями отдельных представителей *Homo sapiens*.

Таблица 1.

## Видовой состав антропоморфных животных в фурри-арте.

Ресурс Группа	Фуррево ополчение		Пушистый мир		FurNation		Sidian		Google		«Furry» «В контакте»	
Хищники	2202	775%	664	884%	2221	888%	1120	778%	1106	777%	4468	778%
Копытные	113	55%	11	11%	22	11%	112	86%	88	66%	220	33%
Экзотические	553	20%	111	115%	226	111%	222	124%	224	117%	1114	119%

Таблица 2.

## Видовой состав антропоморфных хищников в фурри-арте.

Портал	Фуррево ополчение		Пушистый мир		FurNation		Sidian		Google		«Furry» «В контакте»	
Кошачьи	1108	554%	440	662%	997	444%	229	224%	552	449%	265	557%
Псовые	777	338%	222	334%	999	444%	770	558%	440	338%	192	441%
Прочие	116	88%	22	44%	224	112%	221	117%	114	113%	10	22%

Таблица 3.

## Антропозооморфные божества древнеегипетского пантеона

Группа	род	Божества	к-во	Доля
Хищники	Кошачьи	Акер, Апедемак, Бэс, Бэсит, Матит, Махит, Мехит, Мут, Пахт, Сохмет, Тефнут, Шессемтет (лев); Маффет (гепард); Бастет (кошка)	14	333%
	Псовые	Анубис (шакал), Упуат (волк), Сет (собака)	3	77%
	Прочие	Атон, Уто (ихневмон)	2	55%
Копытные		Амон, Херишеф, Меримутеф, Хнум (баран); Бата, Мут, Исида, Хатхор, Сохмет (корова, бык); Сатис (антилопа);	10	224 %

Прочие	Мертисегер (змея), Таурт (гипопотам), Серкет (скорпион), Собек (крокодил), Сет (осел или трубковзуб); Аш, Гор, Монту, Ра, Немти (сокол), Нехбет, Мут (коршун), Тот (ибис)	13	331 %
--------	---	----	-------

Таблица 4.

## **Антропозооморфные божества шумеро-аккадского пантеона.**

Топ-10 богов Месопотамии и Египта по количеству имен				
Группа	род	Божества	к-во	Доля
Хищники	Кошачьи	Энки, Нергал, Мардук, Нингирсу (лев), Ламашту, Иштар (львица)	6	22%
	Псовые	Гула, Нининсина, Нинкаррак, Нинтинугга (собака)	4	11%
Копытные	Анну, Агад, Наннар, Нинагль, Гатундуг (бык, корова), Мамету (коза);			6
Прочие	Ашшур, Ламассу (птица); Кулулу, Оаннес (рыба); Нирах (змея); Ниншубура (свинья)			7

Таблица 5.

## Антропозооморфные изображения в искусстве палеолита Европы

Антропоморфные изображения в искусстве народов Европы			
Группа	Вид	Памятник	Исполнение
Копытные - 9 (18%)	Бизон	Испания, Ла Пасьега	Гравюра на своде
	Бизон	Франция, Габийю	Гравюра на своде
	Бизон	Франция, Габийю	Гравюра на своде
	Бизон	Франция, Труа Фрер	Рисунок
	Бизон	Франция, Труа Фрер	Рисунок
	Бизон	Франция, Ложери	Гравюра по кости
	Бизон	Франция, Шове	Гравюра на своде
	Овцебык	Франция, Комбарелль	Гравюра на своде
	Серна	Франция, Тейжа	Гравюра по кости, 3 фигуры
Хищники - 27 (55%)	Лев	Россия, Авдеево	Костяная «лопаточка»
	Лев	Россия, Авдеево	Костяная «лопаточка» двойное изображение
	Лев	Франция, Мадлен	Гравюра по камню
	Лев	Испания, Пенья-де-Кандамо	Гравюра на своде
	Лев	Испания, Орнос-де-ла-Пенья	Гравюра на своде
	Лев	Испания, Альтамира	Рисунок
	Лев	Франция, Истюриц	Гравюра по камню
	Лев	Франция, Ля Мадлен	Гравюра по камню, двойное изображение
	Лев	Франция, Ля Марш	Гравюра по камню
В категории: Кошачьих - 52%	Лев	Франция, Пеш Мерль	Рисунок
	Лев	Франция, Фонтане	Рисунок
	Лев	Франция, Комбарелль	Гравюра на своде
	Лев	Франция, Рок-о-Сорсье	Гравюра на своде
Псовых - 37%	Лев	Германия, Холленштейн	Скульптура, бивень
	Псовые	Комбарелль, Франция	Гравюра на своде
	Псовые	Россия, Авдеево	Подвеска из бивня
Других - 11%	Псовые	Россия, Авдеево	Подвеска из бивня
	Псовые	Россия, Авдеево	Подвеска из бивня
	Псовые	Россия, Авдеево	Подвеска из бивня
	Псовые	Россия, Авдеево	Подвеска из бивня
	Псовые	Россия, Костенки 1	Подвеска из бивня
	Псовые	Россия, Костенки 1	Подвеска из бивня
	Псовые	Чехия, Пшедмост	Гравюра на бивне
	Псовые	Чехия, Пшедмост	Гравюра на бивне
	Псовые	Чехия, Пшедмост	Гравюра на бивне

	Псовые	Россия, Хотылево 2	Скульптура, бивень
	Медведь	Россия, Авдеево	Булавка
	Медведь	Франция, Мас д'Азиль	Гравюра по камню
Экзотические животные и птицы - 13 (27%)	Мамонт	Комбарель, Франция	Гравюра на своде
	«Мамонт»	Капова пещера, Россия	Рисунок
	Носорог	Быки 1, Россия	Скульптура, бивень
	«Колдун»	Франция, Труа Фрер	Рисунок
	«Колдун»	Франция, Эспелюг	Гравюра по камню
	Птица	Пеш_Мерль, Франция	Гравюра на своде
	Птица	Комбарель, Франция	Гравюра на своде
	Птица	Ляско, Франция	Рисунок
	Птица	Альтамира, Испания	Рисунок
	Птица	Украина, Мезин	Скульптура, бивень
	Птица	Украина, Мезин	Скульптура, бивень
	Птица	Украина, Мезин	Скульптура, бивень

We consider the genesis of art subculture that the basis of subculture lie deep subconscious archetypes of archaic thinking. The upsurge of interest in zooanthropomorphaism - it rolls back to the mythological archetypes and, simultaneously, a stable and carefree childhood in the perception of an adult. This may be a subconscious reaction to the crisis phenomena in ecology, religion, morality, on the growth of alienation of people in post-industrial society. Archetypal thinking in conjunction with the Internet, ensuring the free flow of information gave rise to the furry subculture.

*The key words:* subculture, furry. history, archaic religion, Paleolithic, archeology, primitive art

### Список литературы

1. Ассоциация русскоязычного фурри-искусства (АРФИ). <http://arfi.yiff.ru> (по состоянию на 18.10.2009)
2. Чубур А.А. Отражение первобытной мифологии в искусстве и архитектуре поселения Быки 1 // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиция. – СПб, 2004, С.61-64: Чубур А.А. К вопросу о феномене субкультуры фурри // Folk-art-net: новые горизонты творчества. От традиции к виртуальности. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2007, С.105-116; Чубур А.А. Субкультура фурри: краткая характеристика и корни явления // VIII Конгресс этнографов и антропологов России. Оренбург, 2009. С.277-278.
3. Здесь и далее мифологические персонажи Древнего Мира, Азии и Мезоамерики анализируются преимущественно по: Мицкевич Е.А. Большой энциклопедический словарь (под ред. Е.М. Мелетинского). М., 1998; Ходжаш С.И. Египетская мифология в мелкой пластике // Египетская пластика малых форм. – М., 1985, С.59-102; Мириманов В.Б. Искусство и миф. – М., 1997.
4. Leroi-Gourhan A. Les religions de la préhistoire (Paléoltique) – Paris, 1964.
5. Елинек Я. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. – Прага: «Артия», 1982; Абрамова З.А. Изображение человека в палеолитическом искусстве Евразии. - М.- Л., 1966.
6. Клягин Н.В. Происхождение цивилизации (социально-философский аспект) – М., 1996.
7. Шер Я.А. К истокам индоевропейской мифологии // Человек в пространстве древних культур. – Челябинск-Аркаим, 2003. - С. 20-23.
8. Scelinskij V.E., Sirokov V.N. Hohlenmalerei im Ural. Kapova und Ignatievka. Die altsteinzeitlichen Bilderhöhlen im südlichen Ural. – Thorbecke, 1999.
9. Демещенко С.А. Особенности украшений костенковско-авдеевской культуры // Российская археология, 2006 - № 1, С.5-16.
10. Демещенко С.А. Стилизация образа в мелкой пластике эпохи палеолита // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиция. – СПб, 2004, С.53-55.
11. Борисковский П.И. Палеолит Украины (Материалы и исследования по археологии СССР № 40). М. - Л., 1953.
12. Дольник В.Р. Непослушное дитя биосферы. – СПб., 2003. С.87-89.
13. Куценков П.А. Эволюция первобытного и традиционного искусства (на материале

Евразии и Тропической Африки). Автореф. докт. дис. – М., 2007. С.23.

14.Захарова Л.С. Визуальный код нечистой силы в мифологической прозе Карелии и сопредельных областей // Локальные традиции в народной культуре русского севера (Материалы IV научной конференции «Рябининские чтения»). - Петрозаводск, 2003.

### **Об авторе**

Чубур А.А. — Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского,  
[fennecfox@mail.ru](mailto:fennecfox@mail.ru).

**УДК 947.084.5**

## **НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЧК В 1917 – 1922 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

А.С. Щербаков

Статья посвящена деятельности местных чрезвычайных комиссий. К вопросам, которые затрагивает данная статья, относятся основные тенденции формирования местных органов Всероссийской Чрезвычайной Комиссией по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по должностям, проблемы, которые возникали в процессе их формирования, взаимоотношения местных чрезвычайных комиссий с другими государственными органами, а также, некоторые вопросы, связанные непосредственно с деятельностью местных органов ВЧК.

**Ключевые слова:** ВЧК, чрезвычайные комиссии, саботаж, преступления по должностям, Революционный Трибунал.

Петроградский военно-революционный комитет стал первым временным, чрезвычайным органом, работавшим под руководством ЦК РСДРП(б) и Совета Народных Комиссаров. К многочисленным направлениям деятельности ВРК относились, и создание новых органов власти, и организация снабжения городов и армии продовольствием, и реквизиция у буржуазии товаров, и многое другое. Одной из его важнейших задач была охрана правопорядка и борьба с контрреволюцией. Однако, совершенствование нового государственного аппарата было невозможно осуществить без усложнения его форм. С появлением новых комиссариатов деятельность ВРК постепенно ограничилась борьбой с контрреволюцией и саботажем.

Между тем, политическая обстановка в стране накалялась. 6 декабря СНК рассмотрел вопрос "О возможности забастовки служащих в правительственные учреждениях во всероссийском масштабе". В конце ноября (начале декабря) 1917 г. Ф.Э. Дзержинским на заседании Военно-революционного комитета был поставлен вопрос о создании особого органа по борьбе с контрреволюцией.

В результате, было принято решение создать особую комиссию для выяснения возможности борьбы с такой забастовкой путем самых энергичных революционных мер под председательством Ф.Э. Дзержинского, которому Совнарком к следующему заседанию поручил представить список членов комиссии и разработать меры борьбы с саботажем.

1 декабря 1917 года ВЦИК рассмотрел вопрос о реорганизации Военно-революционного комитета и образовании вместо него отдела по борьбе с контрреволюцией. 5 декабря Военно-революционный комитет объявил о прекращении своего существования и о передаче дел в соответствующие органы государственной власти.

Основная задача комиссии была сформулирована 7 декабря на первом заседании следующим образом: "Пресекать в корне все контрреволюционные и саботажные дела и попытки к ним по всей России, предавать суду революционного трибунала контрреволюционеров и саботажников, выработать меры борьбы с ними и беспощадно проводить их в жизнь. Комиссия должна вести только предварительное следствие" [1].

Тогда же Совет Народных Комиссаров принял постановление о создании ВЧК: «На-

звать комиссию Всероссийской Чрезвычайной Комиссией при Совете Народных Комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем и утвердить ее.» [2]

В первой половине 1918 года происходит процесс формирования местных органов ВЧК. С февраля 1918 года на основании декрета СНК "Социалистическое отечество в опасности" чекисты получили чрезвычайные полномочия и право применять высшую меру без суда и следствия (вплоть до расстрела на месте), которое было подтверждено постановлением СНК от 5 сентября 1918 года "О красном терроре". Уже к середине 1918 года на местах действовало 40 губернских и 365 уездных ЧК, были сформированы органы ЧК в Красной Армии, на транспорте, на государственной границе.

Особенно остро протекает этот процесс в Западных губерниях. Это связано, в первую очередь, с осложнением военной обстановки и переходом германской армии в наступление. Часть западной территории России оказывается под контролем кайзеровской армии. Демаркационная линия проходит по территории западных уездов Орловской, Смоленской и Черниговской губерний. Это осложняет процесс формирования местных ЧК, в связи с чем, часть местных ЧК на некоторое время получает полномочия пограничных ЧК. Так, Суражская уездная ЧК в октябре-ноябре 1918 года получает функции пограничной, однако с февраля-марта 1919 года вновь получает статус уездной чрезвычайной комиссии [3].

Помимо этого, в процессе формирования местных ЧК возникали чисто технические трудности, что, в немалой степени, было вызвано некоторым противодействием со стороны местных исполнительных органов. Дело в том, что часть мест в местных Советах занимали представители левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов и, опасаясь ослабления своего влияния в государственном аппарате, они не приветствовали создание чрезвычайных органов, контролировать которые практически не могли.

Ярким примером может служить Брянская уездная ЧК. Процесс создания комиссии в г. Брянске протекал довольно тяжело. Лишь в сентябре 1918 года, Брянский уездный исполком Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов принял постановление о создании ЧК [4]. При этом не исключено, что этот процесс мог затянуться еще дольше, если бы в августе в Брянск не приехал Игнатий Визнер - один из членов центральной ВЧК, руководитель Уголовного подотдела Отдела по борьбе с преступлениями по должностям [5]. Брянская уездная ЧК была создана 20 августа 1918 года на правах отдела ВЧК. Временное руководство осуществлял представитель центрального аппарата ВЧК И. Визнер.

5 сентября 1918 года Постановлением Брянского уездного Исполнительного комитета была создана местная комиссия. Первым председателем ЧК был назначен комиссар по гражданским делам уисполнкома Александра Медведева. Изначально комиссия была утверждена в составе председателя ЧК А.Н. Медведева, членов – тов. Кулькова и Новикова, а также временно прикомандированного сотрудника тов. Переферзева [6].

Указанная дата (20 августа 1918 года), однако, может подвергаться некоторому сомнению, так как уже в июле 1918 г. на заседаниях Брянского уездного исполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов не раз поднимались вопросы по деятельности ЧК.

В частности, в протоколе № 46 заседания Брянского районного Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов от 22 июля 1918 г. содержатся сведения об обсуждении заявления тов. Морозова об отзывании его из состава Комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией. По данному заявлению было принято положительное решение, и на его место был делегирован т. Ксенофонтов [7].

Также небезынтересен протокол № 54 заседания Брянского районного Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов от 15 августа 1918 г., в котором действия ЧК признаны правильными и отменено Постановление Совета от 13 августа 1918 г. [8] При этом, сам протокол № 53 от 13 августа 1918 г. в архивных фондах отсутствует, что вызывает некоторые вопросы. Какие конкретно действия ЧК и, почему они были негативно оценены на заседания Брянского районного Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов 13 августа 1918 г. неизвестно. К сожалению, сведения об этом заседании в настоящее время еще не рассекречены и в настоящее время не представляется возможным дать исчер-

пывающие ответы на эти вопросы. Тем не менее, данные факты ставят под сомнения дату образования Брянской уездной чрезвычайной комиссии.

По всей видимости ЧК была образована несколько раньше общепринятой даты образования, и комиссия первое время действовала без соответствующего постановления Брянского районного Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов.

Что касается противодействия местных Советов, то такое противодействие имело место, как на этапе формирования местных ЧК, так и в процессе их деятельности. В ходе работы местных комиссий периодически возникали трения по различным вопросам, относительно их деятельности, между ЧК и местными Исполнительными комитетами, и, в общем, можно говорить о своеобразном противоборстве ЧК и Исполкомов. Так как последние осуществляли функции руководства на местах, то они стремились подчинить себе ЧК, которые обладали некоторой свободой.

Большой интерес представляет резолюция, принятая 1-м Съездом Председателей Губсовдепов и Заведующих отделами управления Губисполкомов. В этой резолюции Съезд полагает необходимым включить губернские и уездные ЧК в отделы управления местных Советов на правах подотделов [9].

В г. Брянске, на местном уровне была принята резолюция, в соответствии с которой, Брянской ЧК предписывалось осуществлять вызов сотрудников Советских учреждений для дачи показаний исключительно с ведома заведующих или ответственных членов коллегии [10].

Противоборство органов ВЧК и местных Советов проявлялось не только в организационной плоскости. Были случаи прямых столкновений. Так, согласно телеграмме Иного-родного отдела ВЧК от 19 ноября 1918 г., в г. Почепе членами Исполкома Пухманом и Кругликовым была арестована вся ЧК во главе с председателем. При этом, арест был произведен без соответствующего постановления всего состава Исполкома [11].

Деятельность органов ВЧК в первые месяцы ее создания, вообще вызывала довольно большую волну критики Советского правительства.

Такое негативное отношение к ЧК, сложившееся не только у противников Советской власти, но и в среде красноармейцев послужило, в частности, одной из причин реорганизации ВЧК [12]. 20 января 1919 г. Президиум ВЦИК принял постановление об упразднении уездных ЧК, которым определялись порядок и сроки передачи дел в губернские ЧК.

Однако говорить о том, что это послужило главной причиной реорганизации ЧК нельзя. Реформирование органов ВЧК помогло улучшить кадровый состав ЧК, избежать «чрезвычайности» и своеевластия сотрудников местных ЧК, которые не всегда понимали роль и место аппарата ЧК в системе государственного управления, считая свое положение и работу «особыми».

При этом важно помнить о том, что далеко не все местные ЧК были ликвидированы в процессе реорганизации ВЧК. Продолжала свою деятельность Трубчевская УЧК, Суражская ЧК, действовавшая на правах пограничной.

Неоднократно возникал вопрос о ликвидации Брянской ЧК. Согласно протокола № 100 от 27.01.1919 г. заседания Брянского районного Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов содержит резолюцию о ликвидации Брянской ЧК на основании декрета центра [13]. Речь видимо идет о постановлении Президиума ВЦИК от 20 января 1919 г. «Об упразднении уездных ЧК». Весьма интересна телеграмма от 3 февраля 1919 г. Особой Инспекции Южного фронта во исполнение Циркуляра ВЧК № 132. В данном документе предписывается создать ликидационную комиссию для проведения ликвидации Брянской уездной ЧК [14].

Однако процесс ликвидации Брянской УЧК видимо затянулся, так как 17 февраля 1919 г. на заседании Брянского районного Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов рассматривался вопрос о довольстве сотрудников ЧК [15].

17 марта 1919 г. в Брянский районный Совет Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов поступило заявление члена Уисполнкома т. Самсонова о сложении с него обязанности заведующего отделом здравоохранения ввиду производства у него на квартире обысков сотрудниками ЧК [16]. Обыски проводились не только у т. Самсонова, но и у других сотрудников Уисполнкома – членов Брянской организации СДРП (меньшевиков). Эти обыски, которые проводились все той же Брянской ЧК, были вызваны восстанием в частях местного гарнизона. Как следует из информационного доклада представленного на заседании

Брянского районного Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов от 15 марта 1919 г. «...имело место контрреволюционное движение, созревшее на почве далеко не удовлетворительного материального положения, а так же отсутствия спаянности между командным составом и красноармейскими комиссарами...» В результате этого восстания был убит только один человек – комиссар 3-й Бригады т. Жилин, который накануне, 10 марта 1919 г. отправился в гарнизон со сводной бригадой для постановки пьес и чтения лекций. Однако ситуация была видимо настолько острой, что подобная инициатива лишь усугубила кризис, который и вылился в восстание.

Примерно в это же время, 10 марта 1919 г. ВЧК проводила полную проверку деятельности Брянской уездной ЧК. Для этого в г. Брянск были направлены инструкторы ВЧК тов. Верзе(м)нек и Зинде.

В акте обследования по результатам проверки деятельности Брянской уездной ЧК также указывается, что комиссия была организована 20 августа 1918 г. И.А. Визнером.

На момент проведения проверки, комиссия состояла из секретно-оперативного, комендантского отделов, коллегии следователей и общей канцелярии. В составе ЧК работало тридцать сотрудников [17].

Важным моментом, отмеченным в отчете, является вопрос о ликвидации ЧК. В протоколе № 20 заседания коллегии Брянской уездной ЧК совместно с представителями ВЧК от 11.03.1919 г. отмечено, что «особой нужды в существовании ЧК не чувствуется, но чувствуется острые необходимости иметь здесь сильную агентурную сеть до выяснения вопроса о Брянской губернии...» [18]

В самом акте обследования деятельности указано, что Брянская уездная ЧК не может быть ликвидирована, во-первых, до согласования этого с ВЧК, а, во-вторых, до выяснения вопроса о создании Брянской губернии [19].

При изучении данного документа напрашивается вывод о том, что основным направлением деятельности комиссии может быть признана борьба с меньшевистскими и эсеровскими агитаторами [20]. Это подтверждается и тем, что при ликвидации местных ЧК агентурный аппарат сохранялся. Часть сотрудников переводили в губернские органы, а часть продолжала негласную работу [21]. Однако нельзя признать, что политическая борьба была основной задачей местных органов ВЧК. Дело в том, что помимо борьбы с меньшевистскими и эсеровскими агитаторами комиссии на местах часто занимались типично уголовными преступлениями, фактически дублируя работу органов охраны правопорядка.

Анализ архивных материалов позволяет сделать вывод, что большой процент, рассматриваемых ЧК дел – общеуголовные преступления. Особенно отчетливо это проявилось в работе местных Чрезвычайных комиссий, которые занимались как оперативной, так и следственной работой.

После подавления явлений саботажа, с августа 1918 года ВЧК именуется Всероссийской чрезвычайной комиссией при СНК по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должностям. Появилась острые необходимости пресечений не только контрреволюционных выступлений, но и контроля за деятельностью нового, только что созданного бюрократического аппарата. Участились случаи злоупотреблений среди чиновников различных уровней. Более того, злоупотребления выявлялись и в работе самой ВЧК.

В соответствии с Положением о Чрезвычайных комиссиях на местах принятым на Всероссийской Конференции Чрезвычайных Комиссий 11 июня 1918 года чрезвычайные комиссии работают в тесном контакте со всеми губернскими советскими учреждениями и оказывает им всяческое содействие "Если где в советских органах замечено будет злоупотребление и упущение, то Комиссия немедленно принимает соответствующие меры. Если будут обнаружены злоупотребления и непорядки в самой Комиссии, то губернский Совет или Исполнительный Комитет принимает меры против этого, вплоть до ареста и предания суду членов Комиссии [22]."

Исследуя архивные данные о работе Брянской уездной ЧК, Суражской уездной ЧК и Трубчевской уездной ЧК, можно сделать вывод, что существенная доля всех рассматриваемых ЧК дел приходилась, в том числе, и на преступления по должностям, и соответственно

борьба с коррупцией являлась одним из главных направлений работы ЧК. Так, на общеуголовные преступления и преступления по должности приходится около трети всех дел, рассмотренных Суражской уездной ЧК. Такая же ситуация по Трубчевской и Брянской ЧК.

Особое внимание в деятельности местных органов ВЧК уделялось контролю за соблюдением законности ее сотрудниками. Такой контроль обеспечивался несколькими способами.

Во-первых, в местных ЧК очень часто осуществлялась ротация кадров и, в первую очередь, руководителей местных комиссий.

Во-вторых, по каждому из фактов нарушений проводилась тщательная проверка, вплоть до расследования в Ревтрибунале. Следует отметить, что Брянским Ревтрибуналом рассматривалось довольно много дел, как о незаконных действиях Брянской ЧК, так и о нарушениях отдельных ее сотрудников [23]. В частности, в отношении первого председателя ЧК А.Н. Медведева Брянским Революционным Трибуналом рассматривалось несколько уголовных дел о превышении полномочий [24].

Подводя итог вышеизложенному, можно отметить несколько важных моментов, характеризующих особенности организации и деятельности местных ЧК.

Местные комиссии нередко сталкивались с противодействием со стороны местных исполнительных органов, в том числе и в процессе формирования «чрезвычаек» на местах.

Одной из особенностей деятельности местных органов ВЧК являлось то, что данные органы были не только инструментом политической борьбы большевиков, но и осуществляли строго практические функции по борьбе с преступностью во всех ее проявлениях.

Что касается «чрезвычайности» методов работы комиссий, то жесткость этих методов несколько преувеличена. В пользу этого говорит тот факт, что за период с марта по ноябрь 1919 года Суражской УЧК было расстреляно только 13 человек, большинство из которых убито при попытке бегства [25].

This article is settled out of the problems of The Local Extraordinary Commissions. To the questions which this article is settled out, we can refer the main tendencies of The All Russian Local Extraordinary Commissions's organization in the struggle with the counterrevolution, sabotage and the official offences, and the problems which were raised in the process of their formulating between The Local Extraordinary Commissions and the other state institutions, and also, some questions, which the activity of The Local Extraordinary Commissions.

**The key words:** All Russian Local Extraordinary Commissions, Local Extraordinary Commissions, sabotage, official offences, revolutionary tribunal.

### Список литературы

1. Мазохин О.Б. Образование, развитие сил и средств экономических подразделений ВЧК-ОГПУ /О.Б. Мазохин. М.: 2005.
2. «Правда», 1927 г., № 290.
3. Государственный архив Брянской области. Ф. 1781. Оп. 1. Д. 18. Л. 45.
4. Государственный архив Брянской области. Ф. 1616. Оп. 1. Д. 75. Л. 59.
5. Капчинский О.И. ВЧК: организационная структура и кадровый состав. 1917-1922 гг. О.И. Капчинский // Дис. канд. ист. наук. М.: 2005. С. 43.
6. Государственный архив Брянской области. Ф. 1616. Оп. 1. Д. 75. Л. 69.
7. Государственный архив Брянской области. Ф. 1616. Оп. 1. Д. 75. Л. 40.
8. Государственный архив Брянской области. Ф. 1616. Оп. 1. Д. 75. Л. 46.
9. Государственный архив Брянской области. Ф. 1616. Оп. 1. Д. 123. Л. 174.
10. Государственный архив Брянской области. Ф. 1616. Оп. 1. Д. 134. Л. 45.
11. Государственный архив Брянской области. Ф. 1781. Оп. 1. Д. 3. Л. 68.
12. Государственный архив РФ. Ф. 130. Оп.3. Д. 170. Л. 45-48.
13. Государственный архив Брянской области. Ф. 1616. Оп. 1. Д. 134. Л. 13.
14. Государственный архив Брянской области. Ф. 1616. Оп. 1. Д. 122. Ч. 2. Л. 255.
15. Государственный архив Брянской области. Ф. 1616. Оп. 1. Д. 134. Л. 21.
16. Государственный архив Брянской области. Ф. 1616. Оп. 1. Д. 134. Л. 30.
17. Государственный архив Брянской области. Ф. 1616. Оп. 1. Д. 122. Ч. 2. Л. 422.
18. Государственный архив Брянской области. Ф. 1616. Оп. 1. Д. 122. Ч. 2. Л. 423.

19. *Государственный архив Брянской области.* Ф. 1616. Оп. 1. Д. 122. Ч. 2. Л. 422.
20. *Государственный архив Брянской области.* Ф. 1616. Оп. 1. Д. 122. Ч. 2. Л. 422.
21. *Петров М.Н. Формирование и деятельность органов ВЧК – ОГПУ. 1917 – сер. 1920 гг. (на материале Северо-Запада) / М.Н. Петров.* // Дис. д-ра ист. Наук. СПб.: 1995. С. 49.
22. *Государственный архив Брянской области.* Ф. 1781. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
23. *Государственный архив Брянской области.* Ф. 594. Оп. 1. Д. 1506. Л. 8.
24. *Государственный архив Брянской области.* Ф. 594. Оп. 1. Д. 1492. Л. 7.
25. *Государственный архив Брянской области.* Ф. 1781. Оп. 1. Д. 25. Л. 7-34.

**Об авторе**

Щербаков А.С. – аспир. Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, bryanskgu@mail.ru.

## ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

**УДК 8А/Я 1.09**

### ПРИРОДНОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ «НЕРЕАЛЬНО-РЕАЛЬНОЙ» ЖЕНЩИНЫ В РАССКАЗЕ А.А. КИМА «ШАМАХАНСКАЯ ЦАРИЦА»

Е.Н. Бондаренко

Статья посвящена рассмотрению образа «нереально-реальной» женщины в рассказе А.А. Кима «Шамаханская царица». Этот литературный тип отмечает женское начало в натурфилософской прозе второй половины XX века чертами загадочности, таинственности, беспредельности. В статье отмечается его связь с образом шамаханской царицы из «Сказки о золотом петушке» А.С. Пушкина. Доминантным содержанием образа в произведениях становится власть красоты. А.А. Ким усматривает её природное предназначение в воодушевлении на созидание и /или созерцание бытия всего существующего. Так, в произведении автора-натурфилософа появляется идея Ф.М. Достоевского о духовной красоте, которая спасёт мир.

**Ключевые слова:** женщина, красота, природа, «нереально-реальная», власть, воодушевление.

Натурфилософская проза второй половины XX века создаёт образ женщины, в котором воплощено преклонение перед загадкой природы. Внешнее совершенство героини сочетается с бесконечностью и непостижимостью внутреннего бытия. Такая влекущая и сакральная неосязаемость граней личности женщины «ширится, как туман, захватывает собою *неопределённо далёкое*» [7, с.206]. В её чертах угадывается «красота природы <...> отблеск Вечности» [5, с.308], что исключает возможность обыденного обладания героиней. Её природное предназначение видится в идее вдохновения мужчины на совершенствование и/или спасение мира, обретение им итога развития своей личности – состояния Сфайроса. Поэтому образ героини отличается неземной и, в тоже время, органической природой. Она, по определению полковника Махова – персонаж из романа С.П. Залыгина «После бури», «нереально-реальная» [6, с.72].

Такой изображает женщину А.А. Ким в рассказе «Шамаханская царица». На первый взгляд, героиня произведения обычна, лишённая черт индивидуальности особа. Это даже позволяет автору представить её как «законно разведённую жену товарища Максимова, сохранившую его фамилию» [1, с.192].

Однако у Елены Семёновны всё же есть одно своеобразное внешнее качество: «Была она не просто привлекательной женщиной, украшавшей отдел, – была <...> Максимова красавицей редкостной и <...> могла быть отправлена на какую-нибудь иную планету как посланница, представляющая род человеческий – к вящей славе его и гордости» [1, с.194]. Окружающие уже «привыкли к долгому торжеству её красоты» и относились к ней без «скрытого волнения» [1, с.193], видя за телесной оболочкой внутреннюю ограниченность и пустоту. Грубо относится к Елене Семёновне начальник Грибодуб, «подъезжая <...> с откровенными предложениями <...> прямолинейно и недвусмысленно» [1, с.196]. Для него красота героини – материальная ценность, обеспечивающая бытовой комфорт. Улавливая плотскую сторону привлекательности Елены Семёновны, Грибодуб даже называет её «бабой» [1, с.193], и в этом обращении сквозит фамильярное и непристойное отношение к женщине.

Довольно часто героиня замечает, что её красота утратила ту власть над людьми, которой «она обладала всю жизнь»: Максимова могла «повелевать одним лишь взглядом или движением бровей, взмахом ресниц» [1, с.198]. Следовательно, её внешняя привлекательность – сила, воодушевляющая человека на эстетическое совершенствование.

Утрата подобного качества связывается автором произведения с той жизненной ролью, которую выбрала для себя героиня. Для того, чтобы понять истинный смысл телесной красоты Елены Семёновны, необходимо сравнить её образ с качествами внешней привлекательности шамаханской царицы, нарисованной влюблённым в Максимову художником. Героиня «Сказки о золотом петушке» А.С. Пушкина становится неким злым гением для прель-

стившихся её миловидностью людей: из-за неё гибнут сыновья Дадона, мудрец и, наконец, сам царь. То же в некоторой степени можно сказать и о Елене Семёновне: муж «всю совместную девятилетнюю жизнь с нею только мучился и мучил её ревностью» [1, с.195], из-за неразделённой любви «стрелялся» Юра Трофеев [1, с.200]. Героинь объединяет эта роковая власть над людьми, заключенная в их красоте.

Внешняя привлекательность образа двух «шамаханских цариц» несёт одну и ту же содержательную доминанту. Телесная красота личности обладает негласной властью, раскрыть загадку которой невозможно. Даже портрет героинь имеет «элементы недосказанности, таинственности» [4, с.123]. Авторы лишь указывают их цвет волос: «чудесные <...> кудри, чёрные, с красным отливом» [1, с.194] у Елены Семёновны и естественный природный оттенок, который можно предположить у девицы с «востока» [2, с.13]. Исключается и бытовая сущность образа: героиня А.А. Кима не принадлежит никому и живёт одновременно в нескольких пространствах (мир органики – «холмы и поля» [1, с.192] – и «большая комната солидного учреждения» [1, с.192] – социум), нереальное происхождение шамаханской царицы подчёркивается А.С. Пушкиным в финале произведения («А царица вдруг пропала, // Будто вовсе не бывало» [2, с.31]).

Несмотря на наличие многих точек соприкосновения между двумя образами есть в них кардинальное отличие. Героиня А.С. Пушкина легкомысленна и «не боится <...> греха» [2, 28], что выдаёт в ней отсутствие стыдливости. Елена Семёновна, напротив, отличается такой скромностью, которую «трудно <...> предполагать <...> в человеке, столь выделенном природой среди прочих смертных» [1, с.195]. «Для Пушкина суть образа Шамаханской царицы – в её красоте, лишённой черт милосердия, гуманизма, а потому и несущей в мир гибель. Он отмечает только результаты мгновенного воздействия красоты, силу колдовского очарования <...>» [4, с. 124]. А.А. Ким в описании Елены Семёновны наследует от образа Пушкина лишь его внешнюю привлекательность как возможность влияния, обладания властью. Это красота, которую уже Ф.М. Достоевский определил как «высший синтез жизни» [3, с. 251]. Воодушевляя человека на совершенствование, она дарует ему «неслыханное и негаданное дотоле чувство полноты» [3, с.251]. Осознание целесообразности и предельной реализации смысла своего бытия героя Ф.М. Достоевского перетекает у А.А. Кима в натурфилософское понимание предназначения личности. Внешняя привлекательность в слиянии с этическим идеалом духовного развития может «спасти мир» [3, С.407].

Красота героини рассказа автора-натурфилософа несёт в себе такое внутреннее содержание, которое направляет на созерцание и созидание многомерную личность. В душе художника Елена Семёновна рождает благородное чувство, где влюблённый может лишь преклоняться перед совершенством природы, вдохновляющим на акт творчества или творческого видения. Недаром Юра Трофеев, помимо этюдов, начинает писать стихи, а затем выражает своё чувство в иллюстрациях к детской сказке. Более того, именно эти «рисунки» [1, с.201] открывают Елене Семёновне её «нереально-реальную» суть. Путь такой женщины пролегает не к «тихой семейной жизни, скромному счастью», а к «сказкам»: «Они томили душу, от них в мире и рождалось всё беспокойство» [1, с.201].

Повествовательное произведение, заключающее в себе элементы чуда и назидательности, помогает Елене Семёновне отыскать ключ к своему несчастью. Уход от природного предначертания делает героиню одинокой. Её внешнее совершенство направлено было не на воодушевление, к которому готовило Максимову бытие всего существующего, а на растрачивание своих неземных чар. Именно поэтому Елена Семёновна произносит: «Простите меня, поля и холмы...» [1, с.201]. Окончательная утрата подобной власти воодушевления лишает героиню той «зачарованности» [1, с.192], с помощью которой «нереально-реальная» женщина обретает ореол неприкосновенности. В финале произведения Елена Семёновна ещё глубже осознаёт своё природное предназначение и невозможность «прожить свою жизнь» без него [1, с.201]. Так, в ней заново воссоединяются черты нереального и земного мира.

В рассказе «Шамаханская царица» А.А. Ким создаёт образ женщины – совершенства природы. Её красота наполняется внутренним содержание, заключающимся в нравственной власти над умами человечества. Автор утверждает мысль о том, что внешняя привлекатель-

ность не может быть мерилом материальных ценностей и провокаций к конформному поведению. Природное предназначение «нереально-реальной» женщины Елены Семёновны заключается в способности воодушевлять и вдохновлять на совершенствование мира.

Article deals with the “unreal-real” image of woman in the story of A.A. Kim “Shamahan Queen”. Such a literary type distinguishes the feminine principle in naturphilosophical prose from the second half of the twentieth century features mystique, mystery, infinity. Article notes the relationship of the literary type with a way Shamahan Queen of “Tales of the Golden Cockerel” by A.S. Pushkin. The power of beauty is the main content both works. A.A. Kim sees natural the purpose of beauty in the excitement. It is directed to the contemplation and creation being of all existence. Dostoevsky’s idea of spiritual beauty, which will save the world, appears in the work of author-naturphilosopher.

**The key words:** woman, beauty, nature, “unreal-real”, power, inspiration.

### Список литературы

1. Ким А.А. Шамаханская царица // Ким А.А. Невеста моря: Рассказы. Роман. М.: Издательство «Известия», 1987. с. 192. 201
2. Пушкин А.С. Сказка о золотом петушке. – М.: Издательство «Детская литература», 1973. 32с.
3. Достоевский Ф.М. Идиот: Роман. М.: Издательство «Правда», 1981. 640с.
4. Белкин Д.И. К истолкованию образа Шамаханской царицы // Временник Пушкинской комиссии. 1976/ АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. Л.: Издательство «Наука», 1979. с. 120 – 124
5. Брюсов В.Я. Владимир Соловьёв. Смысл его поэзии // Поэзия серебряного века. В 2 т. Т.1. М.: Издательство «Дрофа», 2006. с. 308 – 311
6. Залыгин С.П. После бури: Роман. – М.: Издательство «Современник», 1986. 703с.
7. Розанов В.В. Люди лунного света (Метафизика христианства) // Розанов В.В. Уединённое: Сборник. М.: Издательство «Эксмо», 2006. с. 181 – 386

### Об авторе

Бондаренко Е.Н. – аспир. Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского, e-mail: [naturphilosophy@yandex.ru](mailto:naturphilosophy@yandex.ru)

УДК 8Р1

## ХРОНОТОПИЧЕСКИЙ ФАКТОР КАК ОСНОВА ТИПОЛОГИЗАЦИИ ОБРАЗОВ ПРИЖИВАЛЬЩИКОВ

О.В. Вороничева

Проблема изображения приживальщика впервые была поставлена журнале «Русская литература» более трех десятилетий назад (1972. № 1. С. 125–133), однако впоследствии она редко привлекала внимание ученых и не стала предметом комплексного изучения. Между тем многообразие типов нахлебников диктует необходимость их изучения и систематизации. В данной статье типологизация образов приживальщиков проводится на основе выявленных закономерностей изображения этого литературного типа. В качестве основного критерия классификации хронотопов нахлебников используется их пространственный компонент (степень зависимости от того дома), поскольку он составляет ключевое различие, предопределившее все остальные расхождения в моделировании пространственно-временных моделей этих персонажей.

**Ключевые слова:** приживальщик, шут, дворянская усадьба, хронотоп, комизм, трагизм, карнавализация пространства.

Образ приживальщика довольно часто привлекал внимание писателей как непременный атрибут российской действительности и занимал устойчивое положение в русской литературе XIX столетия. О широком распространении этого социального типа свидетельствуют исторические документы, хроники, воспоминания. Один из исследователей «текста дворян-

ской усадьбы» В.Г. Щукин, обозначая круг дневных занятий и забот обитателей поместья, зафиксировал следующие особенности их быта: за утренним чаем и за обедом «сходились все домашние (в том числе приживальщики, которых жило в усадьбе немало)» [1, с. 106]. Эта особенность русского усадебного быта нашла отражение в художественной литературе. Даже не отличавшаяся добротой героиня повести И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» Глафира Петровна по заведенному порядку вещей давала приют обездоленным и беспомощным существам до тех пор, пока, вернувшись в Россию «англоманом» и «патриотом», Иван Петрович Лаврецкий, не предпринял «коренные преобразования»: «иностранные вина изгнали водки и наливки», «приживальщики и тунеядцы подверглись немедленному изгнанию; в числе их пострадали две старушки, одна – слепая, другая – разбитая параличом, да еще дряхлый майор очаковских времен» [2; т. 2, с. 161].

Несмотря на частое присутствие в «кадре», нахлебники в большинстве случаев выводились в качестве периферийных или фоновых персонажей и занимали незначительное место в хронотопах произведений. Например, две-три бессловесные старушки-приживалки в «Селе Степанчикове» настолько незаметны и не влияют на ход действия, что даже точно не определено их количество. Наиболее полное художественное исследование психологии приживальщика находим в пьесе И.С. Тургенева «Нахлебник» и повести Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели», в которых он выступает в качестве главного персонажа.

Проблема изображения приживальщика впервые была поставлена журнале «Русская литература» более трех десятилетий назад [3, с. 125–133]. Однако впоследствии она редко привлекала внимание ученых и не стала предметом комплексного изучения. Между тем многообразие типов нахлебников диктует необходимость их систематизации. В этом отношении достаточно значимой представляется дефиниция понятия *приживальщик*, данная в лингвистических словарях. Устаревшее (прямое) его значение предполагает обязательное пребывание в чужом топосе: «Бедный человек, живущий из милости в богатом доме» [4, с. 591]. Второе, более широкое (переносное), его толкование, данное с пометой *разг. неодобр.*, сохраняя смысловую доминанту – человек, живущий за счет другого, других, – закрепляет пространственную независимость субъекта: живущий *где-нибудь* за счет других.

Учитывая общепринятое лексическое толкование понятия *приживальщик* и исходя из анализа выявленных закономерностей изображения этого литературного типа, считаем целесообразным принять в качестве основного критерия типологии хронотопов нахлебников пространственный компонент – степень зависимости от топоса чужого дома, поскольку он составляет ключевое различие, предопределившее все остальные расхождения в моделировании пространственно-временных моделей этих персонажей. Мы выделяем две основные группы приживальщиков русской литературы: 1) бедный человек, проживающий «на хлебах» в чужом топосе и максимально интегрированный в систему его пространственно-временных координат; 2) бедный человек, живущий за счет других, но сохраняющий при этом собственные хронотипические (прежде всего пространственные) характеристики.

Тип пространственно зависимых нахлебников мы условно называем *классическим*. К нему относятся Кузовкин («Нахлебник»), Пандалевский («Рудин»), Сувенир («Степной король Лир»), Опискин, Перепелицына («Село Степанчиково»), С.П. Верховенский («Бесы») и т. п. Их отличает «полнейшая неспособность ни к какому делу» [5; т. 3, с. 309], отсутствие «определенных обязанностей» [6, с. 549], готовность выполнять функции шутов (Кузовкин, Опискин), тайных осведомителей, домашних шпионов (Перепелицына, Пандалевский, Сувенир), оказывать мелкие услуги хозяину, играть роль его свиты, как Карпачов («Нахлебник») или приживалки из «Былого и дум», которые вместе с княгиней *кой-как* устроили «судьбу одной дальней родственницы без состояния, отдав ее замуж за какого-то подьячего» [7; т. 5, с. 48]. Классический приживальщик – образ, еще более печальный, нежели бедный чиновник – наиболее распространенный герой повестей о *маленьком человеке*, поскольку у него часто нет даже собственного угла, который чиновнику обеспечивался небольшим, но стабильным заработком. Нахлебники терпят постоянные унижения и попреки от своих хозяев, как, например, Вера Михайловна, «которая из милости жила в головлевской усадьбе у брата Владимира Михайлыча и которая умерла “от

умеренности”, потому что Арина Петровна корила ее каждым куском, съедаемым за обедом, и каждым поленом дров, употребляемых для отопления ее комнаты» [8; т. 6, с. 30].

Типичность героя «Нахлебника» передается через пространственно-временной ряд: он занимает положение на периферии топоса основного действия; имеет собственный угол, который не принадлежит ему юридически, замкнут в обстоятельствах места и времени, пассивен по отношению к миру, ориентирован на настоящее, имеет предельно ограниченную сферу пространственных перемещений. Однако стереотипные представления о приживальщиках нарушаются выведением его за рамки бытового хронотопа, которое достигается через структурирование художественного времени (усиление субъективного пласта, наложение временных планов, широкое введение воспоминаний, синтезирующих биографическое и субъективное время) и художественного пространства (указание на открытость персонажа природному топосу и актуализация в finale образа дороги), выявление диссонанса между статичностью пространственной координаты (жизнь на хлебах в чужом доме) и подвижностью временной (обращение к памяти и причастность к абсолютным ценностям).

В полной мере обнаруживает весь спектр качеств самого среднего российского нахлебника и максимально полно выражает его философию, психологию, интеллектуальные и моральные запросы Фома Фомич Опискин: он свободен от «исторически сложившегося быта» и ниспровергают «один за другим все авторитеты» [9; с. 84], беспринципен, лишен корней и имеет весьма размытые понятия о чести, совести и достоинстве, ритмически неуравновешен, замкнут в горизонтальной плоскости, локализован во времени и пространстве, ориентирован на настоящее, связан с домашним (в противовес природному) топосом, невосприимчив к открытости Вселенной и т. п. При конструировании его хронотопа в качестве основного используется прием контраста, прежде всего несоответствие между исключительным внешним положением персонажа, символизирующим безграничность власти и особую роль в топосе основного действия (право на управление временем, место в центре сценического топоса, качественные и количественные характеристики личного пространства), и типичной психологией нахлебника и иждивенца. Диссонанс присутствует в сочетании временных пластов, ритмических планов, пространственных и вещных образов, точек зрения, реально-бытового и сакрального планов, высокой динамики пространства и статичности внутренних характеристик.

Сатирическая направленность образа Опискина достигается благодаря следующим особенностям реализации категорий художественного пространства и художественного времени: использование символики чисел, приема ретроспекции и протоспекции, смены временной позиции; приданию дискретности биографическому времени; изображение претензий на управление временем и пространством; сочетание элементов сакрализации и карнавализации личного топоса; акцентирование черт персонажа, указывающих на его типологическую связь с шутами и юродивыми; актуализация вещных образов, характеризующих его на уровне быта; детализация как средство углубления внутренней противоречивости частей художественного пространства; усиление связи персонажа с событийным временем; помещение его хронотопа в авторскую систему пространственно-временных координат; сочетание биографического и исторического времени; пересечение бытового и бытийного планов, последовательное обнаружение противоречий между реальным и его перцептуальным хронотопами (игра на непосредственном сочетании реального хода времени (его хронометрированности), объективного характера эпического времени, с одной стороны, и его субъективным восприятием приживальщиком – с другой).

Составляя контрастную пару русской литературы, образы Кузовкина и Опискина демонстрируют различные подходы к решению проблемы бедного человека в русской литературе середины XIX в. При сходном интеллектуальном развитии и материальном положении персонажей, при общих моментах в начальном этапе биографий (оба начинали с шутовства), тургеневский тип – фигура глубоко страдающая (нелепые ситуации, в которые он попадает, не вызывают смех у читателя); персонаж Достоевского – один из немногих его сатирических образов. Выявлению общей направленности личности героев Тургенева и Достоевского способствует анализ динамики их отношений со временем и пространством, свидетельствующей о перемещениях в разных плоскостях – вертикальной и горизонтальной. Они имеют разнонаправленные векторы

движения: Кузовкин – вверх через приобщение к вечному времени и природному топосу, Опискин – вниз по семи каменным ступенькам. Движение последнего совершается с максимальной скоростью, символизирует крайнюю степень нравственного падения и отмечает момент истины и торжества справедливости: карнавальный шут предстает в своем традиционном виде.

В «Нахлебнике» показан временной промежуток, равный человеческой жизни, чтобы проследить путь формирования сознания «униженного и оскорбленного». В «Селе Степанчикове» изображён обратный процесс: триумфальное шествие бедного человека, получившего права и власть. Образом Опискина писатель полемизирует с идеями *натуральной школы* и с *теорией среды*: время и среда, похоже воздействуя на разные типы людей, по-разному шлифует их характеры, создавая деспотичных опискиных, безответных кузовкиных, преуспевающих пандалевских, безликих существ, выведенных в образах без имени и слов. Он строит конфликт на несовершенстве человеческой природы, не снимает ответственности с личности и не переносит ее на социальные отношения. Изменение пространственно-временной доминанты в сценах повести, сходных по содержанию с соответствующими сценами пьесы (смещение позиций персонажей в топосе основного действия, ослабление связи приживальщика с субъективным пластом художественного времени и т. п.), служит последовательным утверждением мысли о том, что «низкая душа, выйдя из-под гнета, сама гнетет» [10, т. 2, с. 146].

После Кузовкина Тургенев больше не возвращался к исследованию психологии приживальщика; более того, все его последующие нахлебники изображены в резко сатирических тонах, как, например «всеми презираемый», «мизерный» человек Сувенир («Степной король Лир») или Пандалевский («Рудин»). Достоевский более последователен в изображении этого литературного феномена. Фому Фомича можно считать первым опытом осмыслиения образа С.Т. Верховенского. Они являются представителями одного поколения, имеют ярко выраженную индивидуальность, склонны к преувеличению своих заслуг, претендуют на роль духовного наставника, гордятся своей принадлежностью к литературе и науке, питают пристрастие к театральной позе, жесту и лексике, тайно читают Поля де Кока и оставляют неразрезанными страницы выписываемых для них толстых журналов. Однако в отличие от своего предшественника Степан Трофимович наделен способностью к рефлексии и не боится признать очевидный факт: «я открыл ужасную для меня... новость: *je suis un простой приживальщик et rien de plus!*» [10, т. 8, с. 26].

Опискин и Верховенский относятся к «свообразному социальному-психологическому типу», сформированному разночинским слоем. Само происхождение героев указывает на их исключительность – для них более уместно состоять на службе (чтецами, секретарями, писцами и т. п.), чем находиться на иждивении. Впрочем, оба они с этого и начинали: один поступил в качестве чтеца, другой – учителя, но, вкусив радости обеспеченного и беззаботного существования, не пожелали оставить обжитой топос, когда в них отпала необходимость, в отличие, например, от героя повести А.И. Герцена «Кто виноват?» швейцарского учителя, тайно и мучительно покинувшего своего повзрослевшего ученика – В. Бельтова.

Второму типу нахлебников соответствуют колоритные образы А.Н. Островского (в первую очередь Оброшенов из пьесы «Шутники»), Шерамур ( очерк «Шерамур» Н.С. Лескова), Антон Иванович (роман «Обыкновенная история» И.А. Гончарова). Наиболее полным его воплощением является Черт из «Братьев Карамазовых». Мы называем их приживальщиками *свободного* типа, поскольку они имеют собственное жилье, отличаются большей мобильностью во внедомашнем топосе (связаны не с одним покровителем и не с одним домом) и, как следствие, большей вариативностью в переживании временных модусов, в частности в осознании ближайшего будущего. Находясь в услужении у своего благодетеля, они иногда ведут дела, требующие определенных умений и навыков (например Оброшенов). Как и классические приживальщики, они занимают далеко не почетное место в жилом топосе, свидетельствующее о заметном пренебрежении к ним хозяев, не обременены собственным имуществом и хозяйством, лишены стремления к пространственному самоопределению и обретению дома в его традиционном культурологическом значении. Принадлежность к ним определяется не только судьбой и необходимостью, но и жизненной философией и характером.

Едкая ирония в адрес «одной богомольной старушки, скитавшейся из дома в дом по

бедности и не работавшей по *благородству*», слышна в повести А.И. Герцена «Записки одного молодого человека» [7; т. 1, с. 68]. Тип нахлебника из «благородных» нашел воплощение и развитие в образе Федора Павловича Карамазова: свой путь он начал «почти что ни с чем, помещик он был самый маленький, бегал обедать по чужим столам, норовил в приживальщики, а между тем в момент кончины его у него оказалось до ста тысяч рублей чистыми деньгами» [10; т. 11, с. 7]. Еще более непрятателен Степан Головлев, который в Москве, по словам его крепостного, «около своих мужиков прикармливаются. У кого пообедают, у кого на табак гривенничек выпросят» [8; т. 6, с. 19]. К слову сказать, литература дает примеры и других бедных дворян, таких как владелец клочка земли Савелий из повести Писемского или промотавшийся отставной поручик Мизинчиков, месяц живший «на хлебах» Ростанева. Они не утратили чувства ответственности за собственную судьбу, стремления к финансовой самостоятельности и пространственно-временной независимости.

Интересен образ Антона Ивановича из «Обыкновенной истории» И.А. Гончарова – российской модификации типа «вечного жида», существовавшего «всегда и всюду, с самых древнейших времен» [11; т. 1, с. 16]. Он везде необходим и везде бесполезен. Акцентируется внимание на пространственной координате его образа: Антон Иванович имеет собственное жилье и даже «лет двадцать постоянно твердит, что с будущей весной приступит к стройке нового дома». Однако неизменно обитает в избе, представляющей собой «какое-то странное здание, похожее с виду на амбар», «хозяйства он дома не держит» и никого у себя не принимает. Относительная пространственная независимость обеспечивает ему свободу перемещений, которая вкупе с гениальной служливостью дает ему возможность выбирать дом, где он может «котебдеть, отужинать или выпить чашку чая» [11; т. 1, с. 16].

Идеальным воплощением «усредненного» приживальщика свободного типа является Черт из «Братьев Карамазовых», представляющий ярчайший пример нахлебника «по призванию». «Свое положение прихлебателя он принимает без всяких страданий в противоположность всем без исключения героям Достоевского, тяжело переживающим любую зависимость» [12, с. 237]. Символичен сам выбор земного обличия для мифологического существа: пройдя сквозь века и пространства, он не нашел более подходящего образа для олицетворения бесмысленного и бесполезного существования. За счет обнаружения контраста между мистической сущностью и тривиальным воплощением персонажа максимально усилены и гиперболизированы родовые свойства приживальщика. В его социальном портрете подчеркиваются наиболее распространенные черты: заурядность, безликость, беспринципность. По своей пошлости и обыденности он уступает лишь стопудовой купчихе, лишен личностного начала, собственной системы ценностей (поэтому вполне логично, что безоговорочно принял удобную идею вседозволенности, приведя в исполнение ее создателя уже самим фактом ее одобрения).

По своим неофициальным функциям в доме нахлебники вполне сопоставимы с шутами и юродивым, что в полной мере проявилось в авторских замечаниях и комментариях. Например, в повести «Степной король Лир» «в качестве не то шута, не то нахлебника» приютился в доме некто Бычков, «с младых ногтей прозванный Сувениром» [2; т. 7, с. 222]; «злым шутом» и приживальщиком называет Достоевский Федора Павловича Карамазова [10; т. 11, с. 10]. В художественной литературе достаточно четко проявилась подвижность и зыбкость границ между шутом и приживальщиком. Однако тип российского шута «из хлеба насущного» кардинально отличается от шекспировского искрометного образа или от легендарного русского шута Балакирева, ставшего олицетворением смелой мысли и меткого слова.

Этап шутовства из хлеба насущного включают в себя биографии многих приживальщиков, например Кузовкина и Опискина: они одинаково плясали и кукарекали в угоду хозяину. Во времена их молодости, недалеко ушедших от контрастного XVIII столетия, вольнолюбивого и деспотичного, еще не было зазорно упасть «вдругорядь» (Грибоедов) для поухи господина. Поколение Елецкого – Ростанева впитало в себя другие идеи и не находило смешным то, что связано с ущемлением человеческого достоинства и что так забавляло их отцов: «Да нынче смех страшит и держит стыд в узде» [13, с. 32]. Душевная неразвитость заставила Тропачева радоваться воскрешению диких нравов, однако его более забавляет сам

факт внешнего проявления шутовства, экзотического для его времени. Поэтому основное внимание он уделяет его атрибуту – бумажному колпаку, который и составляет основу придуманного им «розыгрыша». Прогрессивный Елецкий с запозданием стыдит соседа за «пустые шутки», не достойные человека воспитанного и образованного [2; т. 9–10, с. 162].

Грубое напоминание о былых унижениях заставило персонажа Тургенева остро переживать прошлое. Для Опискина, напротив, лицедейство стало нормой, изменилось лишь его амплуа – маска шута сменилась маской трагика. Масочность действия подчеркивается широким использованием глаголов театрального действия: «а между тем тот же Фома Фомич, еще будучи шутом, *разыгрывал* совершенно другую роль на дамской половине генеральского дома» [10; т. 2, с. 140]. Он демонстрирует признаки поведенческого стереотипа юродивого и созидает свой виртуальный образ в соответствии с русской культурной традицией, которая возводит мотив юродства к издревле бытовавшему в народе уважению к блаженным как к носителям мудрости, страдания и жертвенности: «Блаженный – угодник Божий, законно живущий»<sup>1</sup>. Р.Я Клейман рассматривает шутовство и юродство как две стороны одной медали, как понятия одного семантического ряда, объединяя их в плане поэтики: «Юродство есть некая ипостась шутовства, и наоборот» [14, с. 63]. Принадлежность Фомы к «той огромной фланге огорченных, из которой выходят потом все юродивые. Все скитальцы и странники» [10; т. 2, с. 145], подтверждается хронотической структуры произведения.

Подробно проанализировав особенности организации художественного пространства «Села Степанчикова», связанные с карнавальным действом, М.М. Бахтин пришел к выводу о том, что в нем присутствуют все основные карнавальные категории [15, с. 207–213], в то время как в поздних произведениях писателя карнавализация пространства менее внешне выражена, но гораздо глубже и существенней. Например, постоянно присутствует значительный элемент игры в жизни «талантливого и многочтимого Степана Трофимовича Верховенского», который «постоянно играл... некоторую особую и, так сказать, гражданскую роль и любил эту роль до страсти» [10; т. 8, с. 5].

На сложные трансформации, которые претерпел в творчестве Достоевского образ приживальщика, впервые обратил внимание С.М. Нельс, однако он поставил образы шута и нахлебника в один семантический ряд [3, с. 125]. Безусловно, имеются веские основания для подобной трактовки, однако сама смысловая близость этих типов диктует необходимость выработки критериев для их разграничения и идентификации. Мы считаем, что шут и нахлебник в творчестве Достоевского – это два самостоятельных литературных типа, которые можно сравнивать, но не отожествлять, поскольку для их презентации используются совершенно разные, подчас противоположные, художественные средства и приемы, в частности в них по-разному преломляются категории пространства и времени, трагического и комического.

Во-первых, авторские ирония и сатира имеют разные векторы приложения: направлены от автора – как правило, через рассказчика – в сторону приживальщика и от автора – через добровольного шута – к другим персонажам (через действия и высказывания добровольного шута выражается авторская позиция и усиливается сатирическая нота произведения). Поэтому образ нахлебника имеет преимущественно комическую (как правило, сатирическую) окраску; добровольные шуты редко бывают смешны для читателя, таят в себе нереализованный потенциал, страдают от социального и материального гнета, горды и самолюбивы.

Во-вторых, по-разному организуются их хронотопы: образ приживальщика традиционно рассматривается в системе пространственно-временных координат чужого дома, что символически указывает на размытость его собственных ценностных позиций, системы внутренних запретов и установок. Нахлебники – шуты вынужденные; шутовское самоуничижение является для них источником существования. Добровольные шуты Достоевского рискованно обличают человеческие пороки, часто прибегая к далеко не безобидному юмору, и порой аккумулируют в себе качества классических шутов, наиболее полно проявившиеся в образах Шекспира.

Несмотря на то, что многие герои-приживальщики примеряли шутовской колпак, они

<sup>1</sup> Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 1. – С. 95.

представляют собой самостоятельный литературный тип. Тем не менее между шутом и приживальщиком существует генетическая связь, проявившаяся, в частности, в выборе средств пространственно-временной поэтики для раскрытия их характеров: использование приемов массочности, «вещной маски», наделение персонажей пристрастием к смене обличья, жизненных ролей и образов (потребность шута рядиться, по Р.Я. Клейман, и переодевание как признак карнавала, по М.М. Бахтину), амплуа шута, карнавализация пространства.

В художественной интерпретации общественно-исторического типа приживальщика отчетливо проявились стилистические особенности воплощения категорий времени и пространства как важнейших средств раскрытия образа человека и их неисчерпаемые возможности для создания трагического или комического характера. В русской литературе с ее исключительным вниманием к слезинке каждого ребенка фигура приживальщика получила негативную характеристику и изображена в комических (чаще сатирических) тонах. Исключение составляет образ Кузовкина («Нахлебник»), решенный в традициях *натуральной школы*, открывающий галерею персонажей-нахлебников в творчестве И.С. Тургенева и стоящий особняком в их ряду.

The problem of displaying a dependant first appeared in the magazine “Russian Literature” more than thirty years ago (1972. - №1 - pp. 125-133). However this problem attracted little attention of scientists and it hasn't become a subject of complex investigation. Nevertheless the variety of types of dependants makes it necessary to study and classify them. In this article the arrangement of characters of dependants is made on the basis of analysis of revealed patterns of displaying this character in literature. A space component is used as a main criteria of classification of chronotops of dependants (for example the dependence on the *topos* of somebody else's house). This is a major criteria that defines the other divergence in shaping spacio-temporal models of these characters.

**The key words:** *a dependant, a buffoon, an estate, a chronotop, comicalness, tragedy, a carnival of space.*

### Список литературы

1. Щукин В.Г. Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе / В.Г. Щукин. Krakow: Wydawnictwo uniwersytetu jajieiiionskiego, 1997. 316 с.
2. Тургенев И.С. ПСС и писем: в 30 тт. / И.С. Тургенев. М.: Наука, 1981.
3. Нельс С.М. «Комический мученик» (к вопросу о значении образа приживальщика и шута в творчестве Достоевского) // Русская литература. 1972. № 1. С. 125–133.
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. 4 изд. 944 с.
5. Лесков Н.С. Собрание сочинений: в 6 тт. / Н.С. Лесков; под общей ред. Б.Я. Бухштаба. М.: Правда, 1973.
6. Рогожникова Р.П. Словарь устаревших слов русского языка. По произведениям русских писателей XVIII–XIX вв. / Р.П. Рогожникова, Т.С. Карская. М.: Дрофа, 2005. 828 с.
7. Герцен А.И. Собрание сочинений: в 8 тт. / А.И. Герцен. М.: Правда, 1975.
8. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: в 10 тт. / М.Е. Салтыков-Щедрин. М.: Правда, 1988.
9. Энгельгардт Б.М. Идеологический роман Достоевского / Б.М. Энгельгардт. // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А.С. Долинина. Л.М.: Мысль, 1924. Сб. 2. С. 71–105.
10. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 тт. / Ф.М. Достоевский. Л.: Наука, 1972– 1990.
11. Гончаров И.А. Собрание сочинений / И.А. Гончаров. М.: Правда, 1952.
12. Кашина Н.В. Эстетика Ф.М. Достоевского / Н.В. Кашина. М.: Высшая школа, 1989. 288 с.
13. Грибоедов А.С. Горе от ума / А.С. Грибоедов. М.: Мол. гвардия, 1977.
14. Клейман Р.Я. Сквозные мотивы творчества Достоевского в историко-культурной перспективе / Р.Я. Клейман. – Кишинев: Штиинца, 1985. 140 с.
15. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. М.: Худ. литература., 1972. 470 с.

### Об авторе

Вороничева О.В. – канд., доц. филиала университета МВД в городе Брянск, [voo-nid@mail.ru](mailto:voo-nid@mail.ru)

УДК 809.1

## МЕТАФОРИЧЕСКИЕ СРАВНЕНИЯ ФЛОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В ТЕТРАЛОГИИ Ф.А. АБРАМОВА «ПРЯСЛИНЫ» КАК КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ, ОРГАНИЗУЮЩИЙ РОМАННУЮ СТРУКТУРУ

К.М. Карасева

В статье «Метафорические сравнения флористической направленности в тетralогии «Пряслины» как концептуальный поэтический образ, организующий романную структуру» подробно рассматриваются неоднократно отмечаемые на текстуальном уровне метафорические сравнения флористической направленности. В частности, речь идет о сравнении некоторых героев с древесной структурой и ее составными частями. Здесь актуализируется важное концептуальное положение: человек – это дерево. Обозначенное концептуальное положение выступает в качестве единого эстетического компонента, объединяющего деревенскую прозу. Кроме того, метафорические сравнения флористической направленности – это концептуальный поэтический образ, организующий романную структуру.

**Ключевые слова:** метафора, концептуальность, роман, маргинал, ментальность.

Лес представляет собой органическое соединение деревьев с определенного вида кустарниками, травами. Дерево есть символ леса, то есть пространства, покрыто деревьями. Образ дерева имеет большое значение в системе народного понимания. Оно [дерево. – К.К.] почиталось как «свидетель вечности и бессмертия природного мира». В тетralогии Ф. Абрамова неоднократно упоминается лиственница: «Пекашино распознают по лиственнице – громадному зеленому дереву [подчеркнуто мной – К.К.], царственно возвышающемуся на отлогом скате горы. Кто знает, ветер занес сюда летучее семя или уцелела она от тех времен, когда тут шумел еще могучий бор и курились дымные избы староверов? Во всяком случае, по загумению... еще и теперь попадаются пни. Полуистлевшие, источенные муравьями, они могли бы многое рассказать о прошлом деревни» [1, с. 119]. Особую смысловую нагрузку в структуре приведенного описания лиственницы несет информация о том, что это дерево, возможно, уцелело «... от тех времен, когда тут шумел еще могучий бор...». Это своеобразный отсыл к древности. Лиственница могла быть «свидетелем», «соучастником» событий тех далеких времен. Кроме того, если обратить внимание на этимологию лексемы «древний» в значении «стародавний», «старейший», «вечный», то оно непосредственно связано с лексемой «дерево». Этимологический анализ этих лексем свидетельствует об их принадлежности к одному корневому гнезду [2, с. 5]. Иначе говоря, посредством образа лиственницы поддерживается идея сокровенности и незыблемости природного мира. Природа бессмертна, в отличие от человека – ее части.

Согласно мифологическим представлениям есть так называемая космическая ось, вокруг которой простирается мир. Этой осью может выступать дерево, что соответствует мифу о древе – столпе неба [3, с. 18]. Столп неба представляет собой не что иное, как ось мира, дерево жизни, произрастающее в центре мира. Абрамовская лиственница – это метафора дерева жизни: «Здесь-то лет тридцать с лишним назад в прохладном сумраке зеленой лиственницы и пустил свои корни Степан Андреянович» [1, с. 21]. У древних славян существовало представление о «древе как элементе приобщения к миру предков» [4, с. 39]. Данное представление было закреплено в самосознании русского человека и постепенно трансформировалось в символ. «Царственно возвышающаяся лиственница» у Ф. Абрамова – это образ-символ, воплощающий понятие исторической памяти.

Следует отметить, что в деревенской прозе есть «один устойчивый образ – образ возвышенности, образ холма, с высоты которого герои оглядывают себя и свою жизнь» [5, с. 3 – 29]. Действительно, верхняя точка становится своего рода ценностным символом. Можно предположить, что лиственница в тетralогии «Пряслины» – языческий ценностный символ. Представляет интерес с этой точки зрения эпизод, в котором Степан Андреянович Ставров, находясь на огороде, «на горках часто останавливался, примечал развалившуюся изгородь за

лиственницей, осевший угол бани. <...> [1, с.71]. Именно в этот момент герой всматривается в собственную жизнь. Предметно-вещественные разрушения оказываются отражением деструкции самой жизни. После смерти сына смысловая наполненность существования Ставрова постепенно утрачивается: «Старик устало шагал за плугом и не узнавал себя. С какой, бывало, радостью и ожесточением набрасывался он на огород: <...> а уж землю-то холил – перебирал руками чуть ли не каждую горсть. А сейчас – хоть и вовсе ее не было» [1, с.71]. Все жизненные устремления героя были спроектированы на сына, утрата которого породила внутреннюю пустоту. Следствием этого явилась абсолютная индифферентность к реальности: «... Все разваливается, на глазах рушится, надо бы поправить, да не все ли равно...» [1, с.71].

Как уже отмечалось, этимологический анализ лексем «древний» и «дерево» обнаруживает их идентичность на уровне словообразовательной модели, а значит, на содержательном уровне. В сочленении смыслов древний и дерево проявляется языческая ментальность русича, именно с лесом связывавшего древность рода, собственное происхождение. С этой позиции значимыми оказываются неоднократно отмечаемые на текстуальном уровне метафорические сравнения флористической направленности. В частности, речь идет о сравнении некоторых героев с древесной структурой и ее составными частями. Подобного рода текстовые единицы создают определенный информационный пласт, позволяющий выявить некоторые координаты в концепции личности.

В описании внешности Михаила Пряслина выделяем с учетом вышеизложенного синтаксему «дерево ходячее»: «... Кений глаз угрюмый, неулыбчивый... Но все это замечаешь, когда хорошенко всмотришься. А так залюбуешься: дерево ходячее!...» [1, с.513]. Выделенное в составе фразы словосочетание представляет метафорическое сравнение героя с деревом по конституциальному признаку. Его смысловое наполнение усиливается за счет следующего за ним выражения: «... И сила – жуть. Весной на выгрузке по два мешка муки таскал...» [1, с. 513]. Это дает основание говорить о потенциале физических сил Михаила Пряслина, особенно в сравнении с юношами его же возраста, которых «не скоро и от подростков отличишь: худосочные, мелкорослые...».

В данном случае правомерным будет рассмотрение вопроса о внутренней силе этого героя. Как известно, соотношение внешнего и внутреннего носит детерминированный характер. Внешняя мощь – это, как правило, следствие гармоничного протекания внутренних процессов. Если опираться на постулаты естествознания, то деревья прочно связаны с землей посредством корневой системы, которая прикреплена к почве и тем самым служит для всасывания из нее питательных веществ. Это, в свою очередь, и есть залог природного величия деревьев. Иначе говоря, в вышеприведенном метафорическом сравнении актуализируется такой аспект, как соотношение внешнего и внутреннего плана личности.

В лексеме «корень» визуализируются как прямые значения, так и переносное. В частности, последним является значение «начало, источник, источники чего-нибудь» [6, с. 295]. В абрамовском тексте отмечаем следующее: «... Еще Макаровна, покойница, нахвалиться не могла Лизаветой: «И такая уж у Пряслиных девчушечка совестливая да работящая. Золото девка...». Хорошая семья. Крепкий корень» [1, с. 433]. В словосочетании «крепкий корень» лексикализуется значение «давнее» происхождение. «Пряслины» – известная фамилия в Пекашино, и стала она известна в деревне с того момента, когда появился в ней Ваня-сила, некогда «смирный, кудрявый увалень» [1, с. 64], переносивший все снопы с поля на собственной спине.

Кроме того, в образе-понятии «крепкий корень» воплощается концепт «род». Как уже отмечалось, в лексеме «корень» заключен смысл, мотивированный собственно понятием «корень» как отражением в сознании данного явления объективного мира, – «начало, источник, источники чего-нибудь». Не случайно старинная пословица гласит: «От доброго корня добрая и отрасль». Речь идет о потомстве, в котором воспроизводятся духовные и физические ценности прародителей.

В вышеприведенной цитате контекстуальным синонимом лексемы «крепкий», на наш взгляд, может выступать лексема «хороший». «Хороший» означает «положительный по качествам». В условиях обозначенного контекста в структуре этого определения возможно выделение смысла «положительные личностные качества». Данная сема реализуется в этом же

контекстном окружении – Лиза «совестливая да работающая».

Труд в целом и труд на земле в частности выступает неотъемлемым атрибутом крестьянского бытия. Именно работа на земле формирует у крестьянина основные нравственные чувства: ответственности и долга, в случае пренебрежения ими – вины и совесть. Неустанный земледельческий труд есть залог нравственной стойкости человека.

Что касается понятия «совесть», то его следует рассматривать как ощущении своего единства с родом. Осознавая генетическую связь с родом, человек естественным образом приобщается к нравственному опыту, передаваемому из одного поколения в другое.

Отмечаем лексему «корень» в составе словосочетания «подрезовский корень»: <...> Да и внучка трехнедельная – чего поймешь? А вот на обратном пути завернет [Подрезов. – К.К.], тогда картина уже прояснится, Тогда видно будет, в кого пошла – в ихний, подрезовский корень или в материн» [1, с. 603].

Как уже говорилось, в потомстве воспроизводятся духовные и физические качества прародителей. Если исходить из данного контекста, то очевидно, что имеется в виду физический план личности. Однако можно предположить, что речь идет о духовной сущности человека. Сам Подрезов весьма неоднозначная фигура в романе. Невероятно сложным было то время, когда Подрезов, как он сам признался, «вырвался на просторы из своей берлоги». Естественно, время оставило отпечаток на нем. Оно научило его быть жестоким, властным по отношению к подчиненным, исполнительным, но в то же время способным не только исполнять, но и бороться, идти на риск, подчас не щадя и себя самого (достаточно вспомнить, когда Подрезов берет на себя «вину» Лукашина). Будут ли исходить от этого корня молодые, гибкие и неистребимые стволы?

Выше отмечалось, что в языческой ментальности русича отчетливо была выражена корреляция микрообраза дерева как символа леса и понятия происхождения человека. Подчеркиваем, что в тетralогии «Пряслины» обозначенное концептуальное положение находит отражение в метафорических сравнениях флористической направленности.

В основе названных сравнений – соотнесенность героев с деревом. Исследуя значение растительных образов в русском фольклоре, Н.А. Криничная отмечает их метафорическую соотнесенность с человеком и заключает следующее. «Антрапоморфизация растений получила свое дальнейшее развитие в поэтических тропах, сформировавшихся уже в рамках фольклора и литературы. Здесь не только (и не столько) облик человека, но и сама человеческая жизнь в ее личностных и общественных проявлениях, равно как и здоровье, физическое и духовное, приобрели в образах травы и цветка свое метафорическое воплощение» [7, с.195].

Так, например, Евсей Мошкин напоминает «пень смоляной»: «<...> Он-то [Михаил Пряслин. – К.К.] думал увидеть какого-нибудь доходягу, тень от человека, раз столько в лагерях отбухал, а тут – держите ноги: пень смоляной. <...> Потом, правда, Михаил разглядел: старик. <...> Но все равно – впечатление засмолевшего, забуревшего пня, с которого, как вода, стекают и время, и всякие житейские невзгоды, осталось» [1, с.222].

Рассмотрим модель приведенного сравнения. Пень представляет собой нижнюю часть ствола срубленного, спиленного или сломленного дерева вместе с оставшимися в земле корнями и комлем [6, с.498]. В описательной характеристике пня как части дерева весьма значимыми представляются лексемы «срубленного», «спиленного», «сломленного», указывающие на процесс образования пня – в ходе выраженных в этих лексемах действий.

Субъектом действия в данном случае выступают испытания, которым подвергается Евсей Тихонович: «... Колхозники жалели Евсея. Старик. Двух сыновей на войне потерял. Да сколько же еще мытарить и мучить человека?» [1, с. 419]. Однако герой оказывается сильнее жизненных обстоятельств, оттого у Михаила создается впечатление, что перед ним «засмолевший», «забуревший» пень, «с которого, как вода, стекают и время, и житейские невзгоды». Таким образом, Евсей Мошкин воспринимается как герой вневременной и вне-пространственный.

В структуре одного из эпизодов также отмечаем наличие метафорического сравнения: «В бане из-за веника в оконце было темновато, и Егорша, растянувшийся на полку, напоминал березовый кряжик» [1, с. 224]. Сразу же следует подчеркнуть некий оттенок анатомич-

ности – имеются в виду особенности телосложения героя, на что указывает переносное значение лексемы «кряж» в составе приведенного сравнения – «крепкий, коренастый».

Исходя из прямого лексического значения слова «кряж» – «короткий обрубок толстого бревна» – в данном контекстном окружении можно выявить, по нашему мнению, один из аспектов концепции личности. Полагаем, что в таком сравнении актуализируется концептуально значимое качество героя – отсутствие чувства дома, соотнесенности с родом, которое позволяет именовать его маргиналом. Егорша Ставров – герой, оторвавшийся от деревенской среды. Ставров покидает деревню Пекашину и перебирается в город, тем самым «обрубая» связи с деревней, родом. Разрыв с деревней, собственном родом расценивается однозначно: «Оторвать человека от родины означает разрушить не только экономическую, но и нравственную сторону его жизни» [8, с. 99].

Понятие «семья» как краеугольный камень мироздания в сознании маргинала растворяется. Егорша Ставров перестает быть наследником рода. Социальные роли внука, мужа, отца утрачиваются им, и в этот момент начинается необратимый распад личности. Знаковым в рамках рассматриваемого вопроса представляется эпизод, когда после двадцатилетнего отсутствия Егорше открывается унылый вид бесконечных лесных вырубок некогда могучего бора. При виде такой картины в душе Ставрова что-то изменяется: «Не он... отдавал приказы сводить пинежские боры, не он засевал берега сегодняшней Пинеги пнями. Но, господи, разве вся его жизнь за последние двадцать лет не те же самые пни? Да, двадцать лет он топтал и разрушал человеческие леса <...> Да, Мамаэм прошел он по человеческим лесам, и ему ли сейчас предъявлять счет за пинежские леса?» [9, с. 485]. Увиденное настолько потрясает героя, что он начинает испытывать вину за происшедшее. При этом следует оговорить что в приведенной цитате имеет место символическая аналогия между «пинежскими лесами» и «человеческими лесами». «Человеческие леса» – это те люди, которые оказывались рядом с Егоршем в определенные периоды жизни. Не случайно жизнь героя уподобляется пням в месте, некогда именовавшемся Красным бором, который был безжалостно вырублен людьми. Также и Егорша «двадцать лет оставлял после себя «черные палы», «всех без разбора, кто попадался под руку, валил», «сплошной рубкой шел». И будет ли правомерным со стороны Ставрова «предъявлять счет за пинежские леса»?

Внебрачный сын Егорши – Борька Яковлев был «коренастый, весь как веревка, как узловатая сосна» [9, с. 485]. В природе узловатая сосна имеет неровный, с множественными узлами, узелками ствол. В обозначенной цитате сравнительная конструкция «как узловатая сосна» указывает на физический изъян героя – его тело с утолщениями, уплотнениями мышечной ткани подобно стволу дерева.

Вместе с тем можно говорить, на наш взгляд, не только о физическом изъяне героя, но и о изъянах духовных. Знаковым в этом контексте представляется разговор Михаила Пряслина и Борьки:

«Михаил заорал как под ножом:

– Ты в городе вырос, что ли? Какого дьявола мучишь лошадей?..

<...>

Борька примирительно ухмыльнулся:

– <...> Этих одров [подчеркнуто мной. – К.К.], – он кивнул на блестевших на солнце, запаренных лошадей, – все равно осеню на колбасу погонят. <...>» [9, с. 266].

Такова позиция молодого пекашинца, свидетельствующая, по нашему мнению, о деформации крестьянского сознания. Традиционная крестьянская добродетель – сердечная забота о крестьянских кормильцах и помощниках – лошадях и коровах, которых Борька Яковлев именует «одрами», постепенно утрачивается. И это, безусловно, не может не тревожить, поскольку Борька Яковлев и его сверстники – это те, кто идет на смену уходящему поколению крестьян как особому социальному и человеческому типу.

Резюмируя вышеизложенное, мы можем заключить, что в метафорической соотнесенности героев с древесной структурой в тетралогии Ф.А. Абрамова актуализируется важное концептуальное положение: человек – это дерево. Образ дерева как основной носитель природного – центральный образ в поэтическом сборнике С.А. Есенина «Радуница». Интерес к данному образу поэт обосновал в трактате «Ключи Марии», где мы отмечаем значимый ис-

ходя из обозначенного положения момент: «Все от древа – вот религия мысли нашего народа, <...>. . . мы чада древа...» [10, с. 357]. Обращение С.А. Есенина к образу дерева объясняется его важностью в системе народного миропонимания. Дерево почиталось как «свидетель вечности и бессмертия природного мира». Именно с ним связаны легенды о происхождении человечества. Можно говорить, на наш взгляд, о воплощении вышеприведенного концептуального положения в поэзии С.А. Есенина: лирический субъект – это дерево.

Данное концептуальное положение выступает в качестве единого эстетического компонента, объединяющего деревенскую прозу. Так, в повести В.Г. Распутина «Последний срок» история черемухового дерева повторяет мотив судьбы Анны: «Кто-то когда-то пожалел его, обхажал плугом, и он, воспользовавшись этим, разросся в гнездо, <...> и стал давать урожай» [11, с. 228]. Когда-то он пригибался от усилий, чтобы завершилось созревание плодов. Теперь, как и старуха Анна, он отжил собственный век.

По нашему мнению, в метафорических сравнениях героев с древесной структурой и ее частями заключен концептуальный поэтический образ, организующий романную модель. Концептуальный поэтический образ, в свою очередь, может быть представлен как сегмент концептуального поля личности.

In the article «Metaphorical comparisons of floristic trend as a conceptual poetic image organizing novel structure in tetralogy «Pryasliny» by Ph.A. Abramov» metaphorical comparisons of floristic trend repeatedly noted on the textual level are considered in detail. In particular, the matter concerns the comparison of some of the characters to wood structure and its constituents. The important conceptual thesis is actualized here: a human being is like wood. Denoted conceptual thesis stands as a unified aesthetic component uniting rural prose. Moreover, metaphorical comparison of floristic trend is a conceptual poetic image organizing novel structure.

*The key words:* metaphor, conceptuality, novel, marginal, mentality.

### Список литературы

1. Абрамов, Ф. Пряслины: Трилогия / Ф. Абрамов. Л.: Лениздат, 1978. 472 с.
2. Полонский, А.В. Русский язык между «лесом» и «степью» / А.В. Полонский // Вестник Евразии. 2006. №1. 11 с.
3. Новожеева, И.В. Концепция человека в деревенской прозе 1960 – 1980-х годов / И.В. Новожеева. Брянск, 2007. 175 с.
4. Велецкая, Н.Н. Языческая символика архаических ритуалов / Н.Н. Велецкая. М., 1978. 148 с.
5. Золотусский, И. Познание настоящего / И. Золотусский // Вопросы литературы. 1975. №5.
6. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская академия наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополнен. М.: Азбуковник, 1999. 857 с.
7. Криничная, Н.А. Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов / Н.А. Криничная. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2000. 410 с.
8. Белов, В.И. Избранные произведения: В 3 т. Т. 1 / В.И. Белов. М., 1984. 178 с.
9. Абрамов, Ф.А. Пути-перепутья. Дом: Романы. 3-я и 4-я книги тетралогии «Братья и сестры» /Ф.А. Абрамов. Ижевск, 1985. 506 с.
10. Есенин, С.А. Ключи Марии / С.А. Есенин // Стихотворения. Поэмы. Статьи. М., 1998. 540 с.
11. Распутин, В. Живи и помни: Повести / В. Распутин. М.: Эксмо, 2004. 736 с.

### Об авторе

Карасева К.М. – аспир. Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского, bryanskgu@mail.ru.

## ПОЭТИКА ЗАГЛАВИЯ КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА А.А. ЗИНОВЬЕВА

Е.В. Комовская

В данной статье рассматриваются семантическая специфика и функциональные возможности названий произведений А.А.Зиновьева. Анализируется смысловое наполнение заглавий художественного мира писателя с точки зрения различных функциональных классификаций, предложенных литературоведами.

**Ключевые слова:** заглавие, коннотация, семантика, семантическая свертка.

Известно, что «заглавие художественного текста (как и эпиграф, если таковой имеется) представляет собой один из существеннейших элементов композиции со своей поэтикой», «заглавие — это имя произведения... манифестация его сущности» [1, с.9]. Попытаемся сформулировать, как названия романов А.А. Зиновьева манифестирует сущность произведения.

Каждый из его романов имеет многозначное аккумулирующие основные содержательно-формальные «узлы» произведения название: игровое с точки зрения смысловой коннотации слов и включающее соответствующий историко-литературный контекст.

Название роман «Гомо советикус» можно трактовать многозначно. С одной стороны, у читателя возникает ассоциативная параллель с латинским выражением «*Homo sapiens*». С другой стороны, название воспринимается в историческом контексте «брежневского времени». Брежnev провозгласил лозунг о том, что в социалистическом государстве люди «не сапиенсы, а советикусы»[2,с. 23]. Этот лозунг пропагандировался и повторялся в СССР неоднократно. Выбранным названием А.А. Зиновьев подчёркивает, что люди постепенно из существ разумных превращаются в существо государственной системы. Усиливается сатирический эффект, основанный на политической составляющей.

Интересна авторская игра букв «Н» и «Г» в слове «*homo*». С латинского языка «*homo*» - разумный, а «*гомо*» - единичный, одинаковый. А.А. Зиновьев в названии подчеркнул идентичность героев, у которых система отнимает индивидуальные черты и качества характера, отсюда и применяемый им приём обезличивания, выраженный в отсутствии имён у героев.

Следовательно, роман, как и все последующие, построен по принципу: загадка – название, и расшифровка её в тексте произведения.

Название романа «Катастройка» по своей семантике очень неоднозначно. С одной стороны, автор играет словом: он вводит новообразование, сочетающее в себе основы двух слов различной семантики: «катастрофа» и «перестройка», а с другой автор даёт историческую этимологию своего новообразования. Он отмечает в тексте: «слово «перестройка» на греческий язык переводится словом «катастрофа»[3,с.42]. Таким образом, данное новообразование семантически, этимологически было потенциальным в русском языке, но в авторской концепции стало оценочным выражением правления Горбачёва.

Михаил Криквид в журнале «Зиновьев» рассматривает текст и название произведения «Желтый дом» с точки зрения перевода их на английский язык. Исследователь сталкивается с проблемой непереводимости глубинного, потаённого значения. Он отмечает, что в английской ментальности полностью отсутствует ассоциация желтого цвета с цветом сумасшествия [4, с.35]. А.А. Зиновьев, используя такую ассоциацию в названии опирается, на классическую русскую традицию. Символ желтого как цвета сумасшествия неоднократно подчёркивался Достоевским в «Преступлении и наказании», Пушкиным в «Повестях Белкина», Гоголем в «Петербургских повестях» и «Мертвых душах».

Таким образом, Зиновьев выстраивает художественный прототекст, который сложен для восприятия и понятен исключительно человеку с русским менталитетом.

Владимир Берелович, исследователь-переводчик, отмечает следующие сложности при переводе текстов Зиновьева:

1. «Автор постоянно играет словами»,
2. «Игра словами не ради шутливых каламбуров, а ради того, чтобы выявить....

Абсурд, который вызывает смех и страх одновременно»[5, с. 25].

Владимир Берелович, анализируя текст и название «Зияющие высоты», выявляет единственную аналогию. Он считает, что данное название соотносимо с выражением «сияющие высоты коммунизма» [5, с. 27], которое было распространено в данный исторический период, а Зиновьев, по мнению исследователя, рассматривает данный оборот в сатирическом ключе. Если анализировать словарные коннотации слова «зиять», то оно соотносимо с понятиями «пустота», «пустовать». Кроме того, соотношение «сиять-зиять, красота - пустота» имеет литературную историю. В начале XX века данные словоформы были обыграны в стихотворении О.Э. Мандельштама «Я скажу тебе...» следовательно, у русскоязычного читателя автоматически возникает ассоциация с пустыми идеалами-миражами, манящими, влекущими, но при этом обманчивыми и недостижимыми. Таким образом, название «Зияющие высоты» - эта уже традиционная игра слов, которая придаёт произведению онтологическую и метафизическую глубину, потому что таящийся в нём абсурд вызывает у читателя смех и страх одновременно. Название выполняет функцию авторского концепта политической системы СССР, по данному концепту, государство свои иллюзорные достижения выдаёт за реальность. Всем произведением А. А. Зиновьев показывает бессмысленность, глупость существующего порядка вещей и как следствие пророчит системе гибель, так как она представляет собой «социальный гибрид советизма и западнизма»[6, 17 (233)], данный процесс описан и в другом произведении с интересным названием «Рогатый заяц». А. А. Зиновьева в статье «Наше государство - «Рогатый заяц» отметил: «Я назвал ту систему, которая сложилась в России, «рогатым зайцем». Такое чучело я видел в охотниччьем музее в Мюнхене. В природе такого зайца не бывает, а в обществе иногда возможно. Вот и у нас взяли и сконструировали такого рогатого зайца»[6].

Этим же проблемам посвящен роман «Глобальный человекенник». Автор играет с суффиксальными аналогиями, так как слово «человекенник» легко соотносится с «муравейник», тем самым вызывает ассоциации хаотичности, неупорядоченности, ничтожности, претендующей на «глобальность» и значительность.

По мнению исследователя В.А. Лукова, «человекенник» - это одно из тех понятий-метафор, введённых А.А. Зиновьевым, «которые придают его социологической концепции неповторимость» [7, с. 27]. Автор отмечает, что в социуме «Глобального человекенника» «всегда и во всём идёт ожесточённая борьба между «человьями»»[8, с. 15].

Кроме того, название перекликается с философской мыслью Ф.М. Достоевского из романа «Братья Карамазовы»: «Приняв этот третий совет могучего духа, ты восполнил бы все, чего ищет человек на земле, то есть: перед кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться наконец всем в бесспорный общий и согласный муравейник, ибо потребность всемирного соединения есть третье и последнее мучение людей»[8, 123]. А.А. Зиновьев продолжил традицию русской литературы и показал в пределах художественного пространства «муки соединенных в единое целое людей», он показал катастрофу этого соединения людей в «сверхуправляемый», «сверхорганизованный» социум.

В названии «Иди на Голгофу» соединяется христианский и биографический контексты. Прежде всего, название является реминисценцией религиозной притчи о горе Голгофе как символе страданий. Все произведение посвящено описанию человека, который покусился на роль Бога, но не прошёл главного испытания – испытания страданием.

Само словосочетание «Иди на Голгофу» у Зиновьева не только ассоциативно со словом «страдание», но и включает в себя контекстуальное значение всеобъемлющего одиночества. Автор проводит мысль, по мнению А.А. Гусейнова: «что, когда человек находится в положении полного одиночества, без каких бы то ни было надежд, когда никто не может избавить его от страданий, тогда он находится в таком положении, в котором может находиться только Бог»[9].

Кроме того, в названии отражены автобиографические черты жизни самого автора. В художественном пространстве он воплотил идею своей матери: «существует ли Бог или нет – не проблема для верующего человека. Самое главное, ты должен жить так, как будто какое-то

высшее существо видит каждый твой шаг, знает каждую твою мысль и оценивает»[6, 17(233)].

В произведении А.А. Зиновьев описывает новое учение – «лаптизм», чтобы каждый мог жить так, «чтобы не грешить в голове»[10, с.24]. Каждого из грешных не только в делах, но и в мыслях; он наказал самым страшным образом – обезбожил, то есть лишил частички божественного. Ведь в концепции А.А. Зиновьева – эстетически, морально личность Богом не «кончается», а только начинается, и каким будет мир, зависит от нас, потому что «Бог – это мы сами» [10, с.45].

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы:

1. Названия у Зиновьева всегда имеют явный и скрытый смысл, а следовательно являются загадками,

2. Названия – загадки имеют свою интерпретацию и особый код прочтения, который становится понятен при внимательном анализе социологического эксперимента,

3. Названия отвечают в точности задачам социологической теории,

4. Каждое из заглавий емкое по семантике,

5. Автор использует ряд интересных лексических игровых приемов при создании названий, как-то: ассоциации («Желтый дом»), сложение основ («Катастройка»), создание фразеологии по аналогии («Гомо советикус»), словообразовательные суффиксальные ассоциативные новообразования («Глобальный муравейник»). Таким образом, названия у А.А. Зиновьева концентрируют в себе культурные традиции прошлого и лексические новообразования настоящего.

Интересны заглавия А.А. Зиновьева с точки зрения их функционирования в оформлении индивидуальной авторской концепции художественного мира.

Гальперин Н.Р. указывает две функции названия: «функцию номинации (эксплицитно) и функцию предикации (имплицитно)»[11,с.148]. При первом знакомстве с текстом заглавие лишь представляет художественный текст, даёт ему название. По мере чтения текста, по мере диалога читателя с автором познается глубинный смысл и литературоведческий контекст всего произведения. Происходит наращение смысла заглавия, следовательно, возникают новые ассоциации и реминисценции.

В.И. Тюпа выделяет в заглавии функцию выдвижения «в центр читательского внимания некую символическую реальность» [1,с.23], которая способствует пониманию авторского замысла. Вслед за В.И. Тюпа, Самарукова И.В. в статье «Заглавие как индекс дискурсивной стратегии произведения» отмечает, что заглавие содержит в себе индекс стратегии авторского прочтения мира как особой совокупности различных речевых миров, это своеобразный код к авторскому миропониманию [12,с.23].

Исходя из этого, выделим в изображении художественного мира А.А. Зиновьева помимо значения номинации и предикации названия дополнительные функциональные возможности заглавия:

а) «предваряющая» изображенный мир. Это, как правило, выражается у А.А. Зиновьева либо сатирой «Зияющие высоты», либо провокацией «Пара беллум», «Иди на Голгофу». Название «Пара беллум» в переводе с латинского «готовься к войне», это часть фразы латинского афоризма «Если хочешь мира, готовься к войне». Этим призывом автор создает провокационный эффект, кроме того, это название несколько раз повторяется в тексте, что создает гиперболический эффект страха перед надвигающейся опасностью войны. «Иди на Голгофу» - это своеобразная авторская провокация к испытанию одиночеством.

б) «оценивающая» изображенный мир. Названием «Глобальный муравейник» автор даёт оценку художественного пространства своего произведения, и более того показывает путь к интерпретации всего текста.

в) «концентрирующая» изображённый мир. А. А. Зиновьев, опираясь на традицию русской литературы, использует концепт сумасшествия в названии «Желтый дом», а затем последовательно углубляет его изображением художественного пространства данного произведения.

А.В. Ламзина в основу классификации названий произведений художественной литературы кладет не принцип различия их функции, а принцип номинации того или иного аспекта текста. Исследователь выделяет следующие виды заглавий в русской литературе[13,с.91-100]:

1.«Заглавие, представляющие основную тему или проблему произведения»,

2. «Заглавия, задающие сюжетную перспективу произведения»,

3. «Персонажные заглавия»,
4. «Заглавие, обозначающие время и пространство».

Если анализировать в данном тематическом ключе названия А.А. Зиновьева, то к первому виду заглавий, по указанной выше классификации, можно отнести роман «Желтый дом», более того, автор подобным названием не просто очертил тему и проблему всего текста, но и придал как теме, так и проблеме символический смысл.

Роман «Катастройка» своим названием представляет как тему, так и проблему, но по сравнению с названиями такого плана в начале XX века, у А.А. Зиновьева оно усложнено авторской игрой новообразования, таким образом, оно трехсложно, так как в нём одновременно сконцентрированы тема-проблема-игра. «Сюжетная перспектива» задана заглавием «Светлое будущее», но если ранее «сюжетная перспектива» была конечна, так как она завершалась либо с жизнью героя, либо с исчерпанностью описываемого явления, то А.А. Зиновьев задаёт бесконечную перспективу.

К «персонажным заглавиям» в творческом наследии А.А. Зиновьева можно отнести роман «Гомо советикус», однако, по сравнению с подобного рода названиями XIX - начала XX веков, его «персонажное название» не соотносимо с какой-либо личностью, оно шире – оно соотносится с собиральным типом человекоподобного существа. Данное название по универсальности определения людей XX века можно поставить в один ряд с определением В.Г. Белинского «лишние люди», с той оговоркой, что А.А. Зиновьев под «гомососом» понимает закономерность поведения человека XX века, а В.Г. Белинский под «лишним человеком» - исключение из жизни дворянского общества.

Романное заглавие «Нашей юности полёт» является ярким примером названий, которые «обозначают время», а заглавие «Иди на Голгофу» иллюстрирует с точностью названия «обозначающие место», однако не в прямом географическом значении, а в переносно-символическом. Герой везде одинок, так же как Бог был одинок на горе Голгофе. В качестве примера «названия-места» можно рассматривать с некоторой долей условности заглавие «Глобальный человейник».

За рамкой классификации, предложенной А.В. Ламзиной, остаются такие названия как: «Зияющие высоты», «Пара беллум».

В.А. Лукин рассматривает заголовок художественного произведения как «знак» с «семантической и семиотической нестабильностью»[14, с.97] и выделяет следующие функции названия:

1. «Представляет текст и замыкает текст»,
2. «Именует текст»,
3. «Отсылает к тексту»,
4. «Является семантической сверткой всего текста».

Нам для исследования названий произведений А.А. Зиновьева представляется любопытным четвертый пункт предложенной классификации. Рассмотрим, как заглавие у А.А. Зиновьева является «семантической сверткой всего текста».

Название социологического романа «Пара беллум», что в переводе с латинского (как отмечалось выше) «готовься к войне» первоначально не кажется читателю семантически оправданным, так как глав с аналогичным русским названием всего шесть, остальные посвящены жизни некого «Западника», не спасает и то что композиционно автор в оглавлении использует латинский афоризм «Если хочешь мира, готовься к войне» полностью. Так в художественном пространстве сразу после главы с заголовком «Если хочешь мира» следует с заголовком «Готовься к войне», таким образом, если читать подряд названия оглавления всего произведения, данный афоризм будет повторяться несколько раз, но заголовков, посвященных Западнику намного больше в композиционной структуре текста. Однако если их анализировать с точки зрения художественного значения, то жизнь данного героя предстаёт перед читателем как поле боя за «некролог в центральной газете, подписанный высшими лицами страны»[15, с. 417]. Таким образом, название представляет собой «семантическую свертку всего текста», но на двух уровнях: личностном (он представлен главами о Западнике) и общественном (он представлен главами, перекликающимися с общим заглавием).

Название романа «Гомо советикус» также представляет собой «семантическую сверт-

ку всего текста». Произведение как бы распадается на тематические главы, посвященные феномену «гомососа» как нового типа человека XX века и на главы, которые описывают «обитателей пансиона». Однако в главе «Гомо советикус» А.А. Зиновьев подчёркивает мысль о том, что эмигранты, «пансионеры» - «наглядное пособие» [16, с.111]. Следовательно, название отражает теоретический аспект появления подобных существ, а текст выявляет их на практическом уровне художественного обитания.

Названием «Глобальный человекиник» А.А. Зиновьев ставит мысленный вопрос перед читателем об обществе будущего, а именно, что оно возьмет от человека, а что от муравьиного существования. Всем произведением автор стремиться показать, что будет с миром, если от человека данное общество возьмёт только пороки, а от муравья – общее стремление к выживанию, через совместное сосуществование. В подобном обществе не будут вызывать интерес открытия, потому что они не удобны управляющей системе, они заставляют задумываться каждого из «человьёв». А.А. Зиновьев на примере жизни Евы Адамс и Работы Мозгового центра пытается предостеречь людей от уподобления муравьям, которые работают, потребляют, но не созидают. Таким образом, авторское новообразование в заглавии текста, которое представлено синкетизмом смыслов и носит игровой, на первый взгляд, комический эффект, но при этом является «семантическим свертком глубинного смысла текста».

Резюмируем. Функциональные возможности заглавия художественного мира А.А. Зиновьева разнообразны. Для интерпретации смыслового значения заглавия как структурного элемента произведения важен семантический и функциональный аспект одновременно. Заглавия художественного мира А.А. Зиновьева имеют сложную конкретическую основу, сочетающую несколько функциональных аспектов и неоднозначную семантику.

In given article semantic specificity and functionality of names of products of A.A.Zinoveva are considered. Semantic filling of titles of the art world of the writer from the point of view of the various functional classifications offered by literary critics is analyzed.

**The key words:** the title, semantics, semantic convolution.

#### Список литературы:

1. Тюпа В.И. Произведение и его имя// Литературный текст: Проблемы и методы исследования// Аспекты теоретической поэтики: К 60-летию Натана Давидовича Тамарченко. М.-Тверь, 200. Вып.6.
2. Брежнев Сборник выступлений КПСС.СПб.,1989, Вып.24.
3. Зиновьев А.А. Катастройка.М.,1991.
4. Криквид М. Переводя Зиновьева// Журнал «Зиновьев», 2008, №2(3).
5. Берелович В. Сложности перевода произведений А.А. Зиновьева // Журнал «Зиновьев», 2008, №1 (2).
6. Интервью с А.А. Зиновьевым // Газета «Завтра», № 17 (233), 2001
7. Луков В.А. Тезариусный подход в социологии и зиновьевская идея человека// Журнал «Зиновьев» 2008№1 (2)
8. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Собр.Соч.: В 12Т.,Т.11.М.,1982
9. Гусейнов А.А. Учение о житии Александра Зиновьева [www.guseinov.ru/publ/zinov1](http://www.guseinov.ru/publ/zinov1)
- 10.Зиновьев А.А. Иди на Голгофу. М.,1991.
- 11.Гальперин Н.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
- 12.Самарукова И.В. Заглавие как индекс дискурсивной стратегии писателя// Вестник Самарского госуниверситета. Самара, 2002 (1).
- 13.Ламзина А.В. Заглавие. В кн.:Введение в литературоведение/ Под ред. Л.В. Чернец.-М.,2000.
- 14.Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум.- 2-е изд., перераб. И доп. М., 2005.
- 15.Зиновьев А.А. Пара беллум. М., 2000.
- 16.Зиновьев А.А. Гомо советикус. М.,1991.

#### Об авторе

Комовская Е.В. – аспир. Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, komovskaya86@mail.ru

## ПРАВО

УДК-342

### НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА В ГЕРМАНИИ И В РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Т.В. Мазур

В статье рассматриваются некоторые аспекты процедуры формирования органов конституционного контроля в Германии и в России в связи с принятыми существенными поправками в Федеральный конституционный закон РФ «О Конституционном суде Российской Федерации» в сравнительно-правовом аспекте. Автор приводит различные взгляды на данные поправки и приводит собственную точку зрения с аргументированной опорой на зарубежный опыт. Сравнение проведено по следующим аспектам: правовое положение Конституционного суда в государстве, процедура назначения на должность судей конституционного суда, требования к кандидатам на должность судьи Федерального конституционного суда, а так же срок полномочий судей, как одна из гарантий их независимости.

**Ключевые слова:** Конституционный суд, судебная власть, Бундестаг (*Bundestag*)

В июне 2009 года Государственная Дума приняла поправки в Федеральный конституционный закон «О конституционном суде Российской Федерации», согласно которым председатель Конституционного суда будет назначаться Советом Федерации по представлению президента, а не избираться самими судьями. При такой процедуре, как считают оппозиционные партии и экспертное сообщество, вся судебная власть окажется «под колпаком у власти политической». Таким образом, власти фактически приступили к судебной реформе и приняли ряд поправок, которые существенно влияют на работу судебной власти в целом, поскольку затрагивают те процедуры, гарантирующие суду и судьям независимость.

Главная поправка касается, как уже указывалось выше, процедуры избрания председателя Конституционного суда РФ. До этого момента все 19 судей Конституционного суда РФ назначались Советом Федерации по представлению президента. После назначения сами судьи из своего состава выбирали тайным голосованием сроком на три года председателя, его заместителя и судью-секретаря. Теперь председателя на три года будут назначать члены Совета Федерации по представлению президента. Кроме того, упраздняется должность судьи-секретаря и вводится вместо нее должность еще одного заместителя председателя. Обоих заместителей точно также утверждают члены Совета Федерации по представлению президента. Судьям оставили возможность снять двумя третями состава Конституционного суда председателя и его заместителей, если хотя бы пятеро судей предъявят претензии им в неисполнении обязанностей и злоупотреблении правами.

На сегодняшний день реакция на данные поправки является неоднозначной. Например, глава комитета Государственной Думы по конституционному законодательству Владимир Плигин видит преимущества новой процедуры в том, что она «делает единообразной практику, сложившуюся в российской судебной системе». По его логике, конституционное правосудие улучшится от того, что председателя Конституционного суда теперь будут по представлению президента назначать сенаторы точно так же, как они сейчас назначают председателей и заместителей Верховного суда и Высшего арбитражного суда РФ.

Однако, по мнению самих судей Конституционного суда РФ «президентская поправка противоречит принципу самостоятельности судебной власти, свидетельствует о непонимании конституционного судопроизводства и является косвенной попыткой давления на суд».

Мы категорически не согласны с данной точкой зрения, особенно, учитывая то, что в Германии, например, такая система назначения председателя Конституционного суда существует с момента учреждения этого органа конституционного контроля. Поэтому представляется необходимым обратиться к немецкому опыту формирования и функционирования Конституционного суда.

Объектом исследования данной статьи будет процедура формирования и функциони-

рования Конституционного суда в Германии и сравнительно-правовой анализ аналогичной процедуры в России с целью заимствования положительного зарубежного опыта.

Основы судебной системы Германии установлены в 9 разделе Конституции. Основной закон провозглашает, что судебная власть вверяется судьям, она осуществляется Федеральным конституционным судом, федеральными судами, предусмотренными конституцией, и судами земель. Таким образом, мы видим, что создатели Основного закона отвели судебной власти достаточно сильные позиции, поскольку учредили отдельно конституционную юрисдикцию, которая должна обеспечивать соблюдение конституции. Для выполнения этих задач в Германии был создан особый и самостоятельный в организационном отношении конституционный суд – Федеральный конституционный суд, учрежденный в 1951 году, который располагается в городе Карлсруэ.

Федеральный конституционный суд – это орган конституционной юстиции. Он является самостоятельным и независимым от всех других конституционных органов судом Федерации. Особенностью является то, что Федеральный конституционный суд занимает двойственное положение: он является органом отправления правосудия и одновременно конституционным органом Федерации. Он как бы стоит над остальной судебной системой, не являясь подведомственным какому-либо федеральному министерству. Это выражается в том обстоятельстве, что в бюджете Федерации он располагает отдельным бюджетным планом.

Федеральный конституционный суд Германии по предмету и действию своей юрисдикции является высшим органом правосудия Федерации. Однако он не является высшим судом, стоящим над другими судами и связанным с ними порядком прохождения инстанций. Он всегда выступает в качестве первой и последней инстанций. Объем компетенции, предоставленный Федеральному конституционному суду по различным видам производства, значительно превышает компетенции всех других конституционных судов в мире.

В Конституции Российской Федерации конституционному правосудию так же определена отдельная юрисдикция: «Судебную власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства».

Конституционный суд Российской Федерации – судебный орган конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющий судебную власть посредством конституционного судопроизводства.

Конституционный суд Российской Федерации решает исключительно вопросы права и при осуществлении конституционного судопроизводства воздерживается от установления и исследования фактических обстоятельств во всех случаях, когда это входит в компетенцию других судов и других органов. Таким образом, мы видим, что правовое положение Конституционного суда в России и в Германии одинаково.

Однако немецкий Конституционный суд состоит из 16 федеральных судей, половину из которых избирает Бундестаг, а половину – Бундесрат. Часть судей Федерального конституционного суда избираются из числа судей других высших судебных органов, а часть – из состава граждан, достигших 40 лет и имеющих диплом, дающий право занимать должность судьи. Судьи Федерального конституционного суда – мужчины и женщины – являются выдающимися личностями, особенно сведущими в публичном праве и имеющими опыт в области общественной жизни. В отношении избранных судей действует правило о несовместимости должности судьи Федерального конституционного суда, с какой либо иной профессиональной деятельностью, кроме преподавания права в немецком высшем учебном заведении: он не может входить ни в состав Бундестага, ни в состав Бундесрата, ни в состав Федерального правительства, ни в соответствующие органы земель. При назначении судьями они выводятся из состава указанных органов. Срок полномочий судей составляет 12 лет, а предельный возраст их пребывания в должности – 68 лет. Повторное избрание на должность судьи Федерального конституционного суда не допускается. По окончании срока судьи продолжают исполнять свои служебные обязанности до назначения преемника (это законодательное регулирование необходимо, так как в обратном случае сенаты Федерального конституционного суда имели бы не полный состав, если избирательные органы не проведут своевременных выборов новых судей).

В России же, как указывалось выше, все девятнадцать судей назначаются Советом

Федерации по представлению Президента. Таким образом, нижняя палата Российского Парламента не принимает участие в выборах судей Конституционного суда, хотя по закону наряду с законодательными (представительными) органами субъектов Федерации может вносить предложения о кандидатах на должности. Помимо этого правом внести кандидатуру на рассмотрение Совета Федерации обладают высшие судебные органы и федеральные юридические ведомства, всероссийские юридические сообщества, юридические научные и учебные заведения. Кроме того, в российском законодательстве в качестве одной из гарантий независимости суда предусмотрен неограниченный срок полномочий судей Конституционного суда. Как видим, в немецкой практике это положение отсутствует.

Требования к кандидатам на должность судьи в принципе одинаковые, однако, немецкий законодатель обуславливает возможность быть избранным судьей Федерального конституционного суда правом быть избранным в Бундестаг. Ограничения, касающиеся занятием другой деятельностью идентичные: как в России, так и в Германии с осуществлением судейской деятельности несовместима какая-либо другая деятельность, кроме преподавательской.

Поэтому, предложенные президентом России Д.А. Медведевым поправки в Федеральный конституционный закон «О Конституционном суде Российской Федерации», во-первых, соответствуют международным стандартам и традициям, сложившимся в демократических странах; во-вторых, приадут открытость и публичность процедуре избрания председателя Конституционного суда и его заместителей; в-третьих, приадут процедуре избрания наибольшую легитимность, поскольку в ней будет участвовать не 19 человек, а – 166, что на порядок больше.

The article deals with some aspects of the procedure of establishing the bodies of constitutional control in Germany and in Russia in connection with the adopted significant amendments to the Federal Constitutional Law of RF "On the Constitutional Court of Russia" in comparative legal aspect. The author presents various views on these amendments and gives his own point of view with reasoned reliance on foreign experience. Comparison have been carried out on the following aspects: the legal position of the Constitutional Court in the State, the procedure for appointment of judges of the Constitutional Court, the requirements for candidates for judge of the Federal Constitutional Court, as well as the term of judges, as a point of a guarantee of their independence.

**The key words:** Constitutional Court, Judicial authority, The Bundestag.

### Список литературы

1. Анна Пушкинская. Конституционный суд встраивают в вертикаль власти.//Коммерсант. Вторник 12 мая 2009 №82
2. *Staatsrecht der Bundesrepublik Deutschland*. Bundeszentrale für politische Bildung, Bonn, November 1995
3. *Bundesgesetzblatt*, 1951, S. 243; 1985
4. *Creifelds. Op. cit.* S.1479, 1480.
5. Маклаков В.В. Конституционный контроль в буржуазных и развивающихся странах. М.: ВЮЗИ. 1988
6. Конституция Российской Федерации 1993 г. // Российская газета
7. ФКЗ «О Конституционном суде Российской Федерации» // Российская газета
8. Нудель М.А. Конституционный контроль в капиталистических государствах. М.: Юридическая литература. 1968
9. ФКЗ «О конституционном суде Российской Федерации»// Российская газета

### Об авторе

Мазур Т.В. – аспир. Брянского государственного университета им. акад. И. Г. Петровского, bryanskgu@mail.ru.

**ИНФОРМАЦИОННАЯ ПРИРОДА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Т.Ю. Родина

Рассмотрены понятие и признаки правового регулирования, важнейшим признаком которого в юридической науке принято считать цель надлежащего и эффективного упорядочения общественных отношений. Показано, что объект правового регулирования - это общественные отношения, относящиеся к области человеческой жизнедеятельности, имеющие волевой характер. Обосновано, что правовое регулирование имеет информационную сущность, то есть представляет собой определенную организацию информационных потоков, разновидность движения информации. Сделан вывод об определяющей роли информации в процессе правового регулирования, а также о том, что объектом правового регулирования является идеальная информационная модель реальных общественных отношений.

**Ключевые слова:** природа правового регулирования, признаки, правового регулирования, правовое регулирование - разновидность движения информации, информационные процессы.

Общественное отношение-это совокупность социальных связей, возникающих между людьми. Общество - совокупность индивидов, сплоченных посредством разнообразных социальных связей. Следовательно, основной признак общественных отношений и общества — социальная связь. Можно говорить о следующих главных сферах, из которых состоит общество: экономическая, социально-политическая, духовная и семейно-бытовая[4]. Соответственно мы можем выделить четыре главные социальные связи. Но связь, как определенным образом организованное отношение всегда требует субъекта и объекта организации. Даже когда мы говорим о стихийно-формирующихся общественных связях, мы подразумеваем самоорганизацию людей, но любое конкретное отношение между людьми возникает в результате определенных действий человека, поскольку человек - существо наделенное сознанием и волей. Следовательно, все человеческие отношения определенным образом организуются, то есть на них воздействуют, ими управляют. Так возникает понятие социальное управление. В этом понятии можно выделить определяющие элементы. «В качестве определяющих элементов выступают управляемая система (объект управления) и управляющая система (субъект управления). ...человек всегда и везде выступает как главный компонент и объекта и субъекта управления. Это обусловлено тем, что в социальной сфере человек выступает и в роли управляющего, и в роли управляемого одновременно, являясь участником самых различных социальных связей, нуждающихся в соответствующем упорядочении»[6,с.6]. Таким образом, объектом социального управления выступают действия людей. Хотя понятие «действие человека» следует толковать очень широко. Любое поведение человека, результаты такого поведения - его действия. Объектом социального управления является как взмах рукой (солдат отдает честь командиру), так и сооружение, механизм, создаваемый человеком и функционирующий в будущем без его помощи (строитель строит дом на пятьдесят лет и отвечает в течение всего времени за соблюдение строительных норм и правил при строительстве). Когда «управление рассматривается в качестве общественно необходимой или социальной категории, его объектом является поведение, поступки, действия людей»[8].

Говоря о правовом регулировании, В.М. Горшенев имеет в виду, прежде всего государственное управление, как властное воздействие органов государства на общественные отношения посредством права, «...общая фактическая сторона государственного управления, образующая сущность руководства обществом, необходимо облекается в соответствующую нормативно-правовую форму, которая непосредственно выражается в организационно-правовых формах и способах правового регулирования. В этом смысле правовое регулирование выступает не только как объективно необходимое опосредование фактической управленческой деятельности, но и как специфическое средство осуществления руководства с указанием адресата (исполнителей вообще или персонифицировано), характера социальных свя-

зей, желаемых результатов и способов обеспечения[6, с.16].

С помощью правового регулирования достигается нормативная определенность всей системы государственного управления, ибо без права невозможно правильно организовать управление самыми различными сферами жизни[11].

Мысль о том, что правовое регулирование напрямую связано с государственным воздействием поддерживает и С.С. Алексеев. В качестве основных признаков правового регулирования он выделяет следующие. Во-первых, правовое регулирование осуществляется при помощи общеобязательных норм, в конечном счете, всегда исходящих от государства. Правовое регулирование является в принципе государственным регулированием. Во-вторых, правовое регулирование опирается на возможность использования принудительной силы государства. В-третьих, правовое регулирование связано с действием определенного механизма, охватывающего всю совокупность юридических средств[1, с.6]. Если первые два признака фактически указывают на субъекты правового регулирования, то третий отвечает на вопрос, как, каким образом осуществляется правовое регулирование. Механизм или структура правового регулирования охватывает целую систему средств и способов правового регулирования, а основными его элементами принято считать юридическую норму, правоотношения и акты реализации права[1, с.34]. Юридические нормы рассматриваются как главные юридические средства, они регламентируют общественные отношения. «Урегулировав определенное общественное отношение, норма (или, как правило, совокупность норм, образующих правовую форму данного вида отношений) устанавливает, кто может быть участником отношения, при каких условиях отношение может возникнуть, как должны вести себя участники, как может данное отношение прекратиться. Таким образом, на основании правовой нормы создается определенный остов, костяк, «арматура» реального отношения»[14]. Правоотношения являются той формой, в которой существуют юридические права и обязанности. Юридические факты - условия, с которыми нормы права связывают возникновение или изменение правоотношений. С помощью актов реализации субъективные юридические права и обязанности претворяются в жизнь. Эти и другие части механизма правового регулирования глубоко взаимосвязаны и взаимодействуют. Отдельно С.С. Алексеев выделяет общие дозволения и общие запреты, которые не совпадают ни с нормами права, ни с правоотношениями. Это «самостоятельные, особые субстанциональные правовые явления. ...Выполняя в праве регулятивно-направляющую роль и выступая для субъектов в виде определенной меры свободы (долга), общие дозволения и общие запреты одновременно действуют и через всю систему связанных с ними юридических норм и их комплексов, т.е. через типы правового регулирования и правовые режимы»[2, с.229]. Ученый делает вывод, что исходя из социальной природы и юридических особенностей рассматриваемых правовых явлений, наиболее целесообразным обобщенным терминологическим обозначением общие дозволения и общие запреты будут общие регулятивные (правовые) начала [2, с.231].

Важным признаком правового регулирования в юридической науке также принято считать цель надлежащего и эффективного упорядочения общественных отношений. «... регулированием можно назвать только такое воздействие, при котором ставятся достаточно ясно обозначенные цели... Если же под воздействием законодательного акта или его норм наступают последствия, не предусмотренные законодательством, а в некоторых ситуациях и противоречащие целям законодателя, то такое воздействие не может считаться правовым регулированием»[9]. На первый взгляд, такой признак может вызвать сомнения. Ведь именно в процессе правового регулирования применяется комплекс юридических средств, необходимых для организации общественного отношения. Какой термин следует применить, если не достигнута цель правового регулирования? Ответ следует искать в разграничении понятий правового регулирования и правовое воздействие. Признак выбран верно.

А.В. Малько пишет: «Если правовое регулирование обычно определяют как осуществляемое всей системой юридических средств воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения, то правовое воздействие как взятый в единстве и многообразии весь процесс влияния права на социальную жизнь, сознание и поведение людей»[12]. Различия автор

находит в следующем. Во-первых, предмет правового регулирования несколько уже предмета правового воздействия. В последний входят и такие экономические, политические, социальные явления, которые правом не регулируются, но на которые оно, так или иначе, распространяет свое влияние. Во-вторых, если правовое регулирование, как специально-юридическое воздействие, связано с установлением конкретных прав и обязанностей субъектов, с прямыми предписаниями о должном и возможном, то правовое воздействие не всегда связано. Если первое означает осуществление правовых норм через правоотношения, то второе - не обязательно. Отсюда правовое регулирование означает также и правовое воздействие, но правовое воздействие не всегда означает сознательное нормирование общественных отношений[12].

«В результате правовой регуляции формируется правовая основа, определяются ориентиры для организации деятельности участников регулируемых отношений и достижения фактических целей права. Но сама эта деятельность и достигаемые в процессе ее осуществления результаты содержанием правового регулирования не охватываются и связаны с иными звенями механизма действия права»[5]. К ним относят информационно-психологический (мотивационный, импульсивный), воспитательный (педагогический, ценностно-ориентационный, общеидеологический) и социальный аспекты действия права.

Таким образом, правовое регулирование есть часть правового воздействия, которая характеризуется достижением целей упорядочения общественных отношений, применением конкретных средств регулирования и имеет вполне конкретный, определенный правом, объект. «Под предметом правового регулирования понимаются те разнообразные общественные отношения, которые составляют непосредственный объект юридического воздействия»[1,с.52]. Это общественные отношения, которые по своей природе могут поддаваться нормативно-организационному воздействию и в конкретно-исторических условиях требуют правового регламентирования[9]. То есть тот круг общественных отношений, который нуждается в правовой регламентации с точки зрения общества и государства, который может быть и должен быть урегулирован. Какие именно эти правоотношения? Здесь у большинства авторов нет единой точки зрения. Лишь с большой долей условности можно выделить сферы регулирования: экономическая, сфера государственного, межгосударственного и муниципального управления, сфера охраны правопорядка, сфера защиты и обеспечения личных нематериальных прав граждан, сфера интеллектуальной собственности и т.д. Все области человеческой жизнедеятельности взаимосвязаны и достигнуть цели упорядочения общественных отношений можно только при комплексном воздействии правовых средств. А что конкретно должно быть урегулировано решается при возникновении реальных жизненных обстоятельств, причин и условий их наступления, которые в совокупности и определяют необходимость правовой регламентации. Хотя, конечно, всегда есть ограничения для вторжения государства и закона в личную жизнь граждан, в отношения любви, дружбы, веры.

Все исследователи однозначно сходятся в одном: объект правового регулирования - это волевая деятельность людей, поскольку человек наделен разумом и волей. «... право обращено главным образом к воле человека, поскольку именно эта сторона психической деятельности индивида получает непосредственное выражение в его сознательной деятельности»[16]. А кроме того, те общественные отношения регулируются правом, которые можно урегулировать с помощью правового механизма. Юридические средства ограничены и взаимосвязаны. Так, скажем, без нормативного регулирования невозможно и индивидуальное правовое воздействие, потому что оно всегда осуществляется на основе норм права.

В каждом общественном отношении можно выделить элементы, которые подвергаются правовому воздействию. Под элементами (сторонами) общественных отношений имеются ввиду свойства, которые присущи общественному отношению как явлению объективной реальности и которые находят свое выражение не только непосредственно в поведении людей, но и в положении участников данного общественного отношения, его объектах и внешних условиях его движения[3]. Так, выделяются элементы: 1) поведение отдельных людей или деятельность организаций людей в определенных общественных отношениях; 2) субъекты (определение субъектов права); 3) факты (квалификация юридических фактов); 4) предмет

правоотношений (определение предмета правоотношений)[7].

Отдельно следует обратить внимание на такой вид общественных отношений как организационные. В.М. Горшенев среди основных признаков таких отношений выделяет: а) их вспомогательный, служебный характер по отношению к «организуемым» социальным связям; б) они складываются ради реализации «чужого» интереса, заложенного в «организуемых отношениях»; в) они построены на началах субординации и, как правило, имеют иной состав участников, нежели состав участников, связанных с ними «организуемых» отношений[6, с.30]. О.А. Красавчиков следующим образом определяет организационные отношения: «...это такие построенные на началах координации и субординации социальные связи, которые направлены на упорядочение (нормализацию) иных общественных отношений, действий их участников, либо формирование социальных образований»[10].

Учитывая все вышесказанное, следует сказать, что объект правового регулирования - это общественные отношения, относящиеся к области человеческой жизнедеятельности, имеющие волевой характер; они могут быть урегулированы с помощью юридических средств и ограничены сферой государственных и общественных интересов; в них можно выделить отдельные элементы правового воздействия; разновидностью этих общественных отношений являются организационные отношения; воздействие на них осуществляется в целях их организации и упорядочения.

Однако понятие правового регулирования не исчерпывается приведенным определением. Для достижения целей настоящего исследования важно, что правовое регулирование имеет информационную сущность, то есть представляет собой определенную организацию информационных потоков, разновидность движения информации. Впервые указанная идея в полной мере была раскрыта в труде А. Ф. Черданцева «Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике», где правовое регулирование рассматривается как идеальный процесс воздействия права на общественные отношения. «Спецификой юридической науки является то, что идеальные теоретические объекты отражают, в свою очередь, не только материальный, но и идеальный мир правового регулирования. Объектами отражения и познания юридической науки выступают в числе прочих и идеальные объекты механизма, системы правового регулирования. Правовое регулирование, его элементы (нормы, нормативные акты, индивидуальные решения, права и обязанности и т.д.), также как и наука, - это определенная форма отражения действительности. И в качестве таковой его элементы выступают как идеальные объекты, как формы мысли, иные психические формы, отражающие действительность»[15].

Автор, также как и другие ученые, обязательным признаком правового регулирования называет сознательно-волевой характер. И именно этот признак показывает на такое свойство правового регулирования, как его нематериальность. «Правовое регулирование не может быть отнесено к материальному, вещественному регулированию (к химическому, физическому, механическому и т.п.), наподобие регулирования течения воды в ирригационных, водопроводных системах, движения электротока в электросетях, пара в системах сложных парообразователей и т.д. В правовом регулировании нет воздействия материи на материю. Оно проявляется в воздействии мысли, подкрепленной волей, на сознание мыслящих и волящих субъектов»[15]. Соответственно делается вывод, что поскольку правовое регулирование носит идеальный характер (осуществляется через волю и сознание людей), то элементы механизма правового регулирования в своем большинстве идеальны. И нормы права, и принципы права, и субъективные права и юридические обязанности и т.д. А, следовательно, можно говорить об идеальности всей правовой системы, «...можно утверждать, что правовая система — это система идеальных объектов: норм права, принципов и оценок правосознания, обобщенных идеальных моментов юридической практики (интерпретационных норм или правоотношений)»[15]. Что же собой представляет этот идеальный мир правового регулирования? Ведь общественные отношения существуют и организуются вполне реально. И вот здесь мы обращаемся к нашим рассуждениям в первой главе. С момента зарождения общества, на заре человечества, что опосредовало сплочение людей, их совместную деятельность? Благодаря чему люди образовывали семьи, торговали, строили города, государства, воевали и праздновали победы? Какой феномен лежит сегодня в начале третьего тысячелетия в основе экономических, политических, культурных процессов глобализации? Информация. Информационные потоки.

Информационные отношения. А значит, что в основе отдельных процессов, происходящих в обществе, в основе правового регулирования находится информационная энергия.

«Правовое регулирование - это разновидность движения информации. Здесь мы видим различного уровня и рода «генераторов» информации (правотворческие органы, правоприменяющие и другие субъекты, например, заключающие договор) и рецепторов информации (адресатов)»[15]. Но мы помним, что один из признаков информации - зависимость от материальных объектов и, в первую очередь, зависимость от материального носителя информации. Поэтому только через материальную форму идеальные информационные объекты могут стать доступными для восприятия лицами, участвующими в правовом регулировании. А такой информационной материальной формой для правового регулирования выступает язык.

Таким образом, идеальные объекты как средства правового регулирования выступают в единстве мысли и знака как логико-языковые феномены[15].

Действие механизма правового регулирования на основе информационных процессов удачно раскрывает М.М. Рассолов. Ученый считает, что тот или иной субъект регулирования располагает разнообразными юридическими актами, ведомственными положениями, в которых содержится разнообразная информация о самих регулируемых фактических общественных отношениях, о правоотношениях, о субъективных юридических правах и обязанностях и т.п. В частности, это информация о круге фактических общественных отношений, на которые распространяется действие юридических норм, т.е. о видах регулируемых отношений, и отсюда о субъектах отношений и их юридических правах и обязанностях; информация о содержании поведения людей, на которых распространяется действие юридических норм; информация об обстоятельствах, с наступлением которых связывается возникновение, изменение, а также прекращение возможного или должно го поведения. Вся вместе взятая данная информация является специфической «программой», которой руководствуется субъект регулирования.

«При наличии юридических фактов информация об общих требованиях «жесткой программы» субъекта регулирования конкретизируется в правоотношениях как каналах правовой связи.... Открывается возможность для приведения в действие специальных средств обеспечения юридических обязанностей и в случае необходимости — для применения мер принудительного воздействия. Информация доходит до объекта регулирования. После этого происходят акты реализации субъектами своих субъективных юридических прав и обязанностей, при которой правовое регулирование достигает своих целей - воплощается в поведении конкретных лиц. По каналам обратной связи от объекта регулирования к субъекту непрерывно поступает информация о поведении конкретных участников правоотношений, лиц. Субъект регулирования на основе получаемой информации вырабатывает дополнительные воздействия юридического характера на объект, определяет дальнейшее поведение людей»[13].

Так можно сделать вывод об определяющей роли информации в процессе правового регулирования. В данном случае рассмотрен подход к правовому регулированию несколько с иной стороны, чем в начале данной главы, проанализирована сущность этого феномена правовой общественной жизни, его четко-организованное сочетание идеально сконструированных элементов с необходимыми материальными явлениями окружающего мира.

Правовое регулирование имеет информационную природу, это организация информационных потоков, имеющая целью упорядочить общественные отношения исходя из интересов данного общества и государства. Информационные механизмы сложны и разнообразны. Их задача — взаимодействие с волей и сознанием индивида и социальных групп. Их основание — язык, представляющий собой совокупность смысловых символов и знаковых систем.

Объект правового регулирования — идеальная информационная модель реальных общественных отношений (экономических, управлеченческих, организационных и т. д.). В процессе правового регулирования эти общественные отношения преобразуются в соответствии с идеальной моделью, установленной государством. Сама информационная модель изменяется, пересматривается в зависимости от реальных потребностей общества, то есть происходит и обратная связь, когда благодаря информационным потокам в обществе, сложившиеся общественные отношения влияют на отдельные компоненты и целые блоки пра-

вой модели. В результате указанный правовой процесс достигает поставленных целей надлежащего упорядочивания общественных отношений.

Учитывая вышесказанное следует заключить, что феномен права как явления — это информационный феномен, многоуровневая информационная система. Право имеет информационную сущность, это информационный механизм регулирования общественных отношений. Нормы, правила поведения - это общеобязательная информация, установленная для физических и юридических лиц. Работа правопримениеля — его интеллектуальная деятельность с информацией. Анализ доказательств, квалификация — обработка информации. Решение по делу — информационное установление. Все правовые механизмы представляют собой определенным образом организованный оборот информации. Правовая наука, изучая эффективность действия права, по существу, рассматривает более совершенные формы движения информации, изменение системообразующих информационных связей в обществе.

Любое общественное отношение - информационно. Люди могут общаться между собой и воспринимать что-то только через информационное опосредование. Но информация может существовать только на материальном носителе. Потому если связью между людьми является информация, то должны быть проводники этой связи. Ими и выступают материальные носители. Также и в праве. Нормы должны быть закреплены в нормативных актах. Правоприменительный процесс облекается в строгую материальную форму. Причем материальная форма понимается здесь в широком смысле, как любые действия человека, совершаемые физически, в том числе и составление письменных документов.

Таким образом, если рассматривать социальное отношение с позиции движения информации, то и право можно анализировать как информационную систему идеального содержания и материальной формы, предназначенную для упорядочивания общественных отношений, представляющую собой организованные процессы создания, обработки и движения специальной правовой информации.

In this article a matter and the principles of legal regulation are dealt. The most important feature of legal regulation in law science is considered to be a purpose of proper and effective regulation of social relations. It is shown that the object of legal regulation is social relations related to the sphere of human life having willed character. It is established that legal regulation has got informational matter so it represents some definite organization of information flows, a variety of information movement. It is concluded what is a definite role of information in the process of legal regulation and also that an object of legal regulation is an ideal information model of real social relations.

*The key words:* a nature of legal regulations, features of legal regulation, legal regulation – is a kind of information movement, information processes.

### Список литературы

1. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. Изд-во «Юридическая литература». М., 1966.
2. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. Изд-во «Юридическая литература». М., 1989.
3. Алексеев С.С. Общие теоретические проблемы системы советского права. Госюриз-дат. 1961. С. 40-41.
4. Афанасьев В.Г. Научное управление обществом. Политиздат. М., 1968. С. 98
5. Гойман В.И. Действие права (методологический анализ). М., 1992. С. 56.
6. Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. Изд-во «Юридическая литература». М., 1972.
7. Кнапп В. По поводу дискуссии о системе права // Советское государство и право. 1957. №5. С. 115.
8. Козлов Ю.М. Некоторые теоретические вопросы управления как социальной функции // Вестник МГУ. Право. 1968. № 2. С. 15.
9. Коллектив авторов. Теория государства и права. Учебник под ред. Корельского В.М., Перевалова В.Д. Изд-во «Норма». 2000. С. 264-267.
10. Красавчиков О.А. Гражданские организационно-правовые отношения // Советское государство и право. № 10. 1966. С. 53.

11. Лунев А.Е. Правовые проблемы науки управления // Советское государство и право. 1966. № 12. С. 36.
12. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. Изд-во Саратовского ун-та. Саратов, 1994. С. 10.
13. Рассолов М.М. Проблемы управления и информации в области права. Изд-во «Юридическая литература». М., 1991. С. 42-43.
14. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. Изд-во «Юридическая литература». М., 1974. С. 102.
15. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. УИФ «Наука». 1993. С. 5-9.
16. Явич Л.С. Проблемы правового регулирования советских социалистических отношений. Госюриздан. М., 1961. С. 26.

### **Об авторе**

Родина Т.Ю. – Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, bryanskgu@mail.ru.

**УДК 343.18**

## **К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРИЗНАКОВ БАНДИТИЗМА ПО УК РФ**

С.Л. Крамарев

Рассмотрен вопрос об уточнении признаков бандитизма для правильной квалификации совершающего преступного деяния и отграничения от иных преступлений. Анализируя нормы уголовного законодательства, судебную практику и существующие точки зрения в науке уголовного права, автор приходит к выводу о том, что нельзя рассматривать объединение лиц для совершения единичного преступления как банду. Кроме этого, требуется законодательно пересмотреть значимость такого признака как организованность, поскольку он поглощает признак устойчивости. Следует в качестве цели создания банды, рассматривать не только «нападение на граждан и организации», но и на «их имущество».

**Ключевые слова:** бандитизм, организованность, устойчивость, единичность преступления, цель создания банды.

Среди различных форм преступной деятельности, особое место занимает совершение преступления в банде. На практике порой возникают трудности, связанные с отграничением банды от иных форм совместной преступной деятельности. Одной из причин этого, является с моей точки зрения, несовершенство законодательно закрепленных признаков банды.

Статья 209 УК РФ определяет банду как устойчивую и вооруженную группу, созданную в целях нападения на граждан или организации[1].

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. N 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм»[2], понятие и признаки банды сформулированы в соответствии с теoriей уголовного права и многолетней следственно-судебной практикой, что, однако, не только не разрешило всех вопросов, но и поставило ряд новых, которые нуждаются в обсуждении.

Статья 209 УК РФ непосредственно не рассматривает понятие группы. Оно дано в Общей части УК РФ, где в п.1 ст. 35 указывается, что «преступление признается совершенным группой лиц, если в его совершении совместно участвовали два и более исполнителя».

Пленум Верховного Суда РФ дополняет, что лица эти достигли 16-летнего возраста. Нельзя рассматривать как банду преступную группу, состоящую из одного взрослого и подростка в возрасте от 14 до 16 лет. В этих случаях, как справедливо указывается в постановлении, «лица в возрасте от 14 до 16 лет, совершившие различные преступления в составе банды, подлежат ответственности лишь за те конкретные преступления, ответственность за которые предусмотрена с 14-

летнего возраста (ст.20 УК РФ)». На мой взгляд, нельзя также говорить о наличии банды, если преступную группу образуют, например, психически здоровый человек и невменяемый.

Вместе с тем нельзя согласиться со следующей позицией постановления Пленума Верховного Суда РФ. В п. 10 постановления указывается, что «в соответствии с ч.2 ст.209 УК как бандитизм должно квалифицироваться участие в совершающем нападении и таких лиц, которые, не являясь членами банды, сознают, что принимают участие в преступлении, совершающем бандой». Предпринятая Верховным Судом РФ попытка разделить всех лиц, образующих банду, на членов банды и лиц, принимающих участие в совершаемых бандой преступлениях, но членами ее не являющихся, представляется неудачной. Думаю, что любое участие лица в совершаемых бандой преступлениях дает основания для признания этого лица членом банды со всеми вытекающими правовыми последствиями.

Следующий важный признак банды - ее устойчивость. Статья 209 УК называет банду устойчивой преступной группой, что вызывает возражения по следующим основаниям. Эта статья находится в определенном противоречии со ст. 35 УК, которая называет четыре вида преступных групп: группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа и преступное сообщество (преступная организация). В ст.35 УК ничего не говорится о таком виде преступной группы, как устойчивая группа, а сама устойчивость рассматривается как один из признаков организованной группы. Возникает вопрос - является ли банда одним из видов преступной группы, указанных в ст.35 УК, или нормы Общей части Уголовного кодекса не распространяются на ст.209 УК?[3]

Полагаю, что банда по сути своей является организованной группой, обозначенной в п. 3 ст. 35 УК, но имеет такой дополнительный признак, как вооруженность. Было бы правильно, если бы законодатель в ст. 209 УК указал, что банда - это организованная вооруженная группа. Видимо, так же понимая недостатки в законодательном определении банды, Пленум Верховного Суда РФ пытается поправить законодателя, назвав банду организованной устойчивой вооруженной группой. Таким образом, употребляя понятия «организованная» и «устойчивая», он рассматривает их как весьма близкие.

Имеется и другая позиция относительно соотношения понятий «организованная» и «устойчивая». Так, некоторые юристы считают, что устойчивость банды складывается из трех обязательных компонентов:

1. предварительной договоренности о совершении нападений;
2. более-менее длительного времени существования;
3. организованности.

При этом организованность рассматривается как компонент более широкого понятия устойчивости[4].

Представляется, что все как раз наоборот: устойчивость - это только один из признаков организованной преступной группы, хотя и из наиболее важных. Поэтому когда в постановлении Пленума Верховного Суда РФ бандой называется организованная группа, то было бы естественным ожидать, что далее будут разъяснены признаки такой группы. Но говорится только об одном ее признаке - устойчивости. «Об устойчивости банды, - указывается в этом документе, - могут свидетельствовать, в частности, такие признаки, как стабильность ее состава, тесная взаимосвязь между ее членами,

согласованность их действий, постоянство форм и методов преступной деятельности, длительность ее существования и количество совершенных преступлений».

Действительно, почти все эти признаки указывают на устойчивость банды, но упоминание в постановлении такого признака, как «постоянство форм и методов преступной деятельности», вызывает возражения. Дело в том, что как раз организованная преступная группа, к особому виду которой и относится банда, оказывается способной к использованию сложных способов совершения и скрытия преступлений, к их постоянному изменению и совершенствованию. Поэтому ни о каком постоянстве форм и способов преступной деятельности при длительной перспективе существования банды говорить не приходится.

По моему мнению, в рассматриваемом постановлении следовало раскрыть признаки

банды, характеризующие ее прежде всего как особый вид организованной преступной группы. К этим признакам я отношу:

- устойчивость преступной группы;
- постоянное совершение преступлений как цель объединения группы;
- формирование психологической структуры группы, выдвижение лидера - ее организатора, руководителя и вдохновителя;
- распределение ролей при совершении преступлений;
- осуществление подготовки к совершению преступлений;
- возможность использования сложных способов совершения и сокрытия преступлений;
- поддержание в группе строгой дисциплины; замена личных отношений в группе на деловые, основанные на совместном совершении преступлений;
- выработка в группе единой ценностно-нормативной ориентации;
- распределение преступных доходов в группе в соответствии с положением лица в структуре группы;
- создание в группе специального денежного фонда.

На практике при квалификации банды как особого вида организованной преступной группы могут возникнуть некоторые сложности. Так как преступная группа - это живой социальный организм, который постоянно развивается по присущим ему законам, источником такого развития любой преступной группы является ее «успешная» преступная деятельность. Развитие групп идет от простых видов - группы лиц и группы лиц по предварительному сговору к более сложным - организованной группе и преступному сообществу (преступной организации). В своем развитии некоторые преступные группы окажутся промежуточными, переходными, когда в них можно будет обнаружить признаки, например, группы лиц по предварительному сговору и признаки организованной группы, и эти группы не будут точно укладываться в те виды преступных групп, которые указаны в ст. 35 УК. Как быть в таких ситуациях практическим работникам, расследующим конкретные уголовные дела?

Думается, что в этих случаях следует в первую очередь принять во внимание императивные, обязательные признаки организованной группы. Так, в п. 3 ст. 35 УК указано два обязательных признака - устойчивость группы и наличие цели ее объединения для постоянного совершения преступлений. При наличии указанных признаков должны приниматься во внимание и другие факультативные признаки организованной группы, указанные выше. Если даже некоторые из них не установлены по конкретному уголовному делу о бандитизме, то это не является препятствием для квалификации группы как организованной, а при наличии других признаков банды все совершенные преступления квалифицируются как бандитизм по ст. 209 УК.

Следующий обязательный признак банды - ее вооруженность. Пленум Верховного Суда РФ, решая этот вопрос, в п.5 своего постановления указывает, что «признаком банды, предусмотренным ст. 209 УК РФ, является ее вооруженность, предполагающая наличие у участников банды огнестрельного или холодного, в том числе метательного, оружия, как заводского изготовления, так и самодельного, различных взрывных устройств, а также газового и пневматического оружия»[5].

Пленум исходит из широкого понимания оружия, предлагая практическим работникам руководствоваться при его определении Законом Российской Федерации «Об оружии», а в спорных случаях использовать заключения соответствующих судебных экспертиз. Пленум обоснованно отверг предложение некоторых ученых о том, чтобы не относить к оружию газовое и пневматическое при решении вопроса о вооруженности банды[6].

Еще один из важнейших признаков банды - это цель ее создания. Такой целью является, как говорит уголовный закон, «нападения на граждан или организации». Этим банда отличается от организованной преступной группы, предусмотренной п. 3 ст. 35 УК, целью объединения которой является совершение одного или нескольких преступлений. Таким образом, банда создается для более опасной преступной деятельности. Пункт 6 Постановления разъясняет, что следует понимать под нападением банды, это: «...действия, направленные на достижение преступного результата путем применения насилия над потерпевшим либо соз-

дания реальной угрозы его немедленного применения»[7]. Из этого разъяснения Пленума Верховного Суда можно сделать несколько выводов: сутью нападения при бандитизме является насилие или угроза его немедленного применения; насилие связано с применением или угрозой применения оружия, с угрозой для жизни или здоровья граждан.

Вместе с тем Пленум не разрешил вопроса о том, можно ли рассматривать как нападение случаи, когда банда уничтожает какое-то ценное имущество: взрывает или поджигает офис, квартиру, автомашину, а граждане - при этом не пострадали. Возникает вопрос - можно ли такие действия квалифицировать по ст.209 УК? Полагаю, что в указанных случаях все действия банды такого рода, повлекшие ущерб, хотя люди и не пострадали, также следует рассматривать как нападение, совершенное бандой, и квалифицировать такие действия при наличии других необходимых признаков как бандитизм.

Постановление содержит еще одно весьма спорное положение. Разъяснения цели создания банды, в п. 2 указывается, что "банда может быть создана и для совершения одного, но требующего тщательной подготовки нападения". На мой взгляд, такое разъяснение не вытекает из ст. 209 УК. Кроме того, высказанная позиция находится в явном противоречии с п. 4 постановления, где говорится, что об устойчивости банды может свидетельствовать «длительность ее существования и количество совершенных преступлений». Вряд ли следует считать устойчивой банду, созданную для совершения одного преступления. Это может быть группа лиц, совершившая преступление по предварительному сговору, предусмотренное п.2 ст.35 УК, но признавать бандой группу, совершившую только одно преступление и затем прекратившую свою преступную деятельность, оснований не имеется.

Думаю, что необходимо в п.п. 1 и 2 ст. 209 УК внести изменения: слово «устойчивой» заменить на «организованной», что будет более точно соответствовать характеру банды. Необходимые изменения следует внести и в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. N 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм».

This work touches upon the issue of detailization of signs of gangsterism and the main task is to qualify the criminal act and to tell this act from other acts. The author has analyzed the criminal law rules, the court practice and the points of view that exist in criminal law science and he comes to the conclusion that it's impossible to regard a union of persons that aimed at committing a single crime as a gang. Besides, it's necessary to revise the significance of such sign of gangsterism as organization because it means stability. The purpose of a gang is not only attack to citizens and organizations but the attack to their property.

*The key words:* gangsterism, organization, stability, singleness of a crime, purpose of a gang formation.

### Список литературы

1. Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. N 25. Ст. 2954.
2. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1997 г. N 3. с. 2.
3. В. Быков. Банда - особый вид организованной вооруженной группы // Российская юстиция. 1999. N 6.
4. В.Ю. Стельмах. Понятие устойчивости банды // Следователь. 1997. N 5.
5. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1997 г. N 3. с. 2.
6. А. Андреева, Г. Овчинникова. Квалификация бандитизма // Законность. 1996. N 4. С. 18.
7. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1997 г. N 3. с. 2.

### Об авторе

Крамарев С.Л.- Брянский государственный университет, им. акад. И.Г. Петровского, bryanskgu@mail.ru.

## ФИЛОСОФИЯ

УДК-001.2

### О СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЯХ РАЗВИТИЯ НАУКИ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТ К.ПОППЕРА, Т.КУНА, И.ЛАКАТОСА)

М.М. Грибова

В данной статье рассматриваются основные положения современных концепций развития науки. К.Поппер в качестве основного принципа развития науки выдвигает фальсифицируемость; Т.Кун – смену господствующих парадигм; И.Лакатос – конкуренцию научно-исследовательских программ.

**Ключевые слова** – наука, фальсифицируемость, научная парадигма, научно-исследовательская программа.

Среди целого ряда авторов и работ, посвященных исследованию становления и развития науки, на наш взгляд, важное место принадлежит Карлу Попперу, Томасу Куну, Имре Лакатосу.

Так, Карл Раймунд Поппер (1902 - 1994) выступает против традиционного эмпирического принципа верификации, то есть опытного подтверждения научных положений.

Мыслитель утверждает, что всеобщее не может быть верифицировано, то есть подтверждено эмпирическими фактами и наблюдениями. Взамен верификации Поппер выдвигает принцип *фальсификации*, заключающийся в следующем положении: научное знание должно быть принципиально опровергимым. ("Предположения и опровержения. Рост научного знания", 1963).

Поппер выступает противником эмпирического метода познания и пытается доказать, что «критерием научного статуса теории является ее фальсифицируемость, опровергимость, или проверяемость».

Критерий фальсифицируемости выступает у него основным и содержит в себе стратегию научного исследования. Вначале следует предположение, затем - опровержение, и далее - улучшение предположений. Нетрудно заметить, что в данном случае К. Поппер (сознательно или неосознанно) опирается на диалектический закон отрицания отрицания.

Иными словами ученый должен постоянно защищать от опровержений свою теорию. Таким образом, критерий *фальсифицируемости* у Поппера играет роль критерия научной рациональности.

Согласно Попперу, науку следует рассматривать не как неизменный "корпус знания", а как систему гипотез догадок или предвосхищений - которые в принципе не могут быть оправданы и которыми мы пользуемся до тех пор, пока они выдерживают проверки. Мы не имеем права говорить, будто знаем, что они "истинны", "более или менее достоверны" или хотя бы "вероятны".

Еще одним виднейшим исследователем истории науки является Томас Сэмюэл Кун (1922- 1996). В работе по истории науки «Структура научных исследований» мыслитель раскрывает механизм трансформации и смены ведущих представлений в науке. Философ убежден, что путь к созданию теории науки проходит через изучение истории науки.

Самыми важными основаниями науки Кун считает *парадигмы*: «Под парадигмами я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений».

Т.Кун вводит понятие “нормальная наука” - «...исследование, прочно опирающееся на одно или несколько прошлых научных достижений — достижений, которые в течение некоторого времени признаются определенным научным сообществом как основа для его дальнейшей практической деятельности».

Далее научная революция неизбежно приводит к замене господствующей парадигмы. Под парадигмой Кун понимает не только теорию, но и способы, методы познания в науке, или, как он называет, модель, образец решения исследовательских задач. Это новый термин

и новое понятие в рамках толкования научной революции. Позже, столкнувшись с тем, что в «парадигму» вкладывалось не то понятие, которое придавал ей Кун, он заменил ее термином «дисциплинарная матрица».

Некоторые исследователи концепции Куна, к примеру, С.Р. Микулинский и Л.А.Маркова считают, что ключевым понятием в ней является не парадигма, а понятие научного сообщества: «Именно введение понятия научного сообщества наряду с представлением о характере так называемой нормальной науки является самым оригинальным в концепции Куна. На них держится вся его теория. Научное сообщество в контексте его теории выступает как логический субъект научной деятельности. Ученый, согласно концепции Куна, может быть понят как ученый только по его принадлежности к научному сообществу, все члены которого придерживаются определенной парадигмы; последняя же в свою очередь характеризуется совокупностью знаний и особенностями подхода к решению научных проблем, принятых данным научным сообществом».

То есть по Куну история науки - это не только история идей. Важна роль человека-ученого.

Историю развития науки можно выразить в схеме, суть которой заключается в следующем: на базе идей одной или нескольких школ возникает общепринятая парадигма; далее возникают и объясняются факты, подтверждающие эту парадигму; при этом невольно возникают так называемые аномалии – факты, противоречащие парадигме; парадигма постепенно начинает утрачивать свое значение и для объяснения возникших аномалий появляется новая теория, на основании которой в результате революции впоследствии образуется новая парадигма.

Поводя итоги, следует заметить, что Кун представляет целостную концепцию развития науки, а не ограничивается описанием тех или иных событий из истории науки. Концепция Куна рушит старые традиции в философии науки.

Ученик К.Поппера Имре Лакатос (1922 – 1974) развивал концепцию своего учителя, которая требовала немедленного отбрасывания теорий, если они сталкиваются с логическими опровержениями, и предложил свою концепцию развития науки - *утончённый фальсификационизм* или *методология научно-исследовательских программ* («Фальсификация и методология научно-исследовательских программ»). Главную идею этого принципа мыслитель видел в том, что наука есть и должна быть соревнованием исследовательских программ, соперничающих между собой. То есть сущность научной революции заключается в вытеснении одной исследовательской программой другой. Под научно-исследовательской программой он понимает серию сменяющих друг друга теорий, объединяемых совокупностью фундаментальных идей и методологических принципов. Объектом методологического анализа оказывается не отдельная гипотеза или теория, а серия теорий, то есть некоторый тип развития».

Научно-исследовательская программа имеет следующую структуру:

- «жесткое ядро», в которое входят неопровергаемые для сторонников программы, фундаментальные положения. То есть это то, что является общим для всех ее теорий (наиболее общие представления о реальности, которую описывают входящие в программу теории; основные законы взаимодействия элементов этой реальности; главные методологические принципы, связанные с этой программой). Например, жестким ядром ньютоновской программы в механике было представление о том, что реальность состоит из частиц вещества, которые движутся в абсолютном пространстве и времени в соответствии с тремя известными ньютоновскими законами и взаимодействуют между собой согласно закону всемирного тяготения;

- «защитный пояс», состоящий из вспомогательных гипотез (негативная эвристика) и обеспечивающий сохранность «жесткого ядра» от опровержений и фальсификации; он может быть модифицирован, частично или полностью заменен при столкновении с контрпримерами. Этот «защитный пояс» программы принимает на себя огонь критических аргументов. Это своего рода методологические правила, некоторые из которых указывают, каких путей следует избегать;

- «позитивная эвристика», представляющая собой нормативные, методологические правила-регулятивы, предписывающие, какие пути наиболее перспективны для дальнейшего исследования. Это стратегия выбора первоочередных проблем и задач, которые должны решать ученые. Обладая такой стратегией, ученые вправе заявлять, что они еще доберутся до

непонятных и потенциально опровергающих программу фактов.

«Программа прогрессирует, пока наличие жесткого ядра позволяет формулировать новые гипотезы “защитного слоя”. Когда продуцирование таких гипотез ослабевает и оказывается невозможным объяснить новые, а тем более адаптировать аномальные факты, наступает регressiveвая стадия развития. Исследовательская программа испытывает тем большие трудности, чем больше прогрессирует ее конкурент, и наоборот если исследовательская программа объясняет больше, нежели конкурирующая, то она вытесняет последнюю из оборона сообщества. Новая программа должна объяснить то, что не могла старая».

Оценивая эффективность исследовательской программы, Лакатос подчеркивает, «что не следует отказываться от подающей надежды исследовательской программы только потому, что она не смогла одолеть сильную соперницу. Ее не следует отбрасывать, если она, при условии, что у нее нет соперницы, осуществляет прогрессивный сдвиг проблем».

Таким образом, если программа развивается прогрессивно, то каждая последующая теория должна добавлять новые сведения, факты. Эффективность ее работы заключается в способности пополнять знания.

Главным источником развития науки, по мнению Лакатоса, является не взаимодействие теории и эмпирических данных, а *конкуренция исследовательских программ*. Именно конкуренция позволяет точнее описывать и затем объяснять наблюдаемые явления и самое важное - предсказывать новые факты.

Рассмотренные концепции не являются принципиально новыми в науковедении. Они являются логическим продолжением гносеологических исследований предшественников, основываются на диалектических законах, в целом дополняют друг друга и представляют собой теоретические модели развития науки.

This article deals with the basic concepts of modern science development. Falsifiability – is a basic principle of science development in the works of K.Popper. Kun takes the shift of the dominant paradigm as a basis, and I. Lakatos considers that the basis is the competition of research programs.

**The key words** – science, falsifiability, the scientific paradigm, the research program.

### **Список литературы**

1. Губин В.Д. Философия. М.: ТОН. 1997. С. 356-359.
2. Кохановский В. П. Философия и методология науки. Ростов на Дону: Феникс. 1999. С. 535.
3. Т.Кун. Структура научных революций. М.: Прогресс. 1977. С. 28.
4. Поппер К.Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания. М.: Ермак. 2004. С. 54.
5. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум. 1995. С. 120.

### **Об авторе**

Грибова М.М. – асс. Брянского государственного университета им. акад. И.Г.Петровского, bryanskgu@mail.ru.

## МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ

Л.В. Садовая

В статье рассматриваются три способа этической регуляции, которые используются в современных профессиональных коммуникациях. Наиболее адекватной является конвенциональная этика. Она обосновывает роль профессионального взаимодействия в индивидуальном развитии специалиста, способного совмещать цели деятельности и личностные ценности.

**Ключевые слова:** профessionальная мораль, профessionальный ethos, профessionальные добродетели, моральные права, деонтологическая этика, деонтическая этика, конвенциональная этика, принцип профessionально-этической конвенциональности, профessionальные субэтосы, информированное согласие.

Анализ профessionальной морали позволяет установить, какие личностные качества специалистов в наибольшей мере способствуют успешности его деятельности и оказывают влияние на эффективность самой сферы.

В методологическом плане при исследовании профessionальной морали используются два основных принципа: гносеологический и онтологический. Первый рассматривает мораль как сферу личностной автономии специалиста вне исполняемой профessionальной роли. Профessionальная мораль характеризуется, как производная от универсальной и определяется в виде совокупности духовно-нравственных свойств личности, способствующих реализации общечеловеческих смыслов в профессии. Роль этической регуляции направлена исключительно на индивидуальную мотивацию профessionальной деятельности, в которой абсолютизируется роль общественной морали. Задача этики видится в том, чтобы выявить механизмы формирования убежденности, что моральная активность «гражданина мира» способствует исполнению им профessionальной роли. В данном подходе функция этики нацелена на обоснование индивидуально-должного поведения профessionала, стимулирующее развитие у него универсальных личностных моральных качеств. Прилагая общие этические требования к своей профessionальной роли, он добьется успеха в профessionальной деятельности

Вторая точка зрения позволяет исследовать мораль как сферу профessionально-ролевой автономии. Профessionальная мораль определяется как внутренний компонент, который выражает уровень самоорганизации профессии как социального института. Роль морали в таком случае заключается в направленности на реализацию социальной миссии профессии. Поэтому акцент делается на нормативность профessionальной морали, которая обеспечивает рост консолидации внутри организационных структур. Моральные права специалистов обусловленные рамками профessionальной роли, приобретают социальное измерение. Задача этики в данном случае состоит в том, чтобы обосновать поведение специалиста, активизирующее соблюдение им моральных прав, которые, по мнению корпоративного сообщества, способствуют формированию доверия общества к его деятельности.

Первый подход мы определяем как деонтологический, а второй - деонтический. Деонтологическая этика трактует сущность профessionальной морали как идеальную форму долженствования общественных принципов и правил, которые человек прикладывает, «при меряет» к своей профessionальной роли, определяя, что способствует, а что нет в решении практических задач. Этической мотивацией психологического-профessionальной деятельности выступают эмоционально-волевые механизмы внушения, принуждения, подавления, что минимизирует автономию специалиста. Апелляция в большей мере к психологическим механизмам волевой сферы ограничивает проявление профessionальной автономии за счет преувеличения личностной свободы. Дистанцированность практических и идейных целей профessionальной деятельности создаёт почву для двойных стандартов оценки работы специалиста и сводит моральную регуляцию к назидательности и морализаторству.

Обращение исследователей к внутреннему содержанию позволяет выявить структурные основания морали, которые отражают системные, устойчивые связи. Наличие норматив-

ности определяет границы автономии работников, характеризует уровень их интеграции и самоорганизации. Этическая институализация профессиональной сферы актуализирует когнитивно-коммуникативные механизмы профессионально-личностной деятельности. Деонтическая этика исходит из корпоративной природы профессиональной морали, которая через нормы организации мотивирует деятельность специалиста, гарантуя его профессиональную автономию в рамках институциональных интересов. Однако абсолютизация такого подхода может привести к моральному релятивизму и формированию корпоративного эгоизма.

Основное отличие деонтического подхода в том, что профессиональная мораль рассматривается инструментально в зависимости от исполняемых профессиональных ролей, в то время как деонтологическая этика делает акцент на общечеловеческих ценностях, как цели, подчиняя специфику профессиональной деятельности универсальным идеалам.

Цели деятельности специалиста и стратегия профессиональной сферы могут иметь различные векторы. Но для того, чтобы они совпали, требуется поиск таких этических механизмов, которые бы позволили преодолеть их разнонаправленность. На наш взгляд, социокультурный подход этического анализа профессиональной деятельности способствует выявлению взаимозависимости содержания ценностей человека, интересов организации и целей общества. Эффективность профессионально-этической регуляции зависит от того, какое место ей отводится в системе ценностей профессиональной сферы, а также в профессиональном самосознании специалиста. Понимание роли и значения профессиональной морали обуславливает масштаб целей, выбор средств и ответственность всех участников профессионального взаимодействия. Профессиональная мораль регулирует уровень независимости специалиста в рамках своей деятельности, а также меру автономии самого профессионального института. Задача профессиональной этики заключается в том, чтобы определить, как свобода выбора специалиста как личности соотносится с его свободой как исполнителя специальных ролей. Решению данной проблемы способствует конвенциональная этика.

Третий подход, по нашему мнению, позволяет сочетать общественные требования к профессии и индивидуальные ценности его участников. Социокультурный контекст меняет ход научного исследования. Пространство профессиональной деятельности сегодня включает множество субъектов: социальных, индивидуальных, корпоративных, внутрикорпоративных, каждый из которых имеет собственное представление о целях и ценностях деятельности. Умение вести диалог, понимать запросы людей, согласовывать цели и задачи профессии с потребностями общества – становится важнейшим принципом профессиональной стратегии. Суть третьей позиции, которую мы определяем как этико-конвенциональную, состоит в том, что согласование целей профессиональных ролей и ценностей специалиста как личности, наиболее продуктивно в рамках этого. Профессиональный ethos – это общепризнанная система ценностей профессионального сообщества, выражающая нормативную значимость соблюдения моральных прав всех действительных и потенциальных участников взаимодействия. Роль морали в таком случае видится в осознании того, что собственный успех зависит от совокупной деятельности всех субъектов, вовлеченных в профессиональное пространство. Этос есть непосредственный медиатор этической регуляции внутри организации и фактор защиты личного достоинства специалиста в обществе. Профессиональная деятельность, рассматриваемая через симметрию морально-правовой регламентации интересов организации и специалиста, детерминирована единством общественных, личностных и корпоративных интересов, а не только чьими-то одними, в этом и заключается суть этико-конвенционального измерения профессиональной деятельности.

Задача профессиональной этики, таким образом, заключается в том, чтобы выявлять реальные, конкретные нормы, которые отвечают интересам организации в выполнении своей миссии, и одновременно учитывают личностные стратегии специалистов. Необходимо определять какие правила поведения способствуют утверждению гуманистических ценностей, а не закреплять корпоративно-профессиональную ограниченность. Этот путь ведет к росту профессиональной заинтересованности и превращает специалиста в субъекта профессиональной деятельности. С точки зрения такого подхода, этическая институализация упорядо-

чивает профессиональную коммуникацию и реализует социальную ответственность, утверждая справедливость в организации и обществе. Этосные нормы характеризует степень независимости участников производства и одновременно демонстрируют меру контролируемости (прозрачности) их деятельности для человека и общества. Этическая конвенциональность выступает критерием и показателем личностной и ролевой согласованности в деятельности специалистов. Утверждение этической конвенциональности как основы нормативно-ценостной системы профессионального этоса ведет установлению соответствия между социоморальными установками специалистов с перспективой профессионального развития организации (корпорации) и идеалов общества.

Востребованность и действенность профессионально-этической конвенциональности зависит от того, насколько в организации и обществе признаётся право специалиста на собственную позицию. Поэтому осознание специалистом своих интересов и готовность считаться с другими участниками производственного процесса определяет его способность решать гражданские, социальные и личностные проблемы. Профессионально-этическую конвенциональность можно определить как интегративный принцип и личностное качество, характеризующие нормативную значимость достижения профессиональных целей и индивидуальных ценностей в процессе производства. Она становится критерием и показателем эффективности профессиональной сферы и успешности профессионально-личностного развития специалиста, который способен соотносить в конкретных условиях цели деятельности с моральными установками общества.

Профессионально-этическая конвенциональность с одной стороны выражает общеизвестную стратегию решения корпоративных проблем в рамках социальных требований к профессии, а с другой стороны характеризует индивидуальную тактику на неконфликтность, умение совмещать собственные желания с целями профессии. Содержание и структура профессионально-этической конвенциональности имеет институциональное и индивидуальное измерение, она выражает ценность доверия, ненасилия, ответственности, справедливости, рассудительности, благородства и др. в профессиональной деятельности.

Профессиональная практика включает идентификацию с разными типами нормативно-ценостной коммуникации: нормы авторитета, свои интересы, нормы группы, нормы этоса, ценности общества, универсальные принципы. Для установления влияния той или иной нормативности морали были использованы идеи коммуникативной этики Ю. Хабермаса. Термины «действенность норм» и «нормативная значимость» характеризуют наличную дистантность норм и возможность выбора тех, которые в полной мере отвечают целям и задачам, стоящим перед данным коллективом в данном проекте.

Институциональные показатели профессионально-этической конвенциональности отражают меру ролевой автономии специалиста. А индивидуальная характеристика этической конвенциональности выражается в умении специалиста согласовывать свои обязанности с теми правами, которые гарантированы наличным типом нормативности. Наличие профессионально-этических кодексов разных уровней (от общепрофессионального до внутрикорпоративного) актуализирует личностный выбор специалиста, опосредуя сопричастность к нормативно-ценостной системе этоса и субэтосов. Формы их многообразны: договоры, кодексы, стандарты, императивы, нормативы, правила, памятки и др. Этическая кодификация профессиональных обязанностей и индивидуальных прав делает конвенциональность эффективным регулятором профессиональной деятельности и способствует развитию его личности.

Этика согласия приобретает сегодня статус и социального регулятива, и культурной ценности. Более детальный анализ позволил установить, что процесс институализации охватил и локальные структурно-функциональные сферы профессиональной деятельности - субэтосы.

Субъектом этической конвенциональности является профессиональный коллектив, организация, которая непосредственно формирует новый тип сознания и поведения специалиста – конвенциональный. Этос конвенциональности позволяет рассматривать развитие профессиональной и моральной сторон в деятельности специалиста не как подчиненные, а как равнодействующие стороны. Ориентируясь на исследование внутренних потребностей профессиональной деятельности, можно установить истинные мотивы его участников. Соот-

неся их, с ценностными установками специалистов, выявить взаимозависимость, а, следовательно, научиться координировать и управлять.

Индивидуально-личностный аспект исследования профессионально-этической конвенциональности характеризует проблему актуализации саморазвития в процессе профессиональной деятельности. Существенным условием персональной мотивации морали для специалиста является выбор, наличие или отсутствие которого определяет содержание личностного отношения к задачам. Этический выбор специалиста актуализируется в совместной конструктивной деятельности, нацеленной на такое решение задач, где у каждого своя функция, но общая стратегия, перед которой все равны. Снятие функционального неравенства прав и обязанностей, стратегии и тактики, оценки и самооценки, мотивирует сбалансированность составляющих его деятельность. Этическая конвенциональность как общепризнанная этосная ценность выступает критерием профессионально-личностной деятельности. Это позволяет избежать крайностей морализаторства и утилитаризма, и создает условия для снятия внутриличностного конфликта ценностей. Принцип конвенциональности находится на вершине пирамиды, в основании которой лежат принципы авторитаризма и индивидуализма. Конвенциональность становится парадигмой профессионального взаимодействия, выстраивая такую систему, где вертикаль «человек-общество» соотносится с горизонталью - партнерством как полноценная сфера утверждения профессионально-личностного достоинства. А применительно к внутрикорпоративным параметрам направленность профессиональной деятельности предполагает переориентацию ответственности с вертикали: перед начальством, на горизонталь: перед коллегами. Она меняет структуру ролевых отношений с воздействия - на взаимодействие и активизирует потребность личностного проявления, переводя участников профессиональной коммуникации из ранга исполнителей в субъекты профессиональной деятельности.

Сформированное общими усилиями этико-конвенциональное пространство создает систему измерения роста индивидуальной нравственности каждого и эффективности профессиональной сферы. Ее показателем становится сопряжение степени автономности субъектов, которые способны соотносить пределы индивидуальной, корпоративной топологической и темпоральной ограниченности с социальными или универсальными ценностями. Этико-конвенциональное измерение профессиональной деятельности выражает форму общественного контроля за сохранением приверженности социальным, а не корпоративным идеалам. Оно характеризует внутреннюю согласованность субъектов между собой и внутри себя. Координация этих сторон осуществляется с помощью этических кодексов, которые регулируют соотношение прав и обязанностей не только в пределах профессиональной компетенции, но и гражданской ответственности за результаты личной и коллективной работы. Признание общественной значимости этого конвенциональности как нормативно-ценостного основания деятельности усиливает самостоятельность профессионального субъекта и осознание им своего общественного предназначения.

The article considers three ways of ethical regulation which are used in modern professional communication. The most adequate is conventional ethics. It lays grounds to the role of professional interaction in a specialist individual development who capable of combining the aims of his activity and personal values.

**The key words:** professional morality, professional etos, professional virtues, moral rights, deontological ethics, deontical ethics, conventional ethics, the principle of professional-ethical conventionalism, professional subetoses, informed approval.

### **Об авторе**

Садовая Л.В.- ст. препод. Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского, sad\_lud@mail.ru

## ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК – 40.32

### ЛЕКСИКОГРАФИЯ И ЕЕ РОЛЬ В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ ПО ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Л.И. Городный

Целью статьи является определить сущность понятия **лексикография**, ее место в ряду других лингвистических дисциплин, показать ее огромный потенциал в овладении иностранным языком как средством межкультурной коммуникации. Использование в вузовском учебном процессе рационально обоснованной системы словарей, обучение студентов навыкам эффективной работы со словарями разных типов – один из мощных резервов в повышении качества подготовки студентов по иностранным языкам не только на гуманитарных, но и на неязыковых факультетах университетов. В условиях постоянно расширяющегося международного сотрудничества, растущего авторитета России в решении глобальных проблем, предстоящего вступления ее в ВТО, ощущается острая потребность в большом количестве специалистов, свободно владеющих иностранными языками.

**Ключевые слова:** лексикография: общий, переведший, педагогический, идеографический, синонимичный, кибер-лексикография.

В современной лингвистике термин **лексикография** имеет несколько значений. Во–первых, это - раздел языкоzнания, изучающий теоретические проблемы составления словарей различных типов. Во–вторых, это непосредственная практика составления словарей, и в–третьих, совокупность словарей разных типов, которыми располагает та или иная страна.

Опыт английской лексикографии, одной из самых богатых в мире, заслуживает самого пристального внимания. Анализируя общие тенденции в развитии словарного дела в Англии в период с XV по XX вв. можно выделить следующие основные группы функций, выполняемых лексикографией:

1. Учебно-дидактические функции, связанные с изучением:
  - а) языков культуры средних веков, прежде всего латинского;
  - б) современных иностранных языков (немецкого, французского и других);
  - в) английского языка.
2. Функции, связанные с описанием и нормализацией английского языка, осуществляемые толковыми, орфоэпическими, идеографическими словарями, словарями правильности речи и некоторыми другими.
3. Идеологические функции, свидетельствующие об осознании культурно-политической роли словарей в накоплении, хранении и передаче от поколения к поколению культурно-исторического наследия.

Широкий диапазон решаемых английской лексикографией задач свидетельствует об огромном влиянии ее на становление национального языка, на весь ход социально-экономического, политического, и культурно-исторического развития общества. Фактически, лексикография является ключевым разделом языкоzнания, аккумулирующим в себе достижения лексикологии, грамматики, стилистики, прагматики, истории языка и многих других наук. В отличие от лексикологии, описывающей словарный состав языка как некую макросистему, лексикография как совокупность словарей разных типов, ставит своей задачей дать по возможности полное и всестороннее описание каждой отдельной лексической единицы языка, ее этимологические, грамматические, орфоэпические, семантические и другие характеристики. Лексикография устраняет традиционное обособление лексикологии от грамматики; поскольку словарь является одновременно и грамматическим справочником, то лексикографы описывают в словарях сложные и разнообразные типы взаимодействий лексических и грамматических значений. Следует заметить, что данные лексикологии, грамматики, стилистики, прагматики и других наук используется лексикографами не механически, а творчески. Словарная работа требует от лексикографов особого лингвистического чутья, которое в значительной мере сродни писательскому дарованию. В результате этого словари, аккумулирующие и обобщающие

достижения лингвистических наук, превращаются из практических справочников в важнейший инструмент полного теоретического описания национального языка.

Отличительной чертой современной лексикографии является синтез филологии и культуры, расширение теоретической и исследовательской работы, проводимой ведущими издательствами Великобритании, Америки и России, широкое использование компьютерных технологий и, как результат, появление огромного количества словарей разных типов. Так, на книжном рынке англоязычных стран ежегодно появляется не менее сотни новых словарей. О статусе современной лексикографии как самостоятельной науки свидетельствует существование таких ее разделов как общая лексикография, двуязычная, синонимическая, идеографическая, научно-техническая, учебная (по зарубежной терминологии, педагогическая) а также относительно новая электронная лексикография или киберлексикография [1].

В современной лингвистике язык рассматривается не только как огромное множество лексических единиц и правил их употребления, но и как особая деятельность человека. Различие между языком как системой и языком как речевой деятельностью, как известно, впервые было введено Ф. де Соссюром, а позже Л. В. Щербой. Отечественный лингвист и психолог А.А. Леонтьев помимо различия *языка и речи* выделил языковую способность, т.е. отражение системы языка в сознании говорящего. Применительно к овладению иностранным языком это означает формирование речевого механизма, позволяющего студенту говорить и понимать сказанное. Известно, что главной трудностью в овладении языком является достижение иноязычной языковой способности, называемой «продуктивностью речи», ибо каждый говорящий является своего рода творцом и занимается речетворчеством постоянно, поскольку постоянно меняются ситуации общения, в которых он действует. Следовательно, язык это элемент сознания, некая поведенческая структура, аналогичная способности ходить, принимать пищу и т.п. Из этого следует, что в методике преподавания и изучения иностранных языков следует отказаться от таких традиционных целей как, например, овладеть фонетической и грамматической системами, выучить определенное количество иноязычных слов и т.п. Студентам предстоит не просто усвоить множество лексических единиц, значительное число грамматических правил и массу другой лингвистической информации. Их конечная цель – *речевая деятельность* как процесс творческого познания, как поиск закономерностей и правил, в соответствии с которыми они могут строить самостоятельные высказывания на иностранном языке.

Как известно, в основе овладения языком лежит устная речь, что является принципиально важным положением методики обучения иностранному языку. Однако, во – первых, обучение иностранному языку, как правило, ведется на материале книжно-письменной речи, т.е. на базе художественных, научно – публицистических и других печатных текстов. Используемые при этом учебники содержат материалы письменных источников, дополненные некоторыми комментариями, списками новых слов, а также упражнениями, которые не всегда способствуют развитию и автоматизации умений и навыков, необходимых для устной речи. Во – вторых, , существенным препятствием в обучении межкультурной коммуникации является то, что нередко вузовская подготовка к реальному взаимодействию двух культур осуществляется вне языковой среды, без должного учета функционирования изучаемого языка, тесно связанного с культурой его носителей. Основным партнером студента по коммуникации является преподаватель иностранного языка, а также коллеги-студенты, принадлежащие к одной культуре. В – третьих, положение усугубляется тем, что в учебном процессе доминирующую роль играют двуязычные словари. Безусловно, на начальной стадии изучения иностранного языка нельзя обойтись без переводных словарей, в которых иноязычные слова и выражения объясняются путем приведения их русских эквивалентов. Однако уже на среднем этапе, когда обучаемые овладели основами изучаемого языка, следует отказаться от использования только двуязычных словарей, поскольку работа с ними закрепляет в сознании обучаемых вредные навыки дословного перевода лексических единиц с одного языка на другой и фактически препятствует формированию и развитию умений и навыков выражения мыслей иноязычными средствами. Кроме того, очень многие иноязычные слова и выражения не имеют соответствующих эквивалентов в русском языке; их адекватное объяснение может

быть сделано только на английском языке и только лексикографом – носителем языка, на что справедливо указывает английский лингвист Брайен Келли [2, с. VII]

Повышению качества подготовки студентов по иностранным языкам, по нашему убеждению, может способствовать внедрение в учебный процесс системы одноязычных **словарей активного типа**, т.е. словарей, назначением которых является облегчить студентам восприятие и производство речи. Иными словами – это **словари для общения**, способствующие развитию навыков понимания, говорения и письма, а именно учебные, идеографические, синонимические, словари для специальных целей и лингвострановедческие словари.

Особое место в системе этих словарей, принадлежит **одноязычным учебным** словарям, задачей которых является, во–первых, способствовать формированию языка как принадлежности сознания, во–вторых, научить изучающих иностранный язык в дальнейшем пользоваться большими лингвистическими и энциклопедическими словарями, составленными для носителей изучаемого языка. Одноязычные учебные словари показывают слово в его разнообразных смысловых, синтагматических, парадигматических, деривационных и иных связях с другими словами, что чрезвычайно важно для русских студентов, у которых нет большого лингвистического опыта и языкового чутья в английском языке. Так, в частности, сегментация быстрого потока устной иноязычной речи вызывает у студентов особые трудности из–за значительного расхождения между зрительно–графическими и слуховыми образами слов и их лексико–грамматическими формами. Эту трудность принимают во внимание составители учебных словарей. В отличие от общих словарей, в которых слова описываются как единицы языка, учебные словари показывают слова и словосочетания как единицы речи, употребляемые носителями современного английского языка. Так, для того чтобы обучаемые прочно усвоили такое простое слово, как например, числительное **четыре**, в одноименной статье учебного словаря сперва даны графические образы *four*, *4*, *IV*, затем ряд словосочетаний и производных слов *to form fours*, *coxless four*, *fourth*, *forty*, *fortieth*, *four-stroke*, *fourfold*, etc. Следовательно, учебные словари имеют четко выраженную учебно–дидактическую направленность, их составители тщательно отбирают лексику, подлежащую активному усвоению, тщательно и всесторонне описывают каждое слово, включая его орфоэпические, орфографические, семантические, грамматические, стилистические и синтаксические характеристики, что способствует овладению изучаемым языком как средством коммуникации.

Не имея возможности дать полную характеристику имеющихся на книжном рынке учебных словарей, мы рассмотрим в качестве примера *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners* [3], в котором отражены все достижения современной английской учебной лексикографии. Во–первых, на основе компьютерной базы данных в 20 млн. словоупотреблений произведен тщательный отбор словарика объемом 100 000 лексических единиц и 30 000 идиоматических выражений. Во–вторых, в словаре четко определены количественные и качественные параметры активного ядра словарного состава, насчитывающего около 7 500 лексических единиц. В ядро включена частотная лексика для выражения наиболее важных понятий, реалий и т.д. В корпусе словаря такие слова набраны красным шрифтом, частотность их употребления в речи обозначается соответствующим количеством звездочек (от 1 до 3 в зависимости от рейтинга).

В–третьих, лексикографический портрет любого из 100 000 слов описывается с помощью тщательно отобранного лексического минимума, так называемого “*defining vocabulary*” в 2 500 слов. Этот перечень слов для толкования значений помещен в конце словаря.

Вышеизложенное наглядно свидетельствует о неоспоримых достоинствах учебного словаря по сравнению, например, с толковым словарем общего назначения. Во–первых, в словаре использован оригинальный способ представления лексики для активного и пассивного усвоения — красный цвет заголовочного слова говорит студенту о том, что это слово должно быть выучено в первую очередь. Словарная статья с красным заголовочным словом отличается большим объемом – она содержит необходимую дополнительную информацию: фонетическую, грамматическую, стилистическую, а также примеры, иллюстрирующие морфо–синтаксическую и лексико–фразеологическую сочетаемость, что помогает обучаемому адекватно использовать это слово в самостоятельных высказываниях. Во–вторых, четкость и

ясность дефиниций помещенных в словаре слов достигается за счет использования отобранного на научной основе минимума, который, как предполагается, усвоен студентом на предшествующем этапе. В качестве иллюстрации приведем одну из кратких статей словаря, например: **Privilege** [ `privəlidʒ] noun\*\*

**1 [C]** A special benefit that is available only to a particular person or group:

*Cheep air travel is one of the privileges of working for the airline. The country should extend trade privileges to its poorer neighbors.*

1. a. Something nice that you feel lucky to have: *it's been a privilege to be involved in such an interesting project.*

2. b. Something that only a particular type of person is allowed to do: *He was exercising over of an old man to be as rude as he liked.*

3. [U] Way of life that involved having many advantages and opportunities, without working hard for them: *a life of privilege.*

4. [U] A situation in which lawyers, doctors, and other professional people are legally allowed to keep their discussions with people secret: *doctor-patient privilege.*

**Pay / be charged for the privilege** to have to pay for something, usually when this does seem fair: *they expect us to live in a smaller house and pay more money for the privilege.*

**Words frequently used with privilege:** verbs: *abuse, confer, enjoy, exercise grant, have, invoke, limit, waive* [3, p.1121].

Заметим, что учебные словари обычно издаются сериями из нескольких градуальных работ, объединенных общностью цели. Объем их словарников возрастает от словаря к словарю, усложняются так же и методы лексикографического описания лексики. Следовательно, учебные словари английского языка представляют собой специфический жанр учебно-дидактической литературы, которым нужно уметь пользоваться. Однако студенты, как правило, не имеют необходимых навыков, позволяющих использовать колоссальные возможности, заложенные в современных учебных словарях. Как справедливо отмечает И.В. Федорова, «ни в школе, ни в вузе не учат, как правильно пользоваться словарями, считая наличие навыков работы со словарем чем-то само собой разумеющимся» [4, с.326]. В результате все больше увеличивается разрыв между учебными словарями, которые благодаря современным научным достижениям постоянно совершенствуются, и пользователем, который, не обладая необходимыми умениями и навыками, не может извлечь все то, что заложено в этом жанре справочной литературы. Эта же мысль, но в более категоричной форме, высказана известным английским лингвистом П. Стревенсоном. Как он утверждает в своей статье «Эффективность использования учебных словарей», преподаватели обязаны научить своих студентов регулярно работать с одноязычными учебными словарями, обладающими огромным потенциалом, который способствует не только овладению иностранным языком, но и интеллектуальному развитию студентов. [5, с.79]

**Идеографические словари**, которые ведут свою историю с «Тезауруса английских слов и выражений», составленного П.М. Роже в 1852г., также принадлежит к словарям активного типа. В отличие от традиционных английских словарей с алфавитной организацией, они используют иерархическую понятийную классификацию словарного состава языка. В словаре П.Роже исходные классы представлены крупными категориями типа «Пространство», «Материя», «Разум», «Воля», «Чувства» и т.д., а конечные, весьма многочисленные – группами синонимов или сходными по значению слов, антонимов, аналогов, дериватов, и т.п. Словарь предназначался для образованных англичан с целью облегчить им поиск нужных слов при написании научных сочинений и поэтому он содержал обширные перечни слов и выражений без объяснения их значений.

В современных идеографических словарях идеи П.Роже получили дальнейшее развитие. Так, в изданном в 1981г. МакАртуром «Longman Lexicon of Contemporary English»[6] использована более прагматичная организация лексики по таким крупным разделам, как «Жизнь и живые существа», «Люди и семья», «Мысль и общение, язык и грамматика» и т.д. Каждый из крупных разделов словаря подразделяется на ряд более мелких подразделов,

внутри которых помещены слова разных частей речи, объединенных общностью понятий.

Объем словника идеографического словаря насчитывает 15 000 слов, которые являются наиболее частотными лексическими единицами. Наравне со знаменательными словами в словаре помещены служебные слова, которые, как известно, помогают в изложении научного текста. С учетом тематической классификации лексики, принятой в словаре, объяснение групп слов, связанными между собой семантическими или словоизводственными отношениями, дается системно, компактно и доходчиво, что способствует активному усвоению слов и их уместному употреблению в собственной речи студентов. Толкование значений слов производится на основе тщательного отобранного лексического минимума объемом 2 000 лексических единиц, а также путем приведения грамматических помет, указаний на ограничения слов по сочетаемости и иллюстративных примеров. Наглядное представление о структуре раздела словаря, структуре словарных статей и способов объяснения значений слов дает приведенный сокращением раздел **Мысль и коммуникация**, например:

### G Thought and Communication, Language and Grammar

#### G1 Thinking, Judging and Remembering

B20 The Head and the Face  
C320 Religion and Beliefs

#### Radio and Television

K50 Recording Sound, Listening  
To the Radio, etc.  
K70 Drama, the Theatre, and  
Show Business

**G1 nouns: mind, thought, and reason [see also B20]**

**Thought 1** [U] the act of thinking: *He sat there, deep in thought. She seemed lost in thought. The power of thought can change the world.* 2 [C; U] something that is thought; a product of thinking; idea, opinion, etc: *Let me have your thoughts on the subject. You must give up all thought of going there.* 3 [U9] the particular way of thinking of a social class, person, period, country, etc: *Ancient Indian thought interests me.* 4 [U] serious consideration: *Give his offer plenty of thought before you accept it.* 5 [U(of)] intention: / had no thought of annoying you. The enemy's thought was to defeat us quickly. 6 [C; U: (for)] (an example of) attention; regard: *With no thought for her own safety she jumped into the river to save the drowning -child. The teacher's only thought was for the pupils...*

#### G2 verbs: thinking and reasoning

**think 1** [IØ (about); TI] to use the power of reason; make judgments; use the mind to form opinions; have (a thought): *Do you still think in English when you're speaking French? If animals can think, what do you think they think about? She sat there, thinking great thoughts.* 2 [T5a, b; XI, 7] to believe; consider: *I think she's wrong, don't you? He thinks himself a great poet. Do you think it will rain? - Yes, I think so! I thought he was going to die.* 3 [T6a,b] (used after **cannot** and **could not**) to imagine; understand: *I can't think why you did it! You can't think how nasty she is to me!...* [6, p. 297]

Таким образом, тематическая организация тщательно отобранного ядра активной лексики, детальное и всестороннее описание слов, система перекрестных ссылок, наличие словарного индекса и многое другое делает словарь не только ценным справочником, но и весьма эффективным учебно-дидактическим пособием для изучающих английский язык в качестве иностранного. В целом названный словарь способствует активному усвоению иноязычной лексики и обогащению словарного запаса студентов, развитию их логического мышления и языковой способности выражения мыслей в устной и письменной речи.

Одним из основных требований к свободному владению иностранным языком является **гибкость речи**, т.е. речевая способность изучающего язык передать одно и тоже содержание, мысль разными способами. Достижению гибкости речи служат **синонимические словари**, в которых находят отражение синонимическое богатство английского языка. Как уже отмечалось ранее, свободное владение языком предполагает знание синонимов, которые служат для

выражения тонких оттенков мыслей и тем самым позволяют достичь «точности» и «элегантности» при написании сочинений, а также в устной речи. Современные одноязычные синонимические словари ставят своей целью способствовать достижению не только коммуникативной, но и риторической компетентности людей, знающих язык достаточно хорошо.

Самым авторитетным и большим словарём, вобравшим в себя почти двухвековой опыт английских лексикографов-синонимистов, является «Webster's Dictionary of Synonyms», впервые изданный в США в 1942 году. В дальнейшем словарь совершенствовался, неоднократно переиздавался и в 1984 году вышел под названием "Merriam Webster's Dictionary of Synonyms" [7] Названный словарь содержит более 2200 словарных статей, в которых помещены и описываются свыше 8500 слов-синонимов. В словаре дается лексикографическое описание групп слов, отобранных на основе общности или сходства их по значению, приводятся общие и дифференциальные признаки членов синонимического ряда, а именно, грамматические, семантические, стилистические, социально-прагматические, сочетаемостные и другие характеристики. Приведенные в статьях дефиниции синонимов подкрепляются цитатами-иллюстрациями из произведений лучших английских авторов. Синонимические ряды расположены в словаре в соответствии с алфавитом заглавных слов. Для синонимов, которые не являются заглавными, предусмотрена система перекрестных отсылок. Следовательно, используя эту систему, читатель легко найдет интересующее его слово и получит о нем достаточно полную информацию, что видно на примере одной из статей, приведенной с сокращениями:

**Understand, comprehend, appreciate** mean to have a clear conception or full and exact knowledge of something. **Understand** and **comprehend** both imply an obtaining of a mental grasp of something and in much of their use are freely interchangeable <*"You begin to comprehend me, do you?" cried he... "Oh! Yes - I understand you perfectly"* - Austen. > But **understand** may stress the fact of attained grasp, and **comprehend** may stress the process by which it is attained: thus, one **understands** a decision when he knows what it involves even though he fails to **comprehend** the reasoning process on which it was based, a person may **understand** a foreign language without **comprehending** exactly how he learned it <*for well on a thousand years there have been universities in the Western world: to understand the present institutions, we must therefore comprehend something of their history* - Conant> Sometimes the difference is more subtle, for **understand** can imply the power to receive and register a clear and exact impression, and **comprehend** can imply the menial act of grasping clearly and fully, thus, the concept of infinity can be understood theoretically though scarcely **comprehend** as a verity <*in order fully to understand America, it is helpful to have some grasp of the origins, culture and problems of the racial and religious groups which are gradually being fused into one people* Current History>

**Appreciate** (see also appreciate 2) implies a just judgment or the estimation of a thing's true or exact value; therefore the word is used in reference to persons or things which may be misjudged <*you are of an age now to appreciate his character* — Meredith>...

**Ana** conceive, realize, envision, envisage (see THINK): interpret, elucidate, construe (see EXPLAIN): penetrate, pierce, probe (see ENTER) [7, p.842]

Как видно из статьи, работа с синонимическим словарем требует от студента хорошей языковой подготовки, знания лексикографической терминологии и приемов кодирования лингвистической и другой информации, т.е. эффективных навыков работы с одноязычными словарями. Хороший синонимический словарь, безусловно, помогает подготовленному студенту выбрать из группы членов синонимического ряда единственное слово, уместное в конкретной речевой ситуации, и тем самым достичь свободного владения языком.

На старших курсах вуза, когда студенты читают аутентичные тексты из современной английской художественной, научной и публицистической литературы, перевод с языка на язык, в частности, с русского на английский, становится одним из важнейших видов учебно-речевой деятельности. Поскольку студенты уже имеют сформированную «картину мира» на родном языке, то при изучении иностранного языка им нужно развить способность отражать эту картину иноязычными средствами, по возможности не прибегая к переводу на родной

язык, т.е. научиться мыслить «по-английски». Подобная попытка нейтрализовать или в значительной мере устраниТЬ влияние русского языка или интерференцию при обучении переводу была предпринята отечественными лексикографами в 2000 г. **«Новый словарь – справочник активного типа»** Н.К. Рябцевой, предназначенный для студентов аспирантов и ученых в качестве пособия при написании статей и докладов на английском языке, продолжает традиции идеографических словарей П.Роже и Т. МакАртура и в тоже время имеет черты других жанров справочно-лингвистической литературы, что видно из его структуры. Так эту работу можно считать учебно-комбинаторным словарем, поскольку она содержит две части:

I – **Руководство** по написанию научных работ на английском языке;

II – **Словарь оборотов** и сочетаемости общенаучной лексики, т.е. комбинаторный словарь.

**I Руководство** содержит рекомендации по созданию научных текстов и состоит из трех разделов. В первом помещены речевые образцы выражений, рекомендуемых при определении целей исследования, анализе научной литературы, и т.п. Во втором - речевые формулы, клише, риторические и другие выразительные средства, которые придают тексту связность и помогают пишущему выразить главное, дать собственную оценку и обосновать сделанные выводы. В третьем – приведены дополнительные материалы, примеры аннотаций и рецензий на научные статьи и т.п. Наглядное представление о специфическом характере этой работы, сочетающей в себе элементы справочника, дидактического пособия и комбинаторного словаря, дает содержание первой страницы Руководства, где показана логическая последовательность при написании научной статьи, приведены типичные клише, дана система перекрестных ссылок и т.п., например:

### GUIDE TO ACADEMIC WRITING IN ENGLISH

**Patterns, expressions, examples; cross-references to other Guide sections; references to Combinatory Dictionary**

#### **I. TEXT ORGANIZATION:**

##### **The structure of the article**

*«A scientific paper is primarily an exercise in organization»*

*Robert Day*

##### **1. Introduction:**

**General remarks (setting a goal); Summary lead; Materials and methods**

**1.1.General remarks: setting a goal: see an aim, goal, objective, purpose, subject, task, an article, book, paper, section, volume; to aim, attempt, concentrate on, devote, intend; to examine, inquire, present, show, study, treat, etc.; cf. 1.2; 8.1-8.9.**

• The ...chief/ general ...aim...

...central/ key/ ultimate ...goal...

...main/ particular ...purpose...

...major/ primary ...task ...of this paper/ study is to investigate/establish P

• One of the main/ principal objectives

The ...burden

The ...subject (matter) ...of our paper/ study/ analysis/ research/ discussion is P.

• The present paper/ investigation ...goes (inquires) into/ focuses on/ deals with P.

...is devoted to the questions (problems/ issues) of P. ...undertakes to survey/ identify the structure of P ...considers what factors/ processes influence P.

• In this article/ section ...I aim to determine/ I attempt to explain the mechanisms of P.

...I am intended to give/ show/ develop/ provide, record P ...I examine the nature/ characteristics/ features/ functions of P. ...I (will) concentrate on/ argue that/ review P. ...I want/ wish to turn to examples/ instances of P

- I have two goals in mind in writing this book.

In writing this paper, I had three goals in mind.

**1.2. Summary lead: crucial information first:** see to argue, compare, demonstrate, explain, describe, discuss, oppose, outline, picture, portray, posit, propose, specify tackle, turn to suggest. etc.; cf. 1.1; 1.3; 6.3; 16.1. [8, p. 13]

**Комбинаторный словарь** включает не только общенаучные понятия - существительные типа гипотеза", "теория", "метод", "принцип", функция" и т.п., но и слова всех других частей речи, (полнозначные и служебные), непосредственно участвующие в научном изложении. Словарь алфавитно упорядочен, указывает британский вариант написания слов, описывает сочетаемость около 5 000 слов, их значений и производных и содержит свыше 30 000 оборотов, выражений и фраз с ними, а также приводит примеры, иллюстрирующие их употребление в научной речи. В качестве примера, показывающего принципы лексикографического описания лексических единиц в комбинаторном словаре, мы приводим одну из словарных статей.

**infer** vt {conclude}- ~ential; cf. ~ence to -from observations; ground for ~ring; -historical connections/ how action varies; (acknowledge) ~ential relations - *In regard to any subject matter. P will be favorable ground for ~ring historical connections. The reason why this line of observation is promising is that we can ~ how dynamo action varies under different conditions. When we state that an individual is motivated, we -this from the basis of two classes of observations. Advocates of evolutionary ethics claim to provide totally naturalistic explanation of ethics whereas theologians acknowledge ~ential relations between God and His handiwork.* [8, p.310]

Следовательно, работу Н.К. Рябцевой можно считать учебным словарем для специальных целей, составленным для российских студентов и ученых. Об уникальности авторского замысла и универсальном характере словаря активного типа говорит его цельная структура, системный характер представления научной лексики, отобранный на основе изучения оригинальной научной литературы. Словарь в полной мере отражает английский научный стиль, своеобразную манеру общения и дух научного изложения. Сопоставление научных стилей английского и русского языков позволило автору предложить новаторскую идею - учить не переводу научных статей с русского на английский, а развивать умения и навыки оформлять мысли в соответствии с тем, что и как говорят и пишут в определенной речевой ситуации сами носители языка. Как показывает анализ материала, словарь предоставляет широкие возможности выбора именно тех иноязычных средств, которые обычно используются для передачи данной мысли английскими учеными. Неоспоримым достоинством словаря является то, что он моделирует речь автора научной работы, отражает особенности научного стиля на английском языке и правила идиоматического выражения смысла, действующие в системе английского языка. Не менее важной особенностью словаря является и то, что в нем заложен механизм самообучения, который действует на основе аналогии, воспроизведимости, саморазвертывания, заложенных в самом языке и обеспечивающих его сознательное усвоение.

Наш краткий обзор современных словарей активного типа нельзя считать полным без упоминания о большой группе энциклопедических словарей английского языка. Признание лингвистами особой функции иностранного языка как средства межкультурной коммуникации, требует широкого использования в вузовском учебном процессе **лингвострановедческих, энциклопедических и других словарей** [9]. Эти словари содержат обширную экстралингвистическую информацию, знакомят студентов с историей, культурой, традициями и другими национальными особенностями страны, и тем самым способствуют созданию общей с носителями языка базы для свободного общения с иностранцами.

Таким образом, предложенная нами система словарей, в которой находят отражение новейшие научные достижения не только лингвистических, но и многих других наук, включая естественные, апробированная методика работы с ними позволит ввести в вузовский учебный процесс элементы инновационных технологий, организовать самостоятельную работу студентов и эффективно управлять ею, что будет способствовать повышению качества подготовки по иностранным языкам. Следует отметить, что опыт использования названных

словарей может оказаться полезным для студентов факультета иностранных языков в их работе с англо-немецкими и немецко-английскими словарями и, безусловно, облегчит им усвоение немецкого языка в более короткие сроки. Изложенное выше свидетельствует о необходимости введения обязательного теоретического курса по лексикографии на начальном этапе вузовского обучения, как это практикуется в ряде университетов страны. Этот курс позволит познакомить студентов с историей зарубежной лексикографии, основными проблемами теории и практики словарного дела, поможет им лучше ориентироваться в огромной массе современной лексикографической продукции, выбрать нужный тип словаря и быстро получить нужную информацию. Приобретать необходимые навыки словарной работы и совершенствовать их будущие преподаватели и переводчики обязаны, на наш взгляд, в стенах вуза, поскольку их профессия предполагает систематическую работу со словарями разных типов в их дальнейшей самостоятельной деятельности.

The aim of the article to show that systemic using of a series of the so-called “active type dictionaries”, namely, the learner’s gradual dictionaries, synonymous and ideographic, combinatory and some other encyclopedic dictionaries may serve as indispensable tools in mastering English, the effective means of achieving the cross-cultural communication.

**The key words.** Lexicography: general, translating, pedagogical, ideographic, synonymous, cyberlexicography.

### Список литературы

1. См., например, Ступин Л.П. Лексикография английского языка. Учебное пособие для вузов. М., 1985; В.П.Берков Двуязычная лексикография. М., 2004; Городный Л.И, Становление английской синонимической лексикографии (словари синонимов XVIII-XIXвв.). АКД. Л., 1981; Караплов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976; Герд А.С.Основы научно-технической лексикографии. Л., 1986.; Фёдорова И.В. Учебная лексикография: теория и практика. М., 2005; Карпова О.М., Менагаршвили О.В, Электронные словари английского языка. Словарь в современном мире: Иваново, 2000; Hartmann R.R.K. Lexicography with particular reference to English learners’ dictionaries// Language teaching 1992, Vol 25 №3.
2. Brain Kelly. An Advanced English Course for foreign students. L., 1960 - 434 p.
3. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Macmillan Publishing Limited.2002 – 1693 p.
4. Федорова И.В. Учебные словари нового поколения и их потенциальные возможности в обучении иноязычной лексике.//с.-324-333// Всероссийская научно – практическая конференция. Учебник – ученик- учитель. М.2003.-358 с.
5. Strevens P. The Effectiveness of Learners’ Dictionaries. Studies in Lexicography. Ed. by Burchfield, Oxford. 1987, 200 p.
6. McArthur T. Longman Lexicon of Contemporary English. Longman group Limited. 1981. 910 p.
7. Merriam –Webster’s Dictionary of Synonyms , Springfield, Mass., USA., 1984.-31. + 909p.
8. Рябцева Н.К. Новый словарь – справочник активного типа. Научная речь на английском языке. 2<sup>е</sup> изд. М., 200-600c.
9. См., например, Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language, CUP., 1998. 486 p.: Americana. Англо-русский лингвострановедческий словарь. М., 1996; Кабакчи В.В. The Dictionary of Russia. Англо-английский словарь русской культурной терминологии. СПБ., 2002.-576с.; Рум А.Р. и др. Великобритания . Лингвострановедческий словарь. М., 1999.576с.; и др.

### Об авторе

Городный Л.И – канд., доц. Брянского государственного университета им. ак. И.Г. Петровского, bryanskgu@mail.ru

## К ИСТОРИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЭТНОГРАФИИ И ДИАЛЕКТОЛОГИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

В.И. Макаров

В статье история выделения российской этнографии из антропологии и российской диалектологии из этнографии во 2-ой половине XIX – начале XX веков. Рассматриваемые типы на материале восточнославянских языков истории изучения народной культуры в изучаемый период. Устанавливается роль российской лингвистической географии и развития русского языка и фольклора в эту эпоху.

**Ключевые слова:** этнография, диалектология, историческая лингвистика, развитие языка, антропология.

Зачатки русской этнографии относятся к эпохе Петра I, когда умственные горизонты общества значительно расширились, когда чрезвычайно быстро стали накапливаться сведения о других народах и культурах и потому в обществе появилось желание сравнивать историю, культуру, науку разных народов, а стало быть, усилился его интерес к самому себе. В Петровскую эпоху, писал в 1890 г. А.Н.Пыпин, впервые в московском обществе на смену идеи национальной исключительности приходит "действительное национальное самосознание, опирающееся на знания..." [1, I, 14-15].

В 30-е годы XIX века, формируя свой особый предмет изучения, в России возникла особая наука – славяноведение. В середине века были заложены определенные теоретические основы этнографической науки с широким полем проблем и направлений исследования. Как и все другие науки, славяноведение и этнография нуждались в более четком определении их границ, специализации методов и приемов исследования.

Этнография - как накопление фактического материала о материальной и духовной культуре народа и как первые научные, теоретические обобщения - воспринималась в составе более общей науки о человеке - антропологии. В XIX веке "антропологический" означало фактически "биологический", и такое понимание уводило исследователя от изучения социального, представление о человеке, создавалось без учета окружающего его мира, условий, обстоятельств и тому подобного. В 1824 г. в лекции в Кенигсберге акад. К.Э. фон-Бэр говорил: "Для совокупности всего того, что мы знаем о человеке, нельзя было найти более подходящего имени, чем антропология, так как слово по своему значению охватывает всю жизнь человека" [2, 5]. Представление об этнографии как разновидности естественных наук сохранилось даже в начале XX века [3], а ряд учёных относили её все еще к антропологии. Включал ее в цикл наук антропологических, в частности, Ф.К.Волков, читавший в Петроградском университете лекции по этнографии. В то же время другие в этот период уже видели в ней часть истории, третью - часть социологии и т.п. Еще в 1916 г. Н.М.Могилянский, хотя и смотрел на этнографию как на вполне самостоятельную науку, тем не менее включал её в систему антропологических знаний [2,9], однако 12 лет спустя в литературе мы уже встречаем утверждения совершенно иного порядка - относительно этнографии как науки, отделившейся от антропологии [4, 10].

Интерес к изучению народа и народности начинал реализоваться в двух направлениях деятельности учёных: 1) во всестороннем изучении народа: историческом, культурно-бытовом, нравственном, языковом, 2) в стремлении приблизить литературный язык к языку живому, народному: новые политические идеи и тенденции требовали и нового литературного их выражения.

Возглавив эти направления познавательной деятельности общества, Петербургская Академия наук активно принялась за строго научную разработку общей истории России, вместе с тем она явилась инициатором целенаправленных путешествий учёных для изучения географии, флоры и фауны, а также быта различных территорий России.

Развитие интереса к истории народа и государства само собою привело к необходимости

сти изучения памятников письменности как самого надежного, как тогда казалось, и содержательного источника информации о прошлом народа и языка. А.Х.Востоков, познакомившись с сочинениями недавно вышедшего на историческую сцену Н.М.Карамзина, проникся влечением к древним памятникам письменности и активно принял за их изучение, систематизацию и описание. Так началось в России научное познание истории славянской филологии.

С 20-30 гг. XIX в. в Великороссии, на Украине и в Белоруссии появляются первые опыты собственно этнографического изучения народа, ставившие своей целью познание его истинного характера и выразившиеся в собирании песен, пословиц, сказок, в изучении обычаяев и нравов старины и современности, проникновении в "лабораторию" народного искусства.

В конце 10-х гг. XIX в. (1819) кн. Цертелев, выходец из казачьей старшины на Полтавщине, издал в Санкт-Петербурге сборник "Опыт собрания старинных малороссийских песней". Правда, малорусских песен в нем оказалось не более десятка (о Богдане Хмельницком, Мазепе и др.), но это было важное начало в описании творчества народа. Затем последовали работы М.А.Максимовича «Малороссийские песни» (1827), «Украинские народные песни» (1834), И.Снегирева «Старинные народные святки и коледа»[5], положив начало систематическому собиранию украинского фольклорно-этнографического материала.

К исследованию народной украинской старины подключился в своих ранних работах И.И.Срезневский. В 1831 г. он издал "Украинский альманах", в 1833-1838 гг. издавал "Запорожскую старицу", сборник украинских народных песен (дум).

В Белоруссии развернуло активное собирание и систематизацию материалов о белорусском народе и его языке И.И. Носович. ОРЯС и РГО АН способствовали публикации его материалов: «Белорусских пословиц и поговорок» в «Известиях ОРЯС» (1852), «Сборника белорусских пословиц» в «Записках РГО по отделению этнографии» (1867). В 1863 г. И.И. Носович представил в ОРЯС рукопись завершенного им «Словаря белорусского наречия», первого полного словаря белорусского языка. В словаре было отражено более 30 тысяч слов Могилевской, Минской и Гродненской губерний, а также представлены словарные извлечения из фольклора, старобелорусских письменных памятников [6, I,173]. В 50-е гг. XIX в. произведения устного творчества белорусов (песни, загадки) активно собирали и публиковали ещё один белорусский языковед С.П. Микуцкий.

В 1835 г. министр народного просвещения граф Уваров учредил при российских университетах кафедры истории и литературы славянских наречий. Неутомимый В.И.Даль подал правительству прошение о создании при Академии наук Географического общества по типу тех, что уже существовали в западноевропейских странах. В учрежденное Русское географическое общество и отделения при нем пришли весьма опытные ученые. В составе Отделения этнографии и статистики оказались В.И.Даль, Н.И.Надеждин, И.И.Срезневский, П.С.Савельев, В.В.Григорьев и др. Пришедший в 1846 г. к руководству Отделением этнографии Н.И.Надеждин главной целью Отделения сделал изучение быта народов, населявших Россию. Уже в 1846 году Отделение разославо по всей стране специальную анкету, точнее программу этнографических исследований. В ней содержались вопросы, касающиеся: 1) наружности местных жителей, 2) "языка, главного органа народности, во всем разнообразии его местных наречий и говоров", 3) домашнего быта, 4) остатков быта общественного, 5) умственных и нравственных отличий, 6) народных преданий и памятников. Как видим, язык был отмечен здесь как "главный орган народности".

Участие в работе Отделения в качестве его члена-учредителя В.И.Даля несомненно внесло свой заметный вклад не только в развитие этнографических исследований, но и в дальнейшее усиление лингвистического "акцента" в деятельности всего Отделения. Мы имеем в виду не просто сбор материалов для готовившегося "Толкового словаря", но совершенно осознанную собирателем структуру словарных статей: расположение пословиц и поговорок, как и всего лексического материала, не в алфавитном, а в гнездовом и, стало быть, "предметном" порядке. В нашей современной лексикографии стало уже общим местом критиковать В.И.Даля именно за такое "гнездовое" расположение слов в словаре, в условиях, когда отечественная филологическая лексикография фактически ушла от решения задач отражения в словарях истории культуры народа, занявшись лишь фиксацией значений слов в рамках и жанре так называемых филологических толкований, тем самым оторвав их от энциклопедической,

страноведческой информации, от фоновых знаний, которые не стали играть сколько-нибудь значимой роли при пользовании словарями в наше время. На это совершенно обоснованно указывал Р.А. Будагов [7]. В настоящее время, правда, заметно изменение к лучшему.

Обилие ответов на разосланную анкету-программу оказалось поразительным. Уже к 1850 г. в РГО накопилось около 300 отдельных монографических описаний, а всего через несколько лет их уже было 2000, из них в 1854 г. описания быта и наречий России составили 146 единиц.

В начале 1845 г. Н.И.Надеждин в одном из заседаний Отделения этнографии и статистики выступил с докладом "Об этнографическом изучении народности русской" ("Записки РГО", кн. 2, 1847), в котором обосновал задачи этнографии как самостоятельной науки.

История любой науки слагается из двух компонентов: 1) истории накопления знаний и 2) истории развития взглядов на объект и предмет науки. Накопление этнографических знаний началось у восточных славян не позднее создания "Повести временных лет" и "Слова о полку Игореве". Процесс же становления науки как истории эволюции взглядов на слово, историю текста начался с середины XVII в. (с идеей и работой В.Н.Татищева), а завершился, как считают этнографы, в 40-е годы XIX в. [8].

С точки зрения Н.И.Надеждина, настоящая наука начинается там, где, во-первых, сбор фактического материала производится систематично, в определенном порядке, связях и полноте, требуемых самой этой наукой; во-вторых, под "чистильным горнилом" строгой критики и самого материала и результатов его анализа. Продолжение же науки виделось Н.И. Надеждену в определении границ науки и в создании своей методологии и методики исследования. И хотя все это активно как раз формировалось в течение всего XIX столетия, границы науки оставались все еще нечеткими, аморфными, разные ученые видели их по-разному: одни заключали в ее границы лишь то, что связано с народным бытом, и этнография была для них наукой узко бытоописательной, другие беспредельно расширяли ее поле, включая в него и жизнь народа, и народную литературу и искусство, и язык, и даже народную психологию, как сделал это Н.И.Надеждин.

Наряду с Отделением этнографии и статистики при РГО проблемами этнографии в широком смысле слова стало заниматься и сформированное при Российской Академии наук в 1841 г. Отделение русского языка и словесности (ОРЯС), основной целью деятельности которого было провозглашено всестороннее изучение языка, развитие риторики, стихосложения и выполнение главной просветительской задачи - служить одновременно науке и обществу.

Материалы по говорам стали поступать теперь не только в РГО, где их изучал и систематизировал помощник председательствующего в Отделении И.И.Срезневский, но и в ОРЯС, где систематизировать полученное было поручено единственному в то время филологу в Отделении А.Х. Востокову. Работал Востоков настолько увлеченно и активно, что уже в 1852 г. в свет вышел составленный под его редакцией и построенный на этих материалах "Опыт областного словаря великорусского языка", а в 1858 г. – под его же редакцией «Дополнения к «Опыту областного словаря великорусского языка»». В 1849 г. И.И.Срезневский выступил на торжественном заседании СПб.-университета с речью, в которой сформулировал, подобно Надеждину по этнографии, задачи науки в области лингвистики, обратив особое внимание на цели, формы и методы исследования живой народной речи [9]. В эти же годы он выступил за изучение географии языка, "лингвистической географии", что, как нам представляется, было рождено его этнографическими интересами и задачами, поставленными перед этнографией Н.И.Надеждиным в области изучения наречий и говоров русского языка.

В 1852 г., обратив внимание на тот факт, что в Отделение поступает много материала по "этнографической лингвистике", Срезневский предложил заняться публикацией материалов по географии русского языка, образцов областных говоров, народных песен, былин, словарей наречий русского языка. Так появились "Памятники русского народного языка и словесности", а с 1853 г., кроме того, стал выходить специальный сборник.

Русское географическое общество до начала 50-х годов работало значительно более активно, чем ОРЯС. Оно находилось под благосклонным вниманием самой царствующей особы, на деятельность РГО выделялись немалые по тем временам денежные средства, в нем работали лучшие научные силы столицы. Его отделения возникли и в провинции: Киевское,

Сибирское /Восточное и Западное/, Кавказское, Оренбургское.

Приход в ОРЯС в самом начале 50-х гг. И.И.Срезневского многое изменил в атмосфере учреждения. С 1852 г. по его инициативе стали издаваться "Известия 2-го Отделения Академии наук", в которых печатались исследования о древних памятниках русской литературы, работы по древнему и современному народному языку, аккуратно велась библиография по языку, истории, археологии, народной поэзии славян. Вскоре к "Известиям" присоединились и "Материалы для сравнительного и объяснительного словаря русского языка и других славянских наречий", а 1867 г. вместо "Известий" стал выходить "Сборник ОРЯС".

Этнографической работе в немалой степени посвятили свою деятельность также Московское Общество истории и древностей, с 60-х гг. - Московское Общество естествознания, антропологии и этнографии. Постепенно это научное направление стало активно развиваться и на университетских кафедрах Санкт-Петербурга, Москвы, Киева, Харькова, Одессы.

Украинской и белорусской этнографии приходилось не только поднимать общественное и нравственное состояние своих народов, но, кроме того, и подтверждать фактами науки свою исконную самобытность, культурную самостоятельность.

В решении этих проблем на Украине принимали непосредственное и живое участие печатные органы: "Известия" Киевского университета св. Владимира, "Труды" Киевской духовной академии, а также Одесского общества истории и древностей, "Чтения" Исторического общества Нестора-летописца в Киеве, "Сборник" Историко-филологического общества при Харьковском университете и основанный в 1832 г. Ф.Г.Лебединцевым журнал "Киевская старина", в котором публиковали свои труды Н. Костомаров, В. Антонович, П. Житецкий, И. Малышевский, И. Линниченко, Ф. Сумцов, П. Ефименко и мн. др.

С 1892 г. во Львове начали выходить "Записки" Научного общества им. Т.Шевченко, в котором публиковалось большое число трудов по истории и этнографии. В III томе издания (1894) была опубликована первая в этом сборнике работа по диалектологии - статья И.Верхратского "Говор Замішанців", ставшая продолжением его еще большей работы, напечатанной в XIV-XVI томах "Архива славянской филологии" В. Ягича, о диалекте галицких лемков. В 1834 г. свет увидело, также во Львове, новое периодическое издание "Житте і Слов'о», сыгравшее важную роль в отражении духовной и материальной жизни Украины. В конце XIX века этому же способствовало издание специального "Этнографического сборника".

Благодаря РГО и его Отделениям, ОРЯС, университетским кафедрам, Харьковскому историко-филологическому обществу, в России активно развивается этнография как самостоятельная научная дисциплина. Вместе с тем эта наука, как видим, сразу же реализовалась в самостоятельных научных направлениях, уже в своих истоках заметно отличавшихся друг от друга: белорусском, русском и украинском. Различия между ними были обусловлены, естественно, различиями в самой истории, нравах, обычаях, преданиях, фольклоре, языке и многом другом.

Описывая народные обычаи, традиции, праздники и обряды восточных славян, исследователи органично и крепко связывали воедино этнографическое и лингвистическое (преимущественно лексикологическое). Труды ученых богато оснащались терминами, нередко сопровождались специальными словарными приложениями. В результате создавалась широкая регионально детализированная картина различных проявлений материальной и духовной культуры и языка восточных славян, а сравнение и установление общего и различного в них в проекции на этно- и лингвогеографию (в понимании этого термина И.И. Срезневским) способствовали обнаружению общего и самобытного в культурах трех восточнославянских народов, тесно связанных общностью своего происхождения и истории.

Связь изучения территориальных говоров с историей народа и этнографией стимулировала зарождение и активное развитие в первой половине XIX века диалектологии не только территориальной, но и социальной. В задачи этнографии уже тогда входило изучение различных общественных группировок: не только рабочих, крестьян, но и ремесленников, солдат, моряков, деклассированных элементов, бездомных и пр.

В научный оборот активно входили исследования арго, жаргонов (нищенского, школьного, тарабарского, торговцев, раскольников, коммерсантов», катожников), условных и искусств-

венных языков (офицерского, воровского, разбойниччьего, купеческого, языка прасолов и т.д.).

С 70-х гг. XIX в. славянское языкознание в РОССИИ стало самостоятельной научной дисциплиной, в которой выделились такие направления исследований, как разработка принципов сопоставления славянских языков, изучение отдельных славянских языков, открытие специальных лекционных курсов в высших учебных заведениях. С этого времени в университетах России началась планомерная систематическая подготовка специалистов по славянскому языкознанию. С середины XIX века в России формировалась крупные славистические центры в Петербурге, Москве, Харькове, Киеве, Казани, Юрьеве (ныне г. Тарту в Эстонии), Одессе. Это, несомненно, создавало объективную основу не только для выдвижения ученых центров страны на уровень европейских, способствовало превращению ОРЯС в один из организаторов работы по изучению славянского диалектного ландшафта. В немалой степени этому содействовали два важных фактора: 1) широкая известность и популярность российских научных школ и их основателей (Ф.И. Буслаева, Ф.Ф. Фортунатова, И.И. Срезневского, А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.А. Шахматова), 2) высокий авторитет России, активная поддержка со всего славянского мира.

По мере развития научных связей между славянскими филологами (а эти связи были очень активны) заметно возрастал интерес российских учёных к практическому и научному изучению славянских языков и говоров. Всех учёных объединяло стремление реконструировать праславянский язык, выделить древние диалекты и в нем и в самостоятельных славянских языках. Проблема славянского этно- и глоттогенеза издревле и по сей день объединяет весь славянский, и не только славянский, ученый мир.

Ю.И. Венелин уже в 20-е годы XIX в. проявил огромный интерес к историческим, этнографическим и языковым материалам болгарского народа и других южных славян. В 1830-1831 гг. он находился в научной командировке в Болгарии, затем создал двухтомное сочинение по истории болгарского народа, его культуры: «Древние и нынешние болгаре в полном народном и религиозном их отношении к россиянам» (М., 1829-1841). В.И. Григорович успешно изучал болгарские и македонские говоры в поисках основы и источников старославянского литературного языка [Булахов I, 1976:80-82].

В Болгарию, Сербию, Чехию и Австрию выезжал с научными целями в 1895-1896 гг. А.И. Соболевский. В 1903 г. ОРЯС командировало в Турцию и Болгарию Н.С. Державина. Е.Ф. Карский, известный специалист по белорусскому языку, в 1899-1900 гг. также изучал языки и культуру народов Болгарии, Сербии [9]. Как говорится, несть числа таким командировкам восточнославянских учёных, результатом которых стало глубокое познание славянских языков и культур, обогативших науку серьезными наблюдениями и выводами в области языков, материальной и духовной культуры славянских народов.

В XX веке этнография и диалектология пошли самостоятельными путями, выработали свои методы и приёмы научного поиска и обобщения, но пути эти постоянно пересекаются, потому что обе науки немыслимы друг без друга.

In this article we trace back the history of separating Russian ethnography from anthropology on the one hand and Russian dialectology from ethnography on the other in the 19th century and at the beginning of the 20th century. We also analyse the contribution of eastern Slavic scientists to the study of material and spiritual culture of their people during the mentioned period of time. We determine the role of the Russian Geographic Society and the Department of Russian Language and Folklore in this process.

**The key words:** ethnography, dialectology, history of linguistics, development of language, anthropology.

### Список литературы

1. Пытин А.Н. История русской этнографии: В 3-х томах. СПб., 1890-1891.
2. Могилянский Н.М. Предмет и задачи этнографии. Птг., 1916.
3. Стороженко А.В. Происхождение и сущность украинофильства. Киев, 1912.
4. Кагаров Е. Завдання та методи етнографії. Київ, 1928.
5. Снегирёв И. Старинные народные святки и коледа// Вестник Европы. 1828, № 2-3.
6. Булахов М.Г. Восточнославянские языковеды. Библиографический словарь: В 3-х то-

мах. Т.1. М., 1976.

7. Будагов Р.А. Толковые словари в национальной культуре народов. М., 1989.

8. Толстой Н.И., Толстая С.М. Д.К. Зеленин – диалектолог// Проблемы славянской этнографии. К 100-летию со дня рождения... Д.К. Зеленина. Л., 1979.

9. Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка. СПб., 1850.

10. Документы к истории славяноведения в России (1850-1912). М.-Л., 1948

### Об авторе

Макаров В.И.- проф., док.фил.наук Брянского государственного университета им. ака. И.Г. Петровского, bryanskgu@mail.ru.

УДК: [(05):(091)] 1894/1921 (470.333)

## ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ МЕСТНОЙ ПЕЧАТИ БРЯНСКОГО КРАЯ СТАТЬЯ ВТОРАЯ (1922 – 1929)

Б.М. Петров

В истории местной печати Брянского края автором выделяется 9 этапов, из которых в данной статье рассматриваются третий и четвёртый. Хронологически прослежены особенности работы губернских и уездных газет в условиях хозрасчёта, попытки создания журналов, литературных приложений, роль газет в радиофикиации края и развитии массового литературного движения. Значительное внимание уделено неожиданному успеху уездной клинцовской газеты «Труд», получившей в этом периоде всесоюзную известность, и её соперничестве с губернской газетой «Брянский рабочий». Рассматривается сравнительная роль коммунистической партии и советов в руководстве местной печатью.

**Ключевые слова:** местная печать, многотиражки, журналы, радиофикиация, массовое литературное движение, Брянский край, Гомельская губерния, Брянск, Клинцы, советы, партия.

История местной печати Брянского края подразделяется на несколько этапов: дореволюционный; пресса времён революции и Гражданской войны; газетная реформа 1921-1922 гг.; хозрасчётные газеты 1922-1929 гг.; административно-газетная реформа и газеты 1930-х гг.; партизанские, фронтовые и оккупационные газеты периода Великой Отечественной войны 1941-1943 гг.; газеты периода 1944-1956 гг.; пресса наиболее стабильного периода 1957-1991 гг. и газеты текущего (с 1992 г.) периода. Период 1894-1921 гг. рассмотрен в первой статье автора[21]. В данной статье рассматриваются третий и четвёртый периоды. Фактическая основа статьи – фонды, картотеки и учётно-систематические служебные издания Российской Государственной и Национальной библиотек и Всесоюзной Книжной палаты.[6,7,12,17 и др.].

В марте 1921 г. под грохот пушек восставшего против Советов и продразвёрстки Кронштадта X съезд РКП(б) объявил переход к НЭПу, заменил продразвёрстку продналогом и отодвинул профсоюзы (т. е. организованных рабочих), о которых столь много говорилось при взятии власти) на третьестепенные роли, отведя им почётное звание «школы» несуществующего коммунизма. Менее громко, но столь жеочно, на вторые роли были оттеснены Советы. На первую роль безраздельно вышла Партия, к тому времени - единственная. Всё это прямо сказалось на работе местной печати. Съезд чётко сформулировал её задачи: «Основным содержанием местных газет должны служить вопросы о местном строительстве, о жизни, работе и борьбе трудящихся».

С 1921 г. в стране проводилась поэтапная денежная реформа, а с 1922 г. все местные газеты переводятся на хозрасчёт. Это сразу отсекало мелкие газетки малых населённых пунктов, которые не могли существовать без дотации. Если раньше местные газеты были «Известиями» соответствующих Советов или их исполнкомов и комитетов партии, то теперь учредители сохранившихся газет меняются местами. Так, в первом квартале 1922 г. клинцовские «Известия» - орган Клинцовского исполнкома и укома РКП(б), а с апреля – орган Клин-

цовского укома ВКП(б) и уисполкома. Одновременно происходила замена названий газет с безлиного «Известия такого-то Совета» на имена собственные, впрочем, не отличавшиеся разнообразием. 6 июня 1922 г. был образован Главлит – управление цензурой печати.

В 1922 г. территория Брянского края принадлежала двум разным губерниям РСФСР – Брянской и Гомельской. К этому времени в Брянской губернии местные газеты издавались лишь в губернском центре Брянске, в Гомельской – в самом Гомеле («Полесская правда» и «Новая деревня»; газета «Набат молодёжи» на хозрасчётах начала выходить не смогла), Могилёве (бывший губернский центр) – «Соха и молот» и в Клинцах.[3] При этом с 1919 г. Клинцы были фактическим, с 14 июля 1921 г. официальным центром уезда и назывались в обиходе городом, но до 6 июня 1925 г. номинально оставались посадом. В связи с введением хозрасчёта многие совпартработники в Клинцах и Гомеле считали, что уездной газете пришёл конец, но Клинцовский уком РКП проявил твёрдость и оптимизм: «Рано сдаваться! Попробуем!». Клинцовская газета перешла на хозрасчёт с 1 апреля 1922 года. Она получила имя собственное («Трудовая коммуна», затем «Зарево») раньше других советских газет Брянщины - уже 19 января 1919 г., однако в 1920 г. в связи с переездом гомельских губернских учреждений в Клинцы из-за угрозы вторжения белополяков утратила его и опять стала называться «Известиями».[21] Коллектив клинцовской редакции, которую возглавлял Исаак Поляков, бойкий журналист и крепкий хозяйственник, выбрал с 1.04.22 г. новое название – «Труд». Помимо центрального «Труда» (газета советских профсоюзов, издаваясь с 19.02.1921 г.), такое название в СССР имели ещё 10 газет, в. ч. русскоязычных «Трудов» - три. В 1970-е гг. русских «Трудов» осталось три – центральный, клинцовский и г. Каменск-Шахтинский. Название «Труд» встречается намного реже, чем «Такая-то Правда» или «Такой-то Рабочий»[7].

Редакция «Труда» разместилась в доме бывшего Головы Клинцов Н.В.Филатова, на ул. Карла Либкнехта (ныне Октябрьская), стоявшем немного ближе к центру, чем сохранившийся дом, в котором ныне располагается РОВД, типография - на ул. Островской (ныне Дзержинского).[36, с. 323-327] При переходе на хозрасчёт ежедневная клинцовская газета сократилась до трёх выпусков в неделю. Первоначально подписная цена составляла 90 коп. золотом (180000 руб. совзнаками) в месяц, цена отдельного номера – 5 коп. (10000 руб. совзнаками). В мае у «Труда» было только 300 подписчиков из рабочих. Газета выходила на двух полосах формата 60x34 см. В августе уже давали четыре выпуска в неделю. С 1 сентября «Труд» стал ежедневным. В ноябре набралось уже 1900 подписчиков из рабочих. Подписка на месяц стоила для рабочих, служащих и крестьян - 200 руб., для остальных категорий населения и учреждений – 400 руб.[35] «Труд» в конце 1922 года – это двух-, реже четырёхполосная газета небольшого формата, но с редким для уездной газеты тиражом 3000 экз. Его выписывали не только в огромном Суражском, но и в Новозыбковском и Стародубском уездах Гомельской губернии, в Гомеле, Бахмаче (за пределами Клинцовского уезда подписчиков было не очень много). Суражские бумажники постановили ежемесячно передавать «Труду» 25 пудов бумаги, а редакция будет бесплатно посыпать им 100 экз. газеты.[10]

Только что вернувшийся с Южного фронта И.Поляков, бывший редактор «Трудовой коммуны», сформировал энергичную профессиональную команду.[27] К концу года он сделал скромную уездную газету известной всей стране. На 1 января 1923 г. в СССР издавалось 442 газеты: Москва – 35, Европейская Россия – 200, Сибирь – 50, Киргизия (т. е. Казахстан) – 18, Украина – 53, Белоруссия – 8, Закавказье – 19, Туркестан – 9, автономные республики – 50. В уездных центрах выходило только 190 газет (в губернских – 252, из них ежедневные – 42,5%). Лишь 38 уездных газет (18%) были ежедневными, 95 из них выходило 2-3 раза в неделю, 65 – 1 раз в неделю, 18 вообще нерегулярно. Блестящую характеристику «Труду» дал еженедельник Агитпропа «Красная печать»: «Внешний вид газеты не оставляет желать ничего лучшего. Видно, что каждый номер составляется тщательно и с любовью. Материал расположен умело. Хорошо используются шрифты. Часто помещаются рисунки и недурные. Раньше газета даже пыталась давать иллюстрированное приложение». Еженедельник отмечает, что «Труд» живо отражает рабочую жизнь уезда, в каждом номере даёт отделы «Жизнь деревни» и «Партийная жизнь» и периодически – «Страницу юного текстильщика», «У ра-

бочей молодёжи», «Уголок красноармейца», «Разъяснения и отклики на письма». [13] Отметим, что для создания тематических страниц необходимо иметь в портфеле редакции большей запас материалов.<sup>1</sup>

Редакции «Труда» пришлось вести напряжённую борьбу за подписчика. К пятилетию Октября газета выходила в количестве 2850 экз. по подписке и 125 экз. в розничную продажу. Подписная цена была дифференцирована по социальным слоям населения (приоритет – трудящимся, особенно деревне), учреждениям, коллективным подписчикам. Подписка по этим группам в уезде распределялась так (в скобках, для сравнения, приведена подписка на центральные газеты): рабочие и служащие – 1303 (572), культкомы предприятий – 485 (103), профорганы – (70), учреждения – 122 (1), парторганы – (38), воинская часть и милиция – 141, деревня индивидуально – 21(76) и 612 за счёт учреждений, нетрудовой элемент – 2(6), всего – 2850 (866).[34] (В сводку не вошло 200 экз. «Труда», видимо, подписка парторганов). 15 декабря 1922 г. было учреждено Объединение «Клинцовская печать» им. тов. Томского (профсоюзный деятель всесоюзного масштаба). В него вошли гортипография, коммерческая часть газеты «Труд» и книжно-писчебумажный магазин «Труд и знание» с первоначальным капиталом 300 млн. руб.[18] Позже объединение открыло ещё один такой же магазин в Сураже.

В 1921 г. в Брянске выходила «**Брянская продовольственная газета**» - орган Брянского губпродкомитета. Известно 15 её выпусков. Брянские губернские «Известия» перешли на хозрасчёт лишь в августе 1922 г., приняв название бывшей бежицкой заводской газеты «**Брянский рабочий**». Брянские историки В.В.Крашенинников и А.Ф.Тришин пишут: «Известия Брянского Совета» объединились с выходившей с сентября 1917 г. в Бежице газетой «Брянский рабочий» и это название с 1922 г. перешло к главной брянской губернской газете».[9, с. 212] Увы, никакого «Брянского рабочего» в Бежице в 1922 г. не было – его издание закончилось за 4,5 года до этого предполагаемого объединения. У бежицкого «Брянского рабочего» был преемник – «**Известия Бежицкого совета**» рабочих депутатов», издававшийся с начала 1918 г. (в 1919 г. – «Известия Бежицкого ревкома»). В 1921 г. бежицкая газета выходила нерегулярно и меняла название: «Пролетарий», «Горн» и опять «Пролетарий». Этот второй «Пролетарий» закрылся в мае 1922 г. на №21, но не в связи с объединением с брянскими «Известиями», а потому что не сумел перейти на хозрасчёт.

В бывшем уездном Брянске не нашлось местных кадров, которые смогли бы достойно вести губернскую газету. Пришлось приглашать «варягов», которые тогда охотно ехали в новый губернский центр. Среди приглашённых редакторов – «определенвшиеся», как тогда говорили, писатели, т. е. люди, сознательно связавшие свою жизнь с печатным словом, – А.Н.Новиков, В.П.Ильенков, М.С.Завьялов и др.[20, с. 7]. В 1925 г. тираж «Брянского рабочего» составлял 7000 экз., в 1927 г. – 19000 экз. В сентябре 1924 г. той же редакцией было предпринято издание губернской газеты для крестьянства – «**Наша деревня**», тираж которой достигал в 1925 г. – 4000 экз., в 1927 г. – 18000 экз. Отметим, что в отличие от Клинцов Брянск издавал для рабочих и крестьян разные газеты. В 1926-1927 гг. «Брянский рабочий» иногда издавал приложение «**Весёлая газета**» (известно 4 номера). Ещё до перехода на хозрасчёт, 15 февраля 1920 г., в Брянске вышел первый номер губернского молодёжного листка «**Голос красной молодёжи**», который выпускался нерегулярно. 8 мая 1922 года он был преобразован в газету «**Молодой пролетарий**», которая также долго издавалась нерегулярно. Лишь с 21 октября 1925 года, когда эта газета стала органом Брянского губкома РЛКСМ и получила название «**Путь молодёжи**», она стала выходить более регулярно. В 1927 г. её тираж составлял 4000 экз. В 1927 г. губком ВЛКСМ и губоно выпустили 29 номеров еженедельной детской газеты «**Ленинская искра**».[29, с. 161-164] Увеличение тиража брянских газет в 1927 г. связано с расширением Брянской губернии за счёт присоединения восточных уездов Гомельской губернии, переданной в декабре 1926 г. в состав БССР.

<sup>1</sup> В литературе есть сообщение, что эта оценка дана «Труду» после заслушивания в ЦК партии отчёта редакции о работе. [14, с. 338] В действительности такие оценки давались тогда регулярно опытными журналистами и партработниками на основе просмотра номеров газет, поступавших в Москву. В ЦК ВКП(б) клинцовский «Труд» не заслушивали.

Два первых бюджетных года (1923 и 1924) клинцовский «Труд» был убыточен. Дефицит покрывали прибылью от торговых операций объединения «Клинцовская печать». В 1925 г. тираж газеты достиг 5225 экз. (по подписке), в 1926 г составлял 5496 экз., в 1927 г. - 8400 экз. В 1925-1927 гг. редакция получила дотацию 40000 руб., направленную на переоснащение типографии. Были куплены новая печатная машина с самонакладом и две наборных машины «Типограф», на что израсходовали 30000 руб. Вот как распределялись затраты газеты по статьям в 1927 году: зарплата редакции 13,5%, зарплата конторе и экспедиции – 9,5%, гонорар рабселькорам – 5,5%, бумага – 19%, типографские расходы – 33% (в т. ч. набор – 26%, печать – 7%), экспедирование и распространение – 3,5%, общие и другие расходы – 16%. Из этих статей 70,5% затрат (кроме стоимости бумаги, печати и экспедирования) не зависят от тиража, поэтому выгодно добиваться его увеличения. В 1927-1928 гг. в Клинцах работало пять общефабричных уполномоченных по подписке, 120 цеховых и 100 сельских организаторов подписчики. Подписка для учреждений и частников – 1 руб. 10 коп. в месяц, для рабочих, служащих и кустарей – 60 коп. (с приложением «Библиотеки «Труда» - 90 коп.), за пересылку 5 коп. в месяц, для крестьян 30 коп. в месяц с пересылкою (с приложением «Библиотеки «Труда» - 38 коп.). Отдельный номер «Труда» стоил 5 коп. Газета продавалась в четырёх киосках города.

До 14% средств от подписки направлялось на лотерею подписчиков. Среди призов лотереи две коровы, швейная машинка, бюсты Ленина и Маркса, возможность сфотографироваться при редакции бесплатно, билеты в кино на оплаченный редакцией сеанс и т. п. Редакция контролировала подписку в уезде на ежедекадный тогда московский журнал «Огонёк» и использовала это для поощрений в подписной компании.[33] Через редакцию же шла подписка и на другие центральные газеты и журналы (до 7851 экз. в 1927 г.).[2] Результаты не замедлили сказаться. С 3000 экз. в конце 1922 г. тираж «Труда» в 1925 г. вырос до 5350 экз. в январе и 6375 экз. в марте. Это уже была газета формата «Правды» на четырёх, а то и на шести полосах, с отличными рисунками, но не очень качественными фотографиями. Для сравнения: тираж губернского «Брянского рабочего» составлял в этот год 7000 экз., «Нашей деревни» - 4000 экз. Материал в «Труде» подавался так, что рабочие с интересом читали о деревне, а крестьяне – о городе, разделения на две газеты не потребовалось. В 1926-1927 гг. в Клинцах взамен нерегулярно выпускавшегося с 1920 г. приложения к «Труду» (**«Страницка красной молодёжи»**) издавалась еженедельная иллюстрированная молодёжная газета **«Комсомольский «Труд»**. Она имела формат «Правды», тираж 5750 экз. (Тираж губернского «Пути молодёжи» составлял в 1927 г. 4000 экз.).[22]

Новая книга тогда была редкостью, пользование городской библиотекой для нечленов профсоюза было тогда платным. Для постоянных подписчиков с 1924 г. Объединение «Клинцовская печать» издавало ежемесячное приложение **«Библиотека «Труда»**, книги которой на сумму до 50 коп. выдавались по выбору при предъявлении подписных квитанций и оплаты 20 коп. С 1925 г. на таких же началах, но за плату всего 8 коп. была организована **«Библиотека крестьянина»**. Так, в 1924 г. были изданы сборник «На заре революции» (49 с.), книга Л.Троцкого «1905-й год» (63 с.). В 1925 г. выдавались книга И.Сталина «О Ленине и ленинизме», брошюра «Как возникла жизнь на земле», в двух выпусках вышел роман Э.Синклера «Король Уголь», также в двух выпусках – книга Д.Рида «Десять дней, которые потрясли весь мир» и др. В том же 1925 г. редакция организовала написание книги «Сто лет клинцовской шерстяной промышленности», предназначенной для постоянных подписчиков «Труда». Были собраны краеведческие материалы, для обработки которых пригласили столичного специалиста по текстильной промышленности Ф.К.Евгеньева.[8] Так была создана одна из первых в СССР историй фабрик и заводов. Клинцовский «Труд» на пять лет опередил аналогичную инициативу М.Горького и Л.Авербаха.

При переходе на хозрасчёт и смене названий газет возник вопрос об их преемственности с предыдущими изданиями тех же редакций. Так, редакция брянских «Известий» воскресила наименование заводской меньшевистско-эсеровской газеты 1917 года, издававшейся в соседней Бежице, - **«Брянский рабочий»**. У этого второго «Брянского рабочего» есть одна интересная деталь: в плашке при названии было выставлено: «Основана 1 сентября 1917 г.» По новому стилю бежицкий «Брянский рабочий» основан 14 сентября, но многие десятилетия редакция брянского «Брянского рабочего» почему-то «забывала» пересчитать дату основа-

вания бывшей бежицкой газеты на новый стиль, прибавляя, таким образом, к своему возрасту 13 дней. Валовый номер клинцовского «Труда» первоначально выставляли от 1 апреля 1922 г., т. е. от появления нового названия. Затем додумались, что всё её выпуски, начиная с «Трудовой коммуны», - это, по существу, одна и та же городская клинцовская газета, и учли номера, выпущенные с начала 1919 г. Валовый номер 2000, считая от «Трудовой коммуны», пришёлся на 6 декабря 1925 года. К сожалению, он не сохранился, но в коллекции РГБ есть №2001, также посвящённый этому первому юбилею «Труда».

Получение свежей информации для газет было большой проблемой. С.С.Сысоев пишет: «В 1918 году в Брянске начала работать приёмная радиостанция, но она имела ограниченное применение. В города и районы Брянщины радио начало проникать с 1926 года. В 1928 году в Брянске была закончена установка радиоаппаратуры, оборудована радиостудия, проложены первые километры радиолиний, приступил к работе городской радиоузел. Вслед за Брянском оборудовали и открыли радиоузлы в Бежице, Клинцах, Новозыбкове, Дятькове».[29, с. 172-173] Если речь идёт о радиоузлах на промышленном оборудовании, это, видимо, так, но если говорить о радиофикации, всё получается наоборот и вырисовывается огромная роль клинцовской газеты в радиофикации Стародубья. «Ограничено применение» брянской радиостанции 1918 г. объясняется тем, что она принадлежала РККА. «Брянский рабочий» получал информацию по телефону и телеграфу. Клинцы в эту эпоху не были даже подключены к междугородной телефонной линии Гомель – Брянск – Москва. «Труд» получал информацию через Гомель, где также заказывал и клише. В Клинцах решили построить радиостанцию своими руками.

Известно, что 26 марта 1920 г. Клинцовской приёмной радиостанции выделено 1000 рублей на расходы по переводу в другое помещение.[22] Это была большая сумма (видимо, в золотом исчислении). Накануне, 13 марта, Суражский уисполком выделил Клинцовской типографии на ремонт здания и печатание газеты «Известия» всего 2000 руб. Значит, эта приёмная радиостанция существовала задолго до 26 марта 1920 г. и была крупной, если ей требовалось отдельное помещение. К сожалению, точной даты её сооружения мы не знаем, но произошло это после 13 декабря 1918 года (эвакуация немецкого оккупационного гарнизона), очевидно, в 1919 году. Радиостанция при редакции клинцовского «Труда» была единственной в уездных центрах Гомельской и Брянской губерний, что резко выделяло Клинцы из других малых городов. Ветеран областной радиожурналистики И.Полозов одну из главок своих воспоминаний так и назвал: «Радио начиналось в Клинцах».[26] В фондах областного радио хранятся магнитофонные записи воспоминаний незаурядного клинцовского журналиста Евгения Николаевича Соколова, что уже в начале 1920-х гг. радиоприём последних известий постоянно использовался в газете. Ф.К.Евгеньев среди культурных достопримечательностей Клинцов 1925 года также называет радио.[8, с. 20] Понапалу это был радиотелеграфный приём. Радиотелефонные передачи начались в стране лишь в 1926 г. с пуском радиостанции им. Коминтерна. Начало радиотелефонного приёма речи и музыки в Клинцах связано с приехавшим из Москвы радиостом-энтузиастом Сергеем Ивановичем Ефремовым и помогавшим ему энергичным Е.Н.Соколовым. В 1927 г. радиостанция при редакции «Труда» принимала Москву и Гомель. В 1928 г. приём радиосводок сводок (днём и в 1 час ночи) вела уже машинистка редакции Базылева.

Работа клинцовской радиостанции в свою очередь стимулировала радиофикацию края. С.И.Ефремов первым на территории Брянской губернии построил узловую радиотрансляционную установку мощностью 200 ватт. С 24 марта 1927 г. она транслировала в квартиры клинчан на репродукторы типа «ДПА» не только радиотелефонный приём, но и передачи с микрофона из студии при редакции и из других помещений. Не имея фабричного микрофона, Ефремов приспособил для этой цели усовершенствованный репродуктор, за счёт обратной индукции которого и велась передача. Это был не кружковый эксперимент, а полномасштабная радиофикация – передачи транслировались в 10 домов города. «Передавались, – вспоминал Е.Н.Соколов – прежде всего официальные сообщения, получаемые приёмной радиостанцией, выступления руководителей города, а затем, когда микрофон был усовершенствован, и спектакли театров, приезжавших на гастроли, концерты местной художественной самодеятельности». К десятилетию Советской власти (7 ноября 1927 г.) С.И.Ефремов

соорудил репродуктор своей конструкции весом 50 кг, через который с балкона редакции «Труда» впервые в губернии транслировались на улицу радиотелефонные передачи из Москвы и из студии. Под руководством Е.Н.Соколова клинцовскими пионерами было развернуто массовое сооружение детекторных радиоприёмников, а С.И.Ефремов организовал отделение «Общества друзей радио» и установил радиоаппаратуру не только в Красной Горе, Гордеевке и Зaborье Клинцовского уезда, построил радиоузел на 25 точек в Ущерпье, но и радиофицировал Унечу, Стародуб, Погар.[26, с. 25] Одним словом, клинцовская газета стояла у истоков радиофикации всего Стародубья и была первой редакцией радиовещания. Даже в пределах огромной Западной области радиоузел, созданный клинцовской газетой, оказался первым.[30] Это имело в те годы огромное пропагандистское и культурное значение.

В 1928 г. Брянске был сооружён радиоузел, транслировавший радиотелефонный приём, но ни передач из студии, ни самой студии в Брянске ещё не было. Есть сообщение, что концерт артистов Большого театра якобы транслировался в Брянске ещё 17 сентября 1922 г.[9, с. 211] Заметим, что радиотелефонная трансляция началась в СССР только в 1926 г., с вводом в строй Радиостанции им. Коминтерна; до этого велись лишь радиотелеграфные передачи. В 1928 г. редактор «Брянского рабочего» В.П.Ильинков переманил Е.Н.Соколова на работу в губернский центр – делиться опытом радиофикации. В 1929 г. Соколов начал сооружать радиостудию в курилке Брянского драмтеатра (он был крылом новенького Дома Советов). Летом 1930 года состоялась первая студийная передача из «радиокурилки», но не спектакля, а лишь устного выпуска газеты «Брянский рабочий». И только в 1931 г., когда было закончено строительство брянского Дома Связи, на его четвёртом этаже оборудовали настоящую радиостудию, которая смогла организовать трансляции спектаклей и концертов из театра и клубов.[26, с. 25-26]

6 декабря 1926 г. западные уезды Гомельской губернии перечислили в БССР. Её восточные уезды, определённо высказывавшиеся за присоединение к РСФСР, в ней и остались. Их включили в состав Брянской губернии («декабрьской»), которая заняла территорию нынешней Брянской области и Жиздринский уезд Калужской губернии. После присоединения Стародубья брянские журналисты и совпартфункционеры, привыкшие к монополии «Брянского рабочего», с удивлением обнаружили где-то там на Западе уездную газету «Труд», имеющую всесоюзную известность и проявляющую плодотворные инициативы. Представления в Брянске о Клинцах, центре целого округа лёгкой промышленности, были удивительны. Так, в 1928 г. брянский литературный кругожок прислал вызов на соревнование... «крестьянским писателям Клинцов».[20, с. 27]

В чём же были причины успеха «Труда», столь ярко охарактеризованные в день юбилея? «Труд» был, прежде всего, органом укома РКП и профессионально выполнял требования X Съезда партии, - «Основным содержанием местных газет должны служить вопросы о местном строительстве, о жизни, работе и борьбе трудящихся», - но понимал их глубоко и многосторонне. Он не делил трудящихся глубоким рвом на рабочих и крестьян, а на деле проводил на своих страницах линию на их союз. Редакция сумела привлечь к газетной работе и местный гарнизон – «Артдив» (т. е. артиллерийский дивизион РККА, квартировавший тогда в Клинцах), что делалось в очень немногих местных газетах страны. В газете писали о детях, о юношестве, видя и в этих темах часть местной жизни. Обладая радиостанцией, «Труд» оперативно знакомил своих читателей с всесоюзовыми и мировыми новостями, что было недостижимо в большинстве уездных центров. Плодотворное литературное объединение при редакции, издание библиотечки газеты, написание книг по заказу редакции были тогда величайшей редкостью даже для газет крупнейших городов. Фактически «Труд» был окружной, а не уездной газетой. Плодотворное развитие традиций «Клинцовской газеты» С.М.Харитонова-М.Д.Лыкова стало возможным благодаря притоку ряда не первоклассных, но опытных работников, в основном петроградских, загнанных в Клинцы Гражданской войной и разрушой. Но преувеличивать значение беженцев тоже не следует - инициатива с местами была тогда в Клинцах ключом. Рядом с опытными газетчиками подрастали энергичные молодые клинцовские кадры.

Инициативность клинчан вызвала в губернском центре неприятие. Редактор «Брянского рабочего» Гусман приkleил редакции «Труда» прозвище «клиновские американцы». Американская сметка и деловитость давно были в России на слуху. Писатель Вас.

И.Немирович-Данченко назвал свою очерковую книгу о Мальцовщине «Америка в России» (1882). В годы НЭП и первых пятилеток американский стиль работы стал в СССР ориентиром. В.В.Маяковский в те годы баxвалился: «Мы вашу быстроногую Америку догоним и перегоним!» Но в кличке, изобретённой Гусманом, был и прямой намёк на прошлое основателя «Трудовой коммуны» Шубина, занимавшегося журналистикой в США. Эти трения между редакциями спровоцировали клинчан на любопытные операции по самоутверждению.

В 1927 г. редактором «Труда» был И.Райцес. Он попробовал заявить о «Труде» уже в январе, на объединительной губпартконференции. Гостем этой конференции был Станислав Косиор (1889-1939), видный член ЦК ВКП(б), кандидат в члены Политбюро. Райцес с Соколовым выехали в Брянск, написали репортаж с конференции и вечером по телеграфу передали его в Клинцы. В редакции материал сверстали в номер, украсили готовым клише портрета Косиора, и несколько сот номеров «Труда» отправили на конференцию первым поездом, который приходил тогда в Брянск в 12 часов дня. Около часу дня в перерыве конференции клинчане принялись было раздавать газету, начав, естественно, с высокого гостя. С.В.Косиор с интересом взял номер «Труда» и громко рассмеялся: «Спутали меня с братом!» Его брат Владимир Косиор тоже был заметным партфункционером, поэтому клише его портрета также было разослано Агитпропом по редакциям. Раздачу номеров газеты прекратили, но промашка клинчан, конечно же, стала известна Гусману, который ехидничал: «Ох, уж эти клинцовские «американцы!»

Райцес дал в Клинцы печальную телеграмму: «Спутали Владимира Станиславом», но сдаваться не собирался. Был придуман план, как «опередить «Брянский рабочий» в его собственном «логове». Редакция «Брянского рабочего» располагалась в пяти шагах от театра, где проходили губернские мероприятия. В её распоряжении были линотип, ротация, своя цинкография, а в Клинцах – ручной набор и медлительная плоскопечатная машина; клише приходилось изготавливать в Гомеле или Брянске. Клинчане показали, как можно работать на такой технике в 175 верстах от Брянска.

Всё было продумано до мелочей, расписаны все роли, задействованы все связи и на первом же объединённом губернском съезде Советов 3 апреля 1927 г. план Райцеса был блестяще осуществлён. Райцес и завотделом «Рабочая жизнь» редакции Матлин выехали в Брянск, в две руки записали речи выступавших на Съезде, обработали записи, составили информационное сообщение и поздно вечером начали передачу материала в Клинцы по телеграфу, морзянкой. В Клинцах ленту расшифровывали и по 15 строк с машинки с нарочными отправляли в набор. Остальные три полосы номера были заранее свёрстаны. Съездовского материала оказалось больше, чем на оставленную свободной первую полосу, пришлось перевёрстывать номер, переходить и на вторую полосу. Передовицей поставили выступление председателя губисполкома т. Дичева. Ради шика заранее вырезали из линолеума и вставили в набор его факсимильную подпись. На первой же полосе разместили информацию об открытии Съезда и приветствия, на второй полосе – доклад секретаря губкома т. Рябова, украшенный заранее подобранным его портретом. Приём телеграммы закончили после 1 часа ночи, вёрстку номера – в половине третьего. Пришлось ставить набор в машину без корректуры опечаток. В 3 час. 30 мин. 400 свеженьких экземпляров «Труда» привезли на клинцовский вокзал, где начальник станции подготовил мотодрезину и обеспечил ей «зелёную улицу». В 7=00 клинцовские гонцы прибыли на брянский вокзал и помчались на поджидавших извозчиках в город по заранее намеченным и проверенным адресам. Посланцы «Труда» посетили квартиру т. Дичева, обошли общежития, где были размещены делегаты Съезда заглянули в столовые, где тех кормили завтраком, вручали им клинцовскую газету на подходах к Дому Советов.

Лишь через четверть часа после начала второго рабочего дня Съезда в зале появился «Брянский рабочий», но в виде двухполосного «экстренного» выпуска. В президиум Съезда стекались многочисленные записки одинакового содержания: «Объясните, как «Труд» из Клинцов оказался в Брянске к восьми часам утра?!» Принёртый Райцесом к сцене Гусман признал: «Да, умеете работать по-американски... Без кавычек».[11]

Публикация плодов творчества читателей не была поставлена X Съездом РКП(б) в число задач местной печати, хотя это и не противоречит более общей задаче – освещать вопросы о жизни трудящихся. Сейчас местные газеты публикуют фотографии, иногда – репро-

дукции рисунков, снимки поделок, танцев и театральных сцен, ноты музыки, а чаще всего стихи, иногда прозу, сочинённые читателями. В годы Гражданской войны местным газетам было не до стихов - все полосы расходовались на информацию. Сразу же после перехода прессы на хорасчёт стихи в них появляются. В массе своей это литературный фольклор, который в эпоху широкой, а затем всеобщей грамотности из устного стал письменным, но такой фольклор имеет неразрывную связь с литературой профессиональной. Он не только занимствует её формы, но и подпитывает её кадрами, чаще всего начинающими профессиональный путь на газетных страницах» [5, 19, с. 9-10]. Поэт и фольклорист И.И.Доронин составил два поэтических сборника газетных стихов самодеятельных поэтов – «О чём поёт народ Отчизны», 1968 [19] и «Родники народные», 1969 [28]. В них включено 20 авторов из Брянской области. Более трети из них позже стали членами Союза писателей.

Уже в декабре 1922 гг. при редакции газеты «Труд» сформировалось литературное объединение «Наша весна» - первое на территории нынешней Брянской области и второе (после литературного кружка «Арена», действовавшего в губернском Смоленске с 23 июля 1921 г.) в огромной Западной области 1930-х годов[4]. Высказывались предположения, что существовал более ранний ликкружок в Бежице при гимназисте Д.Н. Медведеве, но результатов его существования не обнаружено. «Наша весна» была реально действующим кружком. Первоначально в неё входили учителя Г.С.Бунтарь из Рожнов, И.А.Лаптейников с. Уношево, работник уфин-отдела А.С.Церковский, сотрудники редакции «Труда» С.А.Фиксин и Криницкий и другие, всего 12 человек. К ним примыкали авторы-одиночки с периферии, в т. ч. из Климова, Злынки, Новозыбкова, дальних деревень, не имевшие возможности приезжать в Клинцы на каждое заседание «Нашей весны». С.Фиксин, впоследствии ставший видным поэтом советской Киргизии, и Криницкий – смоляне (в Смоленске в то время было трудно найти работу). До 1924 г. произведения членов «Нашей весны» печатались на полосах газеты «Труд» вместе с другим литературным материалом, поступившим самотёком (к сожалению, из-за моды на псевдонимы трудно выяснить, кто из конкретных авторов присыпал его). 5 мая 1923 г. в «Труде» появилась литературная страница **«Наша весна»**, газета в газете, орган литобъединения. Клинчане сами выработали её логотип: установочная передовица, произведения членов литобъединения, литературная хроника, «почтовый ящик» (краткие ответы дальним авторам-одиночкам). Именно этот логотип оказался инициативной новацией, до понимания которой не дорошли другие местные редакции. РГБ учитывает эти страницы как специальное издание.

Редактор «Брянского рабочего» прозаик А.Н.Новиков, друг А.Платонова, также с 1924 г. иногда давал полосу «Литературный день», но заполнял её собственными рассказами и самотёком.[20, с. 146] Литературного объединения при этой газете не было. Оно появилось в Брянске по инициативе Москвы. В 1925 г. в столице возникла Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП). До поры РАПП пользовалась поддержкой партии, многие её установки (например, отрицание роли таланта) разделял М.Горький. Руководил РАПП Л.Авербах (родственник Горького по его приёмному сыну Зиновию Пешкову). В 1926-1927 гг. РАПП начала создавать в стране свои филиалы. В.П.Парыгин ошибочно считал, что в Брянском крае такие филиалы существовали в Брянске и Новозыбкове, а в Клинцах и Бежице имелись только лигруппы.[20, с. 7] В 1927 г. клинчане всем ядром «Нашей весны» вступили в РАПП, переименовав своё литобъединение в Клинцовский филиал РАПП (КАПП). КАПП была теснейшим образом связана с редакцией «Труда», в штате которой появился литсотрудник. Литературная страница некоторое время ещё издавалась под собственным наименованием «Наша весна», но в 1930 г. его пришлось снять, ограничившись подзаголовком «Литературная страница». В Бежице тогда же был создан многочисленный филиал РАПП (БАПП), но без своей газеты. В Новозыбкове филиал возник чуть позже [23]. В составе Брянского филиала ассоциации (БРАПП) числились определившиеся писатели В.П. Ильенков и М.С.Завьялов (Новиков, редактировавший «Брянский рабочий» в 1924-1925 гг., ещё в 1925 г. сумел перебраться в Ленинград), однако по данным журнала «Наступление», массовой работы этот филиал практически не вёл. «Определившиеся» писатели были заняты своим литературным трудом и, кроме того, несли большую нагрузку по основной работе. Работу с начинающими БРАПП поручила

Д.Д.Осину (1906-1982), который опубликовал свои первые стихи всего за несколько дней до назначения консультантом начинающих.[20, с. 25] Во время инспекционной поездки руководителя РАПП Авербаха по филиалам в 1930 г. он посетил Клинцы и Брянск.

К десятилетию Октября орган Клинцовского укома ВКП(б), уисполкома и упрофбюро «Труд» пришёл как мощнейшая ежедневная газета окружного значения. Тираж её приближался к 10000 экз.. Контора вела подписную компанию под девизом «Труд» - детище Октября» и лозунгами «Труд» организует и просвещает массы рабочих и крестьян», «Труд» освещает жизнь и быт рабочего и крестьянина и помогает в повседневной работе», «Труд» - в широкие массы трудящихся!»; «Не должно быть ни одного рабочего, ни одного крестьянина, не выписывающего «Труд»; «К 10-й годовщине Октябрьской революции «Труд» должен иметь 10000 подписчиков!». Подписанная цена на 1 месяц для учреждений и частников – 1 руб. 10 коп., для членов профсоюза, для рабочих и служащих – 60 коп., для крестьян – 30 коп., цена отдельного номера 5 коп. За дополнительную плату 20 коп. в месяц каждый подписчик мог получить в течение года 25 приложений шести различных журналов. Подписку можно было сдавать в городе прямо в контору газеты или в почтовую контору, а в сёлах – агентам-«кольцевикам» и в ближайшую почтовую контору.

Объединение «Клинцовская печать» через магазин «Труд и знание» в Клинцах и его отделение в Сураже торговало конторскими, канцелярскими и писчебумажными товарами, учебниками, книжными новинками, библиотечной литературой. Типография и переплётная мастерская принимали заказы на всевозможные типографские и переплётные работы. Контора «Труда» распоряжалась также правом участия населения в госзаймах и предоставляла его только своим постоянным подписчикам – в двух тиражах горожанам и трёх тиражах – крестьянам. Теснейшая смычка рабочей и крестьянской темы – характернейшая черта деятельности «Труда» все 1920-е годы.

1927-1929 гг. были периодом расцвета «Труда». Газета была тогда настолько популярна, что журналист Е.Н.Соколов назвал её именем своего новорождённого сына [31]. Сегодня Труду Евгеньевичу, если он жив, свыше 80 лет. К сожалению, судьба его неизвестна. Конечно, имятворчество - черта тех бурных лет, но даже тогда невозможно представить мальчика по имени Брянский Рабочий или девочку Наша Деревня.

19 января 1928 года «Труд» отметил своё девятилетие, ведя счёт от начала издания «Трудовой коммуны», отдельные члены редакции которой, например, Е.Н.Соколов, ещё продолжали работать в «Труде». Газету редактировал тогда В.Мурашко. Секретарём редакции работал Л. Каганов, выпускающим редактором – А.Путин,<sup>1</sup> зав. информацией – Гурвич, зав. отделом «Рабочая жизнь» - Матлин, фоторепортёр и кинооператор Е.Н.Соколов, инструктор рабселькоровского движения и зав. отделом молодёжи – П.Левин, радиостакомашинистка – Базылева, поэты редакции – П.Удалый, Е.Малюга, Петроченко. Немало помогал редакции зав. агитпропом укома ВКП(б) т. Голубцов.

Зав. конторой «Труда» Я. Ардашников подсчитал итоги работы редакции:  
 «Трудовая коммуна» - 211 номеров  
 «Зарево» - 183 номера  
 «Полесская правда» - 17 номеров  
 «Известия» - 586 номеров  
 «Труд» - 1680 номеров,  
 всего 2627 номеров.

Текущий, 16-й номер «Труда» и имел тогда валовый №2627. В нём были опубликованы поздравления от укома ВКП(б), председателя уисполкома, президиума упрофбюро, рабкоров и рабселькоров, рабочих фабрик, красноармейцев гарнизона, Брянского губотдела текстильщиков, но ни брянский губполитпросвет, ни «Брянский рабочий» не поздравили «крестьянских писателей» Клинцов.[1]

В 1920-е гг. с «Трудом» охотно сотрудничали столичные литераторы – В. Антонов-Овсеенко (первопубликации), Л.Никулин (опубликовал большую повесть), Г.Лелевич (первопубликация стихов), И.Ясинский (воспоминания, специально для «Труда») и другие. На лит-

<sup>1</sup> Впоследствии – выпускающий редактор центральной «Правды».

конференцию приезжали московские поэты А.Жаров, И.Молчанов, писали стихи в номер. К 1929 г. «Труд» имел тираж 11800 экз.

Во второй половине двадцатых годов в стране началось создание многотиражных газет. С.Сысоев сообщает: «20 февраля 1929 года на брянском заводе «Красный Профинтерн» ( завод находился в отдельном тогда городе Бежице – Б.П.) вышел первый номер многотиражной газеты «Красный профинтерновец». Рождение её приветствовала секретарь газеты «Правда» Мария Ильинична Ульянова. Выходили многотиражные газеты «Металлист Брянского мехзавода» (ныне завод дорожных машин), «Основа» - Клинцовской фабрики имени Ленина, «Цементник» - Брянского цементного завода...» и т. д.[29, с. 162-163]. Мария Ильинична была рада, что наконец-то и в Брянске появилась многотиражка. Впрочем, по данным Книжной палаты газета «Красный Профинтерн» учтена, выходила ещё с 1928 г., но нерегулярно. В это перечисление следует добавить брянскую многотиражку «Грохот станков», выпускавшуюся в 1928 г.

В Клинцах многотиражки родились по иному – не по рекомендации из центра, а по собственной инициативе и на три года раньше. Произошло это так. К концу 1922 г. «Труд» имел 56 полупостоянных корреспондентов. В 1923 г. рабселькоров стало уже более 100, и редакция провела их первый уездный съезд. С 1924 г. редакция пытается руководить рабселькорами, проводит городские и волостные их собрания, организует рабселькоровский кружок. При редакции «Труда» была создана общественная редколлегия, куда вошли рабкоры, хозяйственники, специалисты. Рабкоры начинают издавать на предприятиях города и в отдельных крупных сёлах стенные газеты. В 1925 году редакция «Труда» устроила в Клинцах смотр 65 стенных газет уезда. Выдумка, инициативность «стенгазетчиков» оказалась поразительной. Вот тогда клинчане и придумали, как поставить это на постоянную основу – создать фабричные типографские газеты - «стационарки» (название «многотиражка» появилось позже).

Почин сделали рабкоры Стодольской текстильной фабрики. Газету-стационарку назвали «Основа» - орган ячейки ВКП(б) и фабкома фабрики им. Ленина. Первый её номер вышел в 1925 году. Это была двухполосная газета формата 28x36 см. Найти его не удалось, но по валовым номерам видно, что до 1.01.26 г. вышло 50 номеров «Основы». Тираж газеты – 1700 экз. – превышал тиражи некоторых уездных газет. Это была одна из **самых первых в СССР** фабричных газет. Позже многотиражки были созданы и на других клинцовских фабриках. Их редакции работали под наблюдением «Труда». Это освобождало «Труд» от необходимости публиковать нужную, но малозначительную для всего уезда информацию. В редакции «Труда» возникла новая должность – инструктор рабселькоровского движения[15].

В 1927 г. «Труд» имел 286 рабкоров, 16 военкоров, 180 селькоров; в газету писали 53 специалиста и хозяйственника [2]. Редакция получала 52 письма в день. В 1929 г. актив редакции – 625 рабселькоров, 60 писем в день. Но не всё было так радужно. Газета, особенно селькоры, нередко встречали и противодействие. Селькоров избивали, стреляли им в окна, поджигали дома. В конце 1928 г. в Клинцовском уезде были убиты селькоры Е.Гутников, А.Морозов (из Перетина), М.Румянцев (бывший матрос, секретарь Кожушского сельсовета). Выездная сессия губсуда приговорила убийц Румянцева к расстрелу с конфискацией имущества [32]. Редакция «Труда» учредила Приз имени М.Румянцева, присуждаемый наиболее активным внешкорам.

В те же годы предпринимались попытки издавать губернские журналы. Все они выходили нерегулярно, по мере накопления материала, на газетной бумаге и были, по существу, сугубо политизированными ежемесячниками или ежедекадниками, газетами уменьшенного формата. Первый журнал «Жизнь профсоюзов» (1920-1923) выпустила не партия, а брянские профсоюзы, что заслуживает особого внимания. В 1921-1923 гг. выходил журнал губкома ВКП(б) «Коммунист» (всего вышло 25 выпусков), возобновлённый в 1926 г. под названием «Коммунар». Вышло в 1926 – 12, 1927 – 21, 1928 – 24 номера «Коммунара». В 1929 г. журнал прекратился на 4 номере в связи с ликвидацией губернии. В 1922 г. выходил «Бюллетень Брянского губернского экономического совещания», в 1923-1925 гг. – «Бюллетень Брянского губисполкома», в 1926-1927 гг. – «Бюллетень Брянского экономического совещания». Это были сугубо деловые издания быстро преходящего значения. В 1923 г. Брянский губкоопсоюз пробовал выпускать журнал «Кооперативная жизнь». В том

же 1923 г. промелькнул журнальчик «**Брянский охотник и рыболов**». В 1925-1926 гг. издавалось т. н. «**Письмо для кружков пониженного типа политсамообразования в деревне**» - специальный скромный журнал для политизации деревни. Наконец, в связи с расширением губернии издавался наиболее значительный журнал широкого профиля «**Брянский край**» (1926-1928). Бежица также пыталась издавать журнал – «**На краснокрестном посту**» (1929).

После вхождения Клинцовского уезда в Брянскую губернию издание «Комсомольского «Труда» было прекращено – губерния не были нужны две молодёжные газеты. К десятилетию Октября «Труд» бесплатно доставил своим подписчикам специальный выпуск красочного иллюстрированного клинцовского журнала «**За десять лет**» формата 21x30 см объёмом 20 стр. Большой вклад в его создание внёс фотокорреспондент редакции Е.Н.Соколов. Редакция, окрылённая успехом этого выпуска, выступила с инициативой издания в Клинцах регулярного общественно-политического и литературно-художественного журнала о «**Экран «Труда**». Первый номер журнала вышел 1 мая 1928 года. Это было богато иллюстрированное издание формата 22x30 см на 16 страницах (известны и более тонкие выпуски), имевшее прототипом современный ему «Огонёк». В клинцовском журнале публиковались и столичные авторы (И.Молчанов и др.). Издание журнала прекратилось из-за переезда Е.Н.Соколова в Брянск.

25 января 1929 г. «Труд» отметил десятилетие со дня выхода первого номера своей советской родоначальницы - «Трудовой коммуны». Были подведены итоги, выпущен огромный юбилейный номер (№19), получены многочисленные поздравления, в том числе от Наркома просвещения А.Луначарского,<sup>1</sup> непременного секретаря АН СССР академика С.Ольденбурга, главкома BBC СССР П.Баранова, секретаря Ленсовета Леонова и др. Луначарский телеграфировал: «*Дорогие товарищи! Я помню моё посещение Клинцов в годы гражданской войны. Я имел тогда случай видеть текстильщиков, кожевников и металлистов этого промышленного центра и говорить с ними. С тех пор много воды утекло. Мы окрепли в государственном и культурном отношении. Наша пролетарская пресса с честью выполнила свою огромную задачу в этом процессе постепенного приближения к социализму. Клинцовский «Труд» в течение этих десяти лет был верным выражителем общих традиций в нашем центре. Крепко жму руку редактору, сотрудникам «Труда» и прошу передать мой горячий привет пролетарским читателям*» [16].

В 1929 г. была проведена крупная территориально-административной реформа.. Это повлекло принципиальную перестройку всего газетного дела в стране и, в особенности, в Брянском крае (Брянская губерния ликвидировалась), что и определило следующий этап становления местной печати.

The author allocates 9 stages in the history of the local press of Bryansk region. In this article the third and the fourth are considered. Features of work of provincial and district newspapers in the conditions of self-financing, attempts of creation of magazines, literary supplements, role of newspapers in installation of radio in the region and development of mass literary movement are chronologically traced. The considerable attention is given to unexpected success of local Klintsy newspaper "Labor" which has received in this period all-country popularity, and to its rivalry with the provincial newspaper «Bryansk worker». The comparative role of the Communist party and councils in management of local press is considered.

**The key words:** local press, factory newspapers, installation of radio in the region, mass literary movement, Bryansk region, the Gomel province, Bryansk, Klintsy, councils, party.

## Список литературы

1. Ардашников Я. Сегодня «Труду» девять лет / «Труд», 19.01.1928 г. (№16).
2. Ардашников Я. О чём говорят цифры. / «Труд», 5.05.1927 г. (№95).
3. Бар-в Н. По нашей губернии: Печать / «Полесская правда», 19.08.1922 г. (№675).
4. Бурицын Б. Четыре года: Воспоминания о литературной жизни Смоленска. 1921-

<sup>1</sup> В литературе имеется сообщение о двух приездах А.В.Луначарского в Клинцы, в т. ч. на юбилей «Труда» в 1929 г., о его выступлениях в этой газете. [14, с. 338] Это, как и многие утверждения в книге В.М.Кровко, не соответствует действительности.

1925 гг. / «Наступление», 1935, №4-5, 7, 9.

5. Выходцев П.С. О современном письменном народном творчестве / «Сов. Россия», 17.03.1968.

6. Газеты первых лет советской власти. М., 1990, ч. 1-4.

7. Газеты СССР. 1917-1960. М., 1970, ч. 1-5.

8. Евгеньев Ф.К. Сто лет клинцовской шерстяной промышленности. Клинцы, 1926, 165 с.

9. История Брянского края: XX век. Брянск, 2003, 449 с. (ред. В.В.Крашенинников)

10. И.Я. Поддерживает рабочую печать / «Полесская правда», 11.05.1922 г. (№591)

11. Каганов Л. От неудачи – к успеху / «Труд», 19.01.1928 г. (№16).

12. Комсомольская печать за годы Советской власти. М., 1988.

13. Красная печать. М., 1923, №2-3, с. 6.

14. Кровко В.М. Клинцам - 300 лет. Клинцы, 2005, 675 с.

15. Левин П. Рабселькоры «Труда» / «Труд», 19.01.1928 г. (№16)

16. Луначарский А.В. «Труд» - верный выразитель общих традиций нашей печати / «Труд», 25.01.1929 г. (№19).

17. Малотиражные газеты СССР. М., 1985.

18. М.С. Солидный успех: Письмо из Клинцов / «Полесская правда», 1.08.1922 г. (№659).

19. О чём поёт народ Отчизны: Современное русское письменное народное творчество (Собрал и подготовил к печати И.И.Доронин). М., 1968, с. 9-10.

20. Парыгин В.П. Реабилитирован посмертно (1920 - 1930). Брянск, 1994, («Брянщина литературная»).

21. Петров Б.М. Из истории становления местной печати Брянского края (1894 – 1921). / Вестник БГУ, 2008, № 2.

22. Петров Б.М. Из истории клинцовской газеты «Труд» / Клинцовский летописец. Клинцы, 2004, кн. 1, с. 437-497.

23. Петров Б.М. «Весна» и лето: К 75-летию клинцовского литобъединения «Наша весна» / «Труд», 1997, №146-148, 152, 156; 1998, №12.

24. Петров Б.М. Терпенье и «Труд» всё перетрут: Клинцам – 290 лет / «Труд», 1997, №84, 85.

25. Петров Б.М. Так это было (Исторический экскурс) / «Труд», 1994, №63.

26. Полозов И. Откуда есть и пошло радиовещание Брянщины / «Политический собеседник». Брянск, 1990, №7, с. 24-25

27. Поляков И. Трибуна рабочих / «Труд», 27.06.1977 г. (№106)

28. Родники народные: Современное русское письменное народное творчество (Собрал и подготовил к печати И.И.Доронин). М., 1973, с. 716.

29. Сысоев С.С. Очерки культурного строительства на Брянщине. Тула, 1970, с. 204.

30. «Труд», 02.1931 (№31).

31. «Труд», 26.01.1929 г.(№20).

32. «Труд», 01.1929 (№1, 14, 16).

33. «Труд», 21.03.1925 (№63).

34. «Труд», 3.02.1923 г. (№25).

35. «Труд», 30.11.1922 г.

36. Храмченко П.М., Перекрестов Р.И. Мои Клинцы / Клинцовский летописец. Клинцы, 2004, с. 183-411.

### Об авторе

Петров Б.М.- зам. нач. отдела ФГУНПП «Росгеолфонд», [bpetrov@rfgf.ru](mailto:bpetrov@rfgf.ru)

## О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФИТОНИМА ДЕРЕВО В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ В. БРЮСОВА, М. ВОЛОШИНА, В. ИВАНОВА, М. КУЗМИНА)

А.А.Пряхина

В статье рассматриваются некоторые случаи употребления лексемы *дерево* в поэтических текстах В.Брюсова М.Волошина, В. Иванова, М.Кузмина, где обозначенный фитоним реализует свой семантический потенциал, наделяется особой функциональной нагрузкой.

**Ключевые слова:** фитоним, поэтический текст, функциональная нагрузка лексемы.

Лексика различных лексико-семантических групп, в том числе фитонимическая лексика, помимо собственно номинативной функции, в рамках поэтического текста может приобретать особую функциональную значимость.

Фитоним *дерево* (с сопутствующими атрибутивными конкретизаторами значения) может выступать элементом пейзажа, создателем духа природы той или иной местности: «Горели свечи, теплый дождь чуть слышен / Стекал с деревьев, наводя дремоту...» [6, с. 24]. При этом художественное пространство стихотворения может включать в качестве характеристики изображаемой действительности не только обыденные реалии растительного мира России, но и экзотическую флору других стран: «Моя любовь - палящий полдень Явы... / Здесь по стволам свишаются удавы» [2, с. 22]; «Гростник и низкорослые деревья, - / Такой всегда Австралия мне снилась...» [6, с. 274]. Сведенная к географической примете, растительность приобретает статус поэтической детали, «ностальгически наполненного образа положительных ценностей» [9, с. 19].

В контексте поэтического текста могут актуализироваться отдельные компоненты значения фитонима: «Деревья нежно разнимая, / Кто вышел к нам из темноты?» [6, с. 115]. *Дерево* в толковых словарях значится как «многолетнее растение с твердым стволов и отходящими от него ветвями, образующими крону» [7, с. 161]; «многолетнее, крупное или мелкое растение с твердым стволов и ветвями, образующими игловидную или листоносную крону» [1, т.3, с. 712]. В приведенном отрывке дефиниционный анализ выявляет наличие в структуре лексемы *дерево* эксплицитно выраженную сему «наличие ветвей, отходящих от ствола». Семантика лексемы в целом и состав входящих в нее сем определяют и ее синтагматические отношения с рядоположенными компонентами актуализованного высказывания. «*Деревья нежно разнимая...*»: *разнять* – «развесить силой в стороны» [7, с. 651]. Сочетаемость слов с прямым, номинативным значением определяется, прежде всего, предметно-логическими соотношениями в реальной действительности денотатов соответствующих слов. Так, глагол «разнять» сочетается со словами, обозначающими предметы, которые (или составные части которых) можно «развесить силой в стороны». Другой компонент значения актуализирован в словосочетании «влез на дерево» [6, с. 69].

Особый интерес вызывает появление у лексемы *дерево* дифференцирующих сем за счет расширения сочетаемости фитонима в составе бинарных образований типа *низкорослые деревья* [6, с. 274], *святое дерево* [5, с. 131], *подстриженные деревья* [6, с. 41], *безропотные деревья* [5, с. 100], *божественное дерево* [5, с. 121], *немые деревья* [5, с. 129], *страстные деревья* [5, с. 215], *обезглавленные деревья* [5, с. 266] за счет качественных прилагательных различных лексико-семантических групп, а также сравнительных конструкций. Сочетаемость фитонима *дерево* с обозначенными прилагательными выявляет наиболее активные признаки денотата, актуализированные в сознании поэтов. Рассматриваемые выше словосочетания (кроме употреблений *низкорослые деревья* [6, с. 274], *подстриженные деревья* [6, с. 41]) несут информацию о потенциальной семе лексемы *дерево* (персонифицированность, одушевленность) и об актуальных семах значения других сочетающихся слов. Таким образом, лексическая сочетаемость выступает как характеристический показатель индивидуального значения слова и в силу этого

может служить средством проникновения в глубины семантики слова, средством познания всех индивидуально-авторских осмыслений, возможных реализаций слова [8].

Обращение к образно-метафорическому языку растительных образов обусловлено желанием подчеркнуть чувства и переживания лирического героя. Главной чертой Франциска Ассизского, чей образ явлен в стихотворении М.Волошина «Святой Франциск», было живое, отзывчивое чувство сострадания. В силу своей жизнерадостной натуры и поэтического чутья, чаявшего живую душу во всём живущем, сострадание превратилось в нём в любвеобильное сочувствие, охватывающее всю природу: «И синели благостные дали, / По садам деревья расцветали, / Вишенем дороги устилали, / На лугах цветы благоухали, / Агнец с волком рядышком лежали...» [4, с. 185 - 186]. Общей поэтической ауре образа Франсиска вторит и аллегорическая семантика растительной образности. Цветущее дерево, соотнесенное с душевным миром лирического героя, в ключе сближения с «эмблематическим фондом» (К.И.Шарафадина) растений, наполняется в стихотворении семантикой упоенности жизнью, принятия ее многокрасочности и великолепия. Кроме того, аромат цветов в религиозно-мистической традиции принято соотносить с благоуханием душ верующих, принявших заветы Христа (см. «Господа хвалою прославляли») [9, с. 21].

*Деревья* могут являться составной частью представлений человека, например, представлений о свободе («Двенадцать лет не видел я ни солнца, / Ни неба синего, ни снега, ни деревьев...» [4, с. 157]), являясь критерием оценивания объекта действительности («На том дворе, ничьим следом не взрытом, / Деревьев нет, зеленых нету трав» [6, с. 145]).

Равноценность и параллельность миров - растительного и людского – вот идея, на которой может основываться все семантическое пространство стиха. Устойчивая поэтическая метафора «человек – растение» может семантически модифицироваться: «Как дерево — созревшие плоды / Роняйте на землю / И простирайте ветви / За милостыней света и дождя» [4, с. 222] - человеку следует не только давать милостыню, но и принимать ее от природы. Человек уподобляется дереву, чьи ветви / руки должны быть распростерты за милостынею земли.

Мотив синтеза «растительного» и «человеческого» начал может быть «вторичным», находясь в зависимости от идейного плана стиха. В таком случае антропологическая аллегорическая семантика растительной образности, вписанная в символико-мифологический контекст, не ставится под акцент. Чудовищный морской змей, упоминаемый в Ветхом Завете, является в цикле стихотворений «Левиафан» М.Волошина олицетворением разветвленной государственной системы, внутренняя структура которой ассоциируется у поэта с «древом кровеносным его хребта». Человечество же находится внутри существа-государства и является основой его существования – движущей силой: «...И человечество издревле включено / В сплетенье жил на древе кровеносном / Его хребта и движет в нем оно / Великий жернов сердца...» [4, с. 222]. Мировое дерево олицетворяет единство всего мира, является моделью вселенной, где для каждого существа, предмета или явления есть свое место. В основе об разного наименования «кровеносное дерево» лежит сходство дерева с кровеносной системой организма, что объясняется наличием общей семьи «нечто целое, представляющее собой единство закономерно расположенных и находящихся во взаимной связи частей».

Лексема *дерево* может выступать как сверхпредметная сущность. Так, *безропотные деревья* Вяч.Иванов населяет дриадами – «святилищами» дерев. Поэт наделяет дерево душевной амбивалентностью: «дремная душа» дерева дополняется «живыми облаками неузнанных божеств». Эта «двуликость» сущности поддерживается и описанием процесса существования *дерева*: «Восходят силы в нем в мерцающую сень / Из лона Вечности обильной, / И силы встречные струятся в сон и тень / На лоно Вечности могильной, — / Где корни звездную расстирают сень» [5, с. 100]. «Вечность обильная», дарующая жизнь, противопоставляется «Вечности могильной» - смерти. Поэт показывает таинство леса, его провидческую сущность (см. «листы пророчественной своды», «космы таинственных убранств» - о кроне *дерева*). В стихотворении значительное место занимает образ *тайного Древа*, *Древа Жизни*, «одетого миров всечувственной весной, вселенской весной звездноокой». М.Элиаде говорит о «религиозном опыте возобновления Мира, который позволяет расценивать весну как вос-

крещение Природы» [10, с. 96]. Кроме того, «тайна неисчерпаемого проявления Жизни связана с ритмическим обновлением Космоса. Поэтому ... способ существования Космоса, ... его способность к бесконечному возрождению, символически уподобляется жизни *дерева*. /.../ Образ *дерева* избран не только как символ Космоса, но и как способ выражения жизни, молодости, бессмертия, мудрости и знания» [10, с. 94 - 95]. Таким образом, автору открыта тайная жизнь деревьев и свойственна сакрализация этой жизни, что говорит о сближении образов человека и дерева, утверждению возможности взаимопонимания между ними.

В стихотворении «Под знаком Рыб», связанном с Рескриптом Николая II о разработке законопроекта совещательной Думы, поэт дает поэтическое, символическое выражение «знаков» времени, «истории современности»: «При заревах, в годину гнева, / Из напоенных кровью глыб / Пророс *росток святого древа* / На звездный зов заветных Рыб» [5, с. 131]. Революция принимает вид апокалиптического события, и в этом контексте *росток святого древа* – божественный знак-предупреждение, выросший «из напоенных кровью глыб», вскормленный «жертвенной кровью». В статье «Пророки и мстители» (1906) М.А.Волошин назвал «знаки Рыб» «страшными» [3, с. 207]. Комментируя это место статьи, М.В. Толмачев пишет: «В астрологической символике знак созвездия Рыб означает мученичество. Волошин характеризует «знаки рыб» как «средневековый символ тайного отмщения»...» [3, с. 646]. Ужас, страшное положение, в котором оказалась страна, подчеркивается всем образным строем стихотворения (см. *колосящаяся новь* уподобляется «стражному полку» с копьями). Весьма значительную роль в поэзии В.Иванова играет фабульный, повествовательный элемент, что подтверждается на примере рассматриваемого поэтического текста: *святой росток* со временем превратится в *Святое Древо*, раздвинувшее над «страной неподъяремной» «могучую сень». Поэт подчеркивает, что все есть создание Матери-Земли (см. «Не вырвать из родимой груди / Ничьей руке твоих корней!»).

Образность, внепонятийные смыслы лексемы *дерево* могут выступать средством раскрытия идейно-тематической составляющей стихотворения. Растительный мир – компонент природы, состояние которого соответствует состоянию земли: «...травы вяли, / Сохли *деревья*, / Лучи темнели, холодело солнце» [4, с. 243]. Другой контекст: «Разгар террора. Зной палит и жжет. / *Деревья* сохнут. Бесятся от жажды / Животные...» [4, с. 111]. Идейно-тематический план стихотворения М.Волошина «Красная Пасха» находит отражение в образной системе поэтического текста, значительное место в которой занимают фитонимы. Картины террора, поражающие размахом великого и всепобеждающего насилия, представлены как нарушения миропорядка. Фитонимический образный ряд стихотворения выступает аллегорической проекцией на установленный режим и передает глубину совершающейся катастрофы. Наряду с реалистично-достоверным планом (флористика отмечена связью с весной: подснежники, ландыши, голые *деревья* и др.), в стихотворном отрывке сильны дополнительные ассоциативные акценты. Мерцающие, точно свечи, подснежники, пахнущие гнилью фиалки и тленем – ландыши подготавливают появление мотива смерти: «Стволы *дерев*, обглоданных конями / Голодными, торчали непристойно, / Как ноги трупов» [4, с. 172 - 173]. Упоминаемые в «Кочевниках красоты» Вяч. Иванова «*деревья* пращуров» [5, с. 112], равно как и «кладбищ теснота» (ср. «вольные кочевья») становятся атрибутом тесного мира пошлой обыденности, уничтожение которого – цель кочевников - вольных художников.

Таким образом, фитонимы, в частности лексема *дерево*, наделяются в поэтическом тексте особой функциональной нагрузкой, выступая в качестве смыслового стержня стиха. Они могут быть средством характеристики лирического героя стихотворения, его мировоззрения, выступать в качестве элемента пейзажа. Случай символического употребления фитонима *дерево* демонстрируют стремление поэтов миновать чисто импрессионистические впечатления внешнего мира, пробиться сквозь них к сущностным понятиям.

In article some cases of the use of a lexeme *a tree* in M.Voloshin's, V.Ivanov's, M.Kuzmin's V.Bryusov's poetic texts are considered. Designated fitonim realizes here the semantic potential, is allocated with special functional loading.  
**The key words:** fitonim, the poetic text, functional loading of a lexeme.

### Список литературы

1. *БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти тт.* / Ин-т русского языка АН СССР. М.Л., 1948 – 1965.
2. *Брюсов, В.Я. Избранное: Стихотворения, лирические поэмы* / Сост. Н.А. Трифонов. М.: Моск. Рабочий, 1979. 288 с.
3. *Волошин, М.А. Лики творчества* / Изд. подгот. В.А. Мануйлов, В.П. Купченко, А.В. Лавров; Предисл. С.С. Наровчатого; Отв. ред. Б.Ф. Егоров, В.А. Мануйлов, 2-е изд., стереотип. / М. Волошин - Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. 848 с.
4. *Волошин, М. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников.* / Сост., вст. статья, подготовка текста З.Д. Давыдова, В.П. Купченко. М.: «Правда», 1991.
5. *Иванов, В. Лирика.* Минск: Харвест, 2000. 384 с.
6. *Кузмин, М. Избранные произведения* / Сост., подгот. текста, вступ. тт., коммент. А. Лаврова, Р. Тименчика. Л.: Худож. лит., 1990. 576 с.
7. *СОШ – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений* / РАН. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
8. *Степанова, Г.В., Шрам, А.Н. Введение в семасиологию русского языка* / Г.В. Степанова, А.Н. Шрамм – Калининград: КГУ, 1980 // [http://jgreenlamp.narod.ru/step\\_semas.htm](http://jgreenlamp.narod.ru/step_semas.htm).
9. *Шарафадина, К.И. Обновление традиций флоропоэтики в лирике А.Фета* / К.И. Шарафадина // Русская литература, 2005, № 2. С. 18 – 54.
10. *Элиаде, М. Священное и мирское* / М. Элиаде. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.

### Об авторе

Пряхина А.А. – аспир. Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского, [pryahinaaa@mail.ru](mailto:pryahinaaa@mail.ru)

**УДК- 942**

## АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ БРИТАНИИ КОНЦА XX ВЕКА В КНИГЕ ДЖУЛИАНА БАРНСА «ПИСЬМА ИЗ ЛОНДОНА»

А.А. Рубан

В статье рассматривается своеобразие политической жизни Британии конца XX века, которую остроумно анализирует известный журналист и писатель Джюлиан Барнс. Эссе Барнса воссоздают не только политическую обстановку начала девяностых, но и медиаконтекст. Внимание Барнса приковано не только к социальному анализу политических событий, но и к механизмам их восприятия в СМИ и общественной среде.

**Ключевые слова:** формирование политической элиты; глобализация; политический маркетинг; политический процесс; сатирический анализ коммерциализации.

В конце 1989 года Боб Готтлиб, главный редактор “The New Yorker”, пригласил известного журналиста и писателя Джюлиана Барнса стать лондонским корреспондентом журнала. Таким образом, Барнс получил редкую возможность стать “иностранным корреспондентом в своей собственной стране” [1, 12]. Книга Барнса “Письма из Лондона” основана на опубликованных в течение 1989 – 1995 г.г. эссе, которые критики назвали “самым ярким и точным портретом Британии конца XX века”.

Новейшая история не менее поучительна, чем древняя. Барнс остроумно высмеивает политическую элиту, но за “типовично английским юмором” скрываются между строк вполне серьезные раздумья о том, как следует понимать ускользающую современность, как оценивать те или иные события, не оставаясь человеком безучастным. В этом смысле в “Письмах

из Лондона” Барнс – писатель, философ и гуманист побеждает Барнса – журналиста, скептика, острого слова, “разгребателя грязи”. Автору хватило такта и житейской мудрости, чтобы не только разоблачить многолетнюю “политическую игру”, но и всмотреться в самих игроков, сохраняя при этом нейтральную позицию “историка поневоле”.

Политические портреты Маргарет Тэтчер, Джона Мейджа, Тони Блэра представлены в широком медиаконтексте. Барнс иногда с иронией, иногда серьезно “зарамливает” текущее, сиюминутное, преходящее, вынуждая читателя вспомнить не только то, о чем толковали политики, но и то, о чем говорили журналисты, о чем писали разгневанные таблоиды, о чем судачили в кулуарах или чем возмущались на Трафальгарской площади жители Лондона. Книгу Джоулиана Барнса непросто определить двумя – тремя словами, но можно предложить несколько вариантов: “О чем говорил Лондон конца XX века”, “Политический спектакль начала 90-х”, “Сатирический портрет политической жизни”.

Внимание Барнса приковано не столько к социальному анализу причин различных политических явлений, сколько к механизмам их восприятия в общественной среде. Журналиста интересуют не положительные результаты тех или иных решений, но то, что мешает воспринимать “правящий политический класс” достойным уважения. Перед нами развернутая, иногда шокирующая картина политической “игры”, правила которой по-прежнему устраивают меньшинство и не устраивают большинство. Однако, правила эти уже поздно менять, и автор вынужден признать, что власть любой ценой отстаивает интересы крупного финансового капитала. У власти сменяются консерваторы, лейбористы, либералы, но суть остается прежней. Тот или иной “политический спектакль” заказан заранее олигархизированной элитой, в интересах которой не входит защита социальной справедливости. Сатира Барнса не переходит границ разумного, потому что автор слишком хорошо знает жизнь. Какой смысл звать на баррикады англичан, самый “бережливый” народ на свете? У народа, который любит экономить, будет в конце концов правитель, умеющий зарабатывать деньги, а это в условиях рыночной модели и капитализма – самое главное правило выживания. Барнс не анархист, не марксист, не радикал и не революционер. Но книга его произвела, тем не менее, революционное впечатление. До него среди европейских журналистов еще не появилось столь ядовитого и хитроумного критика глобализации. Л.М. Землянова в статье “Значение научного опыта зарубежной коммуникативистики” отмечает, что: “В условиях глобализации меняется и отношение к понятию общественно-публичной сферы информационной деятельности. Возникает вопрос – сохраняются ли по-прежнему ее органические связи с принципами демократизации общественной жизни?” [II, 127] Контент становится более стандартизованным, используются одни и те же источники и сюжеты, деполитизированная информация служит для привлечения рекламодателей. Эта тенденция, по мнению ученых – коммуникативистов, проявляется и в официальной медиаполитике, происходит общий сдвиг от сущности политического явления к “имиджу” и от политики к технологиям политического маркетинга, что в конечном счете может обрачиваться “дефицитом демократии”. Эзопов язык “Писем из Лондона” восходит к лучшим образцам сатирической публицистики, к наследию Честерфильда, Свифта, Стиля, Фильдинга, Теккерея, Синклера. Барнс обличает “отгороженность” элиты от проблем среднего класса, не желание оценивать действительность во всей ее полноте. Антиевропейские настроения в родной Англии кажутся ему нелепыми, и журналист последовательно выступает за диалог культур и цивилизаций. При этом Барнс обличает “сильных мира сего” за из спекулятивное отношение к идее служения обществу. Некоторые примеры не лишены налета скандальности и сенсационности, многие эссе носят расследовательский характер с использованием документальной информации. Барнс активно использует методы наблюдения и анализа, приводит данные социологических опросов, воссоздает медийный контент британских СМИ конца XX века.

Книгу открывает эссе “Депутат - ТВ”, в котором Барнс сравнивает телетрансляции заседаний Палаты общин с “дневным представлением”, “низкосортным шоу” в прямом эфире. Спикер Палаты сэр Бернард Уизерилл напоминает ярмарочного клоуна, зазывающего публику в фанерный барак. Заседания верхней Палаты лордов – “мыльная опера”, навевающая сон. Автор высмеивает телеамбиции законотворцев, называя заседания “выставкой убогости”,

“болтовней”, “фарсовым ревю”. Вопросы депутатов к премьер-министру Маргарет Тэтчер носят предсказуемый, подхалимский характер, состоят из церемоний “вставаний” и “усаживаний”. Оппозиционные силы получают статус “заднескамеечников” и не в силах поколебать железную логику Тэтчер, фигура которой олицетворяет Всю Консервативную партию и воспринимается одинаково “символической и декоративной” [I, 20]. Влияние депутатов на теледебаты часто зависит от внешнего вида. Барнс признает, что внешний облик Тэтчер всегда производил “сильное впечатление” почти королевской статью и элегантностью (Франсуа Миттеран заметил однажды, что у нее взгляд Сталина и голос Мерилин Монро).

В Парламенте разыгрываются довольно однообразные пантомимы, иногда “кулачные бои” с воплями несчастных. Барнс описывает “эффект придурка” – окружающие говорящего ведут себя так, словно им давно не приходилось решать столь важных вопросов или слушать подобного первоклассного оратора. “Существует также негативный “эффект придурка” – применяется, когда инакомыслящий член партии обрушивается на скамью, а лояльные партийцы, окружающие диссидента, могут зевать, почесываться, ерзать, энергично трясти головами с неодобрением” [I, 19].

Дозволяется быть белой вороной, повторствовать дурным привычкам, даже совершать малозначительные преступления. Главное – не быть помехой правящему кабинету и не бросать вызов всерьез. Сокрущенно Барнс отмечает, что наступило время подделок; политика становится “искусством обмана” со страстью обмануть, “обойти”, урвать побольше незаконным путем, дестабилизировать денежное обращение в стане противника. Колоритные подделки “являются составной частью многих аспектов британской жизни” [I, 48]. Само понятие “английский образ жизни” трещит по швам, вытесняется “проамериканским”. Бездействует Комиссия по монополиям и слияниям фирм, ускоряя глобализацию (Старейший Универмаг “Хэрроудз” принадлежит Аль – Файеду, выходцу из Египта, доходы от парковки – Французскому Национальному Банку, Лондонская “Таймс” – австралийцу Мэрдоку). Миллиарды фунтов “растворяются в воздухе”, а основное налоговое бремя несут рядовые избиратели. Барнс встревожен, что качественная газета “Таймс” превратилась в массовую: “The Times в отличие от других печатных органов предлагала идеал того, чем она могла бы стать… Начиная с новейшей истории, в Британии было всего три качественных ежедневных издания. Левое – это Guardian; правое - The Times; скорее правое, чем левое - Daily Telegraph. Однако незыблемость этого картеля была нарушена в 1986 году – появлением незамыленного, независимого от финансовых магнатов, неприсоединившегося, высококачественного, сделанного по новым технологиям ежедневного издания” [I, 62]. По мнению Барнса, Independent стала новатором в газетном дизайне, увеличила число фоторепортажей, заложила мощную сеть иностранных корреспондентов и заняла со временем место “The Times”, переманив даже Грэма Грина, “гениально-го провокатора”. “История дышит журналистике в спину”, - таков афоризм Джюлиана Барнса, ценителя традиций и апологета “мыслящего”, творческого подхода к освещению событий.

Третье эссе книги “Миссис Тэтчер разводит руками: “Хорошенько дельце!” посвящено анализу партийной борьбы и роли кабинета Тэтчер в ее измельчании. Пятнадцать членов Совета Министров в течении 1990 года подали в отставку или были “перетасованы”. Еще более значительной и скандальной стала отставка министра торговли и промышленности Николаса Ридли. Политик дал интервью правому еженедельнику “The Spectator” и высказался резко отрицательно о европейском денежном союзе: “Это все немец жульничает”. О членах Европейской комиссии: “Семнадцать невыбираемых политиков, которые никому даром не сдались”. О французах: “Да пуделя они немецкие”. О немцах: “Хамье. Я к тому, что скоро они тут на все лапу постараются наложить” [I, 74]. Подобная откровенность стоила Ридли министерского портфеля.

Джулиан Барнс описывает всевозможные курьезные случаи, которые то и дело случаются с лицемерными борцами “за правое дело”. Мистер Патрик Николз проводил кампанию против злоупотребления алкоголем, и в скором времени был задержан полицией за вождение автомобилем в нетрезвом состоянии. Николз всего-навсего пожалел денег на такси, и лишился своей должности. Об этом Барнс пишет с большой долей юмора, намекая, что слова политиков часто расходятся с делом.

Сэр Джейфи Хэй, заместитель Тэтчер, снискал славу “премного почитаемого”, “дохлой овечки” или “кусающегося половичка”. Однако, Барнс стремится отметить, что данный политик

сделал карьеру при помощи осмотрительности, ни разу в жизни не повысив голос, не угрожавший своим вторжением словарю цитат и умевший непринужденно слиться с обоями. После отставки Хэй ушла из “большой политики” и сама железная леди, трижды выиграв всеобщие выборы. Ключи от Даунинг – стрит, 10, получил Джон Мейджор. Политический процесс Барнс сравнивает с лабиринтом, в котором сложно разобраться, если не знаешь, куда повернуть – налево или направо. Главное – не зайти в тупик и полагаться на людей, которые знают выход.

Имидж становится важнее внятной программы, и преимуществом политика может стать отсутствие убеждений. Выборы напоминают “Битву людей в сером”, и взгляды кандидатов не идут вразрез с “общим движением”. Эффективные, дальновидные организаторы рыночной экономики не спешат обещать англичанам “всеобщую занятость”, зато охотно проводят компании против попрошаек. “Все, что требуется от мистера Мэйджора – заправлять свою рубашку туда, куда надо, и пожалуйста – готовый премьер - министр” [I, 143]. Заурядность, непрятательность Мэйджора выражены в ироническом псевдомонологе, написанном Барнсом: “Это все я: сам всего добившийся, работающий, хвост не задираю, воплощение английской глубинки, соль, можно сказать, земли”.

В политической борьбе участвуют разные игроки: актриса Гленда Джексон, сотрудник лондонского банкирского дома “Rotschild” Оливер Летвин, кандидаты от либерал-демократов, лейбористов, консерваторов, партии зеленых. За рамки общепринятого вышли кандидаты от Уродской Буйной Пороумной Партии лорда Сатча (Зашибенного), чей главный лозунг звучит так: “Голосуй за полоумных – вот тебе и вся логика”. Есть и другие ложные кандидаты – например, Анна Холл из Ассоциации избирателей Радужного Ковчега, предлагающая самоуправление для Хампстера, преподавание реинкарнации в школах, выведение автомобилей за черту города и насаждение фруктовых деревьев. Есть капитан Ризз из Радужного объединения капитана Ризза, основной политический курс которого – высвобождение аэропортов и послабление законов о лицензировании, а также путь к неограниченной личной свободе. Чарльз “Шалопай” Уилсон из Шалопайской Радужной Партии требует приватизации Королевской Семьи и упразднение всех законов, направленных против “подлинного эротизма”. Наконец, партия “Махариши Махеш Йоги”. Апофеозом его кампании стало убеждение своего старого ученика Джорджа Харрисона дать концерт в поддержку идей Махариши. Харрисон отказался стать кандидатом, поскольку “даром ему не сдалась карма сидеть четыре года в Парламенте” [I, 166].

Guardian агитировала за кандидатов в колеблющихся избирательных округах с помощью нетривиальных вопросов о любимых книгах и фильмах, музыкантах. Любопытно, что Барнс приводит примеры ответов кандидатов, чьи пристрастия в этой сфере свидетельствуют о довольно высоком интеллекте.

Например, Гленда Джексон – “Доводы рассудка” Джейн Остин, “Дети рая” М. Карне и “Симфония псалмов” И Стравинского; ее соперник тори выбрал “Войну и мир”, “Доктора Живаго” и Четвертую Симфонию Малера, либерал-демократ внес в свой список романы Сола Беллоу, фильм “Сталкер” Тарковского и скрипичный концерт Сибелиуса. “Вам бы и в голову такое не пришло”, – иронично заключает Джюлиан Барнс.

Гленда Джексон получила в день выборов 19193 голоса, Летвин – 17000, Капитан Ризз – 33 голоса, а Чарльз Шалопай – всего 44, партия Зеленых – 89.

Изменились и сами британцы – они начали лгать на опросах общественного мнения, не доверяют никому. Эссе “Пробка в Букингемском дворце” посвящено довольно неутешительным новостям светской хроники о внутрисемейных раздорах и скандалах в королевской семье. Барнс написал данное эссе в июле 1992 года. Журналист выразил надежду, что институт монархии в Британии переживает трудные времена, потому что “основная опасность для монархии – саморазрушение; если она швыряет деньгами, слишком откровенно использует свои привилегии, не в состоянии выглядеть полезной и рассеивает миф” [I, 212]. Джюлиану Барнсу жаль и любимицу нации – леди Диану, оттого, что она сражается в одиночку, с открытым забралом, но ее соперники далеки от понятий о рыцарской чести. Скандалы в желтой прессе, сообщения о пяти попытках самоубийства не смогли вернуть ей статус первой леди в сердце принца Чарльза.

Брак с Доди Аль – Файедом был продиктован скорее деловым расчетом со стороны всесильного клана Аль – Файедов, и принцессе не удалось завоевать прочное положение в

английском свете, выйдя замуж за представителя финансовой олигархии. К сожалению, жизнь леди Дианы оборвалась вскоре после заключения брака “вопреки” всем условиям света. Барнс советовал “леди Ди” не провоцировать интерес к своей персоне, уйти в “тень”, сохранив семью и статус пусть даже покинутой, но не сломленной, заняться благотворительностью и воспитанием детей. Чрезмерные толки и сплетни “черни” вредят мифу и самим звездам. События разворачивались совсем по другому сценарию, и ныне супругой Чарльза стала Камилла Паркер – Боулз, давняя его возлюбленная и настоящий боец по характеру.

Пик скандальности, который пришелся на 70-е – 90-е г.г., по-видимому, миновал. В настоящее время Королевский Дом Виндзоров борется за спасение своей репутации, и трагедия леди Дианы стала своеобразным предупреждением всем членам семьи. Нельзя и даже губительно воспринимать жизнь королевской семьи как “грандиозную мыльную оперу”, самый дорогостоящий телевизионный британский экспорт, “хит”, ибо перед нами не актеры, а люди, “играющие самих себя”. В любом случае, расплата за любое нарушение нравственных норм постигает и великих, и малых. Медиа не в состоянии защитить “добрые сказки”, и в итоге “Вы колесите по миру, словно живой манекен с витрины, рекламируя уникальный, загадочный продукт – Британский уклад” [I, 209]. Барнс грустит о том, что даже дворцовые истории по большей части грустны, и очевидным стал недостаток доброты и такта. Скандал с корпорацией “Ллойд” подчеркнул уязвимость обыкновенных вкладчиков, которые потеряли свои сбережения в результате сомнительных афер руководства (эссе “Миллионеры в минусе”). Растет уровень безработицы, налоги; власть профсоюзов сводится до минимума. Маргарет Тэтчер ушла, но “тэтчеризм” остался. Сложные вопросы упрощаются, и политика превращается “в вопрос о десятичных дробях, логарифмах и делении в столбик; дважды два - четыре” [I, 321]. Добро противопоставлено Злу, они – нам, а политик играет роль Супермена. Одна и та же “моральная диаграмма” связывает политику США и Англии. Тем не менее, Барнс в эссе «Миссис Тэтчер: чтобы помнили» отдает должное незаурядной выдержке “Мегги”, ее умению держать удар, психологической выносливости, решимости в войне за Фолклендские острова, когда она усилием воли защитила права Британии в конфликте с Аргентиной 1982 года. Тэтчер не позволила “социализму” раздвинуть свои границы в Европе, не делала вид, что любит интеллектуалов, и последовательно отстаивала интересы крупного капитала. “Картинки в телевизоре были хорошие”, прагматичный лидер вызывала восхищение Рейгана и Миттерана. В политике доминирует риторика “сражений и побед”, и в книге Барнса есть примеры того и другого. По сравнению с Маргарет Тэтчер, современные политики кажутся безыдейными, безвольными. Тони Блэр даже кичится тем, что его политическое взыскание есть результат “отсутствия идей”. Тэтчер боготворили и ненавидели – “Ее ненавидели и как личность, и как политическую фигуру, однако ее характер – деспотический, подлый подстрекательский, безучастный, – похоже, придавал перца ее политической деятельности” [I, 330]. Она была красива, элегантна, обладала “взором василиска” и врожденным аристократизмом. Современных политиков, по мнению Барнса, сильно испортила “жажда наживы” и моральный релятивизм. В целом же они “скучны” и составляют похожие куплеты из “вербальных фрагментов” – “ответственность/доверие/служба/преданность/перемена/общность/миссия/правильно/неправильно/по-новому/воодушевлять/ратьовать/прогресс/здравомыслие” [I, 433]. Таким образом, Джюлиан Барнс делает вывод, что политическая жизнь 90-х в Британии, хотя и не стояла на месте, все же не принесла ожидаемых результатов. Виной тому – бездействие власти, официоз, нежелание защищать интересы “среднего класса”, демагогия и упадок нравственного начала справедливости. Впрочем, вывод не менее поучителен и остроумен – “Сначала попробуй, а потом говори”.

The article deals with peculiar features of the British political life at the end of the 20-th century analyzed with great wit by the famous journalist and author Julian Barnes. Essays Barnes reconstruct not only the political situation of the early 1990-s but the mediacontext as well. Barnes pays much attention to social analysis of political events as well as to mechanism of their perception by the media and society.

**The key words:** formation of political elite; globalization; political marketing; political process; satirical analysis of commercialization.

**Список литературы**

1. *Джулиан Барнс.* Письма из Лондона: Сборник эссе. М., 2008. Все цитаты в тексте статьи приводятся по данному изданию.
2. *Землянова Л.М.* Значение научного опыта зарубежной коммуникативистики для модернизации современного журналистского образования // Зарубежная журналистика. Ежегодник. М., 2007.
3. *Мрочко Л.В.* Теория и практика массовой информации. М., 2006.
4. *Парламентская журналистика:* ретроспектива, теория, практика. М., 2000.

**Об авторе**

Рубан А.А. – доц. Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, e-mail: bryanskgu@mail.ru.

## **Правила оформления статей в журнал «Вестник Брянского государственного университета»**

В журнале «Вестник БГУ» публикуются статьи теоретического, методического и прикладного характера, содержащие оригинальный материал исследований автора (соавторов), ранее нигде не опубликованный.

Статьи представляются в редакции серии в печатном и электронном виде с использованием Microsoft Word для Windows. Поля страницы: левое - 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см. Текст – шрифтом Times New Roman, 12 pt, межстрочный интервал – одинарный, красная строка (абзац) 1,25 см (формата А-4), выравнивание по ширине. Страницы не нумеруются.

Объем статей, как правило, не должен превышать 12 страниц, включая список литературы. Список литературы формировать в порядке цитирования или в алфавитном порядке (в начале источники на русском языке, затем на иностранных языках). Работы одного и того же автора цитируются в хронологическом порядке независимо от наличия соавторов. Ссылки на литературу по тексту статьи необходимо давать в квадратных скобках. Подписи к рисункам, таблицам – шрифт Times New Roman, 12 pt, межстрочный интервал – одинарный.

Перед называнием статьи необходимо указать УДК (слева). Название статьи оформляется прописными буквами, жирным шрифтом (12 pt) с выравниванием по центру. Ниже через два интервала указать инициалы и фамилии авторов жирным шрифтом (12 pt) с выравниванием по центру. Ниже через два интервала указать адрес места работы, e-mail автора (соавторов) – обычный шрифт (10 pt) с выравниванием по центру.

Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». П.7.4.2. (текст см.: <http://protect.gost.ru/document.aspx?control=7&id=173511>)

Аннотация статьи должна не превышать 1200 знаков (с пробелами) и располагаться ниже на два пробела от последнего адреса места работы авторов – обычный шрифт (10 pt) с выравниванием по ширине. В конце аннотации необходимо указать ключевые слова (5 – 7).

В конце статьи на английском языке приводятся название, инициалы и фамилии авторов, адреса мест работы авторов, аннотация и ключевые слова с теми же правилами оформления, что и на русском языке.

Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи.

К статьям, направляемым в редакции серии, должна быть приложена авторская справка: Фамилия, имя, отчество, научная степень, ученое звание, место работы, должность, точный почтовый адрес, контактный телефон, e-mail.

К статьям, выполненными аспирантами или соискателями научной степени кандидата наук, необходимо приложить рекомендацию, подписанную научным руководителем. **Плата с аспирантами за публикацию рукописей не взимается.**

Редакции серии направляют полученные статьи на рецензирование.

Редакции серии оставляют за собой право вернуть статью на доработку.

**ВЕСТНИК  
Брянского государственного университета  
имени академика И.Г. Петровского**

**ИСТОРИЯ / ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ  
ПРАВО / ФИЛОСОФИЯ/ ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Подписано в печать 20.04.09. Формат 60x84/8.  
Печать на ризографе. Бумага офсетная.  
Усл. п. л. 20.8 Тираж 500 экз.

РИО Брянского государственного университета  
имени академика И.Г. Петровского.  
241036, г.Брянск, Бежицкая, 14.

Отпечатано в полиграфии БГУ